АЛЕКСАНДР ПРОХАНОВ

Я РУССКИЙ СОЛДАТ!

ГОДЫ СРАЖЕНИЙ

Коллекция Изборского клуба

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Пожалуй, в рядах патриотов нет более яркого человека, более яркой личности, чем Александр Проханов. Знаменитый писатель, автор множества книг, лауреат престижных литературных премий, главный редактор самой популярной патриотической газеты, завсегдатай телевизионных подмостков и радиоэфиров, где он яростно и страстно отстаивает взгляды, совсем не популярные в этих аудиториях, и с блеском, с разгромным счетом неизменно одерживает победу. Потому что его поддерживает народ — тот, что за стенами теле— и радиостудий, тот, что так же, как и Проханов, по-прежнему тоскует по великой, огромной стране, в которой он еще совсем недавно жил. По той великой Красной Империи, как ее называет Проханов, что строила города и заводы, запускала в космос корабли и ракеты, где не было бомжей и гастарбайтеров, миллиардеров и олигархов, где человек труда был востребован и нужен. Да, там было немало трудностей и недостатков, но, несмотря на них, несмотря на дефицит югославских сапожек и баночного пива, колбасные электрички и прочее, у народа был смысл жизни. Смысл жизни, сегодня потерянный. Обрести его в новой реальности, возродить Государство, возродить Империю — вот за что сражается Проханов во всех этих бесконечных дебатах…

- Александр Проханов
  - Александр Андреевич Проханов
  - Введение
  - 2012 г
    - Победит тот, кто захватил время
    - «Крушение государственности в России означает катастрофу»
    - Оранжевая революция — революция роз или оторванных подметок?
    - Политковская -
    - «Сойдешь поневоле с ума…»
    - О новом правительстве и Уралвагонзаводе
    - «Не деньги решат судьбу России»
    - «Фарш» миллионов
    - Либеральный уклад разрушителен для власти
    - О либеральной «перхоти», красных и белых, и «коллективном Кудрине», который сидит внутри Кремля
    - Идет нарастание абсурда

- Византийская игра
- Оружие предполагает обмен ударами

2013 г

- «Один русский хасид стоит ста американских…»
- И в эту пустоту пришел Березовский
- Сегодняшняя политика противоречива…
- Народный фронт, Изборский клуб и московские выборы
- Что-то пошло не так…
- Проханов — Навальный: поединок или союз?
- Консолидировать рассыпанное общество
- «Руки прочь от русской Арктики!»
- Русский народ должен быть возвращен в историю
- Европейский магнит для Украины

Вместо заключения

Александр Проханов
Я русский солдат! Годы сражений

Александр Андреевич Проханов

Меня часто спрашивают, какой он? Что он за человек? И много лет это вопрос ставит меня в тупик. Как ответить на него? Кто он? Для меня это человек, который изменил мою жизнь. Изменил круто и навсегда. Человек, настолько необычный и не укладывающийся ни в какие клише и рамки, что, когда всего через три месяца совместной работы, мне пришлось выбирать судьбу — я оставил всё, и пошёл за ним.

Хотя, если быть точным, то не я выбирал, а он выбрал меня, пригласив работать в создаваемую им зимой девяностого газету «День». И я до сих пор не знаю, по каким, одному ему известным критериям он это сделал. Что такое разглядел во мне?

С тех пор прошло уже двадцать два года, и ни одной секунды я не жалел о сделанном тогда им выборе. Точнее — все эти годы я бесконечно благодарен ему за этот его выбор.

Писать о Проханове сложно.

Есть даже огромный роман, где скрупулезно, день за днём, факт за фактом, разобрана до винтика вся его жизнь. Обстоятельный и талантливый роман-исследование, но, закрыв его последнюю страницу, я вдруг понял, что так и не увидел в нём того Проханова, которого вижу каждый день. Это был рассказ слепца, самым тщательным образом изучившего до миллиметра на ощупь Сикстинскую капеллу…

Проханов невыразим словами. Любое его описание, любой рассказ о нём будут неполными, потому что уходя в детали, в суть, они тут же эту суть будут утрачивать. Так, срезая цветущую ветвь для изучения её жизни, мгновенно отбираешь у неё жизнь.

И только на языке образов, ускользающих метафор можно попытаться описать его.

Проханов — ронин. Ронин — самурай, потерявший господина, «блуждающая волна», странник. И, потеряв своего господина, оставшись после его смерти в живых, ронин терял репутацию. Отныне его ничто не связывало с миром. Его путь — это путь уносимого ветром листа. Проханов — ронин Красной Империи СССР. И с её смертью его больше ничего не связывает с миром, а точнее — ничего не ОБЯЗЫВАЕТ никому.

Но, странным образом, приняв судьбу ронина, он стал Последним Солдатом Империи. И в этой своей судьбе приобрёл Непоколебимость Духа последнего солдата.

Нет более изысканного зрелища, чем наблюдать за телепоединками — современными вариантами старинных рыцарских ристалищ и гладиаторских боёв с его участием. На них

Проханов просто в куски рвёт противников, испепеляет своей энергетикой, изламывает как солому и превращает в бессильных карликов. Кумиры публики и маститые политики, фехтовальщики слова и мастера полемики — перед Прохановым они все съёживаются и усыхают как листва перед пламенем.

…Я никогда не встречал людей, настолько безразлично относящихся к собственной репутации. Проханова ничуть не волновало, когда сразу после августа 1991 года, когда газета открыто выступила против Ельцина и его банды, телефоны редакции буквально разрывались от проклятий «патриотов России», клеймивших нас за то, что мы посмели выступить против «символа русского возрождения», САМОГО Бориса Николаевича Ельцина. Ему было это безразлично, и «газета Союза писателей СССР» вышла с подзаголовком «Газета духовной оппозиции». Как не задевали его проклятия после интервью с Березовским, Ходорковским или после беседы с Чубайсом. Помню, как перед публикацией интервью с Чубайсом я не выдержал спросил его, не боится ли он, что мы как газета потеряем репутацию у наших читателей после такого интервью?

— Надо либо работать на репутацию и тогда бегать к батюшкам за благословлениями на каждый чих, либо жечь репутации и делать то, что тебе интересно и что ты считаешь важным и правильным. Нет ничего более бессмысленного, чем репутация… — ответил Проханов. Это не дословная цитата, но почти дословная…

Проханов бесконечен. В нём запечатан иссушающий зной Анголы и сводящая с ума духота никарагуанской сельвы, кампучийские рисовые поля и снега афганского Саланга, руины Грозного и радиоактивный жар Чернобыля, подземные ходы Газы и грозные башни Изборска.

И драма сегодняшней России в том, что она не способна вместить всего Проханова, как современные «токомаки» не могут удержать термоядерную плазму.

Поэтому Власть с таким опасением и страхом приближается к нему. Не имея возможности разделить его энергию, сепарировать его, усмирить и заключить в свои реакторы, она лишь пользуется его взрывной мощью, направляя её на врагов России, испепеляя их.

Проханов — это ядерное оружие в великой войне Проектов и Смыслов, которая вот уже второе столетие идёт в России. Западнический, либеральный проект беспощадно сражается с Русским имперским проектом, русской Вселенной. И в этой войне сила Проханова равняется многим мегатоннам… Но у него есть

ещё и литература, в мирах которой герои Проханова бредут, сжимая цевьё «калаша», сквозь дрожащие миражи Регистана, переплывают на мокоро через Окаванго, сражаются в болотах Риа Коко с «контрас», пикируют на дворец Дудаева… И в каждом из них — кусочек души самого Проханова, поэтому, подобный бодхисатве, он живёт одновременно в сотне миров и воплощений.

А ещё он живой человек. Мудрец, друг, рыцарь.

…Я не знаю другого такого человека, который столь спокойно и мудро принимал удары Судьбы и предательство друзей. Я помню, как осенью девяносто первого демонстративно вышел из редколлегии его друг, которого он очень любил, и который потом в своих статьях злословил и отрекался от дружбы, я помню обещание другого друга Проханова Александра Руцкого «дать срок» тому, кто написал «Слово к народу». Срок Проханову, автору этого взорвавшего общество текста. Меня тогда поразило, как спокойно, стоически он отнёсся к этим известиям, словно яд предательства никак не зацепил его сердце. Потом я привык к этому его стоицизму, и стал учиться ему, открыв удивительный закон Духа — обида делает сильного слабым. Спокойствие сердца — даёт силу.

Спустя годы один из предавших, пряча глаза, пришёл просить прощения и возможности публиковаться, а другой превратился в политического карлика и растворился в безвестности. И это тоже не вызвало в Проханове никаких эмоций, словно ещё двадцать лет назад он знал о том, как закончится их история.

Я был рядом с Прохановым в Чечне, Сербии и Приднестровье. Я был с ним на судах и на митингах. Проханов встретил меня на пороге больницы в октябре 1993 года, когда я был выписан после ранения. Приехал, несмотря на то, что сам тогда был в розыске и скрывался. Санкцию на его арест отменили только в ноябре…

Он бывает неправ, бывает вспыльчив и импульсивен, бывает прельщён и очарован, но он не бывает мелок, лжив и непорядочен.

К булату, из которого он выкован, грязь не липнет…

ШУРЫГИН
Владислав Владиславович
военный публицист,
обозреватель газеты «Завтра»,
член редколлегии АПН. ру.
Постоянный член Изборского клуба.

Введение

Зачем Проханов ходит на «Эхо Москвы»? Это же враги, агенты Госдепа. Зачем «Эхо Москвы» приглашает к себе Проханова? Он же сталинист, националист, имперец! Зачем «Эхо» предоставляет ему трибуну? Такие вопросы переполняют интернет, не дают покоя сторонникам ни левого, ни правого, ни либерального лагеря.

Действительно, зачем? Позиции главного редактора газеты «Завтра», певца великой Красной империи, патриота и государственника, вроде бы диаметрально противоположны позициям радиостанции «Эхо Москвы» — главного рупора нашей либеральной общественности.

Почему они сотрудничают, причем уже много лет?

«Я медийный персонаж. Я носитель представлений. И эти представления — они доносятся до публики. И я использую все каналы, через которые могу свое мировоззрение донести до публики. А «Эхо Москвы» — один из таких каналов», — отвечает Проханов. Тем более, что каналов, которые предоставили бы площадку красному патриоту, исповедующему левые взгляды, в стране, где практически всё медийное пространство занято представителями взглядов либеральных, совсем, совсем немного. Так что демонстрировать в таких условиях идеологическую целомудренность — значит уступать поле боя противнику. Проханов предпочитает другое. Он — солдат, воин, и он предпочитает сражаться, пусть и на чужом поле. Да, на чужом поле сражаться тяжело. Но надо! — убежден Александр Андреевич. Иначе в проигрыше останется страна.

А вот зачем это нужно его идеологическим противникам, тому же «Эху», — это вопрос. «Ну, вы же невероятно талантливый, парадоксальный, с вами разговаривают ваши политические оппоненты, потому что не могут отказать себе в удовольствии», — как-то сказала Проханову его визави А. Самсонова.

Но, думается, дело все же не в удовольствии. Дело в том, что любая передача с Прохановым — это зашкаливающий рейтинг! А высокий рейтинг — это большие рекламные деньги. Так что всё, как в том анекдоте: «Ежики кололись, плакали, но продолжали… есть кактус».

Пусть продолжают!

2012 г

Победит тот, кто захватил время

О. Журавлёва: *— Добрый вечер, это программа «Особое мнение», меня зовут Ольга Журавлева, наш гость — журналист Александр Проханов. Здравствуйте, Александр Андреевич.*

А. Проханов: — Добрый вечер.

О. Журавлёва: *— А вот и вопрос от Александра из Петрозаводска: «Я надеюсь, вы прочитали статью Путина «Россия сосредотачивается». Хотелось бы узнать ваше мнение о соглашении между Сергеем Удальцовым и Зюгановым, смогут ли левые консолидироваться перед президентскими выборами?» Ну вот, собственно, самые актуальные события последних дней. Вас просят прокомментировать. Давайте с Путина начнем. Читали статью?*

А. Проханов: — Давайте начнем с Путина.

О. Журавлёва: *— В общем, мы ждали программы. Программа там есть?*

А. Проханов: — Нет, тут нужна маленькая преамбула. Идет предвыборное время. Предвыборное время в любой стране, в любых условиях — это острейшая информационная война между претендентами на президентский пост. Оппоненты Путина высказываются радикально, иногда очень радикально, очень интенсивно. Ну, иногда более умеренно, но они высказываются. А Путин, в общем, практически молчит. Иногда он говорит, но то, что он говорит, его слова являются огромными ошибками психологическими, информационными, эстетическими. У меня такое ощущение, что начальник штаба Путина Говорухин заперся в своем кабинете штабном, курит свою любимую трубку, из-под щели дверной идет сладкий дым, оттуда раздается легкий звон бокалов, и он абсолютно не контролирует пиар-процедуры.

О. Журавлёва: *— Почему? Он сегодня буквально высказался, что Высоцкий поддержал бы и его, и Путина.*

А. Проханов: — Конечно. И Высоцкий бы, и Македонский поддержал бы. А, может быть, даже и, там не знаю, Киров Сергей Миронович. Но, скажем, ролик, который выпустил Путин и который прогремел там три дня, потом его смыло — он чудовищный. По-прежнему претендент в президенты целует животных там непрерывно. Это ошибка. Я думаю, что вот та программа, которую вывесили как эскиз программы Путина, от «Единой России» — это огромная ошибка. Я думаю, что, конечно

же, и прямая линия, в которой я участвовал с Путиным, была ошибкой. Но на фоне всех этих ошибок необходимо сделать очень резкое, мощное информационное вбрасывание, которое было бы победным.

Вот эта статья появилась. Она вялая. Она не является сенсацией, она появилась в таком идеологическом отстойнике (пусть меня простят друзья из «Известий»), как газета «Известия». Это не то место, как, скажем, броненосец «Красный Октябрь», когда вышел товарищ Сталин и произнес свою речь предвоенную. Это место пустое, оно какое-то вялое, оно посыпано перхотью. Поэтому мне кажется, что в войне нервов, дизайнов, эстетики Путин проигрывает, и это очень опасно, потому что в информационных войнах важно время. Тот, кто захватил время, временной ресурс, тот победил. Опоздавший проигрывает — ему приходится перелопачивать гораздо больше.

О. Журавлёва: *— Ну, вы уже в прошлой передаче говорили, что советская пропаганда всегда опаздывала на несколько дней и ее всегда побеждали.*

А. Проханов: — Я думаю, что кремлевская пропаганда, и советская в том числе, проигрывали. Но статья Путина, повторяю, унылая, она не является интеллектуальным блеском. Там есть раздел, который меня зацепил. Это международный раздел. Там, где он достаточно, повторяю, вяло и скучно говорит о международных делах. Квинтэссенция такова: Путин говорит о том, что западная модель экономическая и философская конченные, они проиграли, что Америка… (это я не цитирую Путина)…Америка виновата в катастрофе экономической, идеологической, что Россия не должна копировать эту экономическую модель, и она, Россия, должна в условиях кризиса не экономики, а кризиса модели постараться выбраться и создать собственную экономическую модель. Я не цитирую. Но этот момент путинской речи показался мне очень важным.

То есть, если или когда Путин станет президентом страны, он не будет вклеиваться вот в этот американизм. В каком-то смысле эта статья является продолжением мюнхенской речи. Она, эта статья, думаю, через увеличительные стекла изучается в посольствах, изучается в Госдепе. И те, кто ее изучает, говорят: «Да, Путин — это не подарок для Запада и для Америки», Путин будет реализовывать другую, не госдеповскую позицию.

О. Журавлёва: *— Я прошу прощения, Александр Андреевич, вы в этом видите, что Путин нашел некий новый ход и предлагает его нам?*

А. Проханов: — Я вижу в этом то, что Путин, если он популист, он апеллирует к общественному антиамериканскому сознанию.

О. Журавлёва: *— Ну, это хорошая карта, всегда работает.*

А. Проханов: — Если он популист. Но если он был бы популист, он сделал бы ярче. Он сделал это уныло. Мне кажется, что он сам находится в растерянности. Он ждет волны экономического кризиса. Идет цунами. Идет цунами экономического кризиса. И как бы ни говорили, что у нас все прекрасно и восхитительно, Путин станет президентом (если он станет) в период, когда на Россию хлынет этот град, этот удар.

О. Журавлёва: *— Он справится, как вам кажется?*

А. Проханов: — Я думаю, что Саркози не справится. И Греция не справится. И Штаты не справятся. То есть они залезут еще больше в долги. Экономическая модель западная не справится. И крах экономической модели, которую предложили России после 1991 года, он будет здесь очень ощутим. И Путин заранее хочет сбросить с себя вину за то, что является адептом Чубайса, Кудрина и всей этой галиматьи чудовищной либеральной. Но, повторяю, или это популизм, в чем я сомневаюсь, либо это готовность к удару. Если это так, то нас ждут очень интересные времена. Нас не ждут времена политических реформ, нас не ждут времена, когда мы будем дебатировать, избирать губернаторов или не избирать, будет ли у нас 12 миллионов партий или три правящие партии. Я думаю, что нас ждет мобилизационный проект. В условиях, когда нет ресурсов, когда все будет заваливаться, все будет крушиться, заниматься политическими реформами — это идиотизм и катастрофа.

О. Журавлёва: *— Но Путин в той же статье говорит о том, что нужно все передавать регионам, нужно больше на индивидуальную инициативу ориентироваться, нужно прекратить этот патернализм.*

А. Проханов: — Я отметил в статье вот этот момент — он мне показался интересным и важным.

О. Журавлёва: *— Но с тем же успехом мог быть важным для него какой-то другой момент.*

А. Проханов: — Для меня был важен этот момент.

О. Журавлёва:*— Понятно.*

А. Проханов: — Все остальные моменты были тривиальные,

они были моментами посланий. Посланий и, может быть, это был отчасти реверанс в сторону агрессивных площадей наших, как был реверанс в момент награждения. Путин и компания наградили медалями, премией своих врагов. Это очень слабый ход. Понимаете, врагов нельзя купить медалями и конвертом с деньгами — врагов нужно уничтожать.

О. Журавлёва: *— Александр Андреевич, ну вы, в общем, резюмировали относительно статьи. Но все же ответьте на вопрос того же Александра из Петрозаводска: «Что вы думаете о соглашениях между Удальцовым и КПРФ? Смогут ли левые консолидироваться перед президентскими выборами?» Да и вообще много есть вопросов о том, как можно объединиться тем людям, которые считают, что Путин должен уйти? Как его пересилить? Есть какие-то перспективы в этой области?*

А. Проханов: — Нет, просто в этом ансамбле людей, которые требуют ухода Путина, есть вещи несоединимые, несовместимые даже на тактическом уровне. Потому что есть, например, Прохоров, который является вариантом для меня гораздо более страшным и ужасным, чем Путин — человек, который создал свои миллиарды на костях гулаговских людей в Норильске и миллиардер. Он не может возглавить национальное движение.

О. Журавлёва: *— Зато воровать не будет. Зачем?*

А. Проханов: — Он честно зарабатывал эти деньги, я понимаю.

О. Журавлёва: *— Нет, ну больше не будет. Это нормальная русская народная мечта: придет богатый и воровать больше не будет.*

А. Проханов: — Но разве какой-то вор останавливается? Это же игра, это страсть, это патология, это такая сексопатология. Значит, повторяю: договориться всем не удастся. В каком-то моменте придется размежеваться. Для меня опасность в том, что вот этот интегральный процесс, процесс площади в конце концов обернется тем, что площадь обыграет трибуна, площадь обыграет Немцов, Рыжков, Шендерович, весь либеральный бомонд, Касьянов…

О. Журавлёва: *— Площадь переиграет своих идеологов? Или наоборот?*

А. Проханов: — Нет, идеологи переиграют толпу, как это было в 1991 году. И вот этот справедливый народный протест, направленный против чудовищной коррупции, против лени,

против…

О. Журавлёва: *— Да против нечестных выборов, например.*

А. Проханов: — Нечестные выборы — это все х#рня, понимаете? Они не запустили развитие русское, они не отменили статью «Экстремизм», по которой русских людей сажают в тюрьму. Они не сделали ничего, для того чтобы представить Россию как гигантский, таинственный, мистический, великий континент. Они смотрят на страну как на фабрику — на фабрику углеводородов. И вот поэтому Кремль — он абсолютно неадекватен стране, которой он управляет.

О. Журавлёва: *— Вот вы сейчас, когда говорите «Кремль», вы имеете в виду конкретных людей, которые там находятся?*

А. Проханов: — Ну, я имею в виду Медведева, Путина, Шувалова, компанию…

О. Журавлёва: *— И их друзей.*

А. Проханов: — …и весь либеральный шлейф этих людей.

О. Журавлёва: *— А, может, это Кремль как-то, я не знаю… затуманивает им мозг?*

А. Проханов: — Шлейф либерализма сидит и на Болотной, потому что люди, которые там танцуют свой политический канкан, тоже либералы. Они ведь ни слова не говорят о том, что народ вымирает, народ тоскует, народ потерял над собой небо. Они говорят только о чем? Честные выборы, перевыборы губернаторов или назначение, 175 партий или 4 микроскопические партии. Они говорят о чепухе.

О. Журавлёва: *— А то, что одно от другого зависит?*

А. Проханов — Они говорят о политическом процессе, который начал Горбачев, вместо того, чтобы заниматься развитием. Он начал политический процесс.

О. Журавлёва: *— А нельзя заниматься развитием, если нет четко организованной системы и правил игры?*

А. Проханов: — Вот Горбачев и сделал это. Он перестал заниматься развитием, которого требовала страна, он стал заниматься политическим реформированием. Кончилась цивилизация советская. Эти занимаются ровно тем же. Они не компетентны в развитии, они не понимают, что развитие — это не просто строительство заводов или нанотехнологических центров. Развитие — это возвращение русскому сознанию его

мессианского смысла. Россия — это не корпорация, Россия — это не публика, это не электорат. Россия — это гигантская, таинственная для нынешних кремлевских людей цивилизация. И они выходят на форум, на предвыборную кампанию — Путин это или Немцов, или Миронов, — они выходят с плоским представлением о стране. А страна не просто трехмерная, она тысячемерная. Вот что страшно. И я боюсь, что опять народ, который инстинктивно чувствует, что его обобрали исторически, что у него отняли историческую миссию, он опять пойдет за Ксенией Собчак и за Шендеровичем. Это ужасно.

О. Журавлёва:*— Но получается, что в одну сторону идут Ксения Собчак и Шендерович, в другую сторону идут Путин, Медведев, я не знаю там, Шувалов или еще кто-то, а страна идет в третью.*

А. Проханов: — Они идут в одну сторону, потому что они — порождение путинизма, потому что путинизм — порождение ельцинизма. Ну, посмотрите, что такое Ксения Собчак?

О. Журавлёва: *— Ну понятно, что товарищ Сталин был лучше всех…*

А. Проханов: — Нет, почему-почему? Навуходоносор был лучше всех. Вы же его поклонница. Понимаете?

О. Журавлёва: *— Да, я — поклонница Навуходоносора, да.*

А. Проханов: — Хамураби…

О. Журавлёва: *— Разумеется.*

А. Проханов: — Верный вывод из моих слов, я думаю.

О. Журавлёва: *— Давайте вернемся к самому понятию Кремля. Когда мы говорим: «Кремль, Кремль, он там мистического чего-то не видит», — а некоторые считают, что как раз в Кремле вся мистика-то и содержится, что когда люди туда попадают, что бы они ни хотели, какими бы они там либералами, демократами, коммунистами туда ни вошли, на выходе все равно получается государь-батюшка.*

А. Проханов: — Ну да. Вот, например, один парень влез в Кремль, его звали Лжедмитрий. Он там немножко посидел, а его потом зарядили в Царь-пушку и выстрелили в сторону Москва-реки. Не всяк попадающий в Кремль становится мистиком.

Кстати, Зиновьев, когда пришли красные в Кремль (это мой дед говорил, царство ему небесное), они устраивали там оргии в теремных палатах на царских постелях.

О. Журавлёва: *— Чтобы десакрализировать пространство.*

А. Проханов: — Чтобы десакрализировать… Нет, чтобы изнасиловать своих врагов морально. Уже враги были в Ганиной яме, а они еще трахались с какими-то проститутками там своими на царских постелях. Поэтому очень важно, конечно, оскорбить, осквернить и уничтожить эту святыню. И, кстати, я слушал, это у вас же говорил Леонид Радзиховский о том, что пора десакрализировать Кремль. Это гениальная мысль. И вообще Радзиховский — он, в общем, гений вот этих комбинаций интеллектуальных. Он до этого говорил, что, например, пора вырвать из русского сознания ощущение осажденной крепости, пора прекратить оборонное сознание России, потому что никто на Россию не нападает.

Я вот говорил (я только что был в Секторе Газа), я думаю, что Израиль — это осажденная крепость. Что сознание израильтян — оно абсолютно оборонное, оно зиждется на…

О. Журавлёва: *— Ну, у них есть на это причины.*

А. Проханов: — …на обороне своего проекта. Более того, сознание евреев мессианское. Да и сам проект Израиль — это мессианский проект, это реставрация идеи земли обетованной. И только одному народу отказывают в мессианском сознании — России. У России нет врагов.

О. Журавлёва: *— А что, а Швейцария — тоже мессианская, оборонная и все остальное? Америка?*

А. Проханов: — Нет, Швейцария — нет. А, вот еще Кантон швейцарский. Он небольшой, правда, его можно на велосипеде проехать за 4 минуты. У него тоже нет оборонного сознания. А у Америки мощнейшее оборонно-агрессивное сознание, это сознание авианосцев и боевых космических группировок. Отнять у России оборонное сознание, выгнать из Кремля политику, еще лучше срезать надгробие в Архангельском соборе… Ну, конечно, надо изгнать…

О. Журавлёва: *— Вот мне интересно, как вы всегда выстраиваете в одну линию что государя-императора, что товарища Сталина. Они у вас тоже между собой не враги, они представляют одну линию…*

А. Проханов: — Да, конечно.

О. Журавлёва: *— …Они друг друга убивают, но все равно будет то же самое.*

А. Проханов: — Ну, потому что Сталин был красным монархом. Конечно, он был красным монархом, он вернул…

О. Журавлёва: *— Ну, вы вообще монархист — все равно, что бы с вами ни делали.*

А. Проханов: — Я, может быть, монархист. А, может, я просто великих князей очень люблю, таких как Иван III и Филофей, который был при Василии III. Я за сильное русское государство, я за сильную империю. А когда мне предлагают десакрализировать остатки Российской империи, чтобы изгнать из народного сознания коды и их представления о себе самом как о народе неба, о народе с огромной задачей исторической, в которую вклеиваются поколения, мне это кажется омерзительной идеологической диверсией.

О. Журавлёва: *— Хорошо. Александр Андреевич, а в сознание этого таинственного мистического народа входит обожание власти? Должна власть быть священна?*

А. Проханов: — Я думаю, что в отношении к власти у русского народа есть прекрасные свои рецепты. Я думаю, что Пугачев был, по существу, абсолютным русским государственником. Как и Ленин, например. Я думаю, что отношение к власти и отношение к Кремлю — это разные вещи. Скажем, например, в Кремль приехал бы генерал Мантейфель, который, допустим, прорвал оборону кремлевских курсантов и вошел в Москву, и перед тем, как затопить ее и поставить памятник нацистам, вошел в Кремль. Вы что думаете, для меня это была бы священная власть? Я поэтому и удивляюсь тем православным священникам, которые кадили Гитлеру. Я не понимаю, почему православные люди, православные церковники, в глубине своей русские патриоты и монархисты, потому что Православная церковь — монархическая, как они могли найти в себе вот эту как бы смелость и дерзость дьявольскую петь осанну гитлеризму? Этого вот я не понимаю.

Поэтому власть власти — рознь. Горбачев — бес, сатана. Сталин, который восстановил государство и выиграл войну, — он уничтожил сатану. И поэтому вы, как бы, антисталинистка, бойтесь, посмотрите, нет ли у вас хвоста в чешуе.

О. Журавлёва: *— Хорошо. «Как соотносится уничтожение врага с христианской моралью Проханова? Возлюби врага своего», — напоминает Дмитрий из Петербурга. А я хотела про другое спросить, как раз про политическую жизнь православия в данный момент. Вот на предложение наблюдателями выступить*

— нельзя без благословения выступать наблюдателями православным. Не входит в пасторский функционал, — объяснила православная церковь наблюдения на выборах. Ну ладно, это бог с ним. Создание православной партии. Вы бы проголосовали за такую, вступили бы в такую партию?

А. Проханов: — Нет, я бы не вступил в такую партию.

О. Журавлёва: *— Почему?*

А. Проханов: — Несколько позднее. Напомните, чтобы я не сбился опять на сталинизм.

О. Журавлёва: *— Хорошо. Давайте.*

А. Проханов: — Вот, мне показалось очень важным рождественское обращение патриарха. И я знаю, что в прессе и на «Эхо» все время дискутировали: кому сделал реверанс патриарх: площади или Кремлю? Поддержал ли он Путина или его осудил тайно, поддержал он площадь или погрозил пальцем? Я когда один раз услышал, а потом прочитал это послание, у меня возникла, знаете, какая мысль? Что патриарх, чувствуя, как на глазах проседает и разрушается власть, система, как разрушается государственная машина… Причем она разрушается не благодаря площади, она разрушается сама по себе в силу своей немощи, дряхлости и коррозии. Он ждет русской катастрофы. И он является представителем единственного института общественного — церкви, которая на фоне всех этих деструкций не разрушается, а, наоборот, укрепляется. И я не исключаю, что у патриарха может возникнуть роль Гермогена, и что патриарх со своим авторитетом, силой, со своими структурами региональными церковными, он может подхватить эту падающую русскую власть. И мне это воззвание патриарха показалось очень важным.

А предложение господина Чаплина создать православную партию мне кажется катастрофическим. Потому что я представляю: от лица православной партии выступает Иисус Христос, говорит, что он уполномочен на съезде православной партии.

О. Журавлёва: *— Духовный лидер партии это называется.*

А. Проханов: — Духовный лидер партии. Но сразу после этого возникнет мусульманская партия, я просто убежден.

О. Журавлёва: *— Ну, как только православные отписались насчет наблюдений на выборах, тут же…*

А. Проханов: — Она возникнет, мусульманская партия

Кавказа, Чечни…

О. Журавлёва: *-…представители мусульманского духовенства тоже высказались.*

А. Проханов:-…Татарстана, Башкирии, партия якутов, национальная партия якутов, еврейская партия должна возникнуть. Я думаю, что Еврейский конгресс…

О. Журавлёва: *— Иудейская, вы имеете в виду? Вы по вере разделяете или по?..*

А. Проханов: — Иудейский. Я думаю, что Еврейский конгресс мгновенно будет трансформирован в иудейскую партию и, так сказать, путиконечная звезда будет соперничать с шестиконечной звездой Давида. Это конец стране, это будет свара, это будет бойня.

О. Журавлёва: *— А если будет одно православие, главенствующее в стране, стране будет лучше?*

А. Проханов: — Если будет одно православие?

О. Журавлёва: *— Если мусульманство и иудаизм официально запретить, всех этих тибетцев, всех прочих лам?*

А. Проханов: — Ну тогда надо… Если это сделать… Это возможно. Но тогда нужно пустить на полную мощность оборонные заводы, которые сейчас не выпускают ни танки, ни БМП, ни БТРы.

О. Журавлёва: *— Ну, хотя бы саперные лопатки выпустить в нужном количестве.*

А. Проханов: Нет, ну этого будет недостаточно. Против мусульман, Чечни, например, саперные лопатки не пойдут.

О. Журавлёва: *— А вообще возможна империя с абсолютно главенствующей религией? Можно подавить остальные?*

А. Проханов: — Можно подавить остальные в период, когда эта религия мощная, когда она подкрепляется тем, что православные женщины девять детей рожают. Это можно делать. Сейчас другая ситуация, и империя, которой является Россия (она — империя, она никакое не национальное государство), она требует другого подхода ко всему этому. Национальная политика должна быть связана не с тем, чтобы подавлять национальные меньшинства, которые перестают быть меньшинствами, а с тем, чтобы навьючить на них имперскую задачу, показать им, что они являются равноправными…

О. Журавлёва: *— Навьючить, но не подавлять. Хорошо. Запомните эту мысль. Александр Андреевич, тут вам пришло прекрасное совершенно письмо от Ванессы. Ванесса-86 пишет: «Я внимательно просмотрела четыре ваших последних эфира в программе «Особое мнение». Вот сухая статистика. 17 раз вы делали мягкие рекомендации Владимиру Путину, 14 раз сожалели о том, что Путин игнорирует ваши советы, 11 раз выражали надежду на то, что Путин, наконец-то, прислушается к вашим рекомендациям. Как профессиональный психолог прихожу к выводу, что ваша хрустальная мечта — стать придворным идеологом при Путине». Вы бы хотели быть придворным идеологом?*

А. Проханов: — Угадали-угадали. Это моя параноидальная мечта.

О. Журавлёва: *— Хрустальная.*

А. Проханов: — Хрустальная параноидальная мечта.

О. Журавлёва: *— Хорошо. Так?*

А. Проханов: — Я все время рвался сквозь Спасские ворота. Видимо, это были не те ворота.

О. Журавлёва: *— Так это были вы?*

А. Проханов: — Это были мы, да. Это были мы с вами, да. Я вас пускал вперед. И, конечно, я мечтал бы, чтобы господин Путин встретился не с Быковым и с Акуниным, которые являются врагами.

О. Журавлёва: *— Ну почему же они враги-то?*

А. Проханов: — Они — его убийцы, они требуют его отставки. Отставка Путина — это его физическая смерть.

О. Журавлёва: *— То есть вам его жаль просто как человека, пусть себе в Кремле до морковкина заговенья?*

А. Проханов: Мне не жаль ни вас, ни Путина, ни себя. Я говорю о том, что Путин идет на встречу со своими лютыми врагами и тем самым демонстрирует слабость. Он не встречался за все это время ни разу с национальнопатриотическими, с лево-патриотическими кругами, которые являются….

О. Журавлёва: *— А вы ходили к нему на прямую линию, вас пустили.*

А. Проханов: — …которые являются потенциально его союзниками. Если бы он прислушался к тому, что гудит вот в

этой среде — а в ней гудит развитие, выправление государства, создание сильной национальной России, — если он бы прислушался, это было бы ему полезно. Ему были бы обеспечены поддержки.

Но он идет к своим врагам, которые, повторяю, хохочут ему в лицо, они не приходят, они игнорируют встречи, а потом делают его просто какой-то дитошкой. Поэтому, повторяю, мне бы хотелось, чтобы Путин, а также Горбачев, а также Иван IV прислушались к рекомендации, которая живет в глубине народа. Потому что народ, насколько я его слышу (у меня может быть аберрация слуха), он, конечно, хочет хорошей жизни, ему осточертела паленая водка, ему осточертели бандиты.

О. Журавлёва: *— Так им хочется империи или хорошей жизни?*

А. Проханов: — Он хочет одной колбасы, большой, огромной, гигантской колбасы, на которую великий народ-победитель 1945 года набрасывается.

О. Журавлёва: *— Ну, вы же прекрасно знаете, Александр Андреевич, что строительства империи не бывает при хорошей жизни.*

А. Проханов: — Что вы говорите? А американский народ, народ империи?

О. Журавлёва: *— Но начинали-то они тяжеловато.*

А. Проханов: — Как?..

О. Журавлёва: *— У них война была гражданская, вы знаете?*

А. Проханов: — Ах ты, Боже ты мой! Я говорю про сегодня. Они не были империей. Я говорю, что народ хочет, чтобы его считали народом, а не жвачкой, не желудком. А русский народ — это народ, который живет категориями великой культуры. Ведь, смотрите, сегодняшняя власть абсолютно не оперирует культурой. И либералы тоже не оперируют ей. Фондовые рынки, зарплаты, перевыборы, политическая реформа… А где Серебряный век? А где непрерывный псалом?

О. Журавлёва: *— Шевчук — наш Серебряный век.*

А. Проханов: — А где непрерывный псалом, который поет русская культура о себе самой?

О. Журавлёва: *— Но представители культуры входят в Лигу избирателей.*

А. Проханов: — Да, и они говорят только о подсчете голосов.

О. Журавлёва: *— А о чем они должны говорить?*

А. Проханов — О чем должна культура говорить? Культура должна говорить о валютных курсах, она должна говорить о ценах на нефть, о рынках, о валютах.

О. Журавлёва: *— Но о чем Путину должен сказать ваш метафизический поэт?*

А. Проханов: — О чем говорил Достоевский Александру? Он учил царя быть духовным русским лидером. Зачем Пушкин все время пытался донести свою идеологию Николаю?

О. Журавлёва: *— А что, наш лидер не справится без советов? Он их будет слушать-то? Чьих советов он послушает? Ваших? Вон, смотрите, сколько раз не послушался.*

А. Проханов: — А как знать? Все его послания, его и медведевские — все они основаны на философии газеты «Завтра», они выбирают эти тезисы, для того чтобы еще раз обмануть в очередной раз народ, сказать: «вот мы такие».

О. Журавлёва: *— Вы знаете, есть одна проблема. Так как Путин, судя по всему, очень хочет вернуться туда, куда он собирается…*

А. Проханов: — Ну, вернется, наверное, да.

О. Журавлёва: *— Да. Не хочет оттуда уходить. Вы говорите, что это вообще угрожает его жизни. Но когда вы говорите про вот этот народ, про империю, про возврат туда и обратно, и отказ от либерализма, его же никто за порог не пустит. Весь остальной мир будет для него закрыт. Если он сейчас начнет давить на ноту национализма, православия, самодержавия и тому подобного…*

А. Проханов: — Поедет прекрасно в Китай. В Пекин.

О. Журавлёва: *— А деньги-то где лежат, Александр Андреевич? В Китае?*

А. Проханов: — Надо срочно перегонять эти деньги.

О. Журавлёва: *— Переводите деньги в Архангельск.*

А. Проханов: — В Архангельск, совершенно верно. Уралвагонзавод.

О. Журавлёва: *— Вот. Уралвагонзавод, кстати, лучше всего.*

А. Проханов: — В космические центры. Все наворованные деньги должны быть возвращены народу и пущены на развитие.

О. Журавлёва: *— Но вы же понимаете, что это невозможно?*

А. Проханов: — А вы понимаете, что невозможно, чтобы Быков пришел к Путину, захватив Ефремова, и они сидели два часа, и они читали «Юрий Гагарин с маленькой буквы», написанной справа налево? Понимаете, что это невозможно?

О. Журавлёва: *— Почему?*

А. Проханов: — Почему? Ну, потому что тогда в Кремль будут плеваться. Просто будут харкать, потому что это будет проявление такой слабости и мерзости.

О. Журавлёва: *— Хорошо. Кто должен прийти и научить Путина, как правильно? Что воровать нехорошо, дух прежде тела и империя forever? Вот, кто?*

А. Проханов: — Я вижу, как в Кремль поздно вечером врывается Мерседес, в котором сидит патриарх и его охрана.

О. Журавлёва: *— То есть Березовский правильное письмо написал? Прежде чем написать Путину, он сначала написал патриарху.*

А. Проханов: — Ну, Березовский — умница. И я думаю, что патриарх является во многом гарантом сегодняшней русской государственности, и он должен сказать сегодняшней власти «Кончай воровать, занимайся народом, выстраивай новую Россию».

О. Журавлёва: *— А почему нельзя сказать «Давайте придет кто-нибудь другой»? И патриарх под своим чутким руководством скажет: «Вот, с ним хорошо».*

А. Проханов: — Можно и так. Да я ж не против. Я, например, даже готов посадить Немцова в Кремль, чтобы к Немцову приехал патриарх и сказал: «Ефимыч, слушай, давай, слушай, построим новую великую империю, великую русскую империю?»

О. Журавлёва: *— А Путин на это пойдет, а Немцов нет.*

А. Проханов: — А Немцов пойдет, потому что он готов. Он просто всем прошлым опытом своей сочинской деятельности…

О. Журавлёва: *— А путинский прошлый опыт вас учит тому, что патриарх для него главный человек?*

А. Проханов: — А путинский прошлый опыт меня не учит

ничему хорошему, кроме того, что он сумел ельцинскую слизь, вот эту ельцинскую мерзоту…

О. Журавлёва: *— Которая его вывела.*

А. Проханов: — Ельцинскую слизь и ельцинскую мер-зоту превратить в кристалл государственности. Вот этим он хорош, понимаешь?

О. Журавлёва: *— А почему народ как-то не ценит вот этого кристалла? Говорит, что «чего-то все равно воруют, чего-то все равно как-то заводы не открывают, все равно все так же».*

А. Проханов: — Ну, я считаю, что народ, конечно, он за Рыжкова, Немцова, Касьянова, за Прохорова. Я даже думаю, что народ весь за Прохорова. Потому что Прохоров…

О. Журавлёва: *— Да никто ни за кого, Александр Андреевич. Все просто говорят, что невозможно 12 лет сидеть в одном и том же месте, и никакого результата.*

А. Проханов: — Вы спрашиваете, кто бы мог воздействовать на Путина. На Путина могут воздействовать две силы: площадь…

О. Журавлёва: *— То есть одна воздействует?*

А. Проханов: — …площадь, которая перепрыгнет эту трибуну с танцующими кокотками, и патриарх. Вот эти две силы, то есть церковь православная и народ, который сидит на площади, который вовсе не является народом в норках. Это патриотический угрюмый…

О. Журавлёва: *— Вы призываете на митинг сейчас?*

А. Проханов: — Нет, я призываю вас прислушаться к голосу разума и понять, что…

О. Журавлёва: *— Ну, то есть просто выйти на митинг? Вот вы сейчас говорите «Если выйти на митинг…». Бог с ними, с трибунами, половина, там не знаю, 2/3 митинга приходит не для тех, кто там на трибуне стоит, они приходят для себя самих.*

А. Проханов: — Вы слышите, о чем я говорю-то, сударыня?

О. Журавлёва: *— Какой лозунг вы им предлагаете на этом митинге?..*

А. Проханов: — Вы слышите, о чем я говорю?

О. Журавлёва: *— …Что нужно сказать Путину?*

А. Проханов: — Вы слышите, о чем я говорю? Голос митинга

— это голос трибуны.

О. Журавлёва: *— Да неправда, Александр Андреевич.*
А. Проханов: — Да?

О. Журавлёва: *— Вы говорите про народ: народ должен выйти на улицу. Что он должен сказать власти? Что он должен сказать Путину, чтобы тот исправился?*

А. Проханов: — Голос двух площадей — это голос Собчак, это голос Прохорова, это голос… (не делайте рожу)…голос Кудрина. Народ должен перепрыгнуть этот канкан и сказать Путину: «Кончай валять дурака. Деньги — в развитие…»

О. Журавлёва: *— На бочку?*

А. Проханов: — «…Деньги — в развитие». Не на бочку, а на зеленый стандартный стол.

«Деньги — в развитие. Меняй команду, создавай новую элиту из технократов, из священников, из русских патриотических художников, из учителей. Кончай ориентироваться на деструкцию, кончай бояться за свою шкуру, совершай гигантскую революцию, преображение».

О. Журавлёва: *— Почему вы думаете, что это кому-то поможет, если человек за столько лет не смог изменить себя? Почему вот именно этот человек, благодаря вот этим требованиям вдруг изменится? Почему?*

А. Проханов — Если не изменится, то хана. И ему хана, и хана сегодняшнему политическому периоду. Важно не допустить в Спасские ворота всю эту колымагу с чертями 90-х годов, которые воскресли…

О. Журавлёва: *— Миронов, Зюганов — вот эти люди, да?*
А. Проханов: — Эти люди вне игры, они выжидают.

О. Журавлёва: *— Да? Почему?*
А. Проханов: — Пойдите, спросите.

О. Журавлёва: *— А вот когда Миронов предложил: «Давайте, я — президент переходного периода, все наладим, и потом выбирайте, кого хотите»?*

А. Проханов: — Ну, это бутафория. Эти люди вне игры. Пока что сильными атакующими Кремль людьми являются те, с кем он сейчас хочет общаться. И по существу, придя в Кремль, они уже оттуда больше не выйдут. И это была бы катастрофа, потому что,

повторяю, люди 90-х годов реставрированы сейчас, они вылезли, они танцуют свой победный ритуальный танец. И власть, как и та, Кремлевская власть 1991-го и 1990-го года — она труслива, она беспомощна, она неактивна. И, по существу, те слои, которые могли бы поддержать падающую башню русской государственности, игнорируются этой трусливой властью.

О. Журавлёва: *— Трусливая нехорошая власть, но другой у нас нет и не будет. Правильно?*

А. Проханов: **—** Какая… Чего-то я ничего не расслышал. Чего-то вы пробормотали там…

О. Журавлёва: *— Хорошо. Это особое мнение Александра Проханова. В следующий раз, может быть, он сформулирует как-то по-другому, но основные мысли, я думаю, сохранит и донесет до вас неизменными.*

18.01.12.

«Крушение государственности в России означает катастрофу»

О. Бычкова: *— Александр Андреевич, добрый вечер.*

Правда ли, что вы идете на митинг тоже в субботу на Поклонную гору, как сообщается?

А. Проханов: — Ну, вот я, наконец, принял решение. Я колебался долгое время и принял это решение.

О. Бычкова: *— А зачем вам туда?*

А. Проханов: — Зачем туда, а не в другое место?

О. Бычкова: *— Вообще. Вы когда были на митинге последний раз?*

А. Проханов: — Последний раз я был на митингах… О, я много раз был на митингах. Первый раз я был на митинге незадолго до крушения советской власти — это была огромная, холодная, туманная Манежная площадь, она была вся до краев набита сторонниками власти советской, и на этом митинге я выступал.

О. Бычкова: *— Власти? Советской власти?*

А. Проханов: — Я выступал в защиту. Я как сталинист выступал…

О. Бычкова: *— На Манежной площади?*

А. Проханов: — На Манежной площади. Это была огромная, повторяю, какая-то туманная площадь с таким голубовато-белым манежем. И, по-моему, Михаил Ножкин вышел на эту площадь, посмотрел на нее и сказал: «Здарова, мужики!». И вся площадь грохнула: «Здарова!»

О. Бычкова: *— Ну, это был, например, 1989-й год, допустим, или 1988-й?*

А. Проханов: — Ну, наверное, где-то в этом роде, да.

О. Бычкова: *— Вот это был последний случай… Так, а сейчас-то зачем?*

А. Проханов: — Нет, это был первый случай.

О. Бычкова: *— Это был первый?*

А. Проханов: — Потом у меня было долгое хождение по

митингам, связанных с Домом Советов, с Белым домом, я выступал незадолго до расстрела, я выступал на митингах с трибуны Дома Советов. И вообще я был очень митингообразующим человеком и привел туда своих сторонников. Я ходил на коммунистические митинги в ту пору, когда был альянс коммунистов и патриотов, Народно-патриотический союз России. В общем, я знаю, что такое митинг, и умею выступать на них.

О. Бычкова: *— Но в это воскресенье просто вся Москва будет в митингах, и вся Москва обещает прийти в движение. В субботу, извините.*

А. Проханов: — Она уже пришла в движение, невралгия огромная, все немножко сошли с ума…

О. Бычкова: *— Так вы тоже сошли с ума немножко?*

А. Проханов: — Ну, как и вы тоже. Ну, вот, посмотрите на свои зрачки — они расширены, и вы уже не моргаете четыре минуты, в эфире находясь. Так что мы сегодня с вами ведём сумасшедший эфир.

О. Бычкова: *— Ну так это плохо, что ли, что всё пришло в движение и все немножко сошли с ума?*

А. Проханов — Да нет, если это связано с Масленицей, например, и люди кидают снежками в крепости, целуют румяных баб.

О. Бычкова: *— Нет, Александр Андреевич. Мы же прекрасно понимаем, что происходит что-то такое важное на самом деле сейчас опять.*

А. Проханов: — Происходит революция. Происходит оранжевая революция. Меня все время спрашивают: «Как вы считаете, существуют ли симптомы возникновения в России оранжевой революции?» Я отвечаю: «Господа, оранжевая революция началась. Она проходит этап за этапом, она наращивает свой алгоритм, она, по существу, захватывает в себя все большие и большие объемы населения. Этот магнетизм, этот вал, эта гравитация так велика, что она уже не может стоять на месте, она движется. Эти стоячие митинги на Болотной и Проспекте Сахарова превратились в динамичный митинг. А динамика толпы, кинетика ее отличается от статики. И это тоже одна из фаз оранжевой революции. Поэтому на дворе — революция».

О. Бычкова: *— Ну и вы тоже, значит, подключились к оранжевой революции.*

А. Проханов: — Я подключился к контр-оранжевой революции.

О. Бычкова: *— То есть вы за Путина, за Чурова и против честных выборов?*

А. Проханов: Я не за Чурова, не за Путина, я против чертей и бесов 90-х, которые возглавляют весь ансамбль оранжевой революции. Я против тех, кто терзали мою страну на протяжении 80-х годов, потом 90-х годов, потом усилиями, гигантскими усилиями власти были отодвинуты на задний план, теперь вышли опять и танцуют свой чудовищный канкан. Я против них.

О. Бычкова: *— То есть вы хотите, чтобы свой чудовищный канкан танцевала по-прежнему «Единая Россия»?*

А. Проханов: — Этого хотите вы.

О. Бычкова: *— Нет, что вы! Я вас только спрашиваю.*

А. Проханов: — Я иду для того, чтобы в очередной раз броситься под этот танк. Один раз этот танк переехал мою страну в 80-х годах. И тогда огромное количество людей (в том числе и благородных)…

О. Бычкова: *— Вы чего боитесь вот сейчас, скажите?*

А. Проханов: — Я боюсь крушения государства. Я боюсь крушения государства, потому что моя философия, моя религия — это государство. Государственная идея для меня, как и для очень большого количества людей, является феноменологической сущностью мышления, переживания. И человек, который знает, что такое русская история, он видит: опять начинается крушение этого хрупкого, робкого, во многом прогнившего, не способного, не дееспособного государства. Но с крушением этого государства наступит нечто чудовищное, не менее чудовищное, а, может, более чудовищное, чем в феврале 1917 года.

О. Бычкова: *— А почему, собственно, речь идет о том, чтобы сокрушить государство? Разве кто-то это предлагает сейчас? Где вообще? Вот откуда это известно?*

А. Проханов: — А кто предлагал в феврале 1917-го сокрушить государство?

О. Бычкова: *— Смотрите, какая у нас классная картинка.*

А. Проханов: — А что там?

О. Бычкова: *— У нас какой-то технический сбой произошел с кардиограммой* (смеется).

А. Проханов: — Это оранжевый цвет. А вы знаете, какой это цвет? Оранжевый цвет ведь…

О. Бычкова: *— Наши зрители могут это видеть, зрители RTVi и «Эха Москвы». Я не знаю, что на сайте, но прямо в тот момент, когда Александр Проханов заговорил на эту тему, у него на фоне появился большой оранжевый флаг. Это неспроста.*

А. Проханов: — Нет, чтобы там на фоне засверкал, зазвенел, запылал имперский флаг трехцветный. Нет, оранжевый.

О. Бычкова: *— А вот и нет, а вот и нет. Ну? Может быть, это ваши тайные мысли просто там просочились так.*

А. Проханов: — Может быть, да. Это новый какой-то Сетевизор…

О. Бычкова: *— Так какие признаки того, что кто-то хочет сокрушить государство? Вот, я не слышала ни разу, например, об этом никакой речи.*

А. Проханов: — Я тоже ни разу не слышал. Например, «вынесем Путина из Кремля, сметем Путина из Кремля». Это, конечно, не признаки сокрушения государства. Это просто легкий флирт. А когда толпа в 30 тысяч начинает это скандировать…

О. Бычкова: *— Это, извините, Геннадий Андреевич Зюганов у нас говорит, который выступает против Путина на президентских выборах? А если не говорит, то подразумевает, да?*

А. Проханов — Я знаю этот лозунг. Оль, вы хотите меня убедить, что все мирно. Вы мое мировоззрение, мироощущение не измените. Я делюсь своим мироощущением, и мое мироощущение есть сущность моей судьбы.

О. Бычкова: *— И вам страшно, я понимаю… А вот Кощей вас спрашивает: «А что, Путин эквивалентен государству? Неужели оно у нас такое мелкое?» Продолжите ваши рассуждения, пожалуйста.*

А. Проханов: — Вот смотрите, я принадлежу к такому обильному многолюдному и в прошлом богатому роду. В моем роду были промышленники, предприниматели, мои бабки оканчивали бестужевские курсы, занимались раскопками в Помпее.

О. Бычкова: *— И мои.*

А. Проханов: — И ваши тоже. И я знаю, что большая часть моих предков с восторгом восприняла февральскую революцию. Может быть, даже с красными бантами ходили на демонстрации, и один из моих дальних предков, дедов, он пробился все-таки к трибуне, вышел на нее и так разволновался, что даже не мог ничего сказать, сказал лишь: «Наш путь, господа, усеян, господа, розами, господа», после чего его стащили с трибуны. И после этой февральской революции случилось такое, что от моего рода ничего не осталось. Весь мой род канул на войнах, на Гражданской и на Отечественной, погиб на пересылках, ушел в эмиграцию, люди сходили с ума. И оставшийся в живых мой дед двоюродный говорил мне: «Ты знаешь, я был знаком с Гучковым. И если бы я знал, что этот мерзавец поедет просить отречения у царя, я бы застрелил его из пистолета. У меня лежал пистолет в ящике стола». Значит, они кусали локти после того, как свершилось это чудовищное дело после февральской революции.

Мои друзья, генералы оборонной промышленности (а я был связан очень тесно с советской оборонкой), они изнывали от тупости управления экономикой той поры. И они пошли в Перестройку. Я знаю благородных людей — они поставили крест на этой управленческой девятке оборонной, они хотели хозрасчета, они пошли за горбачевской трубой. Вот сейчас я с ними встречаюсь, когда у них нет оборонки, когда кончилась промышленность, когда больше не летают серьезные ракеты в космос, когда их выкинули, когда разрушены школы. Они кусают себе локти.

Вот сейчас та же ситуация. Многие люди относятся с отвращением к Кремлю. И к нашей власти кремлевской я сам испытываю презрение за многие вещи, потому что она, эта власть, воровата, она, эта власть, не запустила развитие долгожданное, она, эта власть… У нее нет интеллекта, она живет спинным мозгом. Я к ней испытываю презрение. Но к этим чертям 90-х я испытываю отвращение, потому из этих двух зол я выбираю хрупкое, робкое, продажное, но государство.

Потому что я убежден, что оранжевая революция идет своими этапами, она наращивает свои требования, она наращивает свою мощь, у нее блестящие технологии.

Посмотрите, каждый там день вбрасываются новые технологи. Чего стоит последняя технология автопробега по Садовому кольцу! Там все время крутятся интереснейшие мозги и идеи. А власть молчит.

О. Бычкова: *— А почему так получается, что там крутятся*

мозги и идеи, то есть они там есть, там есть чему крутиться, а власть, вы сами сказали, она безыдейная и безмозглая?

А. Проханов: — Вот в этом трагедия русского централизма. Это трагедия и царского централизма, и, может быть, великокняжеского централизма, после чего кончилось царство и началось Смутное время. Это трагедия. Но это данность русской истории. Но я всегда и в древние времена, когда я был или если бы я там был, я был на стороне власти, потому что лишение власти, разрушение власти — это гигантская трагедия. Она и геополитическая, и личностная. И поэтому я представляю… Я боюсь, что Путина сметут. Я боюсь, потому что эти лозунги — «Вынесем Путина из Кремля!» — находят поддержку американцев. Путина люто ненавидит Америка. Посмотрите, что там на него льется, какой кошмар. То есть даже за одну ненависть Америки к Путину я бы его полюбил, если бы я был любвеобильным человеком.

О. Бычкова: *— Какое нам дело, как его ненавидит Америка, если мы имеем у себя дома вот то, что мы имеем, и нам есть, за что не любить это все?*

А. Проханов: — Ну, я понимаю. Никакого дела нам нет, но мы все равно при первой возможности бежим к американскому послу и просим у него защиты. Как какое дело? Америка участвует во всех мировых процессах, в Египте и в России, как правило, исходя из своих собственных интересов.

Но я просто чувствую, что когда вот эта хрупкая и никчемная власть будет разрушена, когда или если, не дай Бог (лучше все-таки «если»), то какой хаос начнется в сегодняшней России.

О. Бычкова:*— Александр Андреевич, а почему ее нужно разрушать? Ведь предлагаются честные выборы. Ну, вы проведите выборы нормально, вы посчитайте голоса как люди.*

А. Проханов: — Честные выборы — это всегда спусковой крючок всех оранжевых революций. В технологиях оранжевых революций заложен момент выборов. Почему?

О. Бычкова: *— А ложь вот эта? И вот это напер-сточничество — это лучше, что ли? Вот это жульничество?*

А. Проханов: — Ну, я же вообще диктатор, я — тоталитарный человек. Для меня государство должно быть сохранено любыми средствами — я же сторонник мобилизационного проекта.

О. Бычкова: *— А почему нельзя сохранить государство, но чтобы при этом наконец произошла какая-то смена — там,*

вместо одного лидера пришел другой, который более соответствует реальности?

А. Проханов: — Ну да. Вот Касьянов пришел, более реально соответствует. Или кто? Ну кто?

О. Бычкова: *— Да ну, господи. Да я не знаю, кто.*

А. Проханов — Ну, вот я же вижу этот комитет. Ну, приходит уважаемый Пархоменко, становится президентом России. Или я вижу Шендеровича, который…

О. Бычкова — Подождите. В стране 130 или 140 миллионов людей. Неужели там, кроме Путина и Шендеровича, больше никого нет?

А. Проханов: — Ну, вы знаете, политика не оперирует такими массами. Кухарки, конечно, могут править государством.

О. Бычкова: *— Кухарки не могут. Но среди такого количества народу найдется, наверное, кто-нибудь достойный, если кислород ему не перекрывать.*

А. Проханов: — Вы знаете, этих людей не выбирают из огромных масс, людей из сибирской глубинки или из деревни уральской. Не придет отсюда президент. Президент будет там, в ядре этой кометы, которая сейчас раскаленно несется по Москве, по её проспектам. Но, повторяю, надо понимать и чувствовать сегодняшнюю Россию с ее дифференциацией, с ее бандитскими регионами, с готовыми полевыми командирами, с региональными элитами бандитскими, которые смотрят на центр с ненавистью. Как только шатнется вот этот централизм остаточный, которым мы сейчас обладаем, все разлетится к чертовой матери вдребезги — это будет огромный взрыв галактический. И уже страну не соберешь. Понимаете, я представляю, что будет с Кубанью, например, где в каждом крупном районе бандформирование управляет регионом. Понимаете? Или что будет с Кавказом, который уже сейчас дымится, который взорвется? А что будет с Дальним Востоком?

О. Бычкова: *— Но подождите. Кавказ дымится уже давно. И Кавказ дымится всё то время, что дорогая, любимая вами власть находится, собственно, у власти.*

А. Проханов: — Кавказ дымится с момента, когда ваша дорогая, любимая вами ельцинская власть пришла сюда. Он задымился после горбачевских реформ. Не будем считаться нашим с вами вкладом в дым Кавказа.

О. Бычкова: *— Нет, только вы меня не рассматривайте, как… Я же не политическая фигура в отличие от вас, я задаю вам вопрос.*

А. Проханов: — Ну, конечно. А я-то что? А я вообще не политический, я — мечтатель.

О. Бычкова: *— А вы идете на митинг выступать.*

А. Проханов: — И Вассерман туда идет. Вот уж политическая фигура.

О. Бычкова: *— Ну, если Вассерман идет, тогда да, конечно.*

А. Проханов: — Да-да-да. Повторяю. Моя мотивация именно такова. Я вижу, как вот эта комета летит в Кремль.

И Кремль беспомощен, он ничего не делает для того, чтобы остановить это движение.

О. Бычкова: *— А почему он беспомощен?*

А. Проханов — А я не знаю. У него паралич. У него есть все: у него есть спецслужбы, армия, у них огромное количество денег. Я думаю, что у него нет… мозгов. У Кремля нет интеллекта.

О. Бычкова: *— Ну, вот Путин, например, сказал, буквально сегодня, что есть некоторые здравые идеи, которые предлагают Жириновский, Зюганов, Прохоров. И Явлинский тоже, он сказал, как бы приличный человек. И наблюдатели у него хорошие. Это он вот что сейчас попытался продемонстрировать?*

А. Проханов: — Это слабые рефлексы. Власть постоянно демонстрирует слабые рефлексы на реальность. Один из очень слабых и, конечно, унизительных для власти рефлексов, по-моему, очень сильно ее ослабивших в ходе этой оранжевой революции, это приглашение на собеседование лютых своих врагов, когда они все пришли к Путину.

О. Бычкова: *— На какое собеседование?*

А. Проханов: — Ну как кто? Пришло «Эхо Москвы»…

О. Бычкова: *— Главные редактора пришли.*

А. Проханов: — Нет, не главные редактора. Кто же там пришел? Это не главные редактора.

О. Бычкова: *— Нет, это были главные редактора, которые регулярно…*

А. Проханов: — Это был Муратов, по-моему.

О. Бычкова: *— Совершенно верно.*

А. Проханов: — Это был Муратов.

О. Бычкова: *— Но там было очень много людей.*

А. Проханов: — Это были лютые антипутинисты.

О. Бычкова: *— Я не помню, был ли там именно Дмитрий Муратов, но там было много главных редакторов разных СМИ. Не первый раз они там были.*

А. Проханов: — Вы знаете, я тоже главный редактор. И мой друг Поляков, который управляет «Литературной газетой», он главный редактор. Есть Чикин, главный редактор «Советской России», есть другие патриотические редакторы. Там не было ни одного редактора, который потенциально мог бы поддержать эту власть. Там были редактора, люто ненавидящие кремлевскую власть и лично Путина.

О. Бычкова: *— И что это значит?*

А. Проханов: — Это значит, что власть слаба, она заигрывает с ними. Она пригласила их к себе. Более того, потом им выдавали какие-то премии.

О. Бычкова: *— По-моему, там были как раз сторонники Путина, там были всякие официальные СМИ, телеканалы там разные поддерживающие.*

А. Проханов: — Там сидели противники его, я даже скажу — враги Путина. Они смотрели на него с хохотом, они хохотали. Они высматривали у него на шее эту синюю жилу, которую можно было бы перекусить.

О. Бычкова: *— Откуда вы знаете, что они высматривали, если вас там не было?*

А. Проханов — Ну, я же видел. Картинка-то была. Поэтому, повторяю, людей, которые потенциально могли бы поддержать власть, не приглашают и на них не делают ставку. А власть бы могла их поддержать. Действительно, есть реальная оборонка, которая сейчас, слава богу, получает от государства деньги на развитие средств вооружения. И эта оборонка будет сметена во время революционного хаоса.

О. Бычкова: *— А до этого она цвела просто? Вот все предыдущие 10 лет она расцветала?*

А. Проханов: — Она сейчас получает деньги на развитие. И

она этими деньгами очень дорожит.

О. Бычкова: *— Ну, конечно, дорожит. Понимаю. Но почему-то ракеты падают, спутники уходят.*

А. Проханов: — А море выходит из берегов, а Луна — бывают затмения. Я вам говорю, что есть слои, на которые Путин мог бы опереться.

О. Бычкова: *— А почему он не опирается-то на них?*

А. Проханов: — Вот и я не понимаю, почему власть парализована, почему она замкнулась. Причем она проигрывает информационные войны. Потому что оранжевые революции, в основном, — это не революции танков, это революции информационных технологий.

О. Бычкова: *— А можно я скажу, почему она проигрывает?*

А. Проханов: — Ну, догадайтесь.

О. Бычкова: *— А вы скажете, права я или нет, со свойственной вам мудростью. Может быть, просто потому, что власть должна меняться время от времени? А эта власть уже сидит очень долго, она устала, она потеряла потенциал, у нее батарейки уже иссякли, и просто нужно, чтобы пришли другие, как это нормально бывает. Выборы происходят, приходят новые, у них больше сил, у них больше энергии, у них больше идей, у них мозги кипят, они хотят искать сторонников и так далее. Вот поэтому надо, чтобы они менялись.*

А. Проханов: — Да нет, я думаю, что есть властители, властелины, которые готовы жить и царствовать в течение целой своей жизни.

О. Бычкова: *— А есть такие, которые не готовы.*

А. Проханов: — А есть такие, которые почему-то… Видимо, вот этот процесс распада системы — он достиг очень высоких степеней.

О. Бычкова: *— Но ее надо сохранить все равно.*

А. Проханов: — Нет, ну если система нарушена, то… Вас убьют в подворотне, Оля, вас убьют, вам отрежут голову.

О. Бычкова: *— Не надо такого мне говорить.*

А. Проханов: Я не хочу, чтобы ваша прекрасная голова…

О. Бычкова: *— Вас тоже тогда, значит.*

А. Проханов: — Так меня в первую очередь убьют. Но я-то уже привык, что меня убивают все эти годы. Повторяю, власть… Я имею в виду не власть, а президента и премьера — мне-то кажется, что они чувствуют коллапс системы. Я все время думал, как система будет разрушаться без бомбовых ударов, без группы Центр? Как она может взорваться без войны или без спецопераций? Она разрушается так же, как медленно вянет дерево, в которое не поступают соки из земли, которое палит солнце и которое едят червяки.

О. Бычкова: *— Она гниет, пухнет.*

А. Проханов: — И мне кажется, что система парализована своей вот этой внутренней стагнацией. И из системы начинают убегать люди в сторону оранжистов. Вот как прошел Давос? Что такое давосская наша встреча? Туда пришел весь бомонд кремлевский. Господин Шувалов. Что они делали? Они костерили и в хвост, и в гриву эту систему. Они, по существу, костерили и своего президента, и Путина.

О. Бычкова: *— Путина — нет. Говорят, Путина — нет.*

А. Проханов: — Нет, ну, мы же понимаем, что они Путина не называют.

О. Бычкова: *— Ну, если только подразумевали, да.*

А. Проханов: — Конечно. Они костерили эту систему прогнившую, которая олицетворена президентом и премьер-министром. Это говорит о том, что это перебежчики, это предатели. Они уже побежали туда. А система набита предателями так же, как предателями была набита советская система.

О. Бычкова: *— А почему они должны защищать вот эту тухлятину…*

А. Проханов: — Ну, я же вам объясняю, почему они должны защищать.

О. Бычкова: *— Почему?*

А. Проханов: — Ну, потому что если бы у них хоть малейший исторический опыт был, они должны были бы понять, что крушение государственности в России означает катастрофу, означает миллионы погибших, кровь. Это кошмар!

Это моя мотивация.

О. Бычкова: *— Это ваша мотивация, совершенно верно.*

Давайте про международное положение поговорим. Ну, у нас, конечно, Сирия сейчас в центре внимания. Вот объясните, пожалуйста. Вот тут люди по-разному спрашивают вас об этом. Например, зачем мы поддерживаем кровавого вурдалака (по-моему, так) сирийского? Все не понимают, почему мы так упираемся с этим Асадом.

А. Проханов: — Ну, мы же не упирались с Ливией, правда? Мы же не поддерживали этого кровавого вурдалака?

О. Бычкова: *— Поддерживали, кстати.*

А. Проханов: — Каддафи?

О. Бычкова: *— Да.*

А. Проханов: — Ну что вы?

О. Бычкова: *— Ну как это мы не поддерживали?*

А. Проханов: — Вся бойня началась с момента, когда Россия не наложила вето на резолюцию Совета безопасности и, по существу, дала ход операции «Воздушное небо», когда начались бомбардировки. По существу, на России лежит ответственность за весь кошмар, произошедший в Ливии. В итоге — что сейчас происходит в Ливии? Мы освободили Ливию от кровавого вурдалака Каддафи. Там идет бойня, там идет кровавая бойня, там все против всех. Там такое количество оружия, там все племена передрались, там идет гражданская война, которая будет идти ближайшие 50 лет.

О. Бычкова: *— Зачем нам сдался вот этот Башар Асад? Кто он нам?*

А. Проханов: — Ну как? Это дестабилизация огромного региона. Когда уходит Башар Асад и к власти приходит сирийский Шендерович, возникает кошмар.

О. Бычкова: *— Какой сирийский Шендерович? Господи! О чем вы вообще?*

А. Проханов: — А кто приходит к власти?

О. Бычкова: *— Шендерович у нас…*

А. Проханов: — Но это сирийский, не наш.

О. Бычкова: *— …исламский фундаменталист? Я ему расскажу — ему понравится.*

А. Проханов: — Тогда, когда ломается Башар Асад, тогда приходит к власти вот этот огромный раскаленный

хаотизированный клубок. Ведь против Башара кто воюет, вы знаете? Ведь туда хлынули люди из Ирака, которые прошли войны Ирака, туда пришли люди из Афганистана, туда пришли люди из Йемена. И это люди, которые профессиональные воины, вояки. Они не знают, что такое мир, не знают, что такое переговоры. Туда двинулось оружие в огромном количестве. Там идет реальная гражданская мировая война, потому что против Башара воюют интернациональные силы.

Более того, тут были сообщения, что против него воюют спецподразделения Турции, которые, как бы, загримированы, закамуфлированы под повстанцев. И сейчас там воюет подразделение из Саудовской Аравии, сауди-ты. По существу, мы имеем дело с коллективной международной агрессией против суверенной Сирии.

О. Бычкова: *— Ну и Лига арабских государств тоже его уже давно сдала фактически.*

А. Проханов: — Да не очень: она то сдает, то опять принимает его.

О. Бычкова: *— Ну, у них там какие-то идут свои разборки, понимаете? У них там сложные отношения. Саудовская Аравия, Иран, Лига арабских государств, соседи. Там все очень сложно. Но нам туда зачем?*

А. Проханов: — Да мы там есть. Не «зачем», а мы там есть. Нас оттуда выбивают. Это единственное место, откуда мы еще не ушли. Мы там были со времен окончания Второй мировой войны. И это базовый район, где Россия сохраняет свое геостратегическое влияние — в регионе, где уже давно сидят американцы. И Сирия по сей день — это рынок. Через Сирию идет торговля оружием как в саму Сирию, так и в регион. Повторяю, Сирия — это тот замковый камень, на котором зиждется наша ближневосточная политика. А ближневосточная политика — это очень мощный узел.

О. Бычкова: *— А наша ближневосточная политика в чем заключается?*

А. Проханов: — Она заключается в том, чтобы не позволить превратить этот регион в плацдарм удара против России, как это было во время грузинской войны. Грузия включена по стратегии американцев в Большой Ближний Восток. Есть такая категория «Большой Ближний Восток». Контроль над этим Большим Ближним Востоком должен принадлежать Америке через в том числе и влияние на этом Ближнем Востоке Израиля. И война

России с Грузией, или Грузии с Россией — это маленький крохотный эксперимент и пример того, как будет развиваться геостратегия в этом регионе. Не только. Потому что Иран…

О. Бычкова: *— А каким образом из Сирии ударят по России?*

А. Проханов: **—** …Иран является ключевым государством в этом регионе. Иран завязан на Сирию, Иран завязан на конфликт с Израилем, Китай завязан на союз с Ираном. Иран, шиитский Иран обладает возможностью в случае, если против Сирии будет развязана прямая агрессия со стороны саудитов, Иран обладает возможностью поднять шиитское население в Саудовской Аравии. Это страны, где все как ком пластилина перемешано. И если травмировать один малый участок вот этого организма таинственного, начнут вибрировать, разрушаться все остальные участки. Понимаете, вот, скажем, говорили, что Турция готова вторгнуться на территорию Сирии. Тогда возник ответ: «Попробуй вторгнись, Турция». У Турции за спиной Курдистан, и есть возможность дестабилизировать ситуацию в Курдистане, ну, так, как наш Кавказ дымится и кровоточит. Значит, отговорили Турцию совершать эти опрометчивые поступки только потому, что возможна инициация гражданской войны внутри Турции.

Теперь Иран. Допустим, удар по Ирану, прекращение поставок нефти Ирана в Китай.

О. Бычкова: *— А вы думаете, это возможно на самом деле? Вот, не декларативно, не голословно, не громогласно, а на самом деле, практически?*

А. Проханов: **—** Все возможно. Конечно, возможно. Потому что стратегические планы существуют, потенциалы подсчитываются, вероятность войны увеличивается. Она не стопроцентная, она достигает иногда 80 %, иногда падает до 60 %. У Израиля тоже не железные нервы, эти нервы готовы сдать. Американцы отговаривают их всячески и запрещают им. Было даже заявление американцев, что если израильские самолеты без санкции американцев полетят бомбить Иран, Америка будет сбивать эти самолеты. Но это понятно крупной державе, которая, может быть, далека от такого регионального эгоизма, что война с Ираном…

О. Бычкова: *— Никому не нужна на самом деле.*

А. Проханов: **—** …что это война с Китаем, это война с Пакистаном. Потому что Китай в состоянии инициировать Пакистанские антиамериканские группировки очень мощные. Поэтому здесь все в этом мире связано. И алгоритм превращения

маленькой, там не знаю, израильско-сирийской войны в мировую — он просчитан и очевиден.

Вот почему мы там. Мы там для того, чтобы попробовать не дать развиться вот этому конфликтному потенциалу.

О. Бычкова: *— А вам не обидно, что сейчас сверхдержавы в мире — это не те две, которые были раньше, а вовсе даже США и Китай? И все остальные страны там где-то выполняют какие-то такие подпевочные функции? Россия в данном случае…*

А. Проханов: — Конечно. Поэтому я и иду на Поклонную гору. Из огромной обиды.

О. Бычкова: *— А Россия в данном случае выполняет какую-то китайскую такую волю и участвует в ее игре.*

А. Проханов — Нет, но Россию довели до такого состояния. Ведь, была же пора, когда я был в расцвете сил, когда Россия и я как ее представитель плавал на разведывательных кораблях по Средиземному морю и я видел, как с помощью этих кораблей наносятся удары сирийского противовоздушного комплекса по израильским самолетам, которые вылетали из-под Яффе, шли в долину Бекаа в Ливан и там их сбивали сирийские ракеты по наводке наших кораблей. Обидно? Конечно, обидно. Но Россия огрызается. Россия слабо, иногда хаотично огрызается. Чего стоит последний маневр Лаврова, который…

О. Бычкова: *— Который трубку не брал? В Австралии он находился, да?*

А. Проханов:…который в течение суток не брал трубку на звонок этого могущественного человека — Хиллари Клинтон.

О. Бычкова: *— Какой смелый человек!*

А. Проханов: — Это язык дипломатии.

О. Бычкова: *— Министр иностранных дел маленькой, но гордой России. Не брал трубку.*

А. Проханов: — Вы знаете, в этом инциденте Клинтон была опущена, она была в бешенстве. Примерно то же самое сделал Примаков, когда, помните, развернул свой самолет во время югославских дел?

О. Бычкова: *— Да, я помню. Я там тоже должна была лететь.*

А. Проханов: — Тоже должна? И летела? В этом самолете,

да?

О. Бычкова: *— В соседнем.*

А. Проханов: — А, в соседнем? Ну, долетели до своей любимой страны, нет?

О. Бычкова: *— Нет. Развернулись.*

А. Проханов: — Тоже развернулись?

О. Бычкова: *— Конечно.*

А. Проханов: — Вот это язык дипломатии. Именно поэтому, вот именно поэтому Путин является самой ненавистной в Америке фигурой. Она говорит: «Как?! Ты же не имеешь ничего, у тебя на исходе ядерные потенциалы».

О. Бычкова: *— Самой ненавистной фигурой в Америке, наверное, являются какие-нибудь китайские товарищи, потому что вот это вот реальные противники. А все остальные — это просто статисты той или другой степени. Нет?*

А. Проханов: — Ну, я просто смотрю прессу. Конечно, Америка готовится к войне с Китаем, это ясно. Но в их оценках, в их дефинициях по отношению к китайским лидерам они, газеты, соблюдают этикет. А что творится в прессе против Путина, против России, одному богу известно.

О. Бычкова: *— Ничего не творится.*

А. Проханов: — Ну что вы! Его сметают

О. Бычкова: *— Ну, послушайте, это далеко не первая тема, поверьте мне. Вот честное слово.*

А. Проханов — Конечно, они говорят о реформах Обамы.

О. Бычкова: *— Вам просто хочется, чтобы вы на крейсере плыли вместе с Путиным по Средиземному морю и все боялись вас.*

А. Проханов: — Ах, как мне хотелось бы, чтобы этот крейсер был не под американским флагом.

О. Бычкова: *— Ну, может быть, у вас еще есть шанс.*

А. Проханов: — Я использую этот шанс на 100 %.

О. Бычкова: *— Не замерзните на Поклонной горе в субботу.*

А. Проханов: — Я пойду в теплых подштанниках.

1.02.12.

Оранжевая революция — революция роз или оторванных подметок?

О. Журавлёва: *— Александр Андреевич, вот вопрос, который пришел несколько заранее в интернете: «Пожалуйста, сформулируйте, наконец, что такое оранжевая революция и кто в России ее носитель?», — пишет человек с ником Арбат-51.*

А. Проханов: — Еще раз сформулирую для тех, кто не слышал мои предшествующие формулировки и объяснения. Оранжевая революция — это особая технология, с помощью которой, практически без употребления силовых средств, оружия, танков, взрывов, можно в короткие сроки сменить режим той или иной страны.

О. Журавлёва: *— Она же — бархатная, можно так сказать.*

А. Проханов: — Она же — революция роз, она же — революция оторванных подметок, как теперь у нас выяснилось на сегодняшний день в Москве. Какие технологические приемы заложены в эту процедуру? Оранжевая революция основывается на массовом недовольстве народа против власти. Это недовольство должно охватить очень значительные слои общества, желательно — все общество, все круги, все страты, все сословия. Власть оказывается под молчаливым и немым давлением этого недовольства, этих претензий.

Наступает момент выборов в Думу, в парламент, президентских выборов. Сами процедуры выборов консолидируют народ, народ оказывается завязан на избирательные урны — он на один день, на один момент соединяется через выборные процедуры. Он, так или иначе, как бы просыпается или отчасти просыпается от летаргии невыборной и становится на секунду участником политического или социально-психологического процесса. Эти выборы объявляются нелегитимными, фальшивыми, они объявляются выборами подделки. Народу говорится, что у них украли голоса. И этим самым…

О. Журавлёва: *— Кем? Кто должен это сказать?*

А. Проханов: — Те силы, те группы, те структуры, которые хотят свергнуть власть, заинтересованы в ее устранении, объявляют народу, что выборы нелегитимны и фальшивы. Это оскорбляет народ, консолидированный вокруг выборов. Действительно, что может быть ужаснее? Мы поднимались с одра, мы шли на избирательные пункты, мы бросали бюллетени и вдруг

нас так мерзко и страшно обманули: мы — скоты, мы — быдло.

И вот, в состоянии этой оскорбленности люди начинают выходить на площади в том или ином количестве. Раньше они выходили на площади медленнее, в меньшем количестве. Или не так быстро, как теперь. Теперь этот выход на площадь быстрый и мгновенный гарантируется существованием интернета, социальных сетей, в которых уже заранее велась как бы подготовка, формировался протестный слой, формировалась протестноактивная часть общества.

Этот выходящий на улицу, протестующий и обобранный, как они считают, слой населения встает на митинги. Митинги проходят: один, другой, третий — и каждый из них наполняется все новым и новым содержанием, технологиями смеховой культуры, карнавальной культуры, всевозможными затеями. Эти затеи могут быть игровыми и смехотворными, могут быть грозными, там может быть театр мнимых казней, может быть театр экспозиции новых или старых лидеров.

Постепенно толпа начинает гореть, она загорается. Потом стоящие митинги сменяются маршами. То есть статика протеста сменяется кинетикой протеста. Вот эти кинетические массы, которые сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее начинают бежать по улицам, наполняются вот этой кинетической энергией удара. И если напротив этого бегущего множества возникает преграда — в виде, например, ОМОНа, или грузовиков с войсками, или в виде турникетов, и особенно если впереди начинает маячить какая-то желанная цель, например, какой-то Центризбирком, чуровский или, может быть, какой-нибудь минский Центризбирком, откуда исходит это оскорбление народное, — то народ стремится дотянуться до этих измывающихся над ним лидеров. И он бросается на разгром.

О. Журавлёва: *— Гнев народа в этой нарисованной вами картине — он справедлив?*

А. Проханов: — Мы говорим сейчас… Хотите, я перестану объяснять, что такое оранжевая революция? Поговорим о феноменологии народного гнева. Или все-таки договорю?

О. Журавлёва: *— Хорошо, договорите, но потом ответьте, пожалуйста, на мой вопрос.*

А. Проханов — На все ваши 120 вопросов, которые будете один за другим выстреливать, отвечу.

О. Журавлёва: *— Так, пришел народ к избиркому.*

А. Проханов: — Нет, не к избиркому — он пришел к

преградам, он пришел к цепям ОМОНа. И он бросается на эти цепи. В результате столкновений проливается кровь. Она проливается в небольшом количестве, может быть, двух-трех задавят, может быть, задавят 20 человек, может быть, начнется применение дубинок или пневматического оружия с обеих сторон, возникнет, по существу, жестокое и кровавое столкновение. В результате этого, в результате разгона этой демонстрации могут возникать похороны, которые соберут еще большее количество людей. Мир ополчается на чудовищную, окровавившую себя власть и называет эту власть чудовищем, античеловеческим явлением, монстром, который подлежит диффамации. И эта власть диффамируется всей мощью информационных мировых структур, которые бросаются на её несчастного лидера или на группу лидеров.

Этот лидер под таким воздействием, таким парапсихологическим, по существу, воздействием (потому что информационное воздействие сегодня в мире парапсихологическое) — он мешается, он ломается, он уходит, его смещают, он улетает прочь. Его место занимают победители — либо это Лех Валенса, например, либо это Борис Ельцин, который выдавил Горбачева, либо это господа сегодняшней Болотной площади: Шендерович, например, или господин Пархоменко сменяет…

О. Журавлёва: *— Ни тот, ни другой, кстати, не являются политиками.*

А. Проханов: — Но они являются людьми, которые танцуют на этой Голгофе.

О. Журавлёва: *— Хорошо. Так?*

А. Проханов: — И тогда происходит смена режима. Иногда же, если власть, например, слишком упорна и если у нее нет при этом ядерного щита (как у этого упорного Каддафи), то начинаются бомбардировки. Эту демонизированную власть, объявленную врагом человечества, не заслуживающую никакой пощады, начинают бомбить штурмовики НАТО. И эту власть сметает огонь, сметают вот эти события, как они смели Хусейна, Каддафи, как сейчас хотят Башара сместить. И, может быть, как говорил, как обещал нам господин Маккейн, этот великий американец, может быть, такой участи будет удостоен господин Путин. Вот что такое оранжевая революция как классика.

О. Журавлёва: *— Хорошо. Значит, в Киеве было что-то другое, я правильно понимаю?*

А. Проханов: — В Киеве было именно это, потому что именно…

О. Журавлёва: *— Там вроде не бомбили, насколько я помню.*

А. Проханов: — Именно благодаря оранжевой революции, оранжевым атакам, оранжевым протестам был смещен законно выбранный Янукович.

О. Журавлёва: *— Александр Андреевич, вы нарисовали кровавую картину оранжевой революции, которая приводит к катастрофе,* смещению власти, бомбардировкам и всему тому подобному.

А. Проханов: — Не я нарисовал — история нарисовала. Я просто вяло и дрябло воспроизвел ее.

О. Журавлёва: *— Хорошо, но просто есть примеры как раз оранжевых, собственно, откуда и пошел термин, революций, в которых никто никого не убивал. Вот пишут: «Оранжевые революции строятся на недовольстве и немом укоре. Недовольство не берется из ниоткуда, значит, в любом случае надо что-то менять». Ну, с этим вы готовы согласиться, что неспроста все-таки народный гнев направляется против власти?*

А. Проханов: — Конечно.

О. Журавлёва: *— Что есть причины для него?*

А. Проханов: — Народный гнев — очень мощный фактор, потому что народ нужно довести до этой истерики, до этой муки. Но народным гневом как политическим явлением, как концентратом энергии могут пользоваться в самых разных целях…

О. Журавлёва: *— Кто?*

А. Проханов: — Ну, например, я ненавижу Кремль и я нахожусь в согласии или в заговоре с такими же ненавистниками. Допустим, мы имеем спонсоров финансовых как внутри страны, которые ненавидят Кремль и являются олигархами, или за рубежом — людей, которых не устраивает кремлевская политика. И тогда я действую в интересах этих зарубежных и внутренних группировок, и в интересах своих представлений о характере власти.

О. Журавлёва: *— А зачем вам нужны средства, чтобы народное недовольство направить на Кремль? Чтобы что? Во что их вкладывать?*

А. Проханов: — А зачем нужны были средства Ющенко во время Майдана? Чтобы купить барабаны, чтобы палатки купить дорогие, чтобы поддерживать информационный бум, чтобы часть средств оставить себе на лечение испорченной физиономии. Вообще, все народные движения массовые требуют средств и денег. Эти деньги были и будут всегда. И эти средства будут бросаться либо на благие намерения, либо на самые темные и чудовищные.

О. Журавлёва: *— А вот Владимир Путин знает, как с этим со всем бороться, всем ужасным, что происходит. И насчет оранжевой революции все объяснил. Просто и доступно. Встречался с военными, все им рассказал. По словам главы правительства, после свержения режима Каддафи (он тоже туда же, собственно, смотрит) начались столкновения между племенами, люди гибнут десятками, может быть, уже и сотнями. России, чтобы не стать ареной экспортированной оранжевой революции (ну, вот опять же, те же средства из-за рубежа, о которых вы рассказываете, да?), нужно, по словам Путина, «двигаться по собственному пути демократизации, не допускать постороннего вмешательства в свои дела. Это самое главное», — подчеркнул он на встрече с командирами дивизий и бригад Вооруженных сил РФ.*

И второе: «Мы должны обеспечивать свой суверенитет, никому не позволять совать нос в наши дела, и в этом смысле должны соответствующим образом работать правоохранительные органы, судебная система, на страже нашего суверенитета должны стоять вооруженные силы».

Что хочет сказать Владимир Владимирович?

А. Проханов: — Ну, ровно то, что он сказал, и с чем я согласен.

О. Журавлёва: *— А что, простите меня, мешало раньше решить вопрос, который возмущает народ, например, не обманывать? Например, не воровать.*

А. Проханов: — Ничто не мешало. Ничто не мешало.

О. Журавлёва: *— А теперь?*

А. Проханов: — Ничто не мешало. Надо было не воровать, не обманывать, надо было заняться сбережением народа, который вымирает по миллиону в год, надо было улучшать состояние дорог, клиник, университетов и учебной системы, медицинской системы. Ничего этого власть не делала. И она добилась того, что возник этот импульс гнева. И, кстати, та часть власти, которая

тоже в какой-то момент перебежала на сторону оранжистов, Кудрин, например, абсолютно так же, как и сама власть путинская и медведевская, ответственна за этот взрыв негодования и ненависти. Но я вам сказал, что этим взрывом можно воспользоваться по-разному. Им и пользуются по-разному.

О. Журавлёва: *— Как воспользуется Путин этим взрывом?*

А. Проханов: — Путин должен успеть убедить народ деяниями или словами, или чем-то еще иным в том, что после выхода из кризиса начнется долгожданное российское развитие. Потому что если, например, он этого не сделает (хотя он пользуется большой популярностью в стране — у него рейтинг не 5 %, как у Ельцина, который уходил), если он вернется в Кремль, во власть, но опять займется своими корпоративными делами, если он опять бросит народ на вымирание, если он опять между народом и своей корпорацией выберет корпорацию, а не народ, его сметут. Его сметут.

О. Журавлёва: *— Но они будут правы — те, кто сметут?*

А. Проханов: — Они будут правы, они и теперь правы. Но драма-то ведь в том, что, сметая Путина, будет сметена и хрупкая российская государственность.

О. Журавлёва: *— Вы так считаете? То есть просто выиграть на выборах другому кандидату — это же не сметение государственности?*

А. Проханов: — Но сейчас же речь не идет о том, чтобы позволить Зюганову выиграть, а речь идет о том, чтобы объявить выборы, проходящие 4 числа, заранее нелегитимными, возбудить народ, который уже до выборов поверил, что его обманули априори. Более того, показать народу, что добром здесь ничего не сделаешь. Термин «Выметем Путина из Кремля», который гулял на Болотной площади, — это же термин, лозунг какого рода? Сначала выборы проходят, и Путин неправедным путем оказывается в Кремле. Но выборы нелегитимны, и вот этот кремлевский Путин подлежит выметанию из Кремля. То есть, по существу, это формула силового захвата власти. Никаких выборов там нет — выборы кончились, выборы прошли, Путин в Кремле, все хорошо. Но выборы лживы, и поэтому нужно штурмовать лживую власть. Но, повторяю, власть абсолютно ответственна за эту социальную катастрофу.

Другое дел, что у многих граждан, в том числе и у меня, драма выбора между тем, чтобы стараться любыми средствами предотвратить вот эту оранжевую катастрофу, и в результате

этого сохранить эту реально персонифицированную власть (что ужасно для страны)…

О. Журавлёва: *— Которая нас, в принципе, не устраивает, и вас тоже?*

А. Проханов: **—** …которая, в принципе, не устраивает, и тем, чтобы попытаться через давление на власть отделить эту власть от российской государственности.

О. Журавлёва: *— Александр Андреевич, значит, самое главное…*

А. Проханов: **—** В 1991 году сделать это не удалось. Не удалось это сделать и в феврале 1917 года. Уничтожая монархию царскую, уничтожили государственность, империя развалилась, и началась гражданская бойня и война. То же самое произошло и в августе 1991 года. Уничтожая коммунистическую власть, не сохранили государственность, распался Союз, начались войны, начались две чеченские войны. До этого — страшная гражданская война в Таджикистане, чудесная бойня, недавно прошедшая в Киргизии, 1993-й год, кровавая Москва и пылающий Дом Советов. Вот в чем драма.

О. Журавлёва: *— Александр Андреевич, то есть весь смысл в том, чтобы вот эту энергию кинетическую уже, как вы говорите, народного гнева держать в таких рамках, чтобы она не снесла основы? Правильно?*

А. Проханов **—** Вот таких рамок практически нет. Здесь должно быть тончайшее искусство социальных и политических хирургов, которые управляют этим потоком. Если у них есть такая задача. Но у них обычно нет такой задачи.

О. Журавлёва: *— Такая задача должна быть у ныне действующей власти?*

А. Проханов: **—** Нет. У ныне действующей власти одна задача — сохраниться, сберечься. И для этого у нее очень мало ресурсов. Но эти ресурсы есть, я полагаю. Я очень надеюсь, что они найдутся. В противном случае будет беда. Здесь другой вопрос очень интересный (я размышлял над этим). В чем заслуга вот этих вспышек, когда народ вышел на площади? Он внезапно ведь вышел на площади. В чем заслуга так называемой несистемной оппозиции? А несистемная оппозиция совершила невероятные дела, на самом деле. Она в кратчайшие сроки вот эту неподвижную, осовевшую, чванливую и неспособную, нежелавшую меняться, неспособную к переменам власть

заставила измениться. И за какие-то месяцы, по существу, была объявлена политическая реформа. Власть пошла навстречу требованиям оппозиции — это было невероятно еще полгода назад. И что это такое? Наверное, это хорошо. Может быть, это и есть то, о чем я говорю.

О. Журавлёва: *— Может, это и есть народовластие?*

А. Проханов: — Да, конечно. Может быть, это есть народовластие или народовкусие, или что-то там еще. Нет. Здесь кроется очень тонкий момент, который может спасти страну. Что это за момент? Вот несистемная оппозиция со своим потенциалом народных выступлений наносит власти мощный удар. Это я видел: как в танк врывается стальной сердечник из крупнокалиберного пулемета. Но броня такова, что сердечник проникает в нее глубоко, но не насквозь, и не взрывается боекомплект, не происходит этого страшного взрыва, который разносит танк вдребезги. Но возникает вмятина. И власть эту вмятину ощущает. И следующая формация власти или следующая конструкция танка учитывает эту вмятину как конструкцию. Она не демонстрирует следующий проект танка с этой уродливой вмятиной — она делает такую конфигурацию брони, что вмятина входит в конструирование самой новой машины. И вот эта политическая реформа — она, быть может (повторяю с опасением), она, быть может, изменит контуры следующей власти. И власть пойдет на этот коэффициент, на эту поправку, таким образом хотя бы отчасти смягчив удар. Этот удар не должен проникнуть насквозь и уничтожить боекомплект сегодняшней несчастной России.

О. Журавлёва: *— Тогда нарисуйте, по просьбе одного из наших слушателей, первые 100 дней президентства Путина, если он победит 4 марта. Если учесть все то, что было до выборов.*

А. Проханов: — Если учесть все, что было до выборов, и если учесть то, из чего состоит Путин, то эти 100 дней предсказать чрезвычайно сложно. Если Путин пластичный человек, если в нем…

О. Журавлёва: *— Во что слабо верится.*

А. Проханов: — Если Путин пластичный человек, если он не просто двухмерный, трехмерный человек, а шестимерный человек, если в нем, действительно, как говорит мифология Путина… Потому что вокруг Путина есть несколько мифов сложившихся. Эти мифы подтверждаются, и он сам как бы играет в эти мифы, поэтому трудно понять, подлинные ли эти тенденции

в нем или это тоже сложный такой метафизический театр. Если, например, в нем есть, как его певцы пытаются доказать людям, загадочность, метафизика, склонность к тайне, способность ощутить эти таинственные явления русской истории, и он хочет войти в историю и закрепиться в ней как исторический персонаж, как спаситель России, он должен немедленно откликнуться на это движение. Потому что к Путину огромные претензии, например, у оборонщиков, которые сидят на костях военно-промышленного комплекса. Огромные претензии у армейцев, которые не выходят на улицу…

О. Журавлёва: *— Вот как раз с армейцами он встречался, много чего интересного сказал.*

А. Проханов: — Но они сидят среди разгромленной армии.

О. Журавлёва: *— Что вы говорите! У нас потенциал, он сказал, Россия вообще опережает США в модернизации своих ядерных сил, мы круче всех в мире.*

А. Проханов — Он в долгу перед русскими мыслителями, перед русскими художниками и писателями, которых он и его предшественник Ельцин держал под колпаком, давая выход только либеральным энергиям, только либеральной культуре. Он должен пойти навстречу всему этому. Если он это сделает немедленно, не через 100 дней, а через 10 дней, еще до инаугурации, если он заявит об этом, то, я думаю, что протесты начнут уменьшаться. И, конечно, он должен закрепить политические обещания, которые дал он и Медведев.

О. Журавлёва: *— А как насчет закручивания гаек, о которых тоже часто говорят? Может быть, это самый простой вариант — так закрутить, чтобы уже никто никуда не ходил?*

А. Проханов — Нет. Я думаю, что будут пластичные системы… Путин не пришел к нам как диктатор. Он пришел к нам как…

О. Журавлёва: *— Как преемник.*

А. Проханов — Он пришел к нам как архитектор управляемой демократии. Управляемая демократия и диктатура — это две совершенно разные структуры политические. И как человек такой пластичной, управляемой демократии (ну, мягкий авторитаризм), он, мне кажется, должен проявить и задействовать поразительные способности всех такого рода систем к выживанию. Эти системы на своих окраинах допускают революции, то есть они

допускают афронт, они выделяют из своей среды бунтарей, диссидентов, революционеров. В какой-то момент система под воздействием периферийных революций начинает содрогаться, трепетать, в ней возникает стремление к переменам. Потом она вбирает в себя этих детей, она их соединяет, она их интегрирует. Потому что, по существу, все живучие западные системы построены на этом принципе — они интегрируют революционеров, делая их либо частью поп-культуры, либо вводя их в истеблишмент, как было в Германии.

О. Журавлёва: *— Александр Андреевич, мы уже подобрались практически к 100 дням Путина, уже добрались до его первых действий. По поводу гаек: вы считаете, что закручивание гаек — это не наш метод, что называется?*

А. Проханов: — Да нет, просто это не его метод.

О. Журавлёва: *— Просто очень часто кажется по риторике путинской, хотя она сейчас достаточно все-таки продуманная (это не то, что какие-то спонтанные выступления), но, тем не менее, кажется, что все-таки страх — это его любимый способ воздействия. Когда он говорит с военными по поводу угрозы оранжевой революции и по поводу того, что нам все угрожают, по поводу того, что из-за границы пытаются вмешаться, совать свой нос и так далее, — это же манипуляции самыми простыми чувствами: страха, завоевания, вмешательства, еще чего-то.*

А. Проханов: — Ну, понимаете, 1941 год. И, конечно, глупо было говорить о страхе — надо было говорить о садах.

О. Журавлёва: *— А вот в 1941 году, между прочим, никого не предупреждали. Никто не говорил, что надо против Германии обороняться.*

А. Проханов: — Как это?

О. Журавлёва: *— До того, как все началось.*

А. Проханов: — Я знаю, что в это время вы были, конечно, местом обороны.

О. Журавлёва: *— Александр Андреевич, ну вы же прекрасно знаете, как мы любили… Как товарищ Сталин любил товарища Гитлера. Буквально накануне.*

А. Проханов: 1941 году предшествовал 1940-й, 1939-й, 1938-й… Это была абсолютно военизированная психология мира в целом. Армии перевооружались, создавались элитные отряды, аристократию готовили к смертному подвигу во имя родины. И

сегодня, когда Путин говорит с военными о войне, конечно, это смешно — он должен был говорить о — карамелях.

О. Журавлёва: *— Ой! О карамелях он говорит прекрасно. Он рассказывает, что у нас не получилось вам построить жилье, но мы чуть попозже обязательно построим. Так что про карамель он говорит ровно столько же, сколько про угрозы.*

А. Проханов — Ну, я считаю, что если он пришел в гарнизоны к танкистам, он должен говорить о карамелях, о сгущенном молоке, о прическах прелестных женщин, дам Москвы.

О. Журавлёва: *— Да, в общем-то, это их больше интересует, да.*

А. Проханов: — Вам только так кажется. Вот эта психология пацифизма, которая исходит из либеральных кругов, все время навязывается стране, — она, в общем, отвратительная. Потому что такое ощущение, действительно, будто эта психология заказана — она не соответствует реальному положению дел в стране.

О. Журавлёва: *— Да какой пацифизм, Александр Андреевич? Нам говорят, что на нас Америка нападает, а стреляют у нас, у нас в стране, внутри наших границ. Покушаются на разных людей. То у нас бой идет три дня на территории РФ…*

А. Проханов: — И что?

О. Журавлёва: *— И про это нам никто не говорит — это не страшно? Почему?*

А. Проханов: — Ну как никто не говорит? Об этом все время говорят. Нам страшно, знаете, что? У нас была грузинско-российская война. Эта война, конечно, эпизод. Какая это война? Это смехотворно. Эта война была связана с тем, что в Черное море вошел натовский флот с ядерным оружием. Эта война была чревата тем, что была возможна схватка в Крыму, разрастание этой войны в российско-украинскую и в региональную, потому что беспилотники израильские летали над Цхинвали и над русскими войсками. А война с кораблями НАТО в акватории Черного моря — это война по всей акватории Тихого, Индийского, Атлантического океанов. И нам об этом пацифисты не говорят.

О. Журавлёва: *— Что помешало Америке тогда до-давить? Ведь Грузию же раздавили российские войска.*

А. Проханов: — Атомная война. Атомная война страшна. Поэтому наш ядерный щит является единственной и последней гарантией того, что нас не раздавят бомбардировщики. Но нас могут раздавить через технологии оранжевых революций. Поэтому мне кажется отвратительным разговор с сегодняшним российским народом с пацифистских позиций.

О. Журавлёва: *— А нельзя ли говорить с народом с других позиций?*

А. Проханов: — Нет.

О. Журавлёва: *— Меньше воровать, больше вкладывать?*

А. Проханов: — Это да, это да. Но мне-то лично (я-то милитарист), мне отвратителен разговор с русским народом с пацифистских позиций в то время, когда те же самые…

О. Журавлёва: *— Тогда зачем военным квартиры? Пусть так идут, героически.*

А. Проханов: — Мне отвратительна пацифистская фразеология людей, говорящих с русским народом, тех людей, которые прекрасно признают, например, оборонное сознание в Израиле. Они прекрасно признают, что для израильского человека оборонное сознание, чувство угрозы, чувство опасности, чувство осажденной крепости естественно. Оно для них естественно. Но только не для русских, на границах которых растут армии.

О. Журавлёва: *— Хорошо. Чувство осажденной крепости, ладно. Но помимо этого есть еще масса вариантов страха.*

А. Проханов: — Помимо этого есть страх, знаете, за что? У меня, например, страх за то, что падет русская государственность, и кончится все это августом 1991 года.

О. Журавлёва: *— И ваша единственная надежда — это Владимир Владимирович Путин?*

А. Проханов: — Это ваша единственная надежда. Моя единственная надежда, что удастся трансформировать эту власть без уничтожения государственности. И я думаю, что вот эта…

О. Журавлёва: *— Так все-таки трансформировать власть нужно?*

А. Проханов: — Вот эта машина запущенная, машина агитации и пропаганды за оранжевую революцию, частью которой вы являетесь в сегодняшнем разговоре со мной…

О. Журавлёва: *— Особенно вы сейчас пропагандист и агитатор.*

А. Проханов: — …она тотальна и страшна. Именно она, вот этот сердечник, который ударил и движется в недрах брони, он пройдет насквозь и ударит боекомплект. Поэтому я делаю все, что в моих слабых силах. Я не хочу этого ложного, отвратительного пацифистского подхода. Это подход, абсолютно связанный с психологической обработкой противника. Противник не должен знать, что на него нападут. Он не должен чувствовать себя в опасности. Он должен верить в то, что наша армия — самая сильная, мощная, что врага не…

О. Журавлёва: *— Так нам Путин об этом рассказывает, что армия у нас самая сильная и мощная.*

А. Проханов: — Молодец. И молодец. Молодец, что это делает, а не лжет нам, как это делают лжецы от либеральной психологии и политики.

О. Журавлёва: *— А Александр Андреевич нам рассказывал, что ужасный Сердюков армию разваливает специально.*

А. Проханов: — А я говорю, что армия должна быть восстановлена вопреки Сердюкову.

О. Журавлёва: *— Так Путин его назначил ваш любимый.*

А. Проханов: — А Путина назначил ваш любимый Ельцин. А Ельцин совершил госпереворот. А, оказывается, Зюганов выиграл в 1996 году выборы.

О. Журавлёва: *— Зюганов это не подтверждает.*

А. Проханов: — А ваш любимый либерал Медведев подтверждает.

О. Журавлёва: *— Что он может знать? Его тогда не было.*

А. Проханов: — И вы рукоплескали пожару 1993 года, а, по существу, одно за другое цепляется.

О. Журавлёва: *— Александр Андреевич, вы говорите о преемственности власти?*

А. Проханов: — Я говорю не о преемственности власти, я говорю о мерзком либеральном подходе к русским проблемам. Вот о чем я говорю.

О. Журавлёва: *— Тогда, значит, вот этот самый ваш*

любимец, который с мерзким либеральным подходом, останется еще на 12 лет у власти. Вы этого хотите?

А. Проханов: — А вы хотите, чтобы Россия продолжала умирать, как она умирает под либеральным игом на протяжении двух десятилетий? Вы этого хотите?

О. Журавлёва: *— Так вы-то чего хотите? Вы чего хотите: чтобы Путин стал коммунистом, сталинистом или кем-то еще?*

А. Проханов: — Нет, я хочу, чтобы Путин стал дамой и на пуантах танцевал на сцене Большого театра…

О. Журавлёва: *— Ой, этого я тоже хочу. Но, к сожалению, это невозможно.*

А. Проханов: — Да. В общем, не валяем дурака, а говорим по-серьезному, о серьезных вещах.

О. Журавлёва: *— Вот, по-серьезному. Вы говорите, что Путин — гнусный либерал, разваливший армию. Но теперь вы хотите, чтобы он остался у власти. Зачем?*

А. Проханов: — Серьезные вещи таковы, что, благодаря политике Сердюкова, реформирующей уже разгромленную российскую армию, сегодня российская армия практически без частей. Но я только что был в Псковской воздушно-десантной дивизии, которая, слава тебе, господи, несмотря ни на что или, может быть, благодаря чему-то, является соединением абсолютной боевой готовности, полностью укомплектована личным составом, новейшим вооружением и готова в случае атаки супостата выставить свои штыки. Я также знаю, что утверждение Путина о том, что иностранное вмешательство в дела России — это реальность, справедливо. Потому что русская политическая и политологическая жизнь набита неправительственными организациями, живущими на транши.

Сегодня ко мне опять приходил следователь ФСБ в редакцию и в 25-й раз беседовал со мной по поводу знаменитого интервью с Квачковым «Народное восстание — да». Прекрасное, блестящее интервью русского патриота. И опять — дело было уже закрыто, но организации Брода и Прошечкина, вот эти правоохранительные еврейские организации, живущие за деньги еврейских американских структур…

О. Журавлёва: *— Под носом у Путина.*

А. Проханов: — Под носом у Путина. И он должен был их зажать и разгромить.

О. Журавлёва: *— Так почему же он этого не сделал?*

А. Проханов: — Я надеюсь, что он это сделает. И он не свободен — он окружен Фридманами, он окружен Вексельбергами.

О. Журавлёва: *— Вы еще четыре года назад всё на него надеялись.*

А. Проханов: — А теперь я надеюсь на то, что он, наконец, загонит их за Можай, а Брод и Прошечкин, как и многие другие живущие на иностранные транши и, как крысы, прогрызшие дыры в российском обществе — они будут отравлены мышьяками.

О. Журавлёва: *— Про оранжевую революцию нам пишет Петр: «Чем страшна? Тем, что говорит про то, что необходимо поменять власть, которая ничего не делает, и поменять ее бескровно? В этом ужас оранжевой революции? Оранжевая революция изначально бескровна».*

А. Проханов: — Я уже сказал все, что сказал. Оранжевая революция в 1991 году была бескровна. Всего три человека было задавлено гусеницами. Но разве это люди? Согласитесь. Это чепуха.

О. Журавлёва: *— Александр Андреевич, вы сейчас передергиваете. Вы только что мне объяснили, что вся власть, которая была, она правопреемница всех тех ужасных либералов, которых вы описываете, и она ничем от них принципиально не отличается. И вы хотите ее клонировать и дальше, и дальше, и дальше для того, чтобы сохранить государственность? Я правильно понимаю?*

А. Проханов: — Нет, вы в течение всех 45 минут валяете дурака и ничего из того, что я говорю, не воспринимаете.

О. Журавлёва: *— А вы разве нет?*

А. Проханов: — Нет. Я вам объясняю, что такое оранжевая революция, я вам объясняю драму…

О. Журавлёва: *— Что она опасна. Я поняла.*

А. Проханов: — Я объясняю драму кровавого исхода оранжевой революции. Я говорю, что оранжевые революции — это не хрестоматийная выдумка. Оранжевая революция произошла в 1991 году в СССР. Вам наплевать на это. Ну… Так вы устроены. Оранжевая революция произошла, по существу, и в феврале 1917-го. Черт с ней.

О. Журавлёва: *— Но она была далеко не оранжевой. Оранжевые отличаются от просто революций как раз бескровностью.*

А. Проханов: — Оранжевые революции произошли в Киргизии, там перебили несколько тысяч людей.

О. Журавлёва: *— Оранжевая революция была одна — на Украине. Она там и была оранжевая.*

А. Проханов: Была революция роз, была революция, повторяю, подметок. Это просто один и тот же термин, который, кочуя из одной трагической страны и одного трагического народа в другой, меняет свое название и форму. Мы, повторяю, сейчас переживаем, конечно же, по хрестоматии оранжевую революцию, а по существу — революцию оторванных подметок, как я сказал в начале.

22.02.12.

Политковская - сакральная жертва для Путина

Т. Фельгенгауэр: *— Александр Андреевич, масса сюжетов есть буквально для вас и только для вас. Как великого писателя.*

А. Проханов: — Валяйте.

Т. Фельгенгауэр: *— Ну, давайте про сакральное жертвоприношение.*

А. Проханов: — О, это моя тема.

Т. Фельгенгауэр: *— Это ваша тема на 146 %. Владимир Путин, премьер-министр, кандидат в президенты, говорит о том, что некие провокаторы могут выбрать сакральной жертвой кого-нибудь известного и грохнуть его, обвинив в этом силовиков. Сценарий, по-моему, серьезный и закрученный.*

А. Проханов: — Нет, во-первых, не дай бог, чтобы мы с вами попали под эту разборку. И вы известны, и я относительно известен. Дай бог, нам пережить.

Т. Фельгенгауэр: *— Ну, я на сакральную жертву точно не потяну.*

А. Проханов: — Не зарекайтесь. Во-первых, все мы, рожденные здесь, — сакральные жертвы, мы обречены на эту жизнь. Это раз. А во-вторых, я понимаю, о чем говорит Путин. И речь идет, в общем-то, даже не только о возможных жертвах оранжевой революции. А ведь и Анна Политковская была сакральной жертвой. Не забывайте, что ее убили в день рождения Путина. Это был подарок, который кто-то или некто преподнес своему врагу Путину.

Т. Фельгенгауэр: *— Про Анну Политковскую сегодня еще обязательно поговорим, благо и новости есть на эту тему.*

А. Проханов: — Вот я и говорю, что сакральная жертва — это тема, не чуждая Путину. Он понимает, что такое сакральный удар.

Т. Фельгенгауэр: *— Может быть, он знает что-то, чего не знаем мы?*

А. Проханов: — Я думаю, что он знает не более того, что знаем мы с вами. Во всяком случае, я. И принесение сакральной жертвы Анны Политковской разрушило его, это был, повторяю,

день его рождения, когда человек открыт, беззащитен, когда его пуповина помнит о том, что он явился в мир из изнеженных материнских утроб.

Т. Фельгенгауэр: *— Я напомню вам, что Владимир Путин тогда сказал, что Анна Политковская своей смертью больше вреда России принесла, чем пользы.*

А. Проханов: — И это правда, потому что удар…

Т. Фельгенгауэр: *— Как-то так вот он очень странно выразился.*

А. Проханов: — Это сакральный удар, который он получил. Он не скоро от него оправился. Это была мощнейшая парапсихологическая операция. Смерть, направленная в конкретного человека. Это трансляция смерти в Путина. Поэтому он прав, говоря о том, что может быть принесена сакральная жертва, через эту жертву может быть совершен вообще какой угодно и политический, и метафизический переворот в современной России. Я его понимаю.

Т. Фельгенгауэр: *— Ну, это будет… Просто я не очень представляю себе, как такое может быть, что кандидат в президенты вот такие сценарии озвучивает. Это очень странно, когда он говорит, что есть люди, которые хотят каких-то стычек и к этому всячески подводят. Они и сами готовы принести какую-то жертву, обвинить в этом власти. Это звучит крайне тревожно. Такое ощущение, что там что-то готовится.*

А. Проханов: — Мне тревожно слушать постоянные приглашения несистемной оппозиции к своим сторонникам явиться на площадь в центре Москвы 5 числа во что бы то ни стало.

Т. Фельгенгауэр: *— Нет таких призывов.*

А. Проханов: — Ну, я постоянно их слышу. Я постоянно их слышу. И сегодня, когда я ехал в автомобиле…

Т. Фельгенгауэр: *— Мы постоянно слышим, что сейчас с московскими властями идут переговоры.*

А. Проханов: — Сегодня, когда я ехал в автомобиле, я слушал Антона Ореха, его такое эссе — он блестящий эссеист — и там постоянно говорилось о том, что возможна кровь, возможна если не сакральная жертва, то убийство, насилие и что власть будет ответственна за это насилие. Воздух пахнет кровью. А в

наши дни и воздух пахнет смертью. Открыть окно, чтоб вены растворить. Вы это тоже чувствуете. И мне кажется, что не следует, ну, как бы, успокаивать людей накануне очень грозных и, может быть, страшных событий. Люди должны знать, что их ждет.

Т. Фельгенгауэр: *— А что нужно, если не успокаивать? Просто информировать вот так вот?*

А. Проханов: — Ну, задача журналистов — информировать. А задача, конечно, идеологов — придавать этой информации определенную окраску.

Т. Фельгенгауэр: *— Но, информируя граждан о выступлении премьер-министра и кандидата в президенты, журналист неизбежно передает и ту эмоцию, которую Владимир Путин вкладывает. Ну, что это там за слово «грохнуть»?*

А. Проханов: — Владимир Путин, как мне кажется… Как мне кажется, Владимир Путин предупреждает москвичей о возможной беде. Он не раскрывает технологии этой беды. Но любой политолог, знающий, что такое оранжевая революция, он прекрасно понимает, что первый этап оранжевой революции — это объявление выборов нелегитимными, заранее эти выборы объявляются нелегитимными, что и сделано уже перед президентскими выборами. И второе: в момент столкновения возмущенной нелегитимностью выборов толпы с органами правопорядка должна пролиться кровь. После чего демонизируется власть и, по существу, происходит страшная диффамация лидера.

Т. Фельгенгауэр: *— Ну, судя по всему, и к первой части тоже Владимир Путин подготовился, потому что сегодня он заявил, что некоторые сами будут вбрасывать. Ну, он говорит, я так понимаю, про оппозицию, про тех, кто уже сейчас говорит, что выборы не легитимны. Так вот про этих людей Владимир Путин сказал следующее: «Сами будут вбрасывать, сами контролировать, а потом предъявлять. Мы это видим и уже знаем». Видите? Путин-то заранее ко всему готов.*

А. Проханов: — Я думаю, что он, конечно, встревожен. Нельзя называть его абсолютно спокойным, потому что ситуация, которая в стране, в СМИ, вообще та невралгия, которая охватила народ, она ужасна. И она передается всем. Всем лидерам — мелким, средним, большим, сверхлидерам. И мы живем в атмосфере такого полубезумия социального. И надо отдавать себе в этом отчет.

Т. Фельгенгауэр: *— Довольно страшно жить в атмосфере полубезумия, да еще и накануне президентских выборов. Кого мы выберем в таком состоянии, Александр Андреевич-то, в полубезумии?*

А. Проханов: — Как хорошо, что вы не замечаете той атмосферы, в которой вы живете и которую отчасти вы и создаете.

Т. Фельгенгауэр: *— Я не создаю атмосферу полубезумия. Я как раз стараюсь атмосферу полунормальности хотя бы какой-то создать. Но с другой стороны, конечно, здорово, потом можно будет сказать, что «не знаю, чего мы там навыбирали. Мы были в состоянии полубезумия». Очень удобная отговорка.*

А. Проханов: — Это когда будет кровь и когда будут с ревом нестись санитарные машины по Москве, мигая своими этими лиловыми очами, вот тогда можно сказать, действительно, мир-то безумен.

Т. Фельгенгауэр: *— Ну, я надеюсь, до этого не дойдет. Еще одно заявление Владимира Путина: «Оппозиция должна подчиняться мнению большинства. Бороться за свои права, но законными методами». Как вы считаете, кто кому должен подчиняться и по какому принципу?*

А. Проханов: — Я не юрист, я не знаю, как…

Т. Фельгенгауэр: *— Вы писатель, вы тоньше чувствуете.*

А. Проханов: — Я не юрист, я не знаю, как должно быть устроено правильное общество. Но я писатель. И мой опыт, опыт существования после 1991 года, когда власть в стране захватило либеральное меньшинство, это ужасный опыт жизни под игом либерального меньшинства. И все 90-е годы — это годы беспощадного подавления русского большинства. И я знаю, что такое либеральная интеллигенция, которая приходит к власти. Это умное, очень деятельное, настойчивое, жестокое, беспощадное и аморальное меньшинство. Это меньшинство не признает ничего кроме себя. И не дай бог, если еще раз в России установится диктатура либерального меньшинства. Вот это я знаю.

Т. Фельгенгауэр: *— А вот последние 10 лет как бы вы охарактеризовали тех, кто был у власти?*

А. Проханов: — Последние 10 лет у власти находились те, кто вышел из сюртука Бориса Николаевича Ельцина. Это абсолютное логическое продолжение Ельцинизма, того срока десятилетнего, который воспевается по сей день либералами. Эта

малина ельцинская — это была пора абсолютного расцвета либерализма, экономического либерализма, который позволил захватить народное достояние маленькой кучке, морального либерализма, когда расцветали пороки, гедонизм, гомосексуальные пляски.

Т. Фельгенгауэр: *— Вот эти люди последние 10 лет были у власти?*

А. Проханов: — И эти ельцинские либеральные 10 лет постепенно, без революций, эволюционно и имманентно переросли в следующие 10 лет. Поэтому нынешние проходящие 10 лет — это абсолютно либеральная, особенно экономически либеральная пора, проповедуемая либералами ельцинского периода.

Т. Фельгенгауэр: *— А следующие 10 лет? Они также будут эволюционны? Или у нас, все-таки, все кардинально поменялось за последнее время?*

А. Проханов: — Ну, я думаю, что следующие 10 лет, если победит оранжевая революция, они будут просто уже не русскими годами. Если победит оранжевая революция 5-го, 7-го или, там, 20-го марта, Россия распадется на тысячу кусков, будет бойня всех против всех, и у нас установится власть нескольких очень крупных империй, которые живут рядом с нами.

Т. Фельгенгауэр: *— Ну, с чего бы ей побеждать, в самом деле, Александр Андреевич? С чего бы побеждать ей, этой оранжевой революции, если вы считаете, что она будет?*

А. Проханов: — А почему эта мирная, тихая, чудесная революция победила в августе 1991 года в Советском Союзе? И почему она победила у Саакашвили? И почему она победила в Киргизии? И почему она провалилась у Лукашенко во время выборов? Она шла абсолютно по сегодняшнему сценарию.

Т. Фельгенгауэр: *— Хороший вопрос. Еще один вопрос по поводу…*

А. Проханов: — А не хотите услышать ответ на этот вопрос?

Т. Фельгенгауэр: *— Ну-ка? Удивите меня. Потому что у белорусов есть Лукашенко?*

А. Проханов: — Нет. Просто эта революция там провалилась благодаря активности и превентивным действиям власти. А власть в Белоруссии осмысленнее, чем российская власть. Власть в Белоруссии…

Т. Фельгенгауэр: *— Скажите, а… Расскажите тогда…*
А. Проханов: — Хотите я вам договорю мою фразу?

Т. Фельгенгауэр: *— Давайте.*
А. Проханов: — Власть Белоруссии осмысленнее…

Т. Фельгенгауэр: *— Потом еще про Белоруссию обязательно поговорим. Так? Осмысленнее?.. Александр Андреевич? Ну, мне просто интересно, какие превентивные меры тогда… Будет большой блок по Белоруссии, хочу закончить просто с выборами. Какие превентивные меры правильно было бы принять нынешней власти?*

А. Проханов: — Вы меня 6 раз перебивали и я вам отвечаю в 7-й раз, может быть, последний. Значит, в Белоруссии, благодаря тому, что там целостная власть, там абсолютно минимальный потенциал для оранжистов, у них прекрасно действуют спецслужбы, в белорусском субъекте, то есть в администрации президента нет оранжистов в отличие от нашего субъекта политического, который окружает самого Путина множеством самых разных оранжистов, эту революцию удалось сорвать. И чудом там не появились трупы или кровь во время постпрезидентской ночи.

У нас все иначе. Потому что у наших оранжистов огромная поддержка в истеблишменте, наши оранжисты талантливее и способнее, и многочисленнее белорусских. А наша власть беспомощнее белорусской консолидированной власти.

Т. Фельгенгауэр: *— Так. Вы сами себе противоречите. Вы сказали, что нет там оранжистов. А теперь оказывается, они есть, просто не талантливые.*

А. Проханов: — Мне свойственно самому себе противоречить.

Т. Фельгенгауэр: *— Да, но у нас, с другой стороны, есть и целостность, и прекрасные спецслужбы.*

А. Проханов: — Откуда у нас прекрасные спецслужбы?

Т. Фельгенгауэр: *— Нет у нас прекрасных спецслужб?*

А. Проханов: — Ну, конечно, у нас нет… У нас нет ни прекрасных спецслужб, ни прекрасной армии, ни прекрасного правительства, ни прекрасных президентов. У нас есть разгневанный, рассерженный, обессилевший народ, которым можно манипулировать в силу того, что он абсолютно озверел от

всего происходящего в России.

Т. Фельгенгауэр: *— Путин еще есть.*
А. Проханов: — И Фельгенгауэр есть.

Т. Фельгенгауэр: *— И Проханов есть.*
А. Проханов: — И опять Фельгенгауэр есть.

Т. Фельгенгауэр: *— Нет, я есть один раз. Не надо меня дважды…*
А. Проханов: — Нет, вы есть 25 раз.

Т. Фельгенгауэр: *— Два раза меня зачем-то посчитали.*
А. Проханов: — А меня зачем посчитали?

Т. Фельгенгауэр: *— И это вот так вот и на выборах будет.*
А. Проханов: — Да, подтасовка.

Т. Фельгенгауэр: *— По поводу легитимности и ожиданий от того, что будет 4 марта в ходе голосования. Очень много наблюдателей в этот раз, народ прямо очень активно идет в наблюдатели и будут вебкамеры эти. Кстати, среди наблюдателей на президентских выборах будет даже кардинал из Ватикана совершенно неожиданно. Насколько это позволит снизить градус напряжения? Как-то, вот, все же заранее говорят, что все сфальсифицируют. Ну, при таком количестве наблюдателей, наверное, это поможет.*
А. Проханов: — Ведь все зависит от того, кто будут наблюдатели.

Т. Фельгенгауэр: *— Кардинал из Ватикана.*
А. Проханов: — Например, кардинал из Ватикана. А если бы был, например, какой-нибудь архиепископ или владыка, это была бы другая история. Понимаете?

Т. Фельгенгауэр: *— Почему?*
А. Проханов: — А потому что кардинал из Ватикана симпатизирует оранжистам.

Т. Фельгенгауэр: *— (смеется) Почему?*
А. Проханов: — Ну потому что, господи. Все же оранжисты — католики наполовину. Потому что, видите, они выходят… У них у всех тонзуры на головах, они все выходят в сутанах, они произносят свою молитву по латыни.

Т. Фельгенгауэр: *— С ужасом спрашиваю: а если бы раввин был наблюдателем?*

А. Проханов: — Наблюдатели ничего не решают. Наблюдатели из Евросоюза, которые приезжают на выборы в Россию или в Белоруссию, они говорят, что выборы нечестные и нелегитимные. Если набить, например, наши выборные участки наблюдателями из Евросоюза, то все они через 4 минуты по завершении выборов, даже до обнародования результатов голосования скажут, что выборы не легитимны. Так же, как, кстати, и оранжисты наши говорят, еще выборы не состоялись, но они уже не легитимны. Это фрагмент оранжевой революции. Выборы должны быть нелегитимными. Выборы 4-го нелегитимны, понимаете? И поэтому эти выборы должны быть отвергнуты, и поэтому должно быть создано конституционное совещание для новой Конституции.

Т. Фельгенгауэр: *— А что, как вы думаете вообще, как будут 4–5 марта развиваться события? Как-то вы такие тревожные картины рисуете.*

А. Проханов: — Да так и будут развиваться, как будут развиваться.

Т. Фельгенгауэр: *— Да? Никто не сможет это дело отконтролировать никак?*

А. Проханов: — Да нет. Вот, видимо, судьба такая русская.

Т. Фельгенгауэр: *— Спецслужбы, я смотрю, вы уже списали со счетов вообще.*

А. Проханов: — Да как вам сказать? Они же могут играть и на руку врага. Они же очень часто…

Т. Фельгенгауэр: *— Вас послушать, так кругом враги, и все сговорились, и во всех сферах нашей жизни одни сплошные оранжисты. И вы один, Александр Проханов в этом вот кольце врагов.*

А. Проханов: — Да почему? И вы рядом со мной в одном кольце. Мы же с вами были внутри Садового кольца, когда эта белая змея протянулась вдоль Садового?

Т. Фельгенгауэр: *— Я была на бордюре.*

А. Проханов: — Вы были на бордюре?

Т. Фельгенгауэр: *— Да.*

А. Проханов: — Вы были частью змеи?

Т. Фельгенгауэр: *— Частью змеи, конечно.*

А. Проханов: — А, вы были частью змеи, вы были хвостом змеи…

Т. Фельгенгауэр: *— Ну да, такой, гремучей, которая гремела.*

А. Проханов: — Который проглотила пасть змеи. Спецслужбы разрушили СССР, спецслужбы, возглавляемые Крючковым, были частью заговора против России. Спецслужбы сегодняшней России абсолютно не консолидированы. Мы были свидетелями несколько лет назад о том, как спецслужбы чуть было не перестреляли друг друга. Это был казус.

Т. Фельгенгауэр: *— Зато они раскрыли покушение на Путина. Но, правда, украинские спецслужбы, но все-таки. Это же тоже прекрасный сюжет, покушение на Путина.*

А. Проханов: — Что здесь смешного? Вот я считаю, что…

Т. Фельгенгауэр: *— Нет, это ничего… Трагично достаточно.*

А. Проханов:-…это предмет глубоких печалей наших с вами.

Т. Фельгенгауэр: *— Попытка покушения на Путина? Или то, что не наши спецслужбы это раскрыли?*

А. Проханов: — И третье еще что-то присутствует. Все печально. Что бы ни было сказано по этому поводу, все глубоко печально. Великопостно.

Т. Фельгенгауэр: *— Ну да, вполне соответствует нынешнему времени. А насколько вообще вас это сообщение о срыве покушения на Путина заинтересовало, удивило, стало как-то для вас наоборот ожидаемым?*

А. Проханов: — Оно меня как-то тупо огорчило.

Т. Фельгенгауэр:— *Чем?*

А. Проханов: — Ну а чего здесь хорошего-то? Ну вот раскрыли покушение на Путина в этот период, когда все нервы напряжены у людей. И эта информация должна воздействовать на людей так или иначе. Может быть, эта информация воздействует на людей таким образом, что если враги рода человеческого покушаются на Путина, то он достоин того, чтобы он был нашим президентом, и будем голосовать за него вдвое энергичнее. Есть и другое ощущение, что вот эти лукавцы — они устраивают мнимое покушение, такой самострел. И мы-то это знаем. И как это

неприятно и неприлично. И наше доверие к Путину в результате этого самострела уменьшается. И 2 % долой из его сторонников. Это же все зависит от того, куда пойдет эта информация, на какую почву и что здесь прорастет.

Т. Фельгенгауэр: *— Ну, вот вы как восприняли эту информацию?*

А. Проханов: — Вот я вот так и воспринял. Уныло. Мне кажется, что и то, и другое ужасно.

Т. Фельгенгауэр: *— Вы упомянули уже имя Анны Политковской. Сегодня были новости тоже на эту тему. Фигурант дела об убийстве Политковской назвал заказчиками преступления Березовского и Закаева — об этом сообщил его адвокат. Но сам Березовский уже выступил с опровержением этой информации, сказал, что ничего подобного быть не может и нет. Еще один сюжет для вашего пера.*

А. Проханов: — По-моему, я вначале, если мне не изменяет память, упомянул вот эту ситуацию. Упомянул ситуацию, что Политковскую должны были убить враги Путина. Потому что сейчас ведь, повторяю, вот эти дешевые трюки с самострелами, мнимыми покушениями уже не проходят. И в ход вступают очень сложные технологии. В данном случае, как мне кажется, были в ход пущены так называемые магические технологии. И эти магические технологии… Вы как верующий человек понимаете, что магия — это не совсем постороннее для общественной жизни явление. Эти магические технологии предполагали, что в день рождения (у Путина в это время был день рождения) следовало бы ему подарить вот этот вот чудовищный страшный подарок, убить человека и направить смерть эту против него. И, действительно, сразу после смерти Политковской, после убийства Политковской Путина стали обвинять в том, что он — заказчик этого преступления. Это был удар по его репутации, по его престижу. Ни один осмысленный политик не стал бы совершать такого рода злодеяние, понимая, что оно в первую очередь повлияет на его репутацию. Это раз.

Т. Фельгенгауэр: *— Не припомню я, чтобы Путина в этом обвиняли, но…*

А. Проханов: — Как это не припомните? Переверните подшивки газет и также синхроны «Эха Москвы» — вы услышите там огромное количество обвинений в адрес Путина.

Т. Фельгенгауэр: *— Так по поводу Березовского и Закаева. Это*

тоже часть плана большого? Все укладывается в один пазл?

А. Проханов: — Ну, я думаю, что вот эта точка зрения, которую я вот сейчас вам предложил, она рассматривается и в информационных сферах, и в политологических сферах. И там ищут, кто бы мог быть заказчиком, кто так ненавидит Путина, кто так ненавидит Путина, что пытается использовать против него уже крайние формы.

Т. Фельгенгауэр: *— И нашли сразу двоих!*

А. Проханов: — Вы сказали, подсказали, спасибо. Вы правы. Я согласен с вами. Вы правы, да.

Т. Фельгенгауэр: *— Воплощение ненависти к Путину — Борис Березовский?*

А. Проханов: А, вы считаете, что Березовский и Путин — друзья, да? Закаев и Путин — друзья?

Т. Фельгенгауэр: *— Ну, когда-то точно были.*

А. Проханов: — Когда-то все мы были друзьями в детстве.

Т. Фельгенгауэр: *— Ну да.*

А. Проханов: — А сейчас перессорились очень крепко. И, похоже, навсегда.

Т. Фельгенгауэр: *— Это очень печально. У нас все «Особое мнение» сегодня довольно грустное. Ну, наверное, времена такие. Не работает у нас, к сожалению, кардиограмма эфира — сейчас в перерыве уже поплакали.*

А. Проханов: — Я ее нарисую, я сам ее нарисую.

Т. Фельгенгауэр: *— И я тоже нарисую, а потом сравним по ощущениям от эфира. Давайте про Белоруссию теперь наконец-то уже подробно и обстоятельно поговорим. Ну, там все совсем печально с Евросоюзом. Уезжают белорусские послы из стран ЕС, а страны ЕС отзывают послов своих. И что вообще происходит? Вроде вот этот постоянный танец Белоруссия-Евросоюз — он, все-таки, как-то, но двигался. И вроде даже получалось у Александра Григорьевича балансировать.*

А. Проханов: — Я вот сейчас был в Минске. Опустел город. Понимаете? Ни одного посла. Иду по улице, ищу, где бы найти посла Польши. Нет. Германии — нет. Все сгинули. И что делать теперь приезжающим в Минск? Пустыня! Эти послы не были изгнаны, ни посол Евросоюза, ни посол Польши. Им было элегантно предложено на время покинуть столицу Белоруссии,

чтобы обсудить со своими мидовцами ситуацию в отношениях Евросоюза и Белоруссии. До этого Белоруссия отозвала своих послов из Польши и из Евроцентра, из Брюсселя. Поэтому нечего здесь нагнетать истерию. Это обычный такой психологическо-дипломатический демарш, направленный на твердую, жесткую республику Беларусь и лично на Лукашенко, которому, на мой взгляд, повторяю, нет равных в Европе. Все эти ничтожные президенты типа Саркози и Берлускони — они в подметки не годятся твердому, мощному, авторитарному лидеру Лукашенко.

Что касается того, почему это произошло. Ведь, мы же с вами говорили о том, что оранжевая революция захлебнулась. И организаторы этих погромов в ночь после президентских выборов, когда громили административные учреждения, были арестованы. Некие из них покаялись, выпустили их на свободу, некоторые все еще в тюрьме. И было проведено расследование того, что же произошло. Это расследование, в частности, выявило, что спецслужбы Польши и спецслужбы Германии напрямую воздействовали на этот оранжистский поток, создавали коммуникации финансовые. Деньги в больших количествах скапливались на счетах в Литве, а оранжисты ездили в Литву и в чемоданчиках перевозили эти деньги в Минск для своих нужд. Поэтому Польша изначально занимает лютую антибелорусскую, впрочем, и антирусскую позицию. И если бы, повторяю, наша власть, Медведев или Путин были также последовательны и тверды по отношению к врагам, то у нас ситуация была бы гораздо спокойнее. А то Медведев и Путин (Путин в основном) приглашают к себе на встречу своих лютых врагов, ненавистников, которые глумятся над ним на площадях, в эфирах.

Т. Фельгенгауэр: *— Настоящий демократ.*

А. Проханов: **—** И устраивает им встречу.

Т. Фельгенгауэр: *— Им можно только восхититься.*

А. Проханов: **—** Ну, это им может восхититься слабый, дряблый слюнтяй. А у человека, понимающего, что такое власть в период кризиса, все это вызывает недоумение и даже презрение.

Т. Фельгенгауэр: *— Странно, действительно, почему Путин, зная, что это может вызвать недоумение и презрение, зачем он себя так ведет?*

А. Проханов: **—** Я думаю, что это ошибка. А как говорят, ошибка — это хуже, чем преступление.

Т. Фельгенгауэр: *— Да. Как-то не ожидала я такого от Владимира Путина. А вот про эту раскрытую схему — это Лукашенко вам рассказал?*

А. Проханов: — Нет, она печаталась, она была опубликована и в белорусской, и в российской печати. И даже, по-моему, на «Эхо» об этом говорилось.

Т. Фельгенгауэр: *— А вы же с ним общались прямо вот так вот несколько часов?*

А. Проханов: — Да, я с ним недавно встречался… У нас с ним была трехчасовая встреча.

Т. Фельгенгауэр: *— Как у него настроение?*

А. Проханов: — Ну, он встревожен ситуацией в России, должен вам признаться. Он хотел бы передать свой опыт общения с оранжистами. Но, в целом, он тверд, он в здравии, он крепок, он очень надеется на Евразийский союз, он желает победы Путину на выборах.

Т. Фельгенгауэр: *— Ну, в принципе, отношения Белоруссии с ЕС никаким ведь образом не влияют на отношения Белоруссии и России и ее участия в этом Евразийском союзе.*

А. Проханов: — Влияет, влияет. Знаете, почему? Потому что белорусская продукция, например, трактора — она примерно на 80 % комплектуется из российских деталей. То есть российские рабочие, которые делают эти детали для белорусских тракторов, они получают рабочие места и заработки. Когда идет бойкот белорусской продукции на Западе, от этого страдает не только Беларусь, но и Россия в лице тех рабочих, которые строят на 2/3 эти трактора. Влияет. Сейчас все влияет друг на друга.

Т. Фельгенгауэр: *— А как же тогда быть с тем, что мы хотим, чтобы Белоруссия была больше к нам расположена и с нами больше общалась, а не с Европой?*

А. Проханов: — Ну, так и быть. То, что я сказал, не противоречит тому, что я только что произнес.

Т. Фельгенгауэр: *— Бизнес есть бизнес? Выше политических каких-то интересов.*

А. Проханов: — Нет, почему? Бизнес есть бизнес, но бизнеса без политики не бывает. Бизнес абсолютно политизирован, особенно в современном мире и в Европе. Бизнес, а потом авианосцы и бомбардировки.

Т. Фельгенгауэр: *— Опять мы скатываемся к каким-то ужасающим картинам. Что же это такое?*

А. Проханов — Ну, нет этих картин. Я просто нагнетаю. Таких картин в мире нет.

Т. Фельгенгауэр: *— Зачем вы нагнетаете? И так, видите, все на пределе. Сами говорите, что все на пределе и еще нагнетаете. Александр Андреевич?*

А. Проханов: — Ну просто я смотрю на мир, вот смотрю на Ливию. Чудесная процветающая страна, которая не знает ни бомбардировок, ни авианосцев. Или Сирия.

Т. Фельгенгауэр: *— Сирия — тоже хороший пример.*

А. Проханов: — Оазис тоже. Прекрасная страна.

Т. Фельгенгауэр: *— Город-сад Хомс.*

А. Проханов: — Да, в который не вступают боевые подразделения. Или Иран, который хотят бомбардировать.

Т. Фельгенгауэр: *— А вот еще есть Северная Корея. Замечательные новости оттуда пришли совершенно неожиданные. КНДР согласилась ввести мораторий на испытания ядерного оружия и запуски ракет дальнего радиуса действия. И, кроме того, прекратить работы по обогащению урана. Представляете, сколько всего сразу? Достаточно было другому человеку прийти к власти — и, пожалуйста, реформы, либерализм.*

А. Проханов: — Я просто помню такой же мораторий на испытания ядерного оружия, объявленный Горбачевым после прихода к власти. И потом мне повезло, я присутствовал при выходе Советского Союза из этого моратория. Я поехал в Семипалатинск и видел первый термоядерный взрыв на полигоне после того, как мы вышли из моратория. Я думаю, что мораторий на испытания в Северной Корее продлится не слишком долго.

Т. Фельгенгауэр: *— А, то есть раньше времени радуются эксперты, которые говорят, что вот это вот заявление о моратории на ядерные испытания — это начало к разрешению вот этих бесконечных, шестисторонних бесконечных переговоров вокруг ядерной программы Северной Кореи и прочего-прочего? Рано радуемся?*

А. Проханов: — Я думаю, что вообще мы рано чему-то радуемся. Но я думаю, что это дипломатический шаг. Под этот мораторий Северная Корея получит много дизельного топлива от Америки, много чего еще.

Т. Фельгенгауэр: *— Ну, Америка уже говорит про продовольственную помощь.*

А. Проханов: — Ну, и продовольственная помощь. Так что они не напрасно прекратили.

Т. Фельгенгауэр: *— Вот тут вам оранжевый квадратик специально включили к нашему эфиру под конец.*

А. Проханов: — А что там такое?

Т. Фельгенгауэр: *— Нет, все, уже выключили. Эх. Вот это просто какое-то оранжевое полотнище вывесили. Но согласитесь, что это выглядит достаточно революционно, ну, в хорошем смысле (подобные заявления от Северной Кореи).*

А. Проханов: — Ничего подобного — они прекращали уже несколько раз и обогащение, и мораторий вводили. Это выглядит традиционно, а не революционно. Это выглядит абсолютно ситуационно. Я бы особенно не радовался и не возмущался этому.

Т. Фельгенгауэр: *— Да. Печаль.*

Что делать 4 марта? Выдайте инструкции вашим поклонникам, которых тут огромное число у нас в SMS.

А. Проханов: — 4 марта, мне кажется, нужно проявлять стоицизм, и я никому не могу рекомендовать кандидата, за которого следует отдать голоса. Видимо, сам я не пойду на выборы, потому что у меня нет предпочтений среди этого списка. Но надо готовиться к очень тревожным событиям 5-го и 6-го числа. И не впадать в истерику, в эйфорию и в панику. Просто трагическое колесо русской истории, которое один раз провернулось в феврале 1917 года, второй раз провернулось в августе 1991 года, готово провернуться еще раз в марте 2012 года и прохрустеть русскими костями.

Т. Фельгенгауэр: *— Да. Но тут возникает… Даже не знаю, задавать ли вам вопрос «Есть ли жизнь после 4 марта?»? Или судя из всего сказанного, пока непонятно?*

А. Проханов — Как Мандельштам сказал, «и кровавых костей в колесе».

Т. Фельгенгауэр: *— Жизни нет после 4 марта, судя по всему.*

А. Проханов: — Да будет жизнь! Она была, ведь, и после февраля 1917-го, и после августа 1991-го.

Т. Фельгенгауэр: *— Будет, но какая? Вот вопрос.*

А. Проханов: — Но какая. Просто русская либеральная интеллигенция обладает поразительной способностью ввинчиваться в эту централистскую власть, упрекая ее в отсутствии гуманитарных представлений, справедливо упрекая в отсутствии гуманитарных представлений, и в конце концов приводя эту власть в прах, в труху, после чего возникает ситуация, когда гибнут все гуманитарные представления, за которые сражалась эта либеральная интеллигенция, и сама она оказывается растоптанной, окровавленной и расстрелянной. После этого она частью исчезает вовсе, частью уходит в подполье, мимикрирует под другую интеллигенцию. А потом опять в ней происходит регенерация и все начинается снова. Вот такая абсолютно трагическая фатальность.

Т. Фельгенгауэр: *— Это какой-то трагический замкнутый круг.*

А. Проханов: — Фатальность. Это не круг, это колесо называется.

Т. Фельгенгауэр: *— Да. Трагическое колесо.*

А. Проханов: — Солженицын назвал это колесо «красным», а я называю его черным — это колесо черной змеи, которая движется, шелестит и сверкает вдоль Садового кольца.

Т. Фельгенгауэр: *— Та была белой.*

А. Проханов: — Она покрасилась белой. Она взяла зубную пасту и покрасила себя в белый цвет.

Т. Фельгенгауэр: *— Ах, это была зубная паста? Ну, хорошо. Спасибо, что не зубной порошок.*

А. Проханов: — На здоровье. Ради бога.

29.02.12.

«Сойдешь поневоле с ума…»

М. Королёва: *— Александр Андреевич, сегодня ваш день. Ну, вот ваш, поверьте. Дело в том, что сегодня стало известно: через перевалочный пункт в Ульяновске, возможно, будут проходить не только грузы, но и воинский контингент НАТО — об этом объявил сегодня глава МИДа Сергей Лавров, выступая в Госдуме. В связи с этим много вопросов к вам, которые пришли на наш сайт, от самых простых: «Как вы относитесь к размещению военной базы США и НАТО в Ульяновске?», до таких, как: «Можно ли тратить астрономические суммы на создание военной техники против НАТО и одновременно проводить тесное сотрудничество в военной сфере?»*

А. Проханов: — Я думаю, что сам факт учреждения натовской базы на территории России приветствуется либералами — это давно желаемый либеральный итог, итог либеральной политики 20 лет. Сам по себе факт — он интересен, потому что это этап, этап «натонизации» России. Мы начинали с малого: мы открыли свое небо для американских грузов, помещая их на наши транспортные самолеты, досматривая их и перевозя их через пространство Сибири туда, в Среднюю Азию, в Афганистан, на этот знаменитый кабульский или баграмский аэродром, который я очень хорошо помню. Причем, говорилось, что эти грузы — не военные. Это фураж. Это амуниция, это бинты, это капельницы, это продовольствие…

М. Королёва: *— А вы не верите?*

А. Проханов: — Нет, я верю, так оно и было. Почему не верю? Я верю, да. Так оно и было. Это были военные, но не стреляющие, не боевые грузы, которые везли наши самолеты нашей таможенной контрольной службой.

Потом ситуация несколько изменилась — стали летать американские транспортные самолеты. И эти транспортные самолеты по-прежнему досматривались, и по-прежнему при обнаружении, там не знаю, ядерного оружия или каких-нибудь боеприпасов их снимали и объявлялись протесты. Потом эти досмотры были сведены практически до минимума — американцы стали таскать туда бог знает кого.

М. Королёва: *— Какое ядерное оружие, Александр Андреевич? Я, может быть, что-то пропустила, но какое ядерное оружие?*

А. Проханов: — Шутка.

М. Королёва: *— А-а-а.*

А. Проханов: — Но они стали туда таскать и вооружение, не знаю, неизвестно какое, и военные контингенты. И теперь, наконец, 4-й этап: мы установили на нашей территории в Ульяновске американскую, или натовскую, военную базу.

М. Королёва: *— Я протестую только. Подождите. Вот, нам говорят, что это ни в коем случае не база, совершенно не военная база НАТО.*

А. Проханов: — Это не база, это не база, это…

М. Королёва: *— Это перевалочный пункт.*

А. Проханов — Это кемпинг, это голливудская площадка, где ведутся съемки талантливых голливудских актеров на тему участия натовских войск в войне в Афганистане.

М. Королёва: *— Нет, ну, база — там они должны как-то жить, там должны быть казармы, правильно?*

А. Проханов — Повторяю. А все говорят: «База». Наши говорят: «Перевалочный пункт».

М. Королёва: *— Перевалочный пункт.*

А. Проханов: — Это опровергает тот тезис, с которого начинали наши политические и военные лидеры: «Никогда стопа натовского военного не коснется российской земли». Сейчас не одна стопа — там будут контингенты двигаться, маршировать. Ну, может, не маршировать — их будут таскать на бронетранспортерах или грузовиках американских. Это этап, еще один очередной этап для создания в России натовских зон, зон натовского влияния. Причем повторяю: это происходит на фоне усиливающихся слухов, связанных с тем, что в случае обострения социальной обстановки в России, в случае волнений, бунтов, восстаний, наша власть, кремлевская власть подписала некий меморандум с американцами, позволяющий им (американцам) установить контроль подразделениями морской пехоты США над нашими ядерными объектами.

М. Королёва: *— Александр Андреевич…*

А. Проханов: — Прообраз…

М. Королёва: *— Подождите, подождите, подождите.*

А. Проханов: — Нет, я не хочу ждать. Прообраз этого соглашения был заключен еще во времена Ельцина. Это была открытая договоренность. Речь шла о том, что когда был хаос с

распадом Советского Союза и непонятно было, что делать с этим ядерным оружием, которое оставалось за пределами России, было назначено 4 места на российской территории, куда это ядерное оружие должно было быть гипотетически свезено, и эти 4 места, 4 пункта, по существу, могли быть подконтрольны американским военным контингентам в случае хаоса. Теперь ядерное оружие расползлось, уже нет этих четырех пунктов — оно находится в лесах, в зонах, на подводных лодках, и поэтому такого рода контроль, контроль над шахтами невозможен. Но возможен контроль над ядерными центрами — над Саровом, над Челябинском, над Томским центром. Уже такой контроль отчасти установлен, потому что там стоят американские приборы, которые отслеживают радиационную обстановку.

М. Королёва: *— Вы имеете в виду компьютеры, которые производятся, допустим, в США?*

А. Проханов — Нет, я имею в виду датчики, мониторы, которые расставлены по всей территории ядерных центров и которые отслеживают радиационную обстановку.

М. Королёва: *— Ну так мы просто сами, наверное, такую технику не производим. Вот и ставим иностранную.*

А. Проханов: — Да мы вообще ничего не производим, мы производим только зубочистки. И поэтому мы должны отдать нашу страну под контроль НАТО. И этой технике, и натовским войскам. Вы правы. Вот либералы говорят, что Россия — она страна первобытная, отсталая, населенная мохнатыми, чудовищными русскими людьми, у которых никогда не было ядерного оружия, поэтому сюда надо побольше натовских изящных и элегантных морских пехотинцев шоколадного цвета.

М. Королёва: *— Александр Андреевич, вот я вас сейчас слушаю, у меня такое впечатление, что я начинаю медленно сходить с ума. Знаете, почему?*

А. Проханов: — Вы уже давно, вы уже давно сошли с ума…

М. Королёва: *— Да. Нет, во время ваших эфиров это у меня происходит. Потому что я слушаю вас и хочу понять, какие такие либералы все это сделали? Александр Андреевич, ну помилуйте! Это же решение… Вот смотрите, нам объявил это Лавров.*

А. Проханов: — Они не сделали. Они приветствуют это. Это восторг.

М. Королёва: *— Да как же?.. Какой восторг? Это же решение*

кого?

А. Проханов — Но вы-то против этого, вы-то в ужасе от этого, конечно?

М. Королёва: *— Нет, я…*
А. Проханов: — Вы.

М. Королёва: *— Я не знаю, как мне к этому относиться. Но ведь это решение властей…*
А. Проханов: — Я вам подскажу, как.

М. Королёва: *-…а власть — это у нас кто? Путин, Медведев.*
А. Проханов: *— Я* понимаю, что вы — сторонница Красной армии, победоносной Красной армии и для вас это решение чудовищно. Я вам говорю, что…

М. Королёва: *— Нет, мы должны с вами понять, кто это сделал.*
А. Проханов: — Психиатра вызвать вам?

М. Королёва: *— Давайте.*
А. Проханов: — Всё.

М. Королёва: *— Итак, вы мне обещали разъяснить, кто же, все-таки, проводит такую политику? Кто допускает сюда? Пусть это не база, пусть это перевалочный пункт НАТО. Но ведь только что мы слышали во время предвыборной кампании антиамериканские выпады, что говорит Дмитрий Рогозин, который у нас отвечает за оборонку и за военно-промышленное сотрудничество, и так далее, который даже игрушки, считает он, нужно производить только наши, с нашей военной техникой.*

И вдруг нам объявляет глава МИД Сергей Лавров, Владимир Путин не возражает, Дмитрий Медведев не возражает, соглашение подписано — у нас будет база, перевалочный пункт НАТО в Ульяновске. Причем здесь либералы? Или оппозиция, к примеру?
А. Проханов: — Попробуйте прислушаться к тому, что я говорю. Попробуйте прислушаться.

М. Королёва: *— Я слушаю вас внимательно.*
А. Проханов: — Значит, первый мой тезис такой, что либералы, либеральные круги не возражают против этого — они в восторге. Чем больше здесь будет натовских контингентов, тем спокойнее будут либералы собираться на Болотной площади, а у

Прохорова будут в сохранности миллиарды.

М. Королёва: *— Да они могут возражать или не возражать…*
А. Проханов: — Попробуйте прислушаться к тому, что…

М. Королёва: *-…но они не имеют никакого отношения к принятию решений.*
А. Проханов: — Попробуйте, несмотря на ваше глубокое душевное заболевание, прислушаться к тому, что я говорю. Тезис первый. Либералы в восторге от случившегося. Тезис второй. Это инициация кремлевской власти, инициация Путина…

М. Королёва: *— Все-таки?*
А. Проханов: — Нет, не «все-таки». Мы же с вами не дураки, мы понимаем, что это решение государственной важности и это решение принял Кремль. На мой взгляд, это трагическое решение. Оно не трагическое в стратегическом, военно-стратегическом отношении — оно трагическое в мировоззренческом отношении, потому что это именно удар по самосознанию национальному, травмирование национального сознания таким образом, что, по существу, все это выглядит как начало крупномасштабной оккупации натовскими войсками российской земли. Уже, вот, закупка натовских образцов вооружения, перевод структуры военной России Сердюковым на натовское членение бригадное. Все это порождает больные, мнительные предположения относительно того, что, несмотря на все внешние заявления антинатовские, Россию втаскивают в НАТО. И эта ульяновская история травмирует общественно-патриотическое сознание России.

Теперь, почему она произошла? Я пытаюсь объяснить себе. Не я был инициатором создания этого перевалочного пункта. Я думаю, что Путин, будучи избранным против воли либерального меньшинства и также вызвав тем самым огромное недовольство истеблишмента американского, потому что нет более ненавистного для американцев персонажа, чем Путин, он, находясь в очень жесткой конфронтации со средой информационной, политической, вынужден идти на компромиссы. Это компромиссное решение.

Что это значит? Во внешней политике России, в американо-российских отношениях много конфликтных зон. Например, иранская проблема или сирийская проблема, или проблема ПРО — это зоны острейших конфликтов. Есть сферы сотрудничества. Их не много. Этой сферой является афганская проблема и этой сферой является борьба с терроризмом. Поэтому вот в сфере

американо-российского сотрудничества, в контексте афганской системы, это решение объяснимо. И это компромиссное решение, которое является частью…

М. Королёва: *— Но подождите. Тогда чем плохо? Всем только хорошо от этого решения, правда же?*

А. Проханов: — Нет, мне это ужасно. Мне это ужасно. Вам — хорошо, Путину — хорошо.

М. Королёва: *— А чем ужасно-то?*

А. Проханов: — Мне? Ну, это для меня является кошмаром, как если бы, например, над Кремлем развевался натовский флаг. Казалось бы, ничего особенного, правда? Ну что, тряпица, флаг развевается, ветер веет красивый. Или фашистский флаг.

М. Королёва: *— Ну, флаг — это, все-таки, символ. Подождите.*

А. Проханов: — Или фашистский флаг.

М. Королёва: *— А здесь вот вам пишут: «Склады для перегрузки с российских самолетов на поезда имущества». Это военная база, что ли?*

А. Проханов: — Флаг — это символ. А присутствие американской базы, натовской базы на территории России — это больше, чем символ. Это символ, переведенный в практику. Для меня это катастрофическое решение, понимаете? И не только для меня одного. Я думаю, что для очень многих людей, особенно для тех, кто отдал свой голос за Путина во время выборов. Хотя я его не отдавал.

М. Королёва: *— Вот я вас об этом хочу спросить. Об этом.*

А. Проханов: — Спросите.

М. Королёва: *— На самом деле, смотрите, с одной стороны, сначала Кремль нагнетает антинатовскую и антизападную риторику, и антиамериканскую. И когда люди уже готовы зааплодировать и закричать там «Долой НАТО, долой Америку», вдруг нам с трибуны Госдумы заявляют: «А у нас будет перевалочная база НАТО в Ульяновске, и это нам всем выгодно». Вот, действительно, здесь поневоле сойдешь с ума, когда сначала тебя подталкивают к тому, чтобы кричать «Долой НАТО!», а потом говорят «Браво, НАТО».*

А. Проханов: — Так это же песня.

М. Королёва: *— Зачем это делается?*

А. Проханов: — (поет) «Сойдешь поневоле с ума…»

М. Королёва: *— Да. Вот, смотрите.*

А. Проханов: — Да. Мариночка, это ничего. Успокойтесь. Ничего-ничего. Натовские войска еще не подходят к Арбату. Значит, все это ужасно с моей точки зрения. Это огромный диссонанс. Это одно из противоречий кремлевской, путинской, медведевской власти — противоречие, которое разрывает нашу внутреннюю и внешнюю политику на куски, на части. И этот разрыв — он присутствует. Этот разрыв драматичен и он не позволяет мобилизовать население России для прорыва, для развития, для модернизации. Потому что вот эта двусмысленность, это постоянное противоречие, отмена, действительно, вот этих авангардных представлений и работа на национальных кодах… Путин работал во время предвыборной кампании на национальных русских кодах, которые говорят о том, что «да, Россия — это альтернативная цивилизация, она в опасности, над ней веют беспилотники НАТО, готовимся к отпору, к моральному, к военному, вкачиваем деньги в военно-промышленный комплекс». И вдруг эти коды, которые вдруг завибрировали, задышали, ожили после 20-летней спячки…

М. Королёва: *— А по ним молотком.*

А. Проханов: — Вдруг по этим кодам наносится удар. Поневоле сойдешь с ума. Но это к вам не относится, потому что речь идет о патриотических кодах.

М. Королёва: *— Но вы меня успокоили, вы сказали, что к Арбату они еще не подходят.*

А. Проханов: — Мариночка, либералы должны быть спокойны: натовские войска здесь, поэтому либеральные представления…

М. Королёва: *— А как вы думаете, что мы, ну, то есть Кремль, что за это получил?*

А. Проханов: Он получил относительную лояльность по отношению к тому, что намерен делать Путин. Вот это его, может быть, отчасти извиняет.

М. Королёва: *— Как интересно. А что он намерен делать?*

А. Проханов: — Ну, он намерен вкачать 23 триллиона рублей в развитие оборонного комплекса. Он намерен вкачать эти деньги в модернизацию ВПК и создание новых систем оружия. Вот я

завтра еду в Тулу на оборонный завод, где строятся новые типы вооружений для предотвращения бесконтактной войны.

М. Королёва: *— Ну вот сразу выдали военный секрет, военную тайну.*

А. Проханов: — Нет, я выдал мою частную жизнь.

М. Королёва: *— Хорошо. Но вот…*

А. Проханов: — Так что папарацци могут ехать в Тулу.

М. Королёва: *— И, опять-таки, поневоле сойдешь с ума. Здесь я вынуждена повторить вам вопрос слушателя. Вот, как можно одновременно тратить астрономические суммы на создание военной антинатовской техники и проводить сотрудничество, тесное сотрудничество с НАТО?*

А. Проханов — Политика и дипломатия строятся не на декартовой и аристотелевой логике. Это квантовая логика. Там можно многое одновременно делать. Там можно убивать врага и одновременно после его убийства заниматься его реанимацией и реинкарнацией.

М. Королёва: *— Все-таки, что бы ни произошло, Кремль вы всегда будете оправдывать. Правда?*

А. Проханов: — По-моему, все, что я сейчас говорил, это сплошная апология Кремлю, вы правы. Да. В общем, трудно вести эфир с сумасшедшим, действительно. Я буду делать некоторое снисхождение и скидку.

М. Королёва: *— Это Александр Проханов, это его особое мнение. У меня к вам второй вопрос, который связан тоже с внешней политикой. Вот, в российском Генштабе разработан план действий на случай нанесения ударов по Ирану. Вы об этом знаете?*

А. Проханов: — Конечно. Я же его разрабатывал.

М. Королёва: *— Ну тогда, может быть, вы знаете и детали, потому что пока детали никто не обнародует. Но план уже разрабатывается — сегодня об этом объявил глава Комитета Совета Федерации по обороне и безопасности.*

А. Проханов: — Это не мудрено, потому что в случае нанесения Израилем или Америкой, или Израилем при попустительстве Америки удара по Ирану конфликт будет разрастаться стремительно, и он захватит территорию не только Израиля и Ирана, он захватит территорию всего Ближнего Востока, он перекинется в зоны Ирана, Китая и Пакистана. Весь

шиитский мир (а он огромный) поднимется на дыбы. И поскольку будут применены, по-видимому, и ядерные средства, во всяком случае, умные бомбы с необогащенным ураном, сверхтяжелые и сверхточные бомбы, то вот эта ядерная…

М. Королёва: *— Это с чьей стороны?*

А. Проханов — Со стороны Израиля. То, конечно, антиамериканское восстание шиитских контингентов в Пакистане, у которого есть ядерное оружие, чревато большими непредсказуемыми опасностями. Вообще ядерное…

М. Королёва: *— Я просто хотела спросить, причем здесь Россия? Вот, с какой стороны здесь…*

А. Проханов: — Вы знаете, Россия находится на планете Венера. Земные проблемы Россию не касаются. Если здесь будут полыхать ядерные взрывы, Россия будет далеко — она будет заниматься проблемами Болотной площади с Венеры.

Значит, Россия находится в эпицентре этого процесса. Кстати, ближневосточная война, о которой все говорят, что она вероятна, она включает так называемый «большой Ближний Восток». А Грузия входит, по американской терминологии, в этот большой Ближний Восток. Значит, эта война затронет Грузию. Грузия, как вам известно, находится очень далеко от России — между нами полярные льды и целые океанические пространства.

М. Королёва: *— Мы просто с вами говорим об этом уже как о данности какой-то, а я бы хотела уточнить, насколько это вообще вероятно.*

А. Проханов: — Мы с вами говорим как о данности, потому что к этой войне готовятся, ее анонсируют.

М. Королёва: *— Ее анонсируют. Но насколько она вероятна?*

А. Проханов: — Вот когда говорят о ружье, которое висит и оно заряжено, оно стреляет. И, повторяю, эта война, которая будет или не будет (во всяком случае, я думаю, что Россия делает все, чтобы этой войны не было), эта война Россию затронет напрямую. Потому что катастрофа геополитическая и геоэтническая в Азии, в азиатском регионе, который очень близко от Ближнего Востока, приведет к окончательному краху режима Карзая в Афганистане, к окончательному краху американского присутствия там, в этих регионах. Это сместит все оси баланса в Азии, это будут огромные количества беженцев. Из Ирана попрут беженцы в близлежащие территории — в Азербайджан, в Дагестан. И это чревато для России.

Более того, как ни странно, есть некоторые люди, говорящие, что такая война выгодна России, потому что это приведет к резкому взлету цен на нефть. А вся наша экономика зиждется на избыточном профите за счет нефти.

М. Королёва: *— То есть Россия может втайне подталкивать какую-то из сторон к такой войне, считаете вы?*

А. Проханов: — Я думаю, этот прагматический, ублюдочный, извините меня за выражение, интерес, связанный с ценами на нефть, он настолько примитивен (его перекрывают риски, гигантские риски), что внешняя политика России, даже если бы она возглавлялась не таким мудрым лисом, как Лавров, а каким-нибудь кретином ельцинских времен, она бы все равно исключала подталкивание Израиля к бомбардировке Ирана.

Но здесь еще другой момент. Я очень надеюсь, хотя, меня опровергнут все основные мои иранские друзья, что все-таки у Ирана есть хоть какая-то грязная бомба, хоть какая-то грязная. Хоть не классическая ядерная, а грязная. И этот грязный ядерный заряд в случае бомбардировки Ирана посыплет головы израильских безумцев, и Израиль будет посыпан этой ядерной бомбой как возмездие за этот чудовищный Иран. И, я думаю, Нетаньяху, у которого неплохо поставлена разведка, он опасается того, что у Ирана такая грязная бомба есть.

М. Королёва: *— Но вы, на самом деле, в начале нашего разговора об этом, вы упомянули то ли Америку, то ли Израиль, кого-то из них. А, собственно, кто здесь заинтересован? Вот, Америка-то заинтересована в нанесении такого удара? Или, все-таки, нет?*

А. Проханов: — Если послушать предвыборные дебаты сегодняшних американских претендентов, то да, речь идет о подавлении ядерной программы Ирана, которая, якобы, стоит в дюйме от создания классической ядерной бомбы.

М. Королёва: *— Ну, это заявления на официальном уровне.*
А. Проханов: — А на неофициальном уровне…

М. Королёва: *— А на самом деле?*
А. Проханов: — А на уровне чего? На уровне разведок?

М. Королёва: *— Ну, вы же всегда смотрите вглубь.*
А. Проханов: — Или на уровне «The New-York Times»?

М. Королёва: *— Ну, вы же всегда смотрите вглубь, в корень*

проблемы.

А. Проханов: — Я бывал много раз в Иране. Конечно, я не был допущен в секретный центр, хотя был в Бушере, который строила Россия. Я могу вам сказать только одно, что все иранцы мечтают иметь бомбу. И либерального направления, и фундаменталистского направления — они сходятся на том, что бомба Ирану нужна. Если бы сейчас у Ирана была бомба реальная, никто бы не пикнул о бомбардировке Ирана. И атомная бомба в современном мире является оружием сдерживания. Давайте поклонимся ядерной бомбе. Это святая бомба, которая предотвратила мир от Третьей мировой войны.

М. Королёва: *— Нет, вы знаете, с вашего позволения, я все-таки бомбе кланяться не буду. Я надеюсь, что мы с вами…*

А. Проханов: — А придется.

М. Королёва: *— Нет, не буду, Александр Андреевич.*

А. Проханов: — А я вас заставлю.

М. Королёва: *— Нет. Давайте встретимся через 3 минуты, может быть, за это время как-то у вас запал пройдет.*

А. Проханов: — Вот за это время и поклонитесь бомбе. Я скажу зрителям, что вы поклонились бомбе.

М. Королёва: *— Ну, давайте немного о наших делах внутрироссийских. У нас, знаете ли, тоже хватает всего. Вот, сегодня стало известно, что Госдума собирается пригласить главу МВД Рашида Нургалиева выступить на правительственном часе. Это связано с чудовищным случаем, который произошел в Казани — вы слышали, наверное, там умер человек, которого задержали. Потом он умер в больнице. Вроде бы он был изнасилован бутылкой в отделении милиции. Ну, действительно, тут просто и комментариев-то, наверное, не дашь никаких.*

Ну вот депутаты сегодня сказали, что они возмущены событиями в Казани. Наши слушатели тоже возмущены — присылают вам вопросы. Вот спрашивают: «Что делать с милицией-полицией?» Там же была аттестация после того, как была переименована служба, да? Вроде бы должны были отобрать лучших. Ну, кто виноват, что делать — это все понятно. Но заметьте, никто не отправлен в отставку: ни глава МВД Татарстана, ни глава МВД России в связи с подобным случаем. Это нормально?

А. Проханов: — Не знаю. Я очень далек от субординационных таких вещей. Я просто, как ни странно, вижу

связь вот этого чудовищного случая, ужасного случая, например, с перформансом девиц в Храме Христа Спасителя.

М. Королёва: *— Каким это образом?*

А. Проханов: — Ну вот я вижу эту связь. Это говорит о том, что исчезли табу. Все растабуировано, все дозволено. В народе поселился зверь. Этот зверь явился результатом той чудовищной культуры и пропаганды, которая сдирает с человека человеческое, растабуирует в нем зверя и животное.

М. Королёва: *— Александр Андреевич, помилуйте. Но в полиции какая культура? Вы о чем?*

А. Проханов: — Ну, конечно, в полиции же работают…

М. Королёва: *— Ну что там? Какой там постмодернизм возможен? Ну что вы, в самом деле?*

А. Проханов: — Нет, ну что? В советской милиции не было этого.

М. Королёва: *— Может быть, нам просто не говорили об этом?*

А. Проханов: — Не говорили. А на самом деле там истязали. Я знаю, что и Космодемьянскую застрелили милиционеры. В советской милиции не было этого, потому что советский человек был подвержен мощнейшей обработке на протяжении 70 лет. Эта обработка была связана с тем, чтобы задавить в нем животное, задавить в нем свирепого человека.

М. Королёва: *— Но и человека тоже задавить.*

А. Проханов: — Задавить в нем животное, задавить в нем свирепого человека. В нем пытались разбудить творца, сотоварища, человека жертвенного, художника и героя. Удалось это сделать или нет, я до конца не знаю. Во всяком случае, моя среда, в которой я жил и воспитывался, демонстрировала высочайшие примеры нравственного героизма и стоицизма.

После 1991 года возникла культура насилия, культура осквернения, культура пыток, культуры торжествующего зверя. И, по существу, то, что сделали эти люди в застенке (а они сделали только потому, что у них нет никаких сдерживающих центров), видимо, они не боялись увольнений, пистолетов. Они получили жертву, в них возник животный инстинкт — животный, звериный инстинкт поиздеваться над пленным, прежде чем уничтожить. То же самое у этих девиц. Животный инстинкт осквернить, изнасиловать ценности, создать страдания, причинить страдания

другим, в данном случае — верующим. Поэтому я и вижу, что в обществе нашем за это время сложился культ беспощадного.

М. Королёва: *— Сам сложился?*

А. Проханов: — Нет, под воздействием вот этой победившей культуры, культуры миллиардеров, культуры гедонизма, культуры, направленной на утоление низменного в ущерб возвышенному. Ведь самое низменное в человеке — это убиение ближнего, причинение насилия ближнему или убийство его. И дошли до этого. Чего стоят, например, выставки, я помню, которые прокатились по всей Европе и пришли к нам, экспозиции были. Этот Хаггерт или Хеггерт, немец, который делал статуи, муляжи из реальных трупов. Он их высушивал, он их экспонировал, он создавал…

М. Королёва: *— Да, были такие скандальные выставки.*

А. Проханов: — Почему скандальные? Это норма.

М. Королёва: *— Ну, они и там, на Западе, вызывали скандалы определенные.*

А. Проханов: — Нет, там они не вызывали, потому что там пройдено все.

М. Королёва: *— Подождите. Но только в Европе полиция никого не насилует бутылками.*

А. Проханов: — Нет, в Европе она не насилует бутылками, просто она (Европа) стирает с лица земли целые государства, как это было в Ливии. А что касается тайн этих американцев, которые мочатся на убитых талибов или пытают арабов в Абу-Грейб, сжигая на глазах у верующих Коран и доводя их до безумия, это норма.

М. Королёва: *— Ну, вы же не хотите сказать, что это в массовом порядке происходит. Простите, дураки-то есть везде.*

А. Проханов: — Всего несколько тысяч американцев замешано в этих пытках, в эти избиениях. Это крохи в стране.

М. Королёва: *— Просто вы сказали о том, что в вашем кругу в советское время не было таких людей — были исключительно люди высоких… Ну, я надеюсь, что и сейчас в вашем кругу, в том, в котором вы вращаетесь и общаетесь, тоже нет таких людей.*

А. Проханов: — Я сейчас вращаюсь в самых разных кругах, в том числе я вынужден вращаться в тех кругах, которые меня ненавидят, и я их тоже ненавижу. И я знаю, что эти круги

беспощадны, они беспощаднее этих милиционеров казанских. Потому что…

М. Королёва: *— Вопрос только, зачем вы тогда с ними общаетесь?*

А. Проханов: **—** Ну, поневоле. Я же проповедник. Я вращаюсь в этих кругах. И я писатель. Не журналист. Я писатель.

М. Королёва: *— А, вы изучаете просто фактуру?*

А. Проханов: **—** Конечно. Я вынужден вращаться во всех кругах. Поэтому ужасно убить человека, ужасно изнасиловать его плоть. А еще страшнее изнасиловать дух человека, создать в течение 20 лет непрерывную моральную пытку людям, исповедующим фундаментальные национальные или религиозные ценности.

М. Королёва: *— Подождите. Но кто-то же должен это остановить? Кто-то должен сказать «Нет»? Ну, например, отправить в отставку министра внутренних дел, сказать, что вот человек за это отвечал, да? И он слетит со своего поста, если будет так, если его подчиненные будут действовать так.*

А. Проханов: **—** Да. Но одновременно надо отправить в отставку целый комплекс людей, отвечающих за культуру, за информационную среду, за воздух, которым дышат дети, отменить эти чудовищные фильмы на НТВ, которые проповедуют порнуху и совокупление непрерывное. Сейчас выходят эти фильмы. Это фильмы чудовищного декаданса, это фильмы, которые приводят к абсолютному размыванию моральных ценностей.

М. Королёва: *— Что за программы вы смотрите, Александр Андреевич?*

А. Проханов: **—** Я смотрю программу «Спокойной ночи, малыши».

М. Королёва: *— И там вот это все показывают?*

А. Проханов: **—** И там вот это показывают все. Это в программе «Спокойной ночи, малыши».

М. Королёва: *— Боже ты мой! Смотрите, вот Анатолий Кучерена, например, делает совершенно конкретное предложение в связи со всем этим. Он, например, предлагает переставить видеокамеры с избирательных участков на полицейские участки. А что? Может быть, действительно, если оборудовать вот этими*

камерами все полицейские участки…

А. Проханов: — Отлично. А можно сделать, знаете, что? Вот, все гастроскопы, которые находятся в больницах с этими маленькими телевизионными камерами на конце, вставить, извините, в прямую кишку всем нашим гражданам, чтобы, как только их насиловали с помощью бутылок, сразу шли сигналы в Кремль.

М. Королёва: — *Интересное предложение.*

А. Проханов: — Я поговорю с Кучереной. Надо развить это. Поэтому, повторяю, все, что произошло в Казани, чудовищно. Но все, что происходит с осквернением святынь национальных и с разрушением национальных кодов (а, кстати, именно это произошло в Храме Христа Спасителя), это еще страшнее.

М. Королёва: — *У вас тут спрашивают (я просто немножко в сторону уйду), что происходит с Антиоранжевым комитетом? Вопрос от нашего слушателя. Он продолжает действовать?*

А. Проханов: — Нет. Антиоранжевый комитет не продолжает действовать, потому что оранжевой…

М. Королёва: — *А что такое? Больше нет оранжевой угрозы?*

А. Проханов: — Оранжевая революция захлебнулась, она уничтожена, оранжевый шарик сдулся, и с огромных, стотысячных митингов на Болотной от него остались просто дутыши. И на Арбате…

М. Королёва: — *Да что вы говорите? То есть больше антиоранжевых, так сказать…*

А. Проханов: — Пока нет.

М. Королёва: *-…комитетов не будет и митингов антиоранжевых тоже?*

А. Проханов: — Оранжевая революция захлебнулась благодаря ряду технологий, в том числе и антиоранжевой технологии.

М. Королёва: — *Вот тоже спрашивают вас в связи с этим, почему Кургинян сразу после переизбрания Путина отказался продолжать участвовать в «Историческом процессе»?*

А. Проханов: — Ну это надо спросить у Сергея Ервандовича. Мне кажется, что он не отказался, просто он, видимо, сейчас занят чисто политическим конструированием (мне так кажется), и он занимается созданием очень интересной политической…

М. Королёва: *— Тут просто предполагают, что, может быть, это был чисто такой предвыборный ход: выпустить такого человека на арену, а потом это уже не имеет смысла.*

А. Проханов — Но этот человек на арену был выпущен не перед выборами. Он, по-моему, два года блистательно работал сначала на Пятом канале, возвысив этот канал. Поскольку рейтинг его личный и канала был очень высок, он перешел на второй канал. А в результате его сверхпопулярности к нему потянулись люди, и он решил, что он будет создавать организацию.

М. Королёва: *— Понятно. Но я, все-таки, возвращаюсь вот к этому вопросу с оранжевой угрозой и Антиоранжевым комитетом. Вы уверены в том, что вот так все и закончилось? Вот смотрите, Сергей Удальцов, например, предлагает 5 мая провести в Москве народный марш миллионов, вывести миллионы людей. Ну, это перед инаугурацией, как известно, да? То есть за два дня провести такой марш. Он уверен, что удастся вывести на улицы миллионы людей, в том числе по России.*

А. Проханов: Не получится. Нет. Мое почтение, мой респект Удальцову (это сильный человек), но ничего не получится. Вот этот ком негодования, который возник сразу после парламентских выборов, вот такой компаунд, где было очень много составляющих, он распался, потому что там несовместимы дамы в норковых шубках, которые выходят и говорят: «Мы начинаем революцию норковых шуб». Ксения Анатольевна несовместима с Удальцовым, с красным радикалом и революционером — они взаимоисключающие. Либеральные интеллигенты, которые танцевали свой либеральный танец танго, призывая к либеральным преобразованиям, которые называют себя антифашистами, Антифа, они националистов, пришедших на этот митинг, называют «нацики». И поэтому националисты ушли с митинга на Арбате. Они несовместимы. И поэтому вот этот ком распался — его больше не собрать. И дисперсия началась. Тем более, что власть достаточно остроумно запустила так называемую политическую реформу, и весь этот слой, такой взбудораженный, рефлексирующий, он сейчас будет занят созданием партий. И мы сейчас будем наблюдать, как будет появляться много-много-много-много маленьких, крохотных муравейников вместо одного большого. Так что власть перехитрила оппозицию.

М. Королёва: *— А протестов не будет, Александр Андреевич?*

А. Проханов: — Нет, протесты будут, но они должны уже быть не оранжевые. Если действительно налоги будут расти, если действительно тарифы будут скачкообразно нарастать…

М. Королёва: *— Цены на нефть, к примеру, понизятся.*

А. Проханов: — …цены на нефть будут падать, если они будут падать, если бюджет окончательно опустеет (а он сейчас пуст), если волна кризиса накроет Россию, то на улицу выйдет Уралвагонзавод.

14.03.2012.

О новом правительстве и Уралвагонзаводе

К. Басилашвили: *— В эфире программа «Особое мнение». И сегодня у нас на сцене Александр Андреевич Проханов, Советский Союз. Здравствуйте, Александр Андреевич.*

А. Проханов: — Здравствуйте, здравствуйте, демократка Басилашвили, привет вам из советского прошлого.

К. Басилашвили: *— Почему? Из настоящего.*

А. Проханов: — Из будущего.

К. Басилашвили: *— Из будущего, из будущего, конечно. Тем более, мне странно из этого будущего задавать вам вопрос вот какой. Почему вы до сих пор не на Уралвагонзаводе? Понимаете, что Уралвагонзавод — это настоящая кузница наших отечественных кадров. Уже второе назначение происходит. Почему вас нету в списках этого предприятия?*

А. Проханов: — Это объясняется только тем, что я совсем недавно побывал на уральском оптико-механическом заводе.

К. Басилашвили: *— Вы неправильный выбор сделали.*

А. Проханов — Я сделал правильный выбор, потому что моя интуиция говорит, что следующий кадровый набор будет осуществлен на этом блистательном, восхитительном заводе, равных которому я никогда не видел. А Уралвагонзавод — он, видимо, исчерпал свой потенциал. Потом ведь все-таки там делают танки. Это такая грубая техника.

К. Басилашвили: *— Ну как это исчерпал? Вот назначен уже второй человек, второй крепкий мужик, Евгений Школов.*

А. Проханов: — Видимо, будет третий и уже четвертого там просто не найти, потому что остановятся конвейеры. А представляете, если танки пойдут вслед за своими экипажами в администрацию президента? А вот тот завод, на котором я был, оптико-механический, да?..

К. Басилашвили: *— Ну, могут окружить администрацию президента.*

А. Проханов: — Это завод стекла, это завод хрусталей, это завод оптических спектров, это завод радуг, это завод утонченных технологий, там золото, там платина, там компьютеры, там изысканные люди, завод похож на Эдем. Вот оттуда мы будем брать наших будущих полпредов.

К. Басилашвили: *— Это если будет Екатерина Вторая (ну, наподобие), это такое, женское начало, понимаете? (оптика)*

А. Проханов: А вы знаете, что Путин совсем недавно высказался в пользу Екатерины Второй? Ему все время навязывали образ Петра Первого, и он устал от этого брутального образа. Он сказал, что Катерина была великой собирательницей земель и пролила за этим занятием меньше крови.

К. Басилашвили: *— И, все-таки, если серьезно: в чем сила Урала? Почему оттуда черпает своих назначенцев Владимир Путин?*

А. Проханов: — Изнеженная, развратная, бессмысленная, утонченная, болезненная, отчасти лесбийская, отчасти педерастическая Москва утратила волю к жизни, волю к имперскому строительству. А Урал всегда был очень мощным, грозным, таинственным. Урал — мистическая часть России. На севере Урала — Верхотурье, соединенное с божественными православными силами. На юге Урала — Аркаим, это древняя матка, откуда вышли арийцы. В центре Урала — Ганина яма, где кончилась романовская третья империя и там же родился Ельцин, который положил конец четвертой, сталинской империи.

И Урал, по существу, постоянно генерирует исторические энергии.

К. Басилашвили: *— То есть в этом что-то мистическое есть, такое исконно?..*

А. Проханов: — Ну как, в общем, в любой русской земле, как и в Брянщине в том числе.

К. Басилашвили: *— Да, Брянщина-Брянщина! Сегодня с Брянщины приходят новости — вы все знаете, что там чуть было не стрясло, но, слава богу, удержали на земле работяги вот этот шалаш, где проходили переговоры и встречи с деятелями мяса, с теми людьми, которые занимаются мясной промышленностью. Туда приехал Дмитрий Анатольевич Медведев. Почему вдруг первая поездка в должности премьер-министра именно на Брянщину? Это что, такая животрепещущая отрасль у нас — мясная промышленность?*

А. Проханов: — Мне кажется, что это связано еще с тем, что синоптики предсказывали там ураган и ветер. А быть унесенным ветром сразу же после назначения премьер-министром — это великолепная миссия. И то, что там произошло — мне кажется, вот эти фермеры, эти грубые брянские земледельцы и скотоводы

просто не поняли замысла проекта. Дмитрий Анатольевич Медведев вовсе не хотел оставаться на этой бренной земле — он хотел на этом шатре, на этом ковре-самолете унестись в восхитительное будущее и оттуда, из будущего, манить нас к себе. И я знаю брянских людей — это, в общем, такие, фундаментальные русские люди, они не понимают тонких этих интеллигентных энергий и замыслов, которыми преисполнен Дмитрий Анатольевич Медведев.

К. Басилашвили: *— Но вот этот визит первый в должности премьер-министра из Москвы на Брянщину — вы видите в нем какой-то знак, что именно Брянская область, что именно животноводство? В чем здесь смысл?*

А. Проханов: — Я гадал. Первое, что мне пришло в голову (и это, конечно, ошибочное представление), что Дмитрий Анатольевич Медведев поехал на Брянщину только потому, что я там был 2 дня тому назад. А я был на Брянщине. И, вот, лавры моего пребывания на Брянщине не дают ему покоя.

К. Басилашвили: *— Вы везде — то вы на Урале преследуете Путина…*

А. Проханов: — Я стремительный человек, я стремительный человек…

К. Басилашвили: *— …то Медведева на Брянщине.*

А. Проханов: — …И я успеваю на эфир «Эха», между прочим, каждый раз. А между двумя эфирами я бываю то на Брянщине, то на Ближнем Востоке.

К. Басилашвили: *— Хорошо. Тогда, если Александр Проханов все знает про Брянщину, так расскажите же, каковы там обстоятельства животноводства, что потребовалось вмешательство премьер-министра?*

А. Проханов — Вот, как я слышал от своих новых брянских людей (это люди очень респектабельные, представительные и не бедные), Брянщина потеряла свое сельскохозяйственное население. По существу, брянские деревни пусты или полупусты. Эти восхитительные земли — они опустошенные. И то ли это произошло в результате естественных процессов, то ли просто это такая гигантская в масштабе России зачистка русской земли от русских людей. Но Брянщина являет собой такие зияющие пустоты. И люди, интересующиеся этими пустотами, решили туда, на эти пустые плодородные земли, завести американский скот.

Причем они завезли этот американский скот вместе со скотоводами. И мне говорили эти люди, что, появляясь на этих пространствах, где когда-то ходили самоходные красные комбайны, русские пастушки играли на всяких жалейках, они встречают колючую проволоку, огромные пастбища, закрытые для посещения. Там колючка, а внутри этой колючки бродят какие-то удивительные коровы, чуть ли не двухголовые, и ковбои в шляпах. Ковбои на этих высоких каблуках.

К. Басилашвили: *— Вот так вот исподволь захватили ковбои нашу русскую землю. Поговорим об этом…*

А. Проханов: — И не только. И не только русскую землю.

К. Басилашвили: *— А Александр Андреевич, между тем, носитель ценной информации о ковбоях на брянской земле. И сейчас он продолжит делиться вот той картинкой, которую сегодня наблюдал Дмитрий Анатольевич Медведев там же, на Брянщине.*

А. Проханов: — Ну, более того, что я вам сказал о ковбоях, я просто не скажу. Это все корпоративная тайна, потому что я так или иначе участвую в этом переселении ковбоев из Техаса на Брянщину. Брянщина — интересный очень мир, град. Там не впервые за последние годы я обнаружил мощный пласт новых русских предпринимателей. Один из них, Олег Васильевич Розанов, являет собой нового русского предпринимателя, который вкладывает излишки своих состояний и приобретений не в алтари или не только в алтари и церкви, но в русскую культуру, в русскую литературу, в русские информационные технологии, понимая, что сейчас самая главная задача для русского народа — это понимание того, что с ним творят, понимание того, в какой беде он оказался, понимание того, откуда бьют в него эти страшные электронные пушки, уничтожающие в нем смысл.

К. Басилашвили: *— Откуда же бьют эти пушки? Давайте поговорим о тех, кто эти пушки, может быть, способен сдержать. Ведь назначено новое правительство, да? И вчера я слушала интервью очень интересное: на вашем месте сидел Глеб Павловский, и он… Как мне показалось, главная мысль разговора была в том, что теперь главный человек в нашей стране — это глава Роснефти. Он умеет договариваться (господин Сечин), он умеет эти договоренности сдерживать, отдавать долги и так далее. Вот, Роснефть, Сечин, а остальное не важно. А у вас какое мнение?*

А. Проханов: — Одна из этих пушек — сам господин Глеб Павловский, кстати. Было время, когда эта пушка стреляла без

остановки, но потом, видимо, то ли ствол перекалился, то ли застрял снаряд, и его как-то выдвинули с первой позиции, перевели в эшелон № 2.

Наверное, Сечин по-прежнему остается очень мощной фигурой. Хотя, мне кажется, его новая роль — она не политическая, она корпоративная роль, она экономико— и корпоративная роль. А главным все-таки персонажем в новом правительстве, мне кажется, является Владимир Мединский. И не надо приуменьшать роль этого нового человека. Недаром вокруг него бушуют страсти, о нем пишет мировая пресса, он вызывает острейший интерес всей публики. У одних — ненависть, у других — недоумение.

К. Басилашвили: *— Но у вас просто ревность, понимаете? Потому что вы хотели занять этот пост министра культуры. Вы же тоже историк, вы же тоже разоблачитель и носитель мифа о нашей русской истории. А Мединский вас обошел, и вот он уже на посту министра, а вы здесь, на «Эхе Москвы».*

А. Проханов: — Открою вам тайну: я никогда не стремился к портфелям. Я всегда был теневым человеком, я управлял миром из темных теневых углов. И, кстати, тот факт, что «Эхо Москвы» по-прежнему преуспевает, по-прежнему существует и развивается, есть здесь отчасти и моя заслуга. Я из своей тени, из своего тайного такого чулана управляю всеми медийными процессами.

К. Басилашвили: *— Это безусловно, это безусловно. И, все-таки, я поняла, что об Игоре Сечине вы не хотите говорить, хотите поговорить о Владимире Мединском. Хорошо. Тем более что…*

А. Проханов — Нет, я готов говорить и о Сечине. Вы же понимаете, что мне вообще все равно, о чем говорить, лишь бы говорить.

К. Басилашвили: *— Это понятно. Но вы же можете оценить Владимира Мединского как ученого, вы читатель его книг, его оппонент, даже здесь, на «Эхе Москвы». Вы могли бы дать такую характеристику его кандидатуре?*

А. Проханов: — Я бы мог дать эту характеристику. Я хочу присоединиться к хору людей, которые оценивают это неожиданное назначение.

К. Басилашвили: *— Но оценивают как? Я сталкивалась, в основном, вот из того, что читала, с таким недоумением в адрес Мединского.*

А. Проханов: — И с таким внутренне негативным отношением.

К. Басилашвили: *— Да, внутренне негативным. Почему же?*

А. Проханов: — Мне кажется, что это назначение весьма удачно. Конечно, господин Мединский не организатор. А министр — это, конечно, организатор, прежде всего. И настоящий, крупный министр — это носитель проектов, это человек, который несет с собой в министерство проект, то есть крупную такую композицию, которую он будет реализовывать на этом посту. По-видимому, у Владимира Ростиславовича нет вот этого проекта. Может быть, я ошибаюсь.

Чем он интересен и хорош? В течение 20 лет при Ельцине и при Путине власть взращивала и спонсировала культуру, либеральную культуру, культуру нигилизма, культуру осмеивания, карнавальную культуру, во многом культуру осквернения, культуру Гельмана, культуру, которая позволяет себе рубить иконы, шокировать и эпатировать обывателей. И эта культура за эти 20 лет выросла как доминирующая в сегодняшней России культура и превратилась в культуру, враждебную Кремлю. И мне кажется, что Владимир Владимирович Путин страшно удивлен тем, что люди, персоналии, а также целые пласты, которым давались гранты, которых посылали за границу, которых награждали премиями…

К. Басилашвили: *— То есть те люди, которых пестовал Путин?*

А. Проханов: — Которых пестовал режим, Путин и Ельцин. Они вдруг оказались врагами, почти убийцами этого режима. И вот это вызвало, мне кажется, шок у Владимира Владимировича и он понял, что здесь переборщили. Причем, рядом с этой вот доминирующей культурой распада, условно говоря, культурой Гельмана или Бреннера существует…

К. Басилашвили: *— Что ж этот Гельман бедный всем так нравится?*

А. Проханов: Ну, он очень бедный, потому что гребет граблями госбюджет и все беднеет и беднеет с каждой выставкой. Ну, просто голодранец какой-то. А наряду с этим существует…

К. Басилашвили: *— А вы видели выставку в Краснодаре?*

А. Проханов: — Я видел выставку в Перми, я даже об этом написал роман «Человек звезды» (только что вышел). Наряду с этой гельманоидной культурой существует фундаменталистская

традиционная русская культура, которая за эти 20 лет оказалась депрессивной. Ее загнали в чуланы, ее обижали, ее называли «дистрофической культурой», носители этой культуры в 90-х годах были «фашистами» (их так казнили), над литераторами хохотали, их лишали дотаций и премий. Одним словом, эта культура оказалась культурой катакомбной. И, наверное, Путин решил исправить этот чудовищный перекос.

К. Басилашвили: *— Имена. Имена сразу же катакомбной культуры, пожалуйста.*

А. Проханов: — Один из них, который вырвался из катакомбы, сидит перед вами и делает все, чтобы таскать своим друзьям вот туда, в подземелье, маленькие кусочки, там, сыра…

К. Басилашвили: *— В подземелье кто остается?*

А. Проханов: — В подземелье остается вся русская литература современная, русские художники Союза художников (традиционалисты). Там же остается русский театр, русский кинематограф…

К. Басилашвили: *— Лимонов там, в подземелье?*

А. Проханов: — Нет, нет-нет. Лимонов — авангардист, и его поощряли, скорее…

К. Басилашвили: *— А когда сидел, он был в подземелье или тоже в авангарде?*

А. Проханов: — Нет, когда сидел, он был в башне из слоновой кости. Это завидный удел, который многие хотели бы разделить, но не всем это дано. А вот, повторяю, относительно русской культуры, которая топчется, забивается под землю, с ней абсолютно все не благополучно. А Мединский, Владимир Мединский — человек мягкий, казалось бы, либеральный человек, сервильный по отношению к власти, «Единой России», он очень сильно о себе заявил как человек, борющийся со всякими западными клеветами, возводимыми на русскую жизнь, на русскую культуру. Его мифы о России — это книги, это целый сериал книг, где он разоблачает миф о России как о стране пьяниц, бездельников, палачей, тупиц, лодырей, хамов, жестокосердных. И он это делает очень мягко, либерально. Я бы это иначе, конечно, делал. Но, вот, я думаю, что, все-таки, его поставили на это место, чтобы он хоть как-то этот жуткий отвратительный крен и дисбаланс изменил в пользу России.

К. Басилашвили: *— То есть вам кажется, что пост министра*

культуры — он будет носить такой, пропагандистский характер в самом положительном смысле развенчания мифов?

А. Проханов: — Нет, организационный характер. Потому что министр культуры оперирует деньгами, у него должен быть вектор интересов, он должен любить русскую песню больше, чем какую-нибудь модную рок-группу типа там… Какие Медведев любит?

К. Басилашвили: *— Ой, я даже не знаю.*

А. Проханов: — Ну, вы даже не знаете.

К. Басилашвили: *— Да. Это все уже было давно.*

А. Проханов: — Это было давно, и Медведев был давно, я согласен. Кто у нас сейчас премьер-то? Напомните мне.

К. Басилашвили: *— Вы знаете, сейчас совершенно другая культура, я имею в виду, совершенно другое интересует наших слушателей — не вкусы Дмитрия Анатольевича, а Бурановские бабушки. Я хочу задать вопрос вам неожиданный, он из Пензы пришел, с Волги: «Бурановские бабушки — это русская культура?» Вы смотрели вообще наше выступление?*

А. Проханов: — Нет, ну как? Я знаю, что Удмуртия, как, впрочем, и другие поволжские республики, сохранила этнические начала, этнические интересы, этническую культуру. Скажем, как и прибалты, кстати. Когда они отделились от Советского Союза, первое, что начали делать, они начали петь хором свои народные традиционные литовские, латвийские, эстонские песни. Вот, я думаю, что с появлением Мединского опять появятся хоры русские, опять появится восхитительная русская фольклорная мелодия, романсы.

К. Басилашвили: *— Господи, что же вы такие возлагаете надежды именно на Мединского? «Товарищ Проханов, вашей тенью Мединского вы не прикроете ваши прорехи его книг», — такое пришло к вам сложносочиненное предложение.*

А. Проханов: — Это кто же там?..

К. Басилашвили: *— От Михаила. Вы знаете, у меня к вам другой вопрос.*

А. Проханов: — Это кто же там со своими этими, расстегнутыми ширинками судит произведения других писателей, интересно?

К. Басилашвили: *— Ну, те, кто читают, наверное, ваши*

читатели. Напоминаю, что Александр Проханов сегодня в гостях программы «Особое мнение». И знаете, здесь сегодня обсуждается пост, опубликованный на сайте «Русская народная линия» (ну, близкое вам направление). Пост этот опубликовал священник храма Николая Мирликийского в Хамовниках, его зовут Александр Шумский. И вот господин Шумский пишет о прогулке, в которой вы принимали участие, между прочим, и оценивает ее как бесовскую прогулку. Как же вас занесло на такое бесовское мероприятие-то? Вы видите, вы уже перешли в стан врагов русской культуры.

А. Проханов: — Вы знаете, я пришел изгонять бесов. Вы думаете, что господин Шумский, который служит уже долгие годы в этом чудесном Никольском храме, он что, не изгоняет бесов? По существу, любой пастырь находится в скопище бесов и бесноватых. Поэтому я пришел туда со святой водой, с кропилом и с кадилом, я изгонял бесов. И, по существу, я их изгнал с Пушкинского сквера — они все куда-то стали смещаться-смещаться и ушли.

К. Басилашвили: *— То есть вы как противовес выступили, да?*

А. Проханов: — Никакой я не противовес. Я выступил как воин Христов, я гнал их, гнал, и они убежали из Пушкинского сквера, сместились в сторону Чистопрудных бульваров.

К. Басилашвили: *— А как вам кажется, это движение (вот эти оппозиционные лагеря, которые перемещаются по городу), на ваш взгляд, имеет будущее или нет?*

А. Проханов: — Оно имеет будущее, прошлое, настоящее. Но оно абсолютно ничего не стоит на фоне того, что происходит в реальной стране. Я вам говорю, что вот я последнее время езжу на заводы, на ракетные, на военные заводы — там совершается настоящее движение. Там люди собираются не для того, чтобы засовывать себе в ухо или еще куда-нибудь белую ленточку, а строить великие машины, от которых нас отучили за эти 20 лет. Эти машины прекратили свое существование, и наши культуртрегеры и наши либералы думают, что в России больше никогда не будет космических кораблей.

К. Басилашвили: *— Нет, мы даже знаем такое явление как «восстание машин». Скажите, пожалуйста, предлагаются варианты создания Гайд-парка, разные площадки для политических сборищ: Лужники, Парк Горького, Чистопрудный бульвар. Что вы бы предложили? Какую площадку?*

А. Проханов: — Я бы предложил все-таки расширить

территорию Уголка Дурова и там собирать всех этих людей.

К. Басилашвили: *— Нет, ну серьезно. Ну, давайте…*

А. Проханов: — А зачем я буду говорить серьезно о дурацких темах? Ну зачем?

К. Басилашвили: *— Нет, ну почему? Это тема, которая обсуждается всеми.*

А. Проханов: — Это абсолютно дурацкие темы. Я не хочу говорить о людях, которые хотят собираться на лужайках, чтобы нести тривиальные вещи. Я хочу говорить о великих сегодняшних…

К. Басилашвили: — Почему тривиальные вещи?

А. Проханов: — Да потому что на фоне создания новых великих машин, аппаратов, умных, великих и прекрасных это все кажется чепухой, иногда мерзостью. Потому что все новостные программы — я не говорю только об «Эхо» — все новостные программы говорят об этих клинических людях. И ни слова не говорят о настоящих великих открывателях и творцах. И это все когда? Накануне войны, которая может завтра разразиться, а мы будем все переносить эти палатки с Чистопрудного на Кудринский. Война на носу.

К. Басилашвили: *— Подождите. Но вот у нас Уралвагонзавод и укрепляет как раз, отвечает за войну, я так понимаю.*

А. Проханов: — Вот поэтому я предпочитаю назначенцев Уралвагонзавода, настоящих крепышей всей этой либеральной плеяде, к числу которой относится господин Шувалов, оставшийся в правительстве на лидирующих областях. Шувалов, о котором любой воробей говорит, что он запутался в схемах очень сомнительных, он дискредитирован. На Западе такой человек не мог бы даже на шаг подойти к правительству.

Или господин Дворкович, изящный, элегантный, такой вот салонный человек, умелец, видимо, изящно поднять бокал или произнести какой-нибудь спич на какой-нибудь корпоративной вечеринке. Но ему доверили индустрию страны — то, о чем Путин говорил. «Мы хотим, — говорил Путин, — заново индустриализировать страну, разрушенную либералами». И Дворкович, либерал до мозга костей, будет заниматься новой индустриализацией России на уровне XXI века? Он — человек проекта?

К. Басилашвили: *— «Гвозди бы сделать из этих людей».*

А. Проханов: — Да не гвозди — пипифаксы.

К. Басилашвили: *— Хорошо. Александр Андреевич, вопрос к вам: «Обещание Холманских послать мужиков с Урала в Москву разобраться с оппозицией — это не призыв к гражданской войне, это не экстремизм?» — к вопросу о войне от Михаила.*

А. Проханов: — Ну, думаю, нет. Я думаю, что наш новый политический лидер имел в виду что-то другое.

К. Басилашвили: *— Политический лидер — это Холманских, вы считаете?*

А. Проханов: — Да, Холманских. Я думаю, что он просто хотел каждому из этих, в общем, несчастных и таких неухоженных, непричесанных либералов, которые бродят по бульварам, путаясь и разбивая эти несчастные шатры свои, он хотел просто приставить в виде денщика крепкого уральского мужика, чтобы тот как бы помогал ему, следил, если тут кто-нибудь поскользнется или оступится, поддержал. Так что это были самые хорошие намерения.

А что касается правительства…

К. Басилашвили: *— А вот вопрос можно я сразу же задам? Ну, в досылку к вашему мнению, которое прозвучало раньше. А кто назначил Дворковича, Шувалова? Разве не Путин? А вы вот так против.*

А. Проханов: — Ну, конечно, Путин. А кто назначил Путина? Разве не Господь Бог?

К. Басилашвили: *— Господь Бог.*

А. Проханов — Стало быть, перст божий на лбу у Шувалова и Дворковича.

К. Басилашвили: *— Ну хорошо, а правительство?*

А. Проханов: — О правительстве. Мы говорили, что Путин перешагнет эту черту выборов и вынырнет как Иван Царевич из этого котла другим — в новых одеяниях, с новым лицом, и будет «Путин 02». Вот, судя по правительству, этого не произошло. Люди, которые сейчас наполнили кабинет, — это, в общем, в основном заместители тех, кто управлял страной в предшествующий очень долгий период. А предшествующий период был периодом стагнации, периодом, в лучшем случае, застоя. Но вообще — это период стагнации. И вот эта вся группировка, которая сейчас перекочевала в основном в администрацию президента, она управляла так, что страна неуклонно валилась на бок. И сейчас к управлению пришли их

помощники, их заместители. То есть, по существу, их двойники. И поэтому это правительство — это не правительство модернизации. Мы ждали модернизации, мы чаяли развития, и по-прежнему ждем и чаем развития. Это не правительство развития.

Есть люди, которые готовы возглавить это развитие по разным направлениям. Из всех, кто здесь в правительстве присутствует, один человек у меня ассоциируется с развитием — это Рогозин. Единственный. Он взял ВПК. В ВПК сейчас идут деньги, немалые деньги. Он управляет движением этих потоков, он стремится, чтобы эти потоки не были рассредоточены. Он создает интеллектуальные центры. Но он один. Хотя, это немаловажно, потому что во многом развитие — это развитие военно-промышленного комплекса. Там сосредоточены идеи, там сосредоточена техника, научные открытия, футурология, будущие военные конфликты, судьба государства, его суверенитета. И поэтому Рогозин находится на ключевом посту.

Министр обороны, несчастный Сердюков, который настолько уже изнывал, находясь на этом месте, окруженный недоброжелателями как среди военных, так и среди публики, и я знаю, что он просился на отдых, на другие отрасли, на какой-нибудь регион. И Путин его не пустил, оставил его на месте.

К. Басилашвили: *— А Колокольцев? Вот, новое назначение.*

А. Проханов: — «Я мальчик-колокольчик из города Динь-Динь». Я помню такую песню.

К. Басилашвили: *— Ну почему? В Москве все-таки он себя проявил за короткий срок.*

А. Проханов: — Ну, я думаю, что, наверное, это серьезно.

К. Басилашвили: *— Победим коррупцию?*

А. Проханов — Нет, он не победит коррупцию, он взял на себя, конечно, неблагодарную такую роль, потому что МВД является сейчас объектом такого тотального подавления со стороны либеральной публики.

К. Басилашвили: *— Либеральных сил, конечно.*

А. Проханов: — Конечно. И стоит случиться какому-нибудь событию, как вся стая, огромная стая — клювастая, носастая — слетается и сразу начинает долбить эту структуру. И поэтому он, Колокольцев, конечно, как бы лег под топор, лег под железные пилы. Я ему не завидую. Хотя, конечно, у МВД впереди, видимо, немалая роль.

К. Басилашвили: *— А вы видите в перспективе конфликты между этими, как уже называют, двумя правительствами, одно из которых сосредоточилось в администрации президента?*

А. Проханов: — Нет, я не вижу глубокого конфликта. Я допускаю нарастание конфликта между Медведевым и Путиным самими.

К. Басилашвили: *— То есть вы думаете, этот сериал, за которым мы напряженно следили, продолжится?*

А. Проханов: — Ну, мне кажется, этот сериал не кончался, просто пошла вторая или, может быть, третья серия этого занимательного кино. Но конфликт будет продолжаться. Я не знаю, будет ли он носить политический характер, будет ли он носить только психологический характер, будет ли он носить характер схватки окружений, схватки камергеров? А эта схватка неизбежна. Во всяком случае, это конфликт очень неприятный, может быть, трагический, потому что двоевластие в любой форме кончается взрывом системы и гибелью страны. Двоевластие Хасбулатова и Ельцина, знаете, чем кончилось? И двоевластие Горбачева и Ельцина, знаете, чем кончилось?

К. Басилашвили: *— Тотальной демократией. «Правительства нет, все министры — замы, а все решают те, кто в администрации президента».*

А. Проханов — Нет, не тотальной демократией кончится — тотальной смертью народа. Семь миллионов людей в условиях демократии исчезли. И продолжают исчезать.

К. Басилашвили: *— «Как думаете, что должен делать народ, глядя на нынешнее правительство?» — Алан из Самары спрашивает вас.*

А. Проханов: — Я боюсь, что возможно слияние Поклонной с Болотной.

К. Басилашвили: *— То есть?*

А. Проханов: — То есть та часть народа, которая оказывала доверие власти, боясь, что хаос поглотит не просто Путина, а поглотит русскую государственность, полагая, что русская государственность может выстоять только при условии немедленной модернизации, немедленного рывка, — вот эта часть людей, боюсь, будет разочарована. И я отношу себя к этой части людей.

Видите ли, когда я видел лицо господина Дискина, который

уповал на эволюционный путь модернизации, я понял, что никакой модернизации не будет, потому что никакой эволюционной модернизации в условиях нехватки исторического времени, в условиях надвигающихся на нас огромных опасностей, кризисов, в том числе военных, никакого эволюционного развития быть не может, возможен только рывок. Либо рывок, либо ничего.

К. Басилашвили: *— Я хотела, чтобы вы пояснили вашу мысль о слиянии Болотной с Поклонной. Вы имеете в виду какие-то массовые выступления?*

А. Проханов: — Я говорю сначала о социальной психологии.

К. Басилашвили: *— Социальные взрывы или социальная психология?*

А. Проханов: — Я говорю о социальной психологии, которая размывает фонды поддержки существующей власти, если она, эта власть, будет продолжать стагнировать.

К. Басилашвили: *— То есть вы считаете, что с этим правительством нам будет тяжело выстоять, в том числе и в пору такого мирового, европейского правительства?*

А. Проханов: — С этим правительством мы обречены на катастрофу, на поражение.

К. Басилашвили: *— И что же делать тогда? Скажите нам, пожалуйста.*

А. Проханов: — Я боюсь, что… Путин сказал напутствие новым министрам в их путь. Он сказал, что мы живем в условиях неопределенности, и вам предстоит, господа, действовать в условиях неопределенности. Что может быть смехотворнее? Если ты, лидер, не понимаешь ситуации, которая развивается в мире, если мир для тебя неопределенен, как же ты можешь создавать вектор управления? Даже я, не являясь премьером, понимаю, что одной определенностью мира сегодня является разрушение и крах либеральной модели, она трещит, она умирает в Штатах, она умирает в Европе. И это определенность: кончается либеральная диктатура в экономике и в политике. Значит, это правительство должно ориентироваться на эту катастрофу, на этот крах. Нет, там сидят одни либералы, причем такие либералы, выведенные в пробирке, которых эволюция уже не может коснуться.

На повестке дня война. По всей программе. Израиль, Иран, Ормузский пролив, Британия готова поддержать Израиль,

Хезболла ударит по Израилю. Там возникает такая каша, такая каша… То есть это война. Она захватит огромные пространства, в том числе и Россию. Кавказ-то тоже, потому что Грузия в составе большого Ближнего Востока. И это неопределенность. Разве в условиях этой неопределенности необходим этот министр обороны?

Поэтому мне кажется, что это правительство — оно либо правительство-однодневка (недаром аналитики говорят, что Шойгу был выведен из правительства, его отвели на случай его возвращения в новый состав правительства, и, может быть, Сечин ушел из правительства, чтобы его не спалил вот этот пожар низовой, который идет сейчас по России). Но я думаю, что это правительство и, наверное, этот премьер — это калифы на час.

К. Басилашвили: *— И последний вопрос: так что же, Россию спасет уход Путина — делаю вывод я из ваших слов? Вот, я из ваших слов делаю такой вывод.*

А. Проханов: — Ваше либеральное сознание двигается только в этом направлении…

К. Басилашвили: *— Вы об этом сейчас сказали.*

А. Проханов: — Вот видите, что бы я ни сказал, даже если бы я говорил о вкусных винах, вы бы пришли бы к этому выводу.

К. Басилашвили: *— Нет. Вы сейчас говорили о том, что Россия без Путина.*

А. Проханов: — Нет, это вы говорили.

К. Басилашвили: *— Это вы говорите.*

А. Проханов: — Это вы говорили. Вы — абсолютный продукт Болотной площади, пузырь земли, как я ее называю. Россию спасет немедленная модернизация страны, на которую должен решиться Путин, который, я убежден, имеет стратегию, но не имеет инструментария.

К. Басилашвили: *— Ну, так давайте поползем на коленях к Владимиру Владимировичу просить об этом?*

А. Проханов: — Ну, давайте вы будете ползти, а я вас буду прутиком подгонять?

К. Басилашвили: *— Да вы знаете…*

А. Проханов: — Прекрасная картина.

К. Басилашвили: *-…я предпочитаю иной вариант.*

А. Проханов: — Ну, какой-какой?

К. Басилашвили: — *Наоборот.*
А. Проханов: — Ну, вы же предложили «Мы поползем».

К. Басилашвили: — *Наоборот.*
А. Проханов: — Не получится.

К. Басилашвили: — *По-булгаковски.*
А. Проханов: — Не получится.

23.05.12.

«Не деньги решат судьбу России»

А. Самсонова: *— Александр Андреевич, наши слушатели на сайте предлагают вам вот такое голосование. Навальный, Путин, Удальцов, Медведев — выберите для себя одного лидера.*

А. Проханов: — Очень затрудняюсь, потому что я все больше и больше убеждаюсь, что между Путиным и Навальным нет глубокого, глубинного различия. Потому что в глубине они как бы смыкаются, это как бы одна для меня таинственная структура политическая или, может быть, идеологическая.

Вот я, например, узнал, что Навального, например, действительно, спонсируют круги и люди, близкие к господину Путину. Я, например, узнал, что оппозицию, оппозиционные каналы, прессу, телевидение спонсируют самые близкие к Путину олигархи. Я, например, узнал, что какая-то часть истеблишмента, близкого к Путину, выходит на Болотную площадь со своими политическими манифестами. И я растерян, у меня идет кругом голова: где Путин, где Навальный, кого мне поддерживать? Если я поддерживаю Путина, не поддерживаю ли я Навального? А если я борюсь с Навальным, не борюсь ли я с самим Путиным? Вот это для меня драма.

А. Самсонова: *— Ну, давайте, все-таки, с деталями. Какие близкие к Путину круги поддерживают Навального?*

А. Проханов: — Ну, например, Альфа Групп поддерживает Навального. Это значит что? И господин Авен поддерживает Навального? Что, и господин Фридман, столь близкий к Путину олигарх, поддерживает Навального? Авен, господин Авен, который совсем недавно сформулировал манифест победившего либерализма, разделил русский народ на лузеров — это большинство, русский народ, проигравший историю. Это вот те несчастные, убогие и такие, ну, как бы, бессмысленные, бесполезные люди, которым нечего делать. И виннеры, к которым принадлежит сам господин Авен. Это крупнейший идеолог, и он близок к Путину. И вдруг этот путинский идеолог, который сформулировал идеологическую концепцию укладов, сложившихся за это время, он спонсирует вот этого диссидента, этого протестанта и фрондера Навального.

А. Самсонова: *— Но погодите, как же Фридман спонсирует и поддерживает Навального, когда господин Ашурков, который работал на Фридмана, ушел из-за своей политической позиции из Альфа Групп? Ну, там все наоборот.*

А. Проханов: — Нет, это дополняет ощущение путаницы и хаоса. Здесь все сплелось. Из кого состоит Альфа Групп, кто в Альфа Групп является прямым наследником денег партии, кто в Альфа Групп эти деньги заработал честным трудом, работая в каменоломнях, кто из Альфа Групп спонсировал предвыборные кампании Ельцина и Путина? Вот, для меня это загадка.

А. Самсонова: *— Но они же дистанцируются от Навального. Наоборот.*

А. Проханов: — Но Альфа Групп его спонсирует — об этом сам Навальный признался. На его сайте написано. Я только что ехал в машине, подтверждение по вашему радио слышал, что представители Альфа Групп спонсируют Навального. Я не знаю, кто конкретно. Я думаю, что если там хоть малейший чиновник отстегивает 1/150-тысячную от своей зарплаты…

А. Самсонова: *— Частный человек.*

А. Проханов: — Даже частный человек. Конечно, он пикнуть не может в таких корпорациях как Альфа Групп, Альфа-банк без ведома начальства. Значит, ему санкционировали это.

А. Самсонова: *— То есть мы приходим к страшному выводу, что Путину нужен Навальный? А Навальному — Путин?*

А. Проханов: — Мы приходим к еще абсолютной неразберихе политической, к абсолютному абсурду, абсурду, в котором очень трудно сделать какие-либо точные политические выводы. Я боюсь ошибиться, я иду по зыбкому болоту. Да, я люблю Путина. Но любя Путина, значит, я люблю и Навального? Или нет, я не люблю Навального. Но не любя Навального, значит, я не люблю моего любимца Путина? Вот в чем драма. Вот в чем моя личная драма. Вот в чем драма моего сознания. Я очень надеюсь, что сегодня в общении с вами вот это вот странное раздвоение, расстроение личности исчезнет. И не дай бог, вы внесете дополнительный конфликт в мое сознание. Умоляю вас, воздержитесь от этого.

А. Самсонова: *— Александр Андреевич, но раз вы стали говорить об абсурдности происходящего, то, наверное, самая абсурдная история произошла на этой неделе, когда выяснилось, что некоторые либералы поедут на Селигер, который всегда был за Путина, и будут рассказывать в том числе, какой Путин нехороший и сколько денег наворовали его друзья. Как такое может быть?*

А. Проханов: — Но разве это не усиливает ощущение

безумия какого-то, абсурда? Разве это не говорит о том, что мы живем одновременно в нескольких Россиях?

А. Самсонова: *— Но насколько дальновидно это политическое решение пригласить на Селигер оппозиционеров и доверить Терновскому, например, — блогеру, который известен своими связями с Навальным уж точно.*

А. Проханов: — Я боюсь, что эти решения не были приняты. Либо они были приняты в такой форме, которая, с одной стороны, предполагала поездку этих господ на Селигер, а с другой стороны, предполагала потопление лодки, в которой они плывут на острова с помощью какой-нибудь торпеды.

А. Самсонова: *— Зачем? Вот главный вопрос.*

А. Проханов: — Я не знаю. Я в растерянности. Зачем? Зачем морочить всем голову? Или, действительно, русская политика в результате того, что в ней наслоилось такое количество компонентов: гимн, флаг, победа, поражение, Советский Союз — это великая держава, а на самом деле — это кромешный ад? Советский строй — это чудовищная ситуация, где подавлялась культура, и вдруг такие были прекрасные спектакли и театры, как «Современник», и великое советское кино. В каком мы живем пространстве?

Я вот только что с самолета, я был в другой реальности, я был в Ливане, я был на юге Ливана, у моих друзей из «Хезболлы». И там было все понятно: они показывали мне кладбище израильских танков «Меркава» — это груда железа мерзкого, которое размолотили с помощью русских ракет, «Корнетов». Это была мощная красивая блестящая победа, сломавшая хребет Израилю, после которой Израиль сейчас просто ползает на четвереньках. Мне это понятно. «Меркава» — это враг, «Корнет» — это мой друг, мой брат.

А. Самсонова: *— А где ваши враги и друзья здесь, в России, на родине?*

А. Проханов: — Кругом копошатся враги, кругом копошатся пауки. Я приближаю свое лицо к страшному отвратительному, страшному омерзительному либералу, и вдруг вижу на его мохнатом чудовищном лице очаровательную улыбку почти любимой мною женщины.

А. Самсонова: *— Это кто?*

А. Проханов: — Это вы.

А. Самсонова: *— Я не мохнатая.*

А. Проханов: — Издалека. Из самолета, летящего из Ливана.

А. Самсонова: *— Вы готовились к нашей встрече. Давайте перейдем к другой теме. Пока вас не было на родине, на нашего коллегу Сергея Асланяна было совершено покушение. Рассматривались разные версии. По одной из версий покушение было спровоцировано его высказываниями в адрес пророка Мохаммеда в эфире радиостанции «Маяк». И когда Асланян пришел в себя, он подтвердил эту версию и сказал, что, скорее всего, именно из-за этого было произведено покушение. Довольно странной выглядела позиция одного из имамов, который сказал, что мусульмане не имеют к этому отношения, но Асланяна, видимо, покарал их руками Аллах. Что вы думаете по этому поводу?*

А. Проханов: — Ну, не знаю. Вот, например, по Европе прокатались гигантские волнения, когда весь мусульманский мир откликнулся возмущением на оскорбления в адрес Мохаммеда. И, казалось бы, нормальный человек, который следит за мировой политикой, следит за зонами опасности, он понимает, чем это грозит, какая шаровая молния таится в исламском мире, как напряжены там нервы, какая идет революционная огромная волна в исламском мире. А революция — это всегда избыточность, это всегда резкость, это всегда сверхактивность. И надо сторониться цунами, который идет на тебя. Но есть же безумцы типа того пастора американского, который сжег Коран. И он еще раз сожжет. А потом мы найдем его где-нибудь на свалке старых машин, где-нибудь под Чикаго, с распоротым животом. И мы будем говорить: «Какое зверство! Какой ужас!»

И зачем нашему соотечественнику потребовалось оскорблять это больное и мучительно тревожное чувство современного мусульманина? Для чего?

А. Самсонова: *— Ну, такие же оскорбления в адрес, например, Христа и православия вызвали бы подобное?*

А. Проханов: — Конечно, это говорит о следующем. Это говорит о том, что сегодняшнее православие утратило свою огненную силу, но оно её набирает и она вернется. С одной стороны. С другой стороны, это, конечно, говорит о том, что христианское миросознание гораздо мягче, оно, может быть, светлее, там другая традиция, там традиция милости, там традиция такого смирения, терпения и любви.

А. Самсонова: *— Очень она проявилась в истории с Pussy Riot, конечно.*

А. Проханов: — М..?

А. Самсонова: *— Традиция смирения, милости и любви проявилась, конечно.*

А. Проханов: Ну, конечно. Эти три несчастные девочки, я видел их головы отрубленные, они висели на кольях у Храма Христа Спасителя. И, даже отрубленные, три эти головушки повторяли свои хулы в адрес православия. С девками все в порядке, девки сидят, разучивают новые концертные номера. Они очень скоро выйдут.

А. Самсонова: *— Ну и с Асланяном, да? Правда? И с Асланяном все в порядке. Ну, то есть милости вашей христианской не хватает.*

А. Проханов: — С Асланяном — нет. Но я бы ему посоветовал залечить раны и прикусить язычок. Не оскорблять чувства.

А. Самсонова: *— А какого, извините, черта, он должен не оскорблять чувства в светской стране и не высказывать свои мысли по поводу кого бы то ни было?*

А. Проханов: — А если бы он подошел ко мне, например, на улице и оскорбил бы меня в светской стране? Да я бы ему съездил бы по роже так…

А. Самсонова: *— Вы получили бы статью за хулиганство.*

А. Проханов: — Вот. Но я бы сделал это.

А. Самсонова: *— И получили бы статью.*

А. Проханов: — А он остался бы без челюсти. Вот сейчас он остался без челюсти, а разыскивают того шахида, который взрезал ему пузо. Его осудят за хулиганство.

А. Самсонова: *— То есть вы отказываете атеистам в праве выражать свою атеистическую позицию публично?*

А. Проханов: — Если атеисты — мерзавцы, я отказываю им в праве осквернять святыни других людей, насиловать девушек.

А. Самсонова: *— А кого вы называете мерзавцем?*

А. Проханов: — Мерзавцы — атеисты, которые хулят чужие религии, чужие верования. Кстати, мерзавцами я называю также тех профессиональных антисоветчиков, которые хулят красную веру сознательно. Причем, сознательно время от времени наносят травмы по сознанию красных стариков, говорят, что они вынесут Ленина из Мавзолея, называя Ленина воблой и селедкой. Это

говорят мерзавцы.

А. Самсонова: *— То есть вы как бы предупреждаете их о возможности насильственной расправы над ними?*

А. Проханов: — Я предупреждаю, я говорю, что эта насильственная расправа происходит. Я их предупреждаю.

А. Самсонова: *— И вам кажется это нормальным?*

А. Проханов: — Я считаю, что это нормально. Человек должен защищать свои святыни и ценности.

А. Самсонова: *— Таким образом то, что произошло с Асланяном, нормально?*

А. Проханов: — Я считаю, что это возмездие. Может быть, руками Аллаха, может, руками Христа, а может, просто чувством справедливости.

А. Самсонова: *— Это нормально?*

А. Проханов: — Не надо быть мерзавцами. Да. Не надо.

А. Самсонова: *— Но это нормально? Скажите.*

А. Проханов: — Это нормально, когда мерзавцы получают по мордам.

А. Самсонова: *— Отлично. Александр Проханов в эфире программы «Особое мнение» сказал, что то, что произошло с Сергеем Асланяном, это нормально.*

А. Проханов: — А то, что он совершил по отношению к святой религии, это мерзость, это отвращение. Вообще его нужно судить за это. Вот его нужно вылечить, наложить ему пластыри, а потом судить.

А. Самсонова: *— Есть еще ряд экономистов, которые высказывались в адрес России. Но я думаю, что их вряд ли можно будет достать и как-то покарать. Поэтому все-таки решусь и процитирую. Знаменитый экономист Нуриэль Рубини, профессор Нью-йоркского университета, и Ян Бреммер, президент Евразия-Групп в сегодняшней статье в The Financial Times объяснили, почему Россия постоянно накладывает вето на все резолюции Совбеза ООН по Сирии.*

А. Проханов: — Почему же эти высоколобики так решили? Что это они там открыли?

А. Самсонова: *— Да, они сопоставили цифры и факты, они, в*

общем, другими вещами…

А. Проханов: — Ну что там эти смешные сторонники уничтожения демократии в других странах, во всех, кроме своей, решили?

А. Самсонова: *— Ну, они показали, что из России бежит капитал, что Россия по экономическому развитию не может участвовать в таких объединениях как БРИК и G8, и единственная возможность для Путина и России сохранить свой статус мировой державы — это накладывать резолюции по таким вопросам как в Сирии, чтобы показывать свою значимость. Никаких других рычагов у нее больше нет.*

А. Проханов: — Ну, не хотел бы я консультироваться у этих ребят по поводу того, где мне держать деньги, в валюте американской или в рублях. Это просто…

А. Самсонова: *— Очень зря. Часть этих ребят, например…*

А. Проханов — Это просто экономические жулики, которые пристегивают свои с трудом добытые экономические знания к политической колеснице.

А. Самсонова: *— Один из этих ребят как раз экономический кризис предрек. Вполне себе молодец.*

А. Проханов: — Вы знаете, они сначала устраивают, потом предрекают, потом опять выводят из него и опять вводят в следующую волну.

Россия — это держава, которая начинается где-то около Минска, потому что Союзный договор, а кончается где-то около Хоккайдо. И эта огромная страна, когда она дышит, от ее дыхания колеблются волны мирового океана, в том числе и побережья Северной Африки, к которым относится Сирия. И Россия должна быть везде.

А. Самсонова: *— А почему капитал бежит из России, если она такая классная?*

А. Проханов: — А почему у американцев такой чудовищный многотриллионный государственный долг? Почему эти мерзавцы?..

А. Самсонова: *— Нет, погодите, я вас про Россию спрашиваю, а вы мне сразу про Америку.*

А. Проханов: — А я вопросом на вопрос.

А. Самсонова: *Ну давайте про Родину. Давайте про Родину*

говорить.

А. Проханов: — Потому что мы живем в уродливой стране и в уродливом мире. Миром сегодняшним правят фондовые рынки, американско-еврейские мыслители, которые создали абсолютно новую экономику и новые представления о деньгах, и эти представления высасывают из всех других стран мира капиталы.

А. Самсонова: *— А почему русские не у дел? Такие умные?*

А. Проханов: — А потому что на русских в 1991 году наложили страшный пластырь, табу, на них наложили клеймо. Русские находятся под игом и стараются из-под этого ига выйти.

А. Самсонова: *— Нас обманули, что ли, всех?*

А. Проханов: — Нет, русских обманули.

А. Самсонова: *— Всех?*

А. Проханов: — Я думаю, что страну обманули. У нее отняли империю, ее сбили с панталыку, у нее уничтожили историю, русских называют уродами, ублюдками.

А. Самсонова: *— Но как же можно отнять силу у сильного? Если он сильный, он будет силу держать свою. А если он слабый, то у него и отняли. Значит, прав Рубини?*

А. Проханов — А если он сильный, но когда ему влили в ухо яд, он отравился, стал слабым. В 1991 году русской сильной советской державе влили яд в ухо, и этот яд её отравил. После 1991 года все мерзавцы, которые были внутри страны, они только и делали, что ослабляли великую страну.

А. Самсонова: *— Ну, таким образом вы подтверждаете Рубини и Бреммера, то есть по разным, не зависящим от них причинам Россия ослабла и теперь у нее нет никакого влияния на мировые процессы, кроме как блокировать резолюции по Сирии.*

А. Проханов: — У России также нет никаких форм влияния на мировое звездное пространство, она очень ослабела в районе Альфа Центавра. Но она, эта Россия, попранная, убитая, на спине которой в 1991 году танцевали все, все Болотные площади мира — эта Россия воскресает, она возвращает свое влияние на Ближнем Востоке…

А. Самсонова: *— Блокируя резолюции по Сирии.*

А. Проханов: — Ну, не только. А еще снабжая сирийский режим Асада зенитно-ракетными комплексами «Панцирь», которые отобьют любую бесконтактную войну. Войну, которая

повергла в прах Саддама и Каддафи.

А. Самсонова: *— Но у него нет проблем с бесконтактной войной пока что. У него проблема в том, что его граждане умирают.*

А. Проханов: — Пока что нет, пока что нет. А завтра она настанет. Мы же с вами не стратеги, мы с вами кисейные барышни.

А. Самсонова: *— Особенно я, да.*

А. Проханов: — Ведь если сегодня нет этой проблемы, ее и не будет и завтра.

Кстати, Каддафи, несчастный бедный Каддафи совершил стратегическую ошибку. Имея гигантские деньги, он отказался покупать у России противовоздушную оборону, которая уничтожила бы атаки штурмовиков НАТО на Ливию. Слава богу, у Башара есть противовоздушная оборона и армия, которая отразит любые атаки. А Россия… Это же не только слабая, несчастная, убогая, презираемая вами Россия накладывает вето. Там еще и несчастный малолюдный и почти незаметный миру Китай придерживается тех же самых концепций. И, конечно, вот такая микроскопическая, никому не известная страна, как Иран. И вот три этих маленьких крохотных карлика, понимаете, они, все-таки, этого гиганта под именем Израиль свалят, в конце концов.

А. Самсонова: *— Слушайте, все бы было хорошо, но люди, наверное, о которых вы говорили, у которых есть, там, смирение, любовь к другим и все остальное, они очень были потрясены, когда 25–26 мая обстреляли город Хула. Ну, Россия придерживается другой точки зрения, но там погибли люди. Мы согласимся на этом? Люди погибли в Хуле, это страшно.*

А. Проханов: — Это страшно, да.

А. Самсонова: *— Да? Всё. Чтобы просто дальше продолжать.*

А. Проханов: — Конечно.

А. Самсонова: *— Что Россия такая классная и Китай такой классный могут сделать, чтобы люди не погибали в Сирии? И что она делает уже?*

А. Проханов: — Вы знаете, есть вещи, которые неподвластны даже и богам. Если бы эти чудовища, которые устроили там бомбометания и резню, они не включились бы в процесс демонизации Башара, если бы эта резня не служила еще одним актом для того, чтобы превратить Башара в чудовище мировое,

вслед за которым должны наступить бомбардировки (так обычно действуют все революции), то, я думаю, что не было бы и в дальнейшем бомбардировок. Все, что Россия может сделать, она может усилить поставки Башару зенитно-ракетных комплексов, чтобы в случае атаки (а эта атака произойдет) американские крылатые ракеты падали как гнилые груши, не долетая до цели.

А. Самсонова: *— Нет, погодите. Вы беспокоитесь о том, что там ракеты некуда продавать, Каддафи не купил, может, Башар не купит…*

А. Проханов: — Я не забочусь, нет. Ракеты покупают, все хорошо. Я же вам сказал, что я только что вернулся из Южного Ливана и там «Корнеты», русские противотанковые ракеты, устроили такую мясорубку с этими «Мер-кава». «Меркава» — колесницы бога. Они превратили в инвалидные коляски эту колесницу бога. Так что ракеты идут, ракеты прекрасно идут в мире, и они делают свое дело. Русская ракета по-прежнему — это такой светоч, это ракета-интеллектуал, ракета-патриот, ракета-любитель высокой поэзии.

А. Самсонова: *— А в вас, вот, ваше христианское мировосознание никак не борется с тем, что вы хотите ракеты наши продавать?*

А. Проханов: — Нет, не борется. Я считаю, что у нас…

А. Самсонова: *— Как вы в себе победили этот когнитивный диссонанс?*

А. Проханов: — У нас и атомная бомба была Православной. Саров-то — это же святое место, понимаете?

А. Самсонова: *— А, да?*

А. Проханов: — Да. Вы не знаете?

А. Самсонова: *— Расскажите про православную атомную бомбу.*

А. Проханов: — Православная атомная бомба. При въезде в Саровский центр на этих запретных воротах висит икона Спаса. И один из недавних руководителей советского атомного проекта, въезжая, всегда снимал шляпу перед этой иконой.

А. Самсонова: *— Ну, вот, пока Башар Асад нашим православным вооружением пытается отбить атаки НАТО, или кого он там пытается отбить, умирают люди. Мы должны на это смотреть? Или мы что-нибудь сделаем?*

А. Проханов: — Мы должны, прежде всего, спасти наших сирот, наших детей, которые умирают сотнями тысяч в стране победившей демократии, в стране победившего олигархического капитализма. Прежде всего, что мы должны делать, мы должны спасать русских детей, сирот, беспризорных.

А. Самсонова: *— А, то есть логика такая: спасем сначала всех в России, в нашей великой державе, сирот, а потом уже будем обращать внимание на смерти в Сирии?*

А. Проханов: — Нет, это ваша логика. Будем делать то, что близко от нас, что нам посильно. В общем, сейчас трудно направить наших врачей, наших медиков в зону кровавых боев с тем, чтобы они там спасали эти населенные пункты. В Сирии, кстати, полно своих врачей. Там прекрасная медицина. А вот то, что у нас в наших несчастных городах и поселках такое количество детей-наркоманов, детей-сирот — это, конечно, позорище для страны и позорище для такого уклада, который взрастили с 1991 года после крушения СССР.

А. Самсонова: *— А вы отказываете европейским странам в искренности их стремлении предотвратить человеческие жертвы в Сирии?*

А. Проханов: — Европейские страны? Страны Саркози и Берлускони?

А. Самсонова: *— Да-да-да.*

А. Проханов: — Страны этих жуликов?

А. Самсонова: *— Но там Саркози уже ушел.*

А. Проханов: — Страны этих Крестовых походов? Страны, у которых на уме только одно — чтобы набить чистоганом карманы? Это подлые демократии, лживые. Они на наших глазах уничтожили две страны.

А. Самсонова: *— То есть мы хотя бы о своих сиротах заботимся, а эти только… О чем?*

А. Проханов: — О том, чтобы уничтожить несчастных бедных людей, в том числе и русских. Разве не знаете этого?

А. Самсонова: *— Олланд просыпается утром и точит кинжал.*

А. Проханов: — Вы же находитесь под бременем западного ига, посмотрите. Иногда вы бываете такая печальная, у вас на глазах слезы. Я понимаю, что во всем виновата вот эта старая

англо-саксонская гвардия.

А. Самсонова: *— Нет, я понимаю, вы вернулись из Ливана, посмотрели там на кладбище, и вам теперь не грустно.*

А. Проханов: — Я посмотрел на кладбище «Меркава», мне стало весело. Я поехал туда для того, чтобы развеселить себя.

А. Самсонова: *— А я думаю, почему глаза блестят. А вы на кладбище посмотрели.*

Смотрите, посол США в России Макфол на встрече со студентами ВШЭ сказал по поводу базы Манас в Киргизии: «Вы предлагали большие взятки господину Бакиеву, чтобы он выбросил нас из Киргизии. Мы также предлагали взятку примерно в 10 раз меньше, чем то, что предлагали вы. Но это не сработало», — отметил Макфол. После этого расстроился российский МИД, после этого представитель Госдепартамента сказал, что надо привыкать к тому, как говорит Макфол — он всегда говорит прямо, он профессиональный дипломат. После этого помощник президента РФ по международным делам Юрий Ушаков сказал, что, ну, все-таки, посол должен — я цитирую — «работать на позитиве». Потому что и без послов полно разных проблем, а посол должен быть позитивным.

А. Проханов: — Что вы от меня хотите? Чтобы я поддержал кого? МИД или посла?

А. Самсонова: *— Да, кого? Госдеп? Поддержите.*

А. Проханов: — Кто вам милее? Кто вам милее, того я поддержу.

А. Самсонова: *— Поддержите Госдеп.*

А. Проханов: — Госдеп — это очень мощная такая корпорация, изощренная, тонкая, блестящая. Ее деятельность построена на подкупах, на шантаже, на использовании всевозможных манипулятивных технологий, которые предшествуют военным ударам, быть может, даже и ядерным в конце концов.

Макфол — это специалист по подрывным операциям. Он блестяще знает Россию, знает русский язык, знает русское сознание, он изучал русские народные сказки, он занимался русской антропологией.

А. Самсонова: *— Обернитесь. Вот вы посмотрите: вы Госдеп начали поддерживать и сразу кардиограмма как вверх поползла.*

А. Проханов: — Да?

А. Самсонова: *— Да. Вот правда. Вы мне не верите? Слушайте, вы обернулись — она упала (смеется).*

А. Проханов: — Вы ее смахнули. Значит, повторяю: Макфол — это специалист высокого класса, он принадлежит к той новой культуре воздействия на противника, которая исключает немедленное или прямое применение огнестрельного оружия. И его заявления, его встречи с оппозицией, его контакты явные, неявные со множеством неправительственных организаций свидетельствуют о том, что Россия всегда была под очень мощным внешним воздействием, а сейчас началась очередная новая фаза таких спецопераций против России, в которые включился дипломат. Ну, это нормально. Дипломаты и должны включаться в спецоперации. Вообще, в странах пребывания дипломат концентрирует у себя разведки, аналитические службы, службы прикрытия, службы общения с диссидентами, с оппозицией. В этом смысле Макфол — блистательный дипломат, это такой сын Госдепа, которому удалось подчинить себе, по существу, весь мир или почти весь мир.

А. Самсонова: *— Теперь поддержите российский МИД.*

А. Проханов: — Российский МИД во главе с замечательным дипломатом советской школы Лавровым (я как-то назвал его даже то ли старым львом, то ли очень мудрым лисом), он делает все, что в его силах. А в его силах все больше и больше. Он делает все, чтобы вырваться из-под этого тяжкого бремени внешнего управления Россией, которое установилось у нас с 1991 года. И надо сказать, что Россия преуспела.

Вот, повторяю, я только что вернулся с Ближнего Востока и общался там не только с моими друзьями из «Хезболлы», я общался с дипломатами, с людьми культуры Ближнего Востока. Все они отмечают, что у России появилась абсолютно новая, очень мощная роль в мире на Ближнем Востоке. И они поддерживают усиление этой роли. Они, кстати, связывают усиление этой роли как с Путиным, так и с тем, что русское сознание возвращается на пути православия. Они очень рады усилению православной церкви, прекрасно понимают те угрозы, которые таятся в этом усилении для самой православной церкви.

А. Самсонова: *— Мне кажется, нужно такой лозунг общий сделать: «Фундаменталисты всего мира, объединяйтесь».*

А. Проханов: — Этот лозунг давно брошен газетой «Завтра». И перед вами тот фундаменталист, который старается втянуть в сферу своего влияния весь остальной мир, в том числе и вас.

Иногда мне это удается, иногда вы, как козочка, у которой на шее такой деревянный треугольничек, сопротивляетесь. Но, в общем-то, вы имейте в виду, общаясь со мной, вы уже в сфере моего влияния.

А. Самсонова: *— Я про козочку с треугольником не очень поняла.*

А. Проханов: — Не очень поняли?

А. Самсонова: *— Нет.*

А. Проханов: — Ну, вы не жили никогда в деревне. Козочкам, которые хотят проникнуть в огород фундаменталистов сквозь забор, на шею привязывают такой треугольничек. Когда они просовывают головы, треугольничек мешает им пролезть. Но все равно голова-то ваша уже в моем огороде.

А. Самсонова: *— И то верно. Слушайте, задерживают третий день подряд людей, которые принимали участие 6 мая в митинге на Болотной площади. Происходит это примерно так. Ночью в квартиру врываются ОМОН или спецназ, или кто-то еще, кладет на пол людей, увозит их на Петровку, 38, на следующий день — суд. Духанину, девушку-анархистку… Вы, кстати, как к анархистам относитесь?*

А. Проханов: Я знаю, что уже примерно 50 тысяч из тех, кто выступал на Болотной, прошли через это страшное дело. Вот я сейчас ехал, все дома взорваны, ОМОН бесчинствует, все лежат там на полу в домах, всех тащат в автозаки. Конечно, это ужасно. Ужасно. Этот зверский ОМОН. Я говорил, что у нас в Москве омонодефицит.

А. Самсонова: *Ну так вот. Этих людей судят и, возможно, им грозит до 10 лет лишения свободы.*

А. Проханов: — Наш суд — самый справедливый и гуманный суд в мире. Я думаю, что они выйдут на свободу героями.

А. Самсонова: *— Вас не трогает эта история?*

А. Проханов: — Меня не трогает судьба Болотной площади. Меня трогает судьба моей отчизны, моих соотечественников. Меня не трогает судьба этого взбесившегося среднего класса. Понимаете, один за другим рушатся мифы. Один из мифов, которым нас кормили в течение всех 90-х, да и поздних годов, говорит о том, что средний класс — это залог устойчивости государства. Давайте вскормим средний класс…

А. Самсонова: *— Слушайте, ну какой средний класс? Одной — 18 лет (этой Духаниной). Она вообще не средний класс никакой, поверьте.*

А. Проханов: — Давайте вскормим средний класс, и у нас наступит стабильность традиционная.

А. Самсонова: *— А, я вспомнила! Вас же судьба отдельного человека вообще не волнует, вы же мыслите категориями, поэтому бесполезно вас спрашивать про Андрея Барабанова и Александру Духанину.*

А. Проханов: — Нет, меня не волнует судьба отдельного человека, но меня волнует судьба мира в целом и самой маленькой клеточки, из которой состоит этот отдельный человек. У меня микро— и макроотношение к человечеству.

А. Самсонова: *— А, ну тогда давайте на микроуровень все-таки спустимся.*

А. Проханов: — Ну, на микроуровне то, что с ней происходит, незаметно. Клеточка, в которой сосредоточен ее социальный протестантизм и ее анархическая сущность, не заметила, что эту клеточку положили на пол.

А. Самсонова: *— Хорошо. Вас беспокоят больше… Я слышала, вы про ОМОН начали говорить. Вот про ОМОН волшебная история. Одним омоновцам, которые…*

А. Проханов: — Амон? Царство Амона? Или как?

А. Самсонова: *— Да-да-да, именно о них.*

А. Проханов: — Амон.

А. Самсонова: *— Одним дали квартиры в Москве за то, что они участвовали вот в этих ожесточенных боях. А сегодня в социальных сетях появилась история другого омоновца, героя, который сражался в Чечне и получил разные боевые награды. Но, к сожалению, потом был сильно ранен и вот сейчас пытаются с помощью Яндекс-кошелька собрать деньги на его лечение. Кто важнее для нашего государства, собственно?*

А. Проханов: — Я думаю, что и те, и другие. Я бы не стал отбирать обратно квартиры у омоновцев, которые получили за службу. А этого героя я бы просто вылечил и все. Одно другому не противоречит…

А. Самсонова: *— А почему не лечат?*

А. Проханов: — …Просто это процессы разновременные.

А. Самсонова: *— А почему не лечат? Как такое получается?*

А. Проханов: — Ну, значит, сейчас после нашей с вами передачи начнут лечить.

А. Самсонова: *— А, вас тоже нет. Ну, это хотя бы по-честному — вас одинаково не волнуют ни отдельно взятые омоновцы, пострадавшие в боях за нашу родину, ни отдельно взятые «болотные».*

А. Проханов: — Я думаю, что для вас проблема ОМОНа — самая насущная, что вы — действительно Человек… Омоновцы приходят к вам как к матери Терезе искать защиты. Вы — истинная любительница и защитница ОМОНа.

А. Самсонова: *— Ну, вы знаете, меня беспокоит судьба военного, который сражается за Россию, да.*

А. Проханов: — Ах-ах, я просто вижу. Вот вы сидите в камуфляже в настоящем и радеете за русское оружие.

А. Самсонова: *— Меня потрясают ваши претензии на сострадание и христианское мировоззрение, и абсолютно наплевательское отношение к отдельным людям.*

А. Проханов: — Просто я знаю, где и когда демонстрировать свои христианские сущности.

А. Самсонова: *— То есть вы не собираетесь использовать возможность?..*

А. Проханов: Не на торжище же их демонстрировать.

А. Самсонова: *— Хорошо. Все сейчас соревнуются в долгосрочных и краткосрочных прогнозах по поводу того, что будет с Россией.*

А. Проханов: — С Россией?

А. Самсонова: *— Да, с Россией, с политической ситуацией. Мы начали программу с того, что вам все кажется абсурдом. Все-таки, из абсурда и этого хаоса должен вырисоваться какой-то порядок к сентябрю. Каким он будет?*

А. Проханов: — Мне стало известно из неподтвержденных источников, что на одном из недавно прошедших закрытых совещаний Путин произнес две вещи, две сентенции. Может быть, я открываю гостайну, а может, и не более чем слухи, из референтского окружения Путина исходящие. Он сказал, что в России должна быть создана философия общего дела. Общее

дело, вот эта огромная, метафизическая, абсолютно русская космическая философия общего дела. Наконец Путин произнес тираду о том, что эта философия общего дела должна быть создана. Это консолидирует страну. И еще он второе сказал, что это будет сделано в интересах сбережения и сохранения России как страны.

А. Самсонова: *— То есть праздник на вашей улице, наконец?*

А. Проханов: — Ну, конечно. Россия сохранится, я победил. Вы проиграли. Вам не достанется вот эта несчастная разгромленная Россия для окончательного поедания. Мы все равно победим, мы в России победим. И общее дело в России существует. Общим делом России является сама Россия. И мои недавние встречи…

А. Самсонова: *— Нет, погодите, Россия выживет вне зависимости от ваших с Путиным страданий. А тут вопрос, на кого он сделает ставку, и кому будут давать деньги? Тем, кто придерживается той идеологии, о которой вы сказали, или, может быть, другой идеологии? Поэтому я и спрашиваю, на чьей улице праздник.*

А. Проханов: — Я не знаю, кому будут давать деньги, потому что не деньги решат судьбу России. Судьбу России решит это огромное духовное стояние, в котором она пребывала и пребывает. А на кого будет делать ставку Путин? Я думаю, что наконец-то Путин понял, что он взрастил для себя людоедов и врагов среди среднего класса и людей либерального умонастроения. И он начнет наконец с огромным опозданием, может, просто с опозданием выстраивать другую гвардию, другие слои поддержки. Это вопрос не просто сохранения и выживания Путина, это вопрос выживания самой России.

А. Самсонова: *— Классно тогда. Получается, что та опора Путина, которая всю жизнь существовала (средний класс), — это те, от кого вы сейчас с ним пытаетесь откреститься.*

А. Проханов: — Средний класс — это дерьмо.

30.05.12.

«Фарш» миллионов

О. Журавлёва *— Добрый вечер, у нас в гостях — писатель Александр Проханов. Наконец-то. Александр Андреевич, здравствуйте. Давно мы с вами не встречались.*

А. Проханов: — Давненько-давненько, сказал Собаке-вич или кто? Или Ноздрев сказал, увидев Ольгу Журавлеву?

О. Журавлёва *— Давненько не брал я в руки шашек, да. Хорошо. У нас тут много интересного происходит, причем, все в вашем стиле. То про солнцелет расскажут, то про волановет, и даже наш слушатель пишет, что под Хабаровском создают новый космолет. У вас есть какие-то сведения о космолете в Хабаровске?*

А. Проханов: — Так я и стал разглашать эти сведения.

О. Журавлёва *— А, все, понятно. Тогда давайте об общественно важном.*

А. Проханов: — Кстати, нельзя обойти стороной визит Владимира Владимировича Путина к Лукашенко. Очень важный визит. Обсудим это. Но заранее говорю, что этот визит был омрачен атакой комаров на обоих президентов.

О. Журавлёва *— Да что вы говорите? А обычно же комаров уничтожают перед тем, как туда президенты приходят.*

А. Проханов: — Не всех. Четырех комаров не уничтожили. И президенты были вооружены мухобойками, и последний комар, над которым были занесены мухобойки, выжил, потому что кинулся пресс-секретарь Путина и сказал: «Не трогайте, это последний комар Беловежья».

О. Журавлёва *— Боже мой. Удивительная история. Но вообще у нас в жизни абсурда-то сколько угодно, поэтому давайте вспомним вчерашнее удивительное шоу, которое случилось. С одной стороны, какая-то радость звучит в комментариях, что какая-то живость появилась в Государственной Думе. С другой стороны, есть скептики, которые говорят «Ну и что? Ну, понятно же, что у них нет большинства. Против чего они протестуют? Что они там? Просто привлекают к себе внимание». Как вы считаете, стоило вот это все устраивать вчера, заставлять Думу сидеть там 9 часов и выслушивать бесконечные 400 поправок?*

А. Проханов: — Тут вот есть два направления моих мыслей. Первое связано с тем, что, по существу, Думой и Советом Федерации закон принят и, казалось бы, дело в шляпе. Но теперь

Совет по правам человека с господином Федотовым разразился какими-то письмами президенту.

О. Журавлёва *— Которые никто не получил, как выяснилось.*

А. Проханов: — Ну, не получила Валентина Ивановна, не получила. Но президент получил эти письма, и он выскажет очень скоро, вернувшись из Китая, видимо, свое отношение к этому закону. И интрига именно в этом. Не в том, что вчера вытворяла Дума, а в том, что сделает Путин. Потому что секретарь его сказал, что Путин внимательно рассмотрит все предложения, и если этот закон не противоречит международным европейским нормам, то он его примет.

Но теперь посмотрите. Такое ощущение, что вдруг (так надеются либералы) Путин не примет этот закон.

О. Журавлёва *— Ну, вы-то понимаете, что это не так?*

А. Проханов: Ну, вдруг он не примет этот закон. Значит, если он не примет этот закон, не утвердит его, то он будет выглядеть по-дурацки. Потому что, во-первых, это будет слабый президент. Он и так вернулся в Кремль очень ослабленным, и он по-прежнему слабый президент. А здесь, уступив вот этому давлению оппозиции, вот этому десталинизатору Федотову, он откатывается назад, перед этим спровоцировав на принятие закона и Думу, и Совет Федерации. То есть вот эти обе палаты почувствуют себя оскорбленными. Их заставили работать, их заставили трудиться, их заставили обнаруживать верноподданничество, и вдруг их кинули.

Значит, по существу, Путин находится в ужасном состоянии. Причем, в этом ужасном состоянии находится очень давно и по любому поводу. Поэтому он либо, действительно, должен его утвердить, чтобы остаться в глазах народа твердым, последовательным президентом и чтобы не оскорбить своих подданных в Думе и в Совете Федерации. Либо, если он его ветирует, то тогда мы видим перед глазами просто какую-то руину, а не президента.

О. Журавлёва *— Ну почему? Можно строго сказать, постучать кулаком по столу, сказать, что он не доработан, послать в недра, и втихаря потом его примут все равно.*

А. Проханов: — Нет, дураков нет. Он должен постучать кулаком по столу и сказать: «Отличный закон, очень своевременный закон, и я с радостью, не находя в нем никаких огрех, его принимаю». Вот так должен поступить сильный президент, который находится перед угрозой большой смуты.

Потому что смута, в общем-то, началась.

О. Журавлёва *— Ну а сам закон разве не провоцирует усиление смут?*

А. Проханов: — А закон не провоцирует, потому что, действительно, закон ничем не отличается от европейских законов. И закон во многом дурацкий. Конечно, он провоцирует усиление смуты, но ненамного, потому что у смуты есть своя логика. Она живет внутренней логикой, имманентно это революция. Революция началась, понимаете? Она началась. И меня все обвиняют в том, что я пугаю, что я нагнетаю ситуацию. Но она началась прошлой осенью, она проходит фазу за фазой. И 12-го числа будет марш миллионов…

О. Журавлёва *— Пойдете?*

А. Проханов: — …я его называю «фарш миллионов».

О. Журавлёва *— Ну, вы пойдете в «фарше» принимать участие?*

А. Проханов: — Ну, с какой стати я буду входить в «фарш миллионов»? Я же не политическое мясо, я — человек уже…

О. Журавлёва *— Да ладно!*

А. Проханов: — Вот видит Бог. Как и вы. Я — политический деликатес, понимаете?

О. Журавлёва *— Ах, вот оно что. То есть вы будете той сахарной розочкой, которая сверху этого «фарша» будет.*

А. Проханов: — Я — политический трюфель, если угодно.

О. Журавлёва *— Хорошо. То есть вы — дорогостоящий продукт.*

А. Проханов: — Да. Значит, повторяю, революция имеет свою логику и ее не остановить репрессиями. Ее можно замедлить. Ну, смотрите, вот, февральскую революцию 1917 года не остановили ни вот эти вот паллиативные столыпинские реформы, ни столыпинские галстуки, ни расстрел 9 февраля, ни запреты, ни всевозможные реакции, там, «Патронов не жалеть». Она разразилась и прошла все свои грозные сокрушительные стадии, как и эта начавшаяся революция.

Единственное, что, как мне кажется, может остановить эту революцию, эту начавшуюся либеральную революцию, — ее может остановить не закон о штрафах, ее может остановить встречная революция, как пускают встречный пал, встречный

огонь. Эти пожары тушатся другими пожарами. Если власть, например, почувствовав это или найдя в себе волю, немедленно начнет параллельную или встречную революцию, связанную с модернизацией, с форсированным развитием, с усилением тех слоев и тех компонентов общества, которые остаются государственниками (а их все меньше и меньше, таких людей), то вот эта запущенная революция, по существу, сломает вот этот встречный процесс. Многие из тех, кто ходит на Болотную, примкнут к этой революции, потому что люди туда ходят от тоски, от безделья.

О. Журавлёва *— Ну, то есть людям надо дать дело, большое серьезное.*

А. Проханов: — Людям нужно дать большое, нужное, умное, положительное дело. Положительное дело. Люди устали от безделья и от блефов. И мне кажется, что вокруг этого закона, который принят или будет или не будет подтвержден президентом, вот такие разговоры уместны, а не та буза, которая была в Думе.

О. Журавлёва *— Александр Андреевич, вы нарисовали, в принципе, что делать нужно и как быть дальше. Но, тем не менее, вот это безумство в Думе состоялось. А вы не могли бы пару слов сказать о том, как вам кажется, вот эта официально признанная оппозиция, думская оппозиция — она искренна была в этом порыве? Или это тоже какой-то сложный, как любят говорить, сложный пиар такой, такая политическая игра? Может, им, действительно, тоже надоело, что вот так все происходит, все радостно голосуют?*

А. Проханов: — Нет. Мне кажется, что здесь нет сложной очень конспирологии. Во всем этом есть некоторый хаос, некоторая хаотизация политического пространства. Но она не настолько велика, чтобы видеть в этом хаосе отсутствие какой-то графики, отсутствие каких-то контуров четких. Я думаю, что думская оппозиция вела себя так, как она и должна была вести. Причем в этой думской оппозиции только несколько таких людей яростных, пассионарных. Основная масса очень пассивна, очень осторожна.

О. Журавлёва *— Ну, если несколько пассионарных людей заставили Думу девять часов сидеть без спроса поголосовать…*

А. Проханов: — Это говорит о том, что политика персонифицирована. Когда нет пассионарных людей, то политика тупая, мертвая, неподвижная.

О. Журавлёва *— Значит, они у нас есть, в принципе?*

А. Проханов: — Значит, они есть.

О. Журавлёва *— «Почему никому не приходит на ум, — пишет нам Александр, — что Госдепу хватит денег на штрафы для оппозиционеров за несанкционированные гуляния?» Кстати, да, нам долго объясняли, что это все спонсируется большой западной кормушкой, а теперь хотят штрафами напугать. Нам госдепских денег не жалко. Есть такой вариант?*

А. Проханов: — Ну, не думаю. Просто я думаю, что Госдеп не будет платить штрафы. Если верить в то, что Госдеп во всем стоит у руля этой оранжевой революции…

О. Журавлёва *— А вы-то в это верите?*

А. Проханов: — Что Госдеп здесь присутствует, я верю. Не верю, а я знаю просто. Но, конечно, не во всем. У революции есть огромная стихийная составляющая, которой пользуются и которой манипулируют. Как у всякого явления политического, исторического всегда есть силы, которые готовы этим явлением управлять. Кстати, я считаю, что Сурков — очень крупный политтехнолог и политолог. И он один из немногих понимал существование в актуальной истории самых разных потоков, которые двигаются с разной скоростью, имеют разную интенсивность, разные составляющие — соленые, пресные, едкие. И он умел этими потоками управлять, он создавал для этих потоков ловушки: одни останавливал, другие убыстрял, смешивал их, взрывал их, перекрывал им русла. И этим знаменуется весь его такой грандиозный, на мой взгляд, период, который одни считают ужасно вредным, другие считают, наоборот, полезным — период его такого интеллектуального правления Россией.

О. Журавлёва *— А почему вдруг? Вот все было тихо и спокойно, и как-то вот эти игры все срабатывали. А потом вдруг пошли какие-то распоясавшиеся харизматичные и пассионарные люди. Откуда они взялись? Они же были там и сидели послушно, и все было хорошо.*

А. Проханов: — Ну, во-первых, эффект пассионарности так и возникает: сначала тихо-тихо, а потом возникают шаровые молнии. Это раз. Видимо, эти пассионарные люди, по мнению Льва Николаевича Гумилева, облучаются космическими излучениями, Земля входит в какую-то новую зону…

О. Журавлёва *— Солнцелет. Теперь все ясно.*

А. Проханов: — Да, солнцелет, солнцемет. И они возникают. Кстати, действительно, ведь в народе, сонном, спящем народе, особенно в усыпленном и изнуренном народе, действительно есть все. Там есть будущие цари, будущие Гитлеры, будущие Сталины, будущие праведники, Сергии Радонежские. Они все есть. Но только на одних упадет этот таинственный космический луч, и они вспыхнут, загорятся как звезды, а на других нет. Поэтому наша тишина, конечно, была мнимой. Просто страна опомнилась. Опомнилась от удара страшного, от шока, который ей нанесли в 1991 году. И после этого удара разные силы по-разному опомнились.

Я вот размышлял последнее время. Я считаю, что Путин — трагический человек. Вот над ним многие глумятся, хохочут, ненавидят, другие подобострастно к нему относятся. Мне он кажется человеком трагическим, ибо его сознание, его сущность, его душа и его экзистенция наполнены огромным непреодолимым противоречием. Он мне напоминает князя Игоря XXI века — Игоря, которого привязали к двум соснам. Наклонили эти сосны, привязали к его ногам, а эти сосны дрожат, веревка утончается, и вот-вот эти сосны разорвут его. Я помню, как Путин, как только он стал президентом, направлял Федеральному собранию свои послания. И они меня и моих друзей всегда поражали своей поразительной двойственностью, несостыкованностью двух частей. Как бы, верхняя часть, надстроечная часть послания была наполнена державно-стью, народолюбием: сильная страна, выиграем войну, победители, мужественные — такая мобилизационная лексика там была. А нижняя, как бы реальная, экономическая говорила о глобализме, о необходимости встраиваться в мировое пространство, в экономическое…

О. Журавлёва *— Ну, там — монархизм, а тут — либерализм.*

А. Проханов: — Там — централизм, а здесь — либерализм. Причем одно другое исключает. Причем вот там, наверху, где был централизм, возникла вертикаль, известная нам (там отмена выборов губернаторов, приструнение сепаратистов, суверенная демократия, контроль над СМИ электронными). А здесь, в этой нижней части, возникли сырьевые мультимиллионеры и миллиардеры, огромный такой кусок людей, который рассматривает Россию как сырьевую лоханку, которые выкачивают из России всю энергетику ее, которые, по существу, не контролируются, а являются частью другой, огромной мировой сырьевой элиты, рассматривающей Россию как сырьевого донора. И вот эти созданные Путиным люди, благодаря этим доктринам, они породили новый класс, так называемый креативный.

Этот класс никогда не делал мои любимые звездолеты и не строил реакторы. Он находился в банках, он находился в корпорациях, он находился в рекламных бюро, в шоу-бизнесе. И эти люди воспринимают централизм как угрозу, как нечто чудовищное и невозможное. Потому что вот эти ТНК сырьевые, любые ТНК — они на государство смотрят, как на великую помеху. Не только на русское государство, но и на американское, и на любое. И поэтому Путин взрастил два уклада. Один, так называемый централистско-государственный, мелкий, ущербный, который не получал достаточных дотаций, не поощрялся, и вот этот гигантский, грандиозный либеральный.

О. Журавлёва *— То есть внутри самого Путина есть некое противоречие?*

А. Проханов: — И внутри самого Путина идет борьба, один Путин съедает другого Путина.

О. Журавлёва *— Это шизофрения?*

А. Проханов: — Нет, почему? Это драма. Почему шизофрения? Вы посмотрите в себя — вы тоже такая же, может быть.

О. Журавлёва *— Ну, есть некоторый когнитивный диссонанс.*

А. Проханов: — Есть где-то граница. Мы все раздвоены. И вот, мне кажется, что его трагедия именно в этом. И он не может от этого отказаться. Мне кажется, единственное, что он должен сделать (и здесь рецепт не политический, а такой, не знаю, психоаналитический, скорее), он должен как можно быстрее восполнить вот эту дистрофичную часть своего «я», связанную с государством, с централизмом, чтобы возник баланс, баланс вот этой либеральной среде, которую он вскормил. Она должна быть сбалансирована государственно-патриотической.

О. Журавлёва *— То есть вы не настаиваете на том, чтобы он переключился полностью в одну сферу?*

А. Проханов: — Это его гибель, это невозможно.

О. Журавлёва *— То есть не зря он так мечется?*

А. Проханов — Он — двуглавый орел. И это равносильно тому, что орлу потерять одну голову. Это невозможно.

И вот эта внутренняя драма, может быть, она неразрешима, может быть, я не прав. Но вся сегодняшняя политика, вся невралгия сегодняшняя, все эти выступления, Собчак, Нарусова, Дума — они все объясняются психической типологией

президента. Поэтому я говорю, что политика и история персонифицированы. Ищите ответы там. Ищите рецепты не в соотношении сил думских фракций, а в психологии и внутренне глубинных мотивациях В.В.

О. Журавлёва *— Андрей из Казани: «Когда же Путин как Игорь поедет к древлянам?» Нашел уже путь решения всех вопросов. И, кстати, вот эта идея разрыва подтверждается вашей следующей историей.*

А. Проханов: **—** Вы знаете, если Путин поедет к древлянам… Я не знаю, где живет слушатель?

О. Журавлёва *— В Казани.*

А. Проханов: **—** Вот, если Путин поедет к древлянам, то очень скоро в Казань полетят горящие воробьи и голуби, потому что княгиня Ольга не простит гибель супруга.

О. Журавлёва *— Да. Была, была такая история. Потом плохо все кончилось для древлян.*

Есть еще одна позиция, которая сегодня возникла после публикации в «Независимой газете», да и не только. Появляются некие анонимные заявления о том, что якобы Россия готовит некоторые подразделения для войны вне страны. Вроде бы говорят, что это Сирия. Как вы считаете, вот сейчас, в нынешней ситуации, в том числе и политической, это было бы разумно?

А. Проханов: **—** Давайте будем точнее по поводу этих публикаций и их содержания. Эти публикации помимо того, что вы говорите, отмечают, что, возможно, эти контингенты десантников, например, Псковской дивизии составят часть миротворческих сил, которые направятся в Сирию по мандату ООН. И когда такие мандаты выдаются, и когда предлагается тем или иным странам участвовать в этих операциях, то вспомним, что Россия уже участвовала в Югославии, там был миротворческий контингент, в частности десантников.

О. Журавлёва *— Но мы же сейчас в очень сложной позиции относительно Сирии.*

А. Проханов: **—** А вы думаете, она была более простой в югославские времена, когда НАТО бомбило Югославию?

О. Журавлёва *— Но вот сейчас есть смысл в этом?*

А. Проханов: **—** Я не знаю, есть ли смысл. Я только что вернулся из Южного Ливана, где я был гостем «Хезболлы». И я видел и слушал эти гулы ближневосточные сирийские прямо в

непосредственности, потому что Ливан уже вовлечен в сирийский конфликт. Вот эти оппозиционеры Башара захватили заложников, этих паломников ливанских, шиитских, по существу, людей «Хезболлы». То есть «Хезболла» уже вся накалена. Оттуда, из Ливана, идут контрабандные корабли и пароходы с оружием для повстанцев. И все это гудит. А «Хезболла», которая очень чувствительна к военному насилию (она в 2006 году разгромила) …

О. Журавлёва *— Нежная и хрупкая — в смысле «чувствительная»?*

А. Проханов: — Нет, просто она находится в постоянном очень взвинченном состоянии и она чувствует наращивание потенциала. Она считает, что возможна очень крупная война на Ближнем Востоке и, может быть, даже за пределами региона. Потому что Ближний Восток или, скажем, Большой Ближний Восток, куда и входит Грузия, наполнен таким количеством противоречий, и так там все со всеми связаны, и так эти связи выходят за пределы чисто Ближнего Востока и переходят в Китай, не говоря уже об Иране, в Индию, в Россию, в Европу, что весь этот клубок может мгновенно загореться.

И есть ощущение, что вообще Третья мировая война уже началась. Она началась с атаки на Ирак, с казни Саддама, с уничтожения Ливии. Это все прелюдии большой ближневосточной, а может быть, и более крупной войны. И поскольку эту войну, конечно, надо бы предотвратить, нам с вами надо бы предотвратить, потому что есть и силы, которые заинтересованы в этой войне, и силы, которые заинтересованы в переделе мира, заинтересованы в том, чтобы сбросить, например, кризис мировой в эту войну, чтобы он там рассосался, как это бывало уже не раз в мировой истории…

О. Журавлёва *— А российский политический кризис не мог бы рассосаться в какой-нибудь хорошей военной кампании?*

А. Проханов: — Политический кризис российский — нет, потому что Россия не готова к войне, в отличие от всех других стран мира. Все страны мира к ней готовятся, к этой войне. Перевооружаются. Мощная китайская армия, работает вовсю китайский военно-промышленный комплекс, у США военный бюджет равен военному бюджету всех остальных стран мира, сходят подводные лодки, космические группировки пополняются, Турция имеет гигантскую армию, Иран прекрасно вооружен. Все, кроме России. Все, кроме России. Поэтому мне кажется, что эту войну, помимо вот этих вот чисто дипломатических методов,

которые, как мы видим, тупиковые, они ни к чему не приводят, ни план Аннана, ничего… Это все болтовня, это выигрыш времени социального для обеих сторон.

Мне кажется, что Россия должна наращивать очень быстро, мгновенно мускул военно-силовой. Это вот та революция, о которой я вам только что говорил. Тем более что там кое-что делается. Я думаю, что если начнется натовская атака на Сирию, повторяя атаку на Ливию, на Триполи, то эту атаку отобьют наши зенитно-ракетные системы «Панцирь», которые окружают Дамаск. И тогда, я думаю, что эта бесконтактная война провалится на какой-то момент.

О. Журавлёва *— Но есть шанс, что в конечном итоге воевать будут две доктрины, а не просто некие миротворцы?*

А. Проханов: — Будет не две доктрины, а гораздо большее количество доктрин. Я вам сказал, что это клубок. Скажем, китайская доктрина отличается от российской или от американской. Но если говорить вообще, на все это бросить метаисторический взгляд, если он возможен…

О. Журавлёва *— Ну, мы продолжим бросать наши взгляды в разных направлениях. И мы продолжаем.*

Александр Андреевич, и о культуре. Вот, что я хочу вам сказать. Вы приветствовали появление министра культуры Мединского на нашем небосклоне?

А. Проханов: — Каюсь, приветствовал.

О. Журавлёва *— Ну, вот и началось.*

А. Проханов: — Я приветствовал появление Мединского по одной простой причине. Я не знаю, знает ли Владимир Мединский историю Дягилевских вечеров, например, я не знаю, как глубоко он понимает вообще метафизику русских народных сказок, из которых произошла вся русская цивилизация…

О. Журавлёва *— Читал ли он Проппа, вы хотите сказать?*

А. Проханов: — Нет, почему Пропп? Зачем Пропп? Читал ли он Афанасьева хотя бы, по крайней мере.

О. Журавлёва *— Уж его-то, наверное.*

А. Проханов: — Поет ли он русские народные песни? Я не знаю.

О. Журавлёва *— А, то есть вы не уверены, что он с русской культурой вообще знаком?*

А. Проханов: — Я не знаю, как глубоко он знаком с культурой. Но я участвовал вместе с ним здесь, на «Эхо Москвы», в полемической передаче, где он боролся с мифами о России, он боролся с русофобами, которые навьючили на Россию тысячи самых разных грехов. Я видел его многократно на передачах телевизионных, и он всегда не яростно, не интенсивно, но очень логически парировал всякие русофобские тенденции. Мне казалось, что он является защитником русских ценностей исторических и национальных. И это очень хорошо, думал я, что его назначили, потому что, конечно, за последние 20 лет была вскормлена лютая антирусская культура, такая гельманоидная культура, культура Pussy Riot и вся другая противоположная культура. Скажем, культура изумительных советских художников, советских поэтов на закате Советского Союза, вся традиционалистская, русско-советская фундаменталистская культура, музыка, литература, поэзия, живопись — они были затоптаны просто. И эти люди, великие в свое время, сейчас забытые и несчастные, просто влачат жалкое существование.

И мне казалось, что Владимир Мединский исправит этот крен, придя сюда. Он не будет, действительно, отрезать Гельману его красных человечков и, там не знаю, запрещать идиотам-губернаторам тратить бюджеты губернские на эти огромные блефы, которые Гельман устраивает. Но он, по крайней мере, начнет вскармливать реальную культуру, на которой зиждется государство, страна, история национальная. Потому что как только отделились прибалты от нас, эстонцы, литовцы, латыши, они первое, что сделали, они устроили народные хоры, они предложили своему народу петь.

О. Журавлёва *— Но это, по-моему, было очень принято в Прибалтике. Вообще хоры — это любимая школьная тема.*

А. Проханов**: —** Ну, и в Советском Союзе тоже были любимые школьные хоры, и великие вот эти сталинские…

О. Журавлёва *— Вы знаете, и сейчас в школах поют, не поверите.*

А. Проханов: **—** …и великие эти сталинские хоры — казачий хор, донской, кубанский, северный, хор Пятницкого.

О. Журавлёва *— То есть вы за хоровое искусство в данной ситуации. Так?*

А. Проханов: **—** Да. Оно сейчас, кроме кубанского, все умерло, заглохло. И вот вместо этого господин Мединский совершил свое первое деяние. Я знал, что он несколько помешан

на желании переименовывать, выносить Ленина из Мавзолея. Это его слабость. Он сидит-сидит, вроде говорит о мифах о России, потом кто-то его клюнет, какой-то птенец в башку, и он сразу начинает Ленина тащить из Мавзолея. Потом очнется и опять начинает говорить о мифах и России.

***О. Журавлёва** — И вот на этого человека вы возлагали такие надежды?*

А. Проханов: — Ну, я как-то забыл об этом. И вдруг он оправдал худшие мои ожидания — он начал с переименования улиц, понимаете? Это же блеф. Вот Медведев, когда он был президентом, что он сделал? Он только перевел часы… Вернее, не перевел часы с зимнего на летнее. Грозился переименовать эти часовые пояса. Это самое простое, что только может быть в условиях кризиса…

***О. Журавлёва** — Ну, что значит «грозился»? Со временем зимним, летним он разобрался, пояса подвинул.*

А. Проханов: — Нет, но все же он там не сомкнул 12-часовой пояс с 7-м.

***О. Журавлёва** — Ну, это физически просто было невозможно.*

А. Проханов: — Можно. При желании все можно было бы сделать. Можно было даже передвинуть ось Земли, чтобы она шла через Завидово.

***О. Журавлёва** — То есть чтобы в Петропавловске-Камчатском тоже три часа дня.*

А. Проханов: — И Мединский пошел по этому совершенно порочному пути — идиотскому, дурацкому. Вот сейчас он будет переименовывать все улицы. Я даже согласен, чтобы он все это сделал, чтобы он вычеркнул все эти ужасные советские, там не знаю, красные, большевицкие имена. При одном условии: чтобы все эти улицы, например, улицу Розы Люксембург, переименовать в улицу Мединского. Все эти улицы и станции метро сделать «Метро Мединская», следующая остановка — «Метро Швыдкой» или там еще какой-то.

***О. Журавлёва** — Министра культуры, да.*

А. Проханов: — Министерства культуры…

Задача сегодняшней культуры и задача сегодняшнего понимания истории в том, чтобы соединить белый и красный период, чтобы кончить с этой страшной рознью.

О. Журавлёва *— А вот у вас, в вашем восприятии, белый и красный период как-то слились: у вас что государь-император, что товарищ Сталин — одинаково любимые вами персоны.*

А. Проханов: — Я это сделал и я это понимаю. Потому что самая страшная драма в том, что вот эти три существующих фрагмента — белый монархическо-православный, красный сталинский и либеральный, самый маленький и самый злобный — все эти три фрагмента друг с другом воюют, сталкиваются, уничтожают друг друга и создают страшную хаотизированную среду. И Мединский вместо того, чтобы соединять, умягчать её… Кстати, Путин умягчает. Он сказал, что «мы будем делать Россию, где будет уютно и красным комиссарам, и белым офицерам». А Мединский опять вгоняет этот клин, вгоняет под ногти эти гвозди. Я считаю, что это колоссальная ошибка, это старт, который отвратил от него очень многих людей.

О. Журавлёва *— Какой бы старт министра культуры вас вдохновил, порадовал? С чего бы нужно было начать? Хоры организовать везде?*

***А. Проханов*:** — Нет, нет. Я бы, знаете, что сделал? Я бы вместо этой дури, например, поехал бы в Старую Ладогу и немножко поработал на раскопе — там, где копает замечательный ленинградский академик Кирпичников. Он копает Древнюю Русь, он копает первую Русскую империю.

О. Журавлёва *— Но это не министерское решение.*

***А. Проханов*:** — Мединский — мастер пиара. Он до того, как стал министром, курировал весь пиар московский. Он пиарщик. И эту акцию он предпринял как пиар-акцию. И она неудачная, это фальшивая акция. Она не прибавила ему известности, она влила в его стакан с молоком какой-то кислый квас мерзкий. Поэтому я бы из пиарских соображений поехал бы туда, где над Волховом, на Старой Ладоге, над могилой, там не знаю, мнимой или действительной князя Олега идут раскопки. А потом уж занимался бы Pussy Riot. Потому что он должен был заявить себя как фундаменталист.

О. Журавлёва *— Но ведь Pussy Riot тоже должно заниматься Министерство культуры?*

А. Проханов: — Pussy Riot занимается Гельман. Теневым министром культуры является Гельман.

О. Журавлёва *— Ой, перестаньте. Вы привязались к Гельману и даже рассказывали что-то про какие-то бюджеты.*

А. Проханов: — Я не привязался к Гельману. Гельман ко мне привязался и ко всей России.

О. Журавлёва *— Ой, боже ж мой. Не хотите — не ходите на его выставки.*

А. Проханов — Да я и не хожу — он ко мне приходит со своими выставками. Ломится ночами в дом.

О. Журавлёва *— Да, и доставляет прямо на кухню: «Посмотрите на мои картины». Сергей пишет вам: «6-е июня — день русского языка и день рождения великого русского поэта. Скажите, какое его стихотворение вы считаете самым важным в его творчестве, и какое его произведение вы можете назвать вашим самым любимым, близким для вас?»*

А. Проханов: — Я думаю, что «Клеветникам России» — блестящее стихотворение. «Есть место им в полях России среди не чуждых им гробов», — говорю я всем, кто посягает на мою святую родину.

6.06.12.

Либеральный уклад разрушителен для власти

Н. Болтянская: *— Александр Андреевич, ну что, вас можно поздравить с тем, что совет Общественного телевидения утверждён президентом, и один из двадцати пяти — это вы?*

А. Проханов: — Вы видите, я сегодня во фраке, в торжественном одеянии. Спасибо. Над моей головой нимб.

Н. Болтянская: *— Ничего, лопаточки не чешутся, крылышки не растут?*

А. Проханов: — Растут. Растут такие, с перепоночками.

Н. Болтянская: *— Понятно. А что вы будете делать в качестве члена общественного совета? У вас есть какая-то концепция, что называется?*

А. Проханов: — Во-первых, я, видимо, буду довольно часто пропускать его заседания, поскольку я непрерывно ношусь по белому свету, и у меня просто нет времени заседать. Кстати, я ужасно не люблю заседать. Во-вторых, я не знаю, что я должен буду там делать. Не знаю.

Н. Болтянская: *— А у вас есть своё видение, Александр Андреевич?*

А. Проханов: — У меня есть видение происшедшего, а не видения канала. Мне кажется, всё, что делает сегодня власть на протяжении последних пяти месяцев — это запоздалая на многие годы реакция на тот страшный для власти вал, который она получала в лице либеральной оппозиции. Власть страшно запустила этот процесс. После 1991 года либералы господствовали везде. Это был их время. Они господствовали в экономике, они господствовали в политике, они господствовали в информационной сфере.

Н. Болтянская: *— Помилуйте, вы, имперцы, 70 лет господствовали.*

А. Проханов: — Я понимаю. Но наше господство кончилось, и началось ваше господство.

Н. Болтянская: *— Не наше.*

А. Проханов — И вот вы стали господами, стали господами. И в течение, наверное, всех последующих 20 лет,

включая сегодняшний почти день, вы были господами. Правда, эти либеральные формы господства менялись. После разгрома Гусинского и разгрома Березовского на ОРТ, конечно, снизился уровень присутствия либералов в СМИ. Хотя в культуре они доминировали и доминируют по сей день. И вот этот огромный такой пласт создавшейся вот этой либеральной среды, либерального уклада — он разрушителен для власти. Власть видит, что она падает, её срезают. У неё нет инструментов воздействия на общество, потому что все каналы, которые сейчас работают — они квазилиберальные, потому что они не занимаются пропагандой государственных идеалов, государственных форм.

Н. Болтянская: *— Почему тогда квазилиберальные?*

А. Проханов — Потому что они блокируют общественное сознание. Смысл либералов в тот период, после 1991 года…

Н. Болтянская: *— Нет, давайте про сейчас. Меня интересует про сейчас.*

А. Проханов: — Сейчас власть опомнилась, и она создает контригру, она создаёт среду, в которой, быть может, возникнет новая идеология, новая социальная психология.

Н. Болтянская: *— Александр Андреевич, тогда простите меня, пожалуйста. Какова, с вашей точки зрения, идея власти о вашей функции в этой компании?*

А. Проханов: — Я думаю, что я являюсь таким традиционным государственником, потому что я рос, родился и работал в советское время, я являюсь таким советским традиционалистом, хотя как империалист я приветствую абсолютно любую форму имперского присутствия России в мире.

Н. Болтянская: *— Тирании.*

А. Проханов: — Эта репутация за мною сохранилась. Все знают, что я лютый антилиберал. Потому что после 1991 года я на либералов возлагаю ответственность за крушение моих ценностей, моей страны. И там я присутствую как человек, по-видимому, нужный и современный, и своевременно возникший в поле зрения власти.

Н. Болтянская: *— Ну, вот хамоватая, но достаточно остроумная идея от одного из наших слушателей, Николая: «Проханов будет изображать в совете мичуринца — груши околачивать». Как вам нравится такая идея?*

А. Проханов: — Отлично. Я выведу такой сорт, где…

Н. Болтянская: *— Где либералов не дадут съесть?*

А. Проханов: — Нет, почему? Я либералов скрещу с фашистами, например. И у меня вырастет такой экзотический маленький карликовый кустик, называется «либеральный фашизм», а он ведь давно в мире нарастает. Вот я этим буду заниматься, этой селекцией. Беспощадность такая, абсолютная сегрегация, предпочтение только либеральных персонажей, либеральных ценностей и жестокое подавление всего того, что не связано с либеральной концепцией мира. Вот что такое либеральный фашизм.

Н. Болтянская: *— Ой, Александр Андреевич. Лукавите вы, по-моему.*

А. Проханов — Ну, я же… моя кличка партийная — «лукавец».

Н. Болтянская: *— Да что вы? В какой партии у вас такая кличка была?*

А. Проханов: — Вот, в той партии, которая до сих пор остаётся засекреченной. Это партия Господа Бога, это своего рода орден.

Н. Болтянская: *— А, понятно. И он же вам дал такую кличку «лукавец», да?*

А. Проханов: — Он дал кличку «лукавец», да.

Н. Болтянская: *— Интересная история. Александр Проханов…*

А. Проханов: — Иногда звучит так — «лукавЕц».

Н. Болтянская: *— Понятно. Значит, в совете делать ничего не будете? Так просто?*

А. Проханов: — Нет, почему? Буду. Мне бы хотелось придти на этот канал и сделать свою программу. Уж я бы знал, как её повести.

Н. Болтянская: *— Какую? О чём?*

А. Проханов: — Программу «Солдат империи».

Н. Болтянская: *— Ну, вы знаете, говорят, что эта программа пользуется высочайшим совершенно рейтингом. Один из наших слушателей уже спросил: «Александр Андреевич, как вступить?»*

А. Проханов: — В партию?

Н. Болтянская: *— В «Солдаты империи».*

А. Проханов: — В «Солдаты империи»? Совершить подвиг во имя империи. И сразу вы окажетесь рядом со мной.

Н. Болтянская: *— «За клевету на либералов Проханова к статье». Кстати, насчёт новых законов. Клевета сразу в списке. Вот закон, например, о том, что средства массовой информации могут тоже стать иностранными агентами. В «Завтра» есть иностранное финансирование?*

А. Проханов: — Боже мой, а как же мы могли бы жить? Мы же выходим даже не на русском языке.

Н. Болтянская: *— Старославянский?*

А. Проханов: — Первая полоса выходит на иврите, вторая полоса выходит на старославянском, а все остальные полосы на санскрите.

Н. Болтянская: *— Угу. Александр Андреевич, но это вы мне можете баки заливать, а когда придёт человек проверять финансово, (я-то вам верю, как себе)? Если, не дай бог, что найдет, вы готовы регистрироваться как иностранный агент?*

А. Проханов: — Я готов, но это не произойдёт, потому что я живу за счёт собственного золотого прииска на Колыме.

Н. Болтянская: *— Так. Откуда он у вас? Ельцин, небось, в наследство оставил?*

А. Проханов: — Со сталинских времён, естественно.

Н. Болтянская: *— Да ладно, «со сталинских времён»?*

А. Проханов: — Конечно. Это был подарок.

Н. Болтянская: *— И что, до сих пор зеки там работают?*

А. Проханов: — Дети зеков.

Н. Болтянская: *— Александр Андреевич, лукавите вы, лукавите вы постоянно и всенепременно.*

А. Проханов: — ЛукавЕц.

Н. Болтянская: *— ЛукавЕц, действительно. Значит, в общественном совете работать не будете. Если дадут…*

А. Проханов: — Честно — в совете работать буду. Что делать, не знаю. Пропускать совет буду, потому что я в поездках. Надеюсь

получить свою программу, такую имперскую программу. Я же провозгласил свой тезис: я говорю, что России не нужны политические реформы, ей нужны алтари и оборонные заводы. Вот, эту программу я стал бы делать.

Н. Болтянская: *— Угу.*

А. Проханов: — Зато с большим энтузиазмом. И поэтому пропускал бы заседания совета.

Н. Болтянская: *— Александр Андреевич, теракт в Дамаске, ситуация в Сирии. Что вы думаете по этому поводу, каковы ваши прогнозы?*

А. Проханов: — Я уже говорил об этом. Ничего, конечно, приятного для Башара в этом теракте нет, но в своё время были и теракты в Москве, помню, и эти теракты не опрокинули власть. Может быть, эти теракты как раз консолидировали вокруг Путина определённую часть общества шатающуюся. Поэтому теракт теракту рознь.

Н. Болтянская: *— Но там погибли очень, так сказать, высокопоставленные люди.*

А. Проханов — Ну, там не погиб Башар. Единственный и самый высокопоставленный — это Башар.

Н. Болтянская: *— Двоюродный брат.*

А. Проханов — Внутривидовая конкуренция. Этот конфликт затяжной. Он сейчас вошёл в фазу, когда политические решения невозможны. Они просто бессмысленны. И Кофи Аннан сейчас уехал, несолоно хлебавши. Поэтому я думаю, что сирийская проблема превращается в локальную войну долговременную. Эта локальная война выгодна довольно большому количеству стран. Через локальные войны, через эту постоянно кровоточащую локальную рану большие державы решают свои вопросы, возникает система сложных переговоров, компромиссов, уступок, и, увы, сирийский народ становится народом надолго окровавленным.

Н. Болтянская: *— Александр Андреевич, а что вы думаете по поводу того, что именно в этой зоне сталкиваются геополитические в какой-то степени и просто политические интересы Соединённых Штатов Америки и России? Ещё раз вас спрашиваю о том, как будет развиваться ситуация…*

А. Проханов: — Я и говорю: мой опыт сканирования локальных конфликтов в советское время говорит, что в этих

конфликтах постоянно сталкивались интересы Соединённых Штатов и Советского Союза. После 1991 года Советский Союз был устранен с политической арены, а интересов у России не было, потому что они шли в фарватере американской политики. Козырев сделал так, что внешней политики России не существовало. А то, что теперь у России появилась конфликтная зона с Америкой, и не только на Ближнем Востоке — система ПРО, система политического давления, список Магнитского и так далее — говорят о том, что Россия приобретает государственность, она приобретает свой вес, и она в состоянии находиться в конфронтации с Соединёнными Штатами.

Швейцария не в состоянии. Россия сегодняшняя в состоянии.

Н. Болтянская: *— Ну, может, просто повода нет у Швейцарии?*

А. Проханов: — Конечно, это извечно покорённая страна, навечно покорённая стран без суверенитета. Это огромный обменник. Мы это знаем с вами.

Н. Болтянская: *— Грустно, Александр Андреевич. Вот один из наших слушателей, Исав, пишет, что от Березовского-то деньги были.*

А. Проханов: — Исав, вы помните, вы всё, конечно, помните, как я стоял, приблизившись к стене. Взволнованно, Исав, бродили вы по комнате и какие-то шекели в лицо бросали мне.

Н. Болтянская: *— Нет, он себя не обвиняет. Он обвиняет Бориса Абрамовича. Были западные деньги?*

А. Проханов: — У меня?

Н. Болтянская: *— Да.*

А. Проханов: — На минуту представьте, что они были. И вот сейчас я буду свои счета выкладывать. Вы что, я же старый опытный лис, разведчик. Потом, если вдруг я скажу, что у меня были деньги Березовского, ведь Исав влипнет, Исав тогда влипнет.

Н. Болтянская: *— А он почему влипнет?*

А. Проханов: — А он был кассиром.

Н. Болтянская: *— Ага, понятно. Александр Проханов у нас в гостях. Совет Федерации сегодня одобрил законопроекты, получившие неоднозначную оценку в обществе. Речь идёт о законах о некоммерческих организациях, чёрных списках интернет-сайтов и*

статье о клевете, возвращении её в уголовный кодекс. Вот ваши ощущения, ваши ощущения от этого пакета?

А. Проханов: — Есть ощущение, что, повторяю, власть административными методами, с опозданием огромным, пытается себя обезопасить. Иногда она перегибает палку. Что касается некоммерческих организаций…

Н. Болтянская: *— В данном случае тоже?*

А. Проханов: — Что касается некоммерческих организаций, я приветствую этот закон, потому что Россию просто сгрызли, продырявили в миллионах даже мест эти организации, которые занимаются разведыванием, идеологическим и политическим мониторингом. Я знаю эти организации. Вот они у меня здесь на загривке — там какой-нибудь Брод и Прошечкин, понимаете, со своими правозащитными еврейскими организациями, которые выслеживают у русских патриотов…

Н. Болтянская: *— Вы антисемит?*

А. Проханов: — Я?

Н. Болтянская: *— Да.*

А. Проханов: — Почему же я тогда с вами сижу и улыбаюсь?

Н. Болтянская: *— Ну, как? С трудом сдерживаясь.*

А. Проханов: — Вы видите, да, что я весь сыпью покрылся?

Н. Болтянская: *— Конечно.*

А. Проханов: — Вот они получали деньги от американских евреев. Это была огромная…

Н. Болтянская: *— Только от евреев?*

А. Проханов: — Я знаю, что они получали деньги от…

Н. Болтянская: *— Все некоммерческие организации, да?*

А. Проханов: — Прошечкин и Брод получали деньги…

Н. Болтянская: *— Вы только о них говорите. А все остальные?*

А. Проханов — Они сидели у меня на загривке. А остальные сидят на загривке у государства и у других людей.

Н. Болтянская: *— Почему же они сидят на загривке-то у государства?*

А. Проханов — Да потому что либералы господствовали в

нашей политике на протяжении 20 лет.

Н. Болтянская: *— Да ладно, Александр Андреевич…*

А. Проханов — А кто их допустил… Представляете, Советский Союз допустил бы такое количество некоммерческих организаций или Штаты допустили бы в своих, там, не знаю, где-нибудь в Оклахоме или в Кентукки?

Н. Болтянская: *— Да полно там.*

А. Проханов: — Да нифига, нифига там нет, понимаете? Когда какого-нибудь несчастного Саркози спонсировал бедный покойный Каддафи, какой скандал разыгрался! Это ещё не кончилось. Он сядет ещё на скамью подсудимых, Саркозявка этот.

Н. Болтянская: *— Александр Андреевич, ну нехорошо так, ну неуважительно.*

А. Проханов: — Николя, ну, простите меня, Николя, я погорячился.

Н. Болтянская: *— Я принимаю ваши извинения.*

А. Проханов: — Поэтому этот закон правильный.

Н. Болтянская: *— Ну почему же он правильный?*

А. Проханов: — Ну, изгнать их надо, всех этих… всю эту мерзкую агентуру, работающую на чужие деньги против России и меня в том числе.

Н. Болтянская: *— Так, Александр Андреевич, подождите.*

А. Проханов: — Теперь что касается закона о клевете. Он мне кажется сомнительным. Я думаю, что этот закон, конечно, набрасывает на мой роток платок. Нельзя. Ведь под клеветой можно же понять что угодно: резкие высказывания, интонации, формулировки, метафору любую, понимаете? Этот закон, по-моему, неправильный…

Н. Болтянская: *— Но у вас нет ощущения, например, про закон о клевете, что время, когда он был принят, — это выборы, после которых (ну, я знаю, что на литераторской прогулке вы были, я была не на одном митинге, и я помню: передо мной идёт человек с надписью «я тебя считал» и цифры) получается, что если люди высказывают любую мысль, не совпадающую с официальной позицией, это уже клевета, так?*

А. Проханов: — Нет, это можно истолковать именно так. Но, согласитесь, на представителей власти, верховной власти, сейчас

обрушился шквал обвинений, страшных трагических обвинений: счета в банках, обвинения в убийствах политических — это огромный вал. Что-то в этом вале, наверное, справедливо, а что-то является средствами тотальной пропаганды, тотальной информационной войны. И власть защищается. Почему вы отказываете ей в возможности защищаться? Её срезают с помощью новейших технологий, в том числе технологий информационных обманов, всевозможных ложных слухов, инсинуаций. Это входит как бы в компонент этих новых информационных технологий. И власть защищается. Зачем пожимать плечами? Сможет она защититься — хорошо.

Н. Болтянская: *— А вы как думаете?*

А. Проханов: — Я думаю, что она не сможет защититься.

Н. Болтянская: *— Почему?*

А. Проханов: — Потому что эти исторические процессы трудно обуздать законами или какими-то политическими технологиями.

Н. Болтянская: *— Правильно ли я вас понимаю: с вашей точки зрения, исторические процессы сейчас таковы, что они ведут к тому или иному ограничению власти этой власти, извините за тавтологию?*

А. Проханов: — Я говорю, что в России идёт оранжевая революция, она началась, она проходит стадию за стадией. Эту революцию замедлили — её можно остановить на время, передвинуть, но она идёт. Она, эта революция, как всякая оранжевая революция, технологична, но внутри её сидят исторические причины. И если власть не запустит встречную революцию, революцию развития, она проиграет, она погибнет. Поэтому с историей шутить нельзя. С историей можно обращаться только с помощью исторических средств, исторических методик.

Россия тоскует по развитию. Россия вошла в тот этап, когда ей опять, через огромный промежуток застоя и отставания, необходим лидер, необходим рывок, необходим скачок, какой был сделан Иваном IV, Петром, Сталиным. Мы отстали чудовищно. Поэтому если не будет развития, то история, исторические процессы сожрут и власть, и Россию. Вот что я говорю. Поэтому вот эти законы как средства, как элементы, хороши. Но они должны аранжировать развитие, они должны аранжировать стремительную, немедленную модернизацию.

Тогда они хороши.

Ведь что такое террор? Что такое сталинский террор? Это явление, которое сопровождало развитие. Если бы не было этого развития, если бы не было строительства заводов, попытки выиграть войну и выигрыш войны, террор был бы бессмыслен и чудовищен. Есть государства…

Н. Болтянская: *— Оправдываете?*

А. Проханов: — Террор?

Н. Болтянская: *— Угу.*

А. Проханов: — Победа оправдывает всё. Победа 1945 года оправдывает всё. В том числе и факт продолжающегося существования еврейского народа, не только в России, а в мире — он объясняется только победой 1945 года.

Н. Болтянская: *— Угу.*

А. Проханов: — Если бы не было этой победы, евреев бы не существовало.

Н. Болтянская: *— Ну, не только евреев.*

А. Проханов: — Я думаю, что и русских бы не существовало во многом, но не существовало бы и евреев. Поэтому победа 1945 года как детище Сталина, детище сталинизма советского — она искупает многое.

Н. Болтянская: *— Что-то у вас сегодня болит еврейский вопрос как-то во всём. Что-то случилось?*

А. Проханов: — Давайте говорить…

Н. Болтянская: *— Давайте. «Александр Андреевич, — это вопрос из интернета, — о мере ответственности различных служб и ведомств за крымскую трагедию высказались уже все. Вы можете подвести итоги?», — спрашивает Евгений из Новосибирска.*

А. Проханов — Не могу по одной причине. В то время, когда происходили эти очень важные, мучительные дебаты, я находился сначала в Сарове, я работал с академиками нашими блестящими, продолжающими сейчас исследования, которые вели Харитон, Зельдович и Сахаров, создающими новые варианты российского ядерного оружия и систем ПРО. Это гигантские люди. Я познакомился с потрясающим человеком, с академиком… с которым 20 с гаком лет назад встречался на полигоне в Семипалатинске. Мы присутствовали при взрыве

его оружия, его бомбы, и я не знал его, мы не были с ним знакомы. Вот теперь только мы познакомились. А теперь вот я только что вернулся с Украины, где я вел беседу с Азаровым, премьер-министром. Конечно, тоже потрясающий человек, умница, прорусский человек. Это просто русский человек. Он мне открыл наконец драму сегодняшней Украины. Это глубинная драма, раскол, который сегодня рассекает украинское общество на две половины — прорусскую часть, тяготеющую к общему русскому, между-славянскому, и русофобскую, сложившуюся в такой очень мощный, агрессивный, пассионарный комплот, и она, эта вторая часть, торпедирует все инициативы, связанные с созданием общего славянского поля.

Поэтому русский язык, проблема русского языка, как он мне объяснял, и севастопольский флот крымский, и проблема православия, и всё, что взрывает сегодняшнюю Украину — результат вот этой таинственной глубинной связи. Он, конечно, блестящий политик. Я просто не подозревал, что на Украине существуют такие умницы. Вот поэтому я не занимался Крымском.

Н. Болтянская: *— Но возвращаюсь к закону о клевете. Вот этот вопрос, меня он, правда, очень беспокоит.*

А. Проханов: — И меня тоже.

Н. Болтянская: *— Дело в том, что уже объявлена официальная цифра погибших. И в то же время продолжаются разговоры о том, что их было в десятки раз больше. И в связи с этим вопрос вот какой.*

Пункт первый. Если их действительно было в десятки раз больше (все там называют цифры в несколько тысяч) — всех этих людей, которые погибли и которые якобы не опознаны, — то разве у них не было родственников, никого, ни единого человека, который бы начал звонить в колокола и спрашивать: «Где мои близкие?». Или это уже мы настолько готовы к тому, чтобы ждать от каждой трагедии, что она должна быть ещё большей?

А. Проханов: — Я думаю, что второе. Просто это действительно огромная трагедия. А такого рода трагедии, катастрофы, военные или стихийные — они же травмируют общественное сознание, они делают безумными целые пласты. И вот это безумное горе, безумная тоска и желание объяснить состояние паники, кошмара объёмом трагедии, увеличивая этот объём, — оно понятно. Так было и в 1993 году, когда танки Ельцина стреляли по Дому Советов, среди моих друзей ходила

цифра (и я её придерживался долгое время), что там погибло несколько тысяч, или что работали чёрные крематории ночами и сжигали эти трупы.

Н. Болтянская: *— Ну, имена должны же были всплыть?*

А. Проханов: — Говорили, что это приезжие. А потом, Нателла, у нас ведь в России пропадают десятки тысяч в год людей безымянных, и имена не всплывают.

Н. Болтянская: *— То есть всё люди, не имеющие близких? Если, не дай бог, кто-то из близких пропадает, естественно, я начинаю дёргаться и…*

А. Проханов: — И куда вы дёргаетесь? На телевидение, на радио?

Н. Болтянская: *— Куда угодно.*

А. Проханов: — И вы дергаетесь в своей деревеньке, и там ваши слезы и ваша беда тонут в этом глухом белом шуме, откуда ничего не вырывается. Поэтому я думаю, что, наверное, число жертв было меньше. Наверное, оно было меньше. Я тоже не доверяю официальной статистике, потому что власть склонна постоянно преуменьшать это число. В этом логика есть определённая, но что там были десятки тысяч — это маловероятно. По существу, ведь тогда практически всё население Крымска оказалось бы там под водой и погибло.

Н. Болтянская: *— А документы о том, что были выбросы из водохранилища в «Новой газете»?*

А. Проханов: — Я не видел. Идёт информационная война. Повторяю. Всё, что сейчас происходит в информационном поле — это так или иначе схватка между властью и либеральными СМИ, либеральной культурой, либеральным укладом. И о чём бы мы с вами ни говорили — список Магнитского…

Н. Болтянская: *— А, может, между властью и всеми остальными?*

А. Проханов: — И кем ещё?

Н. Болтянская: *— Всем остальным населением России.*

А. Проханов: — Кроме меня.

Н. Болтянская: *— А, вы за власть?*

А. Проханов: — Я за власть, и со мной ещё те, кто голосовали за Путина. Не преувеличивайте значение

либерализма в России сегодня.

Н. Болтянская: *— Я не преувеличиваю. Ну, мы разберёмся с этой и другими темами в разговоре с Александром Прохановым…*

Линейку-то захватили?

А. Проханов: — М..?

Н. Болтянская: *— Линейку захватили?*

А. Проханов: — Какую свинью вы мне хотите подложить сейчас?

Н. Болтянская: *— Для носа.*

А. Проханов: — Для вашего?

Н. Болтянская: *— Ну, конечно. «Уважаемый Александр Андреевич, — это вопрос из интернета, — ваши выступления всегда интересны и талантливы, даже гениальны, но мне всё же хочется думать, что вы так талантливо играете, — извините, — а не всерьёз несёте весь этот вздор. Ведь правда?», — спрашивает Евгения.*

А. Проханов: — Вот, я пойман за руку. Действительно, на самом деле я всё равно другой. Вы правы, Евгения.

Н. Болтянская: *— Александр Андреевич, вернусь к закону о клевете, вернусь к закону… Туше, надо сказать, хорошее такое ваше было: на самом деле это всё неправда… К закону о некоммерческих организациях… И новый закон, который сейчас обсуждается — закон о волонтёрах. Вам он нравится? Надо узаконивать, или пусть люди делают то, что они считают нужным, или, так сказать, ни в какие…*

А. Проханов: — Мне кажется, в этом наши депутаты заигрались, конечно. Нельзя формализовать жизнь. Я понимаю, что они не любят либерализм. Но свобода — это элемент, позволяющий развиваться. В любых рациональных схемах… (рациональное — это, конечно, несвободное) в любых рациональных схемах существует иррациональное, то есть свободное. Но волонтёры… Что может быть прекраснее волонтёров? Кстати, волонтёры занимаются поиском непогребённых останков. Я только что был в Калуге на погребении тысячи останков наших воинов, это волонтёры их отыскали, вытащили из болот, из лесов. Они сами искусаны комарами. И им не платят деньги, никаких грантов нет.

Н. Болтянская: *— Но в Крымске, кстати, их уже попросили,*

волонтёров…

А. Проханов: — Долой, да?

Н. Болтянская: *— Отвалить.*

А. Проханов — Да. Ну, может быть, они политизированы очень. Я говорю о тех волонтёрах, которые совершили этот огромный национальный подвиг, который не могло совершить само государство. Я за волонтёров. Я сам волонтёр. Я же добровольно хожу на «Эхо Москвы», посмотрите, я искусанный ведущей, у меня опухлое лицо, на голове шрам, но я продолжаю своё волонтёрское дело.

Н. Болтянская: *— Ну, я надеюсь, что вы, например, в редакционной колонке газеты «Завтра» выскажете своё отношение к этому закону.*

А. Проханов: — К волонтёрам?

Н. Болтянская: *— И попадёте за клевету.*

А. Проханов: — Вообще, когда либералы господствовали везде в судах, то газету «День» и газету «Завтра» привлекали за клевету. Нам удалось отбиться, там всё-таки суды были несколько другими, но я был главным клеветником. Ведь что только мы ни делали с Борисом Николаевичем Ельциным? Мы даже однажды его фотографию приклеивали вниз головой.

Н. Болтянская: *— Вам не стыдно?*

А. Проханов: — Сейчас нет. Тогда было стыдно.

Н. Болтянская: *— А зря, а зря. «А коммунистов, которые борются с властями, Проханов тоже записал в либералы?», — спрашивает Ярослав из Таганрога.*

А. Проханов: — Если бы коммунисты действительно боролись с властями, то я думаю, что среди коммунистов сейчас было бы огромное количество героев и мучеников. Они, к сожалению, слабо борются с властями.

Н. Болтянская: *— Угу. Вот, нынешние?*

А. Проханов: — Нынешние, да.

Н. Болтянская: *— «Александр Андреевич, поздравьте Евтушенко с юбилеем», — требует Тамерлан.*

А. Проханов — С удовольствием. Евгений Александрович Евтушенко, когда-то мы с ним были противниками, я даже сжёг его чучело во дворе Союза писателей зимой, мы сделали

его чучело длинноносое, облили бензином и сожгли.

Н. Болтянская: *— Экий вы забавник!*

А. Проханов: — Ну, это была пора… Кстати, это же креативный класс, вы этим сейчас занимаетесь на Болотной площади, понимаете, а начали-то мы, патриоты. И вот, спустя много лет, представляете себе, во Франкфурте на ярмарке книжной мы встретились с Евгением Александровичем Евтушенко.

Н. Болтянская: *— И чего вы пошли сжигать вдвоём?*

А. Проханов: — Он был такой же великолепный, похудевший, с длинным носом и адреналиновыми глазами, в какой-то хламидии восхитительной, похожий на бонзу, и когда мы увидели друг друга, мы вдруг кинулись в объятия. Это был рефлекс соотечественников, которые встречаются на чужбине. Потом мы летели назад в самолёте, пили с ним вино сухое, очень дружески говорили о литературе. Вдруг он остановился и сказал: «Подожди, а ведь ты сжёг моё чучело!»

Н. Болтянская: *— Вот именно.*

А. Проханов: — Он в ужасе сказал. Я посмотрел и сказал: «Женя, но ведь на тебе нет ни одного ожога, посмотри, ты жив и здоров». Он посмотрел — да, действительно, это так. И мы продолжали пить вино. Поздравляю Евгения Александровича с Рождением.

Н. Болтянская: *— С одной стороны, эта история могла быть только что выдумана.*

А. Проханов: — С другой стороны, она уже внесена в анналы.

Н. Болтянская: *— Уж больно много деталей. Сразу бы не успели. «Что вы думаете по поводу вступления России в ВТО?», — спрашивает Ирина.*

А. Проханов: — Я плохой экономист, но все мои друзья, патриотического склада экономисты, считают, что это беда. Потому что действительно…

Н. Болтянская: *— Подождите, Александр Андреевич, извините, пожалуйста, давайте делить горе наше общее по пунктам. Первое. Экономисты патриотического склада — вот математик может быть патриотического склада?*

А. Проханов: — Математика — нет. Но она может служить либо патриотическим идеям, либо, там, не знаю…

Н. Болтянская: *— Дважды два — четыре.*

А. Проханов: — Дважды два — четыре. Если это мир Лобачевского или мир Виньковского — это может быть сколько угодно.

Н. Болтянская: *— А патриотические экономисты — это как?*

А. Проханов: — Патриотические экономисты — это те, кто создают патриотические модели экономического развития, в отличие от либеральных моделей. Что такое либеральная экономическая модель? Та модель, которая сейчас трещит в мире, проваливается.

Н. Болтянская: *— У меня такое ощущение, что существует эффективные и неэффективные экономические модели. Разве это не так?*

А. Проханов: — Я тоже так считаю, что существуют добрые люди и злые люди. И среди фашистов могут быть добрые люди. Вы знаете, нет, это всё неверно. Эффективные модели могут быть и либеральные, и централистские, и марксистские. Так вот, либеральная господствующая у нас западная модель проваливается, и патриотические экономисты — такие, как Делягин, например, или как Глазьев — протестуют против этого чудовищного уклада, который сложился в России. И они считают, что ВТО, закон о ВТО — это система, в которой выигрывают российские олигархи в основном, сырьевые, а…

Н. Болтянская: *— Вы опять подпадаете под будущий закон о клевете. Александр Андреевич, вы же государственник. Как вам не стыдно?*

А. Проханов: — Я же ничего не боюсь. Я не воинственный человек, как Лимонов. Я мечтаю…

Н. Болтянская: *— Вы круче.*

А. Проханов: — Нет, я не круче. Он всё-таки пострадал, он настоящий писатель. А вот Лев Толстой и я — мы не сумели пострадать.

Н. Болтянская: *— То есть вы нарываетесь, я правильно понимаю?*

А. Проханов: — Ну, я не нарываюсь. Я веду себя так, как считаю нужным, для того чтобы попасть в тюрьму.

Н. Болтянская: *— Угу. И это действительно ваша цель?*

А. Проханов: — Нет. Это косвенная цель. Так вот, о ВТО. Я считаю что… Не я считаю, а мои друзья, патриотические экономисты, такие, как Глазьев, Делягин, отчасти Хазин Михаил — они говорят, что это трагедия для множества отраслей российской экономики, российской промышленности.

Н. Болтянская: *— Угу.*

А. Проханов: — Я склонен им верить.

Н. Болтянская: *— «Александр Андреевич, почему злобные евреи стремятся уничтожить Россию, и не мешают развитию Китая, Индии и так далее?».*

А. Проханов: — Вообще, я не специалист по еврейскому вопросу. Я не знаю, почему они так хотят поступить. Если они так хотят поступить, то это, конечно…

Н. Болтянская: *— Александр Андреевич, очень много говорят о тревожном августе, который уже не за горами и о жаркой осени. Ваши ощущения?*

А. Проханов: — Мои ощущения, что август пройдёт нормально, а осень будет горячая. Осень будет горячая, потому что за эту летнюю передышку оранжисты наши передохнули, они съездили, отдохнули, они вернутся с островов действительно оранжевые, загоревшие за это время. У власти накопилось очень много проблем, включая Крымск, например. Тарифы растут, и как бы действительно в ряды оранжистов не влились новые контингенты. Я вообще этого боюсь. А развитие, о котором мы говорим, так и не начато.

Н. Болтянская: *— Ну, смотрите. Ведь когда речь идёт об увеличении количества оранжистов, как вы их называете, ситуация может развиваться мирно, когда противники так называемых оранжистов увидят, что происходит и скажут: «Ага, пардон, мы отступили назад».*

А может развиваться совсем не мирно.

А. Проханов: — Классическая оранжевая революция предполагает кровь. Классическая. Если согласиться…

Н. Болтянская: *— Подождите.*

А. Проханов: — Если согласиться с тем, что оранжевая революция управляема, что это технология, то там возникает момент, когда может пролиться кровь. Если проливается кровь, то вся вина за эту кровь возлагается на власть. И власть демонизируется.

Слава богу, что в России есть серьёзный зенитноракетный комплекс и ядерное оружие. Её нельзя забомбить, как забомбили Каддафи или Сирию, например, бомбить. Но это очень всё тревожно.

Н. Болтянская: *— Александр Андреевич, вот вы упомянули как-то о своей поездке, вы говорили о встрече с людьми, которые разрабатывают новое ядерное оружие. В своё время Советский Союз, во всяком случае, на словах, страшно протестовал против гонки вооружений, и более того, есть такая теория, что якобы его в какой-то степени понуждали к этой гонке вооружений, чтобы все нефтяные, так сказать, излишки в эту дыру упихивать. Но была другая теория — что только серьёзно вооружённые, в том числе ядерным оружием, страны могут обеспечить взаимный нейтралитет, вооружённые до зубов в прямом смысле слова. Как вы считаете, мы сейчас действительно на пути серьёзного поступательного движения, или это так, игра мускулов?*

А. Проханов: — Мои поездки в Саров, беседы с атомщиками в той степени, в какой я был вправе их расспрашивать об их секретной работе, показали мне, что сегодня существует по-прежнему паритет, что российский ядерный потенциал за эти чудовищные годы, за 1990-е годы, не был до конца разрушен, он сейчас восстанавливается, появились исследования, появились программы, которые позволяют сохранить остатки нашего ядерного арсенала на том уровне, чтобы американцы не совершили нападение или, по крайней мере, не сумели шантажировать нас этим нападением. Потому что если нападение — это чудовищная проблема для мира в целом.

Н. Болтянская: *— Без образа врага нет суверенитета?*

А. Проханов: — Без образа врага нет истории.

Н. Болтянская: *— Как это грустно, Александр Андреевич.*

А. Проханов: — Грустно, грустно, Нателла.

Н. Болтянская: *— «Проханов, оранжисты победили. Ваши действия?».*

А. Проханов: — Подполье, партизанская война, покушения…

Н. Болтянская: *— На кого? На меня?*

А. Проханов: — На Виктора Шендеровича. Срочно изготовляю его чучело, обливаю его уксусом или спиртом и поджигаю.

Н. Болтянская: *— Где?*

А. Проханов: — В лесу, в землянке своей, конечно.

Н. Болтянская: *— Бедный Александр Андреевич. Грустно. Вообще, неужели вы не можете ничего нового, креативного изобрести?*

А. Проханов: — Ничего, ничего.

Н. Болтянская: *— Кстати, Лев Толстой был подвергнут анафеме. А вы со Львом Толстым…*

А. Проханов: — А я — осанне. Есть анафема и осанна.

Н. Болтянская: *— А, понятно. А вы — осанне. Понятно. «Четвёртому сроку Путина не бывать?» Да, нет?*

А. Проханов: — Это по модели третьего Рима, что ли? Два Рима пали, третий Рим и четвёртому не бывать?

Н. Болтянская: *— Я вас спрашиваю. Это не я даже, а Дмитрий вас спрашивает.*

А. Проханов: — Всё зависит от того, будет ли в течение этого третьего срока развитие.

Н. Болтянская: *— Развитие кого?*

А. Проханов: — Развитие страны. Будет ли этот долгожданный рывок.

Н. Болтянская: *— А будет или нет?*

А. Проханов: — Ну, я жду, я его вымаливаю, я его двигаю в той степени, в какой я, слабый, бессильный, одинокий человек в состоянии его стимулировать. Я жду, что русское развитие, несмотря на надвигающийся кризис, состоится. Если оно состоится, то будет четвёртый срок.

Н. Болтянская: *— Но однозначно ответить…*

А. Проханов: — Я не звездочёт.

18.07.12.

О либеральной «перхоти», красных и белых, и «коллективном Кудрине», который сидит внутри Кремля

О. Журавлёва *— Добрый вечер. Здравствуйте, Александр Андреевич. Ну, во-первых, вопрос такой от Несогласного: «Александр Андреевич, согласны ли вы с очевидной истиной, что Путин — это очень сильно разбогатевший Сталин?»*

А. Проханов: — Ну, быть может, конечно. Иосиф Виссарионович оставил после себя стоптанные валенки и великую страну. А Путин получил в наследство, действительно, разоренное и уничтоженное государство, практически государство, не имеющее власти. И все оставшееся ему политическое время он использовал для того, чтобы создать это государство. Одновременно с этим он, по-моему, хорошо научился жить.

О. Журавлёва *— Ну, то есть вы согласны с тем, что он достаточно состоятельный все-таки человек?*

А. Проханов: Я думаю, что да, конечно. Об этом все говорят. И я думаю, что сам он тоже не является пуританином. Он об этом тоже, может быть, впрямую не заявлял, но все, что он нам демонстрирует, стиль жизни, говорит о том, что он любитель хорошо пожить.

О. Журавлёва *— Гедонист, так сказать.*

А. Проханов: — Ну, может быть, не гедонист. Он плейбой. Вот кто он. Он плейбой.

О. Журавлёва *— Хорошо. Вот, кстати, можно сказать, в продолжение темы личности Путина. Илья нас спрашивает: «Как вы относитесь к люстрации?» А вот что-нибудь изменилось бы у нас, если бы в 90-е годы прошла люстрация сотрудников спецслужб, всяких одиозных судей, кого-то еще?*

А. Проханов: — В общем, я за это.

О. Журавлёва: *— Да?*

А. Проханов: — Да. Во-первых, мы бы не получили это чудовище — Ельцина.

Первый, кого бы, видимо, выдавили бы из власти, из политики, стал бы Ельцин, и не было этого косматого, страшного зверя, который правил в российской политике на протяжении вот

этих первых чудовищных 90-х годов. Я думаю, что уже одно это, по существу, оправдало бы эти меры.

Я думаю, что комитетчики получили бы по заслугам.

О. Журавлёва *— Так? Но ведь тогда бы и Путина прекрасного бы не было.*

А. Проханов: — Комитетчики. И Путина не было бы тогда, и его, наверное, супруги не было, и дворцов бы не было, и нас с вами бы не было. Там огромная система последствий, если бы это произошло. Не было бы комитетчиков, которые, конечно, продали свою Родину — Советский Союз, которые в момент, когда глумились над их кумиром, над Дзержинским на площади, ни один из них не выставил СВД из окон Лубянки (все окна горели) и не выстрелил в глумителей над этим кумиром, над божеством комитетчиков. Все они — трусы.

О. Журавлёва *— Вы кровожадный.*

А. Проханов: — Все они — трусы и предатели. Они созданы были для того, чтобы защищать государство.

О. Журавлёва *— Да ладно. Александр Андреевич, вы тоже не ходили с плакатами в защиту, я не знаю, православных христиан и духа русского.*

А. Проханов: — Когда?

О. Журавлёва *— Вы тоже работали себе спокойно в журналах, писали про социалистическое строительство.*

А. Проханов: — Когда, когда? Вы просто ничего обо мне не знаете.

О. Журавлёва *— Мне о вас очень много рассказывали.*

А. Проханов: — Да? Тогда милости прошу в мое прошлое, и мы с вами раз 15 или 17 съездили бы на афганскую войну, а три раза съездили бы…

О. Журавлёва *— Одно другому не мешает. На афганскую войну кто попало не ездил из журналистов, правда же?*

А. Проханов: — Нет, я думаю, что на афганскую войну ездили те, кому это было интересно. Большинство журналистов ездили в Париж в это время, во Францию.

О. Журавлёва *— Те, кому было интересно, те ехали в Париж?*

А. Проханов — Конечно. Те, кому было интересно, все наши писатели — и Вознесенский, и Евтушенко — отправлялись в

Европу. Я слонялся по окраинам мира, где постреливали. Так что спокойно я не прожил эти годы, слава тебе, господи.

О. Журавлёва *— Так, хорошо. Вам люстрация не грозит.*

А. Проханов: — Но вы — молодец. Я люблю с вами говорить вот почему. Вы задаете вопрос, я начинаю отвечать, вы не дожидаясь финала, лепите второй дурацкий вопрос. Только я начну, принимаюсь за него отвечать, вы третий лепите. Ну так чего там еще?

О. Журавлёва *— Вы говорите просто удивительные всякие слова, и каждый раз открываетесь для меня по-новому.*

А. Проханов: — Ну, давайте.

О. Журавлёва *— Вы говорите, что всех чекистов можно было бы люстрировать, и жизнь была бы прекрасней…*

А. Проханов: — Конечно. Потому что они все — предатели. Посмотрите, что они сделали, когда вышли как бы на свободу из Комитета. Они наполнили банки, они наполнили все эти корпорации олигархические.

У Путина есть одно оправдание, но я не знаю, полное ли оно. Он, придя в Кремль, сумел остановить распад страны. Он сумел создать зачатки государства, те зачатки, которыми, может быть, мы живем и по сей день. Но эти зачатки уже износились, эти зачатки уже дряблые. Нужно снова заниматься государством.

Мне кажется, что вот теперь, придя к власти третий раз, а может, и четвертый раз, Путин наконец спохватился, он проснулся. Быть может, с опозданием. Он стал опять заниматься государством.

О. Журавлёва *— То есть всех чекистов надо было люстрировать, но некоторые все-таки себя оправдали. Правильно?*

А. Проханов: — Вы хотите заниматься дурацкими вопросами…

О. Журавлёва: *— Да.*

А. Проханов: — …или хотите заниматься серьезными вопросами?

О. Журавлёва *— Давайте. Давайте о серьезном.*

А. Проханов: — Валите серьезные вопросы.

О. Журавлёва *— Фрол Владимиров из Сочи интересуется: «Уважаемый Александр Андреевич, учитывая нашу*

демографическую ситуацию, экономическую и военную отсталость, сможем ли мы самостоятельно восстановить свой суверенитет в ситуации, когда натиск с Запада усиливается? Или же нам придется пойти на союз с Китаем? Какова цена такого союза? Дальний Восток?»

А. Проханов: — Почему Дальний Восток? Предместья Москвы. И глазница, которая сверкает глазом под вашей левой бровью. Вопрос дурацкий, потому что возрождение — это, во-первых, вопрос не только ресурсов, которых очень мало, а вопрос воли. Воля меняет баланс сил. Мало ресурсов, но много воли — и победа. Посмотрите, что было в 20-е годы, когда создавались эти конные армии. Всё было разрушено, всё пылало, не было заводов, не было продовольствия, был голод. Но была воля, и возникла победа в Гражданской войне.

Сегодня одна только воля, работа на кодах национальных. Если у Путина вспыхнут в сознании вот эти национальные коды и задачи, которые закодированы в любом русском человеке (не обязательно в чекисте), если они вспыхнут и начнут работать, победа будет неизбежной и без Китая.

О. Журавлёва *— Хорошо, но если не вспыхнет?*

А. Проханов: — А если не вспыхнет, мы проиграем. Эти коды должны вспыхнуть прежде всего в лидере. Потом они должны вспыхнуть в его окружении, в гвардии. А потом через это они должны вспыхнуть во всем народе. Но, конечно, прежде всего в лидере. Прекрасно, если бы рядом с лидером был бы такой как бы проповедник, который бы… Вот рядом с Муссолини был Д'Аннунцио. Понимаете?

О. Журавлёва *— Габриэль, да?*

А. Проханов: — Да. Вот такой Путину человек нужен. Может быть, это вы?

О. Журавлёва *— А может быть, вы?*

А. Проханов: — А, может быть, я.

О. Журавлёва — Тоже вариант.

А. Проханов: — А может быть, я.

О. Журавлёва *— Александр Андреевич, я хочу вас утешить некоторыми сведениями, которые публикуют разнообразные издания. Вот, например, адмирал США увидел в истории с российской «Акулой» плохой знак — противник бросил нам вызов. Ну, в общем, для нас это хороший знак, получается, правильно?*

«Недавняя история с незамеченной российской субмариной в

Мексиканском заливе является плохим знаком для США. После возвращения в Кремль Путина Россия ведет себя все менее дружественно, тогда как администрация Обамы проявляет слабость и гордится перезагрузкой с этой нацией», — так рассуждает на страницах Washington Times отставной адмирал Джеймс Лайонс, бывший командующий Тихоокеанским флотом и главный американский военный представитель в ООН. Ну, как вы считаете, прав адмирал или что-то не так? Мы действительно сейчас сильнее?

А. Проханов: — Дружественно по отношению к Америке вел себя Ельцин, который, по существу, приказал распилить самые боевые, мощные ракеты. Это дружба. Тот, кто лишается своего суверенитета, тот ведет себя дружески по отношению к Америке. Государство, лидер, партия, которые сражаются за свой суверенитет, являются врагом США.

Путин, все, что он делает, а он делает элементарные вещи для лидера, ну, не сверхдержавы, а просто страны. Поэтому ремарка адмирала — это, конечно, ремарка такого победителя в 1991 году, который удивлен, что вот эта раздавленная букашка, за которую они принимали и многие принимают сегодняшнюю Россию, в состоянии посылать стратегические бомбардировщики над Атлантикой и засылать стратегические лодки к берегам Флориды.

Они, конечно, раздражены. Ну что ж, слава богу.

О. Журавлёва — *Говорит еще адмирал о том, что Обама рекордно уменьшает флот, а враг не дремлет. Наоборот, это, в общем, нам на радость: адмирал, военспец видит в нас некую угрозу и какую-то игру мышц, и говорит, что, наоборот, Америка слаба. Это фантазия или это он пытается предупредить кого-то?*

А. Проханов: — Ну, я думаю, что… Повторяю, для этих победителей, которые считают, что у них нет конкурента в мире…

О. Журавлёва — *Но это не речь победителя, согласитесь.*

А. Проханов: — Это речь победителя, это сознание победителя, который видит, что побежденный, по которому четыре раза туда-сюда проехал танк, оказывается, еще шевелится. И он возмущен этим обстоятельством. Но оказалось, что тот, по кому четыре раза проехал танк, он не просто жив, а он в состоянии встать и кинуть в этот танк танковую гранату.

О. Журавлёва — *Хорошо. Трактовку принимаем. Есть еще*

несколько вопросов, касающихся, скажем так, внутренних проблем. Но я бы сказала, они могут и во внешние выйти. Есть несколько сообщений по поводу Дагестана. «Такое ощущение, — пишет Серж Штурма-нян, — что Дагестан состоит уже не из квадратных километров, а из взрывов». Другой слушатель пишет: «Прокомментируйте ситуацию в Дагестане. У нас в стране идет религиозная война между приверженцами нового ислама и приверженцами традиционного? Не перекинется ли эта война в сердце России, Татарстан и Башкирию? Как вам кажется?»

А. Проханов: Может перекинуться. Более того, у нас в стране ведется сразу несколько религиозных войн. А разве то, что сейчас произошло в связи с так называемым делом Pussy Riot, не начало религиозной войны? Разве у нас не спиливают православные кресты? И разве это не есть форма тотальной религиозной ненависти и метафизической войны?

О. Журавлёва *— А православные активисты, которые с кирпичами приходят громить какие-то заведения?*

А. Проханов: — Нет, ну, конечно, они поступают абсолютно бесчинно, потому что ведь они же первыми начали кидать кирпичами, это потом Pussy Riot ворвались в алтари. И это они первые пришли и выкололи глаз либералам.

О. Журавлёва *— Но вопрос же не в том, кто первый начал. Вы говорите «война». Кто с какой стороны? Вот с одной стороны — эти, с другой — те.*

***А. Проханов*:** — Войну начали либералы. Эту войну они начали не сегодня. Эту войну они начали в конце XIX столетия против русского государства. Я сам попал под удары этого страшного оружия во время Перестройки и войны. Я сам был объектом этого страшного удара.

Либералы, нынешнее поколение либералов начало поход ненависти в 90-х годах, в 80-х годах. Оттуда пошла страшная тотальная ненависть. И на эту ненависть с огромным опозданием ответили русские советские патриоты контратакой, которая в тысячи раз более слабая.

О. Журавлёва *— Русские советские патриоты — это вместе с православными активистами? Или это какая-то третья сила?*

А. Проханов: Я говорю о себе, Оля, милая. Вслушивайтесь в мои слова. Я говорю о себе и о моих товарищах, которые сумели под этим страшным ударом, под этими бомбежками, как в 1941 году бомбили Киев, сумели организоваться и создать хотя бы локальное контрнаступление. И с тех пор мы отступали и

продолжаем отступать. И эти кирпичи так называемые православные… Но что такое кирпичи по сравнению с чудовищной диффамацией, которой подвергается сегодня православная церковь, православные святыни и ее иерархи?

Здесь другое интересно, скажу я вам. Видите ли, православная церковь — совершенно очевидно и видно всем, что она подвергается мощнейшей беспощадной либеральной атаке, очень успешной, и при этом православная церковь, огрызаясь на эту атаку, ведет контрнаступление в основном не против либералов, а против советских. Она в лице своих иерархов, в лице отца Дмитрия Смирнова, по-прежнему поливает черной краской советский строй, она радикализирует неприятие православия со стороны советских. Иначе говоря, она создает два фронта против себя. И это трагедия для сегодняшнего православия, для сегодняшней так называемой белой идеи. Потому что после 1991 года мы создавали альянс белых и красных, и нам это удалось, имперцы белые и имперцы красные создавали альянс против победивших либералов (государственники этих двух как бы формаций).

С приходом Путина Путин разрушил этот альянс, он перетащил к себе белых. И красные остались в одиночестве. Путин, его казуистика, его окружение и его собственная казуистика создали невероятный альянс, альянс белых и либералов. И все путинское правление проходило под знаком соединения белых энергий православных с либеральными энергиями. Но потом либералы взбесились — у них тоже нет стратегов серьезных. Они поссорились с белыми, они стали атаковать Путина и атаковать базовую идеологию и философию православия. И, по существу, распался этот бело-либеральный альянс.

Но красные оставались как бы в стороне. И теперь, когда эти белые атакуют красных, красные медленно сближаются с либеральным станом. Посмотрите, сколько было на Болотной красных знамен. Значит, белые или православные, благодаря таким людям, как Смирнов, например, который требует, я не знаю, в очередной раз переименовать улицы, запретить ленинские произведения, благодаря митрополиту Лариону, который постоянен в своих чудовищных нападках на советское время, благодаря этому лютому антисталинизму, который оттуда льется постоянно, из этих кругов иерархов, красные сдвигаются к либералам. И что, православные хотят, чтобы у нас на глазах образовался союз либералов и красных? Это чудовищно!

О. Журавлёва *— Но почему союз либералов и белых — это*

хорошо, а…

А. Проханов: — Я говорю о себе. Мне — хорошо. Это хорошо моему государству и моей идеологии. Понимаете, ведь трагедия именно в этом, что среди православной церкви нет стратегов, нет людей, понимающих эту таинственную политологию сегодняшней России и сегодняшнего мира.

О. Журавлёва — *Но православие же не должно быть политической силой.*

А. Проханов: — Вы знаете, политической силой является даже муха, которая пролетает, там не знаю, над столом президента.

О. Журавлёва — *О'кей.*

А. Проханов: — Политизировано все.

О. Журавлёва — *Хорошо. Ладно. Вы-то сами за красных или?..*

А. Проханов: — Я за альянс красных и белых. Я — империалист.

О. Журавлёва — *А! Может, вы еще и спартаковец?*

А. Проханов: — Нет, я не спартаковец. Я — журавлевец.

О. Журавлёва — *Хорошо. Договорились. Есть еще один такой вопрос. Все империи заканчиваются распадом. Вы согласитесь? История вас этому учит?*

А. Проханов: — Распадом кончаются все общества, в том числе и республики.

О. Журавлёва — *Так вот вы к чему призываете? К империи, которая распадется…*

А. Проханов: — …или к республике, которая распадется.

О. Журавлёва — *Вы считаете, что республики распадаются?*

А. Проханов: — Или к семье, которая распадется.

О. Журавлёва — *Ну, не все семьи распадаются.*

А. Проханов: — Или к человечеству, которое погибнет. Я призываю к той идеальной форме, к которой стремится человечество, я призываю к империи. Я призываю к империи, к которой стремится Евросоюз, он почти создал эту империю, которая на глазах у нас распадается. Я призываю к созданию империи, которой является Китай со своими сложными этническими вкраплениями. Израиль, мечтающий об империи.

О. Журавлёва *— А недостаточно той империи, которая есть сейчас?*

А. Проханов: — Нет. Нет, недостаточно, потому что сегодняшняя российская империя — она межеумочная, она недостроенная. Империя — это помимо синтеза идей, народов, культур, еще синтез пространств, это очень сложная геополитика. А сегодняшняя Россия геополитически беспомощна. Поэтому трещит Кавказ. Вот эти камни, которые были, как драгоценные самоцветы, встроены в имперскую диадему кавказскую, которые соседствовали с грузинским бриллиантом, с армянским изумрудом, с азербайджанским сапфиром — все эти камни расшатаны. Поэтому геополитическое пространство сегодняшней России абсолютно рыхлое и дохлое. И евразийская идея, которую продекламировал Путин и которая является, по существу, прообразом будущего великого евразийского государства или царства — это, конечно, огромная геополитическая задача. Кто ее будет реализовывать — вопрос. Это очень важно. Но на самом деле, конечно, сегодняшняя Россия является империей, но неполноценной и недостаточной, ее нужно достраивать.

О. Журавлёва *— Достаточно ресурсов, чтобы хотя бы в этой империи навести какую-то структуру, какой-то порядок? Вы сами говорите, что она слишком рыхлая.*

А. Проханов: — Я думаю, что этих ресурсов достаточно при так называемом мобилизационном проекте, который предусматривает в себе и концентрацию воли, концентрацию этой идеологии.

Ресурсов всегда хватает и их всегда очень мало. Этих ресурсов почти не было у Сингапура, который превратился в потрясающую страну благодаря воле лидера и мобилизации всего народа на поставленную задачу.

О. Журавлёва *— Но Сингапур не сравним по масштабам, нет? Тоже, в общем, не империя, прямо скажем.*

А. Проханов: — Причем здесь империя? Я вам говорю, что ресурсы не исчисляются просто баррелями нефти или длиной железных дорог. Ресурсы, например, это воля, в том числе и национальная воля консолидированного, мобилизованного народа. Это самый главный ресурс.

О. Журавлёва *— Неужели достаточно может быть воли, я не знаю там, одного или нескольких человек, чтобы покрыть такие огромные пространства? Это воля должна из разных точек*

появиться. Она какая-то должна быть общая.

А. Проханов: — Это уже другой вопрос, пускай это будет общая воля. Но здесь нет воли ни у одного человека достаточной, ни у всех, населяющих наше пространство. Потому что весь наш народ находится в состоянии демобилизованном. Либеральная победа в 1991 году продолжалась через колоссальную деструкцию, которая разрушила и продолжает разрушать национальное сознание, демобилизует народ, расчленяет его, ссорит его.

О. Журавлёва *— А под словом «либералы» что понимаете?*

А. Проханов: — Примерно то же, что и вы.

О. Журавлёва *— Да? А вот Ют пишет: «Назовите хотя бы одного либерала, кроме Александра Второго». Вот для него есть один либерал, Александр Второй. А для вас?*

А. Проханов: — А для них Александр Второй — либерал? А Александр Проханов в таком случае кто такой?

О. Журавлёва *— Вот тоже интересно.*

А. Проханов: — Ну да. Но сейчас не будем выяснять, кто такой Александр Проханов.

О. Журавлёва *— Ну, я вас слушаю, я понимаю, что либералы — это плохо.*

А. Проханов: — Либералы — это просто что-то очень мерзкое. Для русского государства это традиционно страшное, сокрушительное, гнусное, разрушающее все базовые основы, традиционное сознание, разрушающее вот эти коды национальные, отказывающее русскому народу в его мессианстве, в его истории, называющее русских людей «перхотью», говорящее, что русская история — это тупиковая…

О. Журавлёва *— Я от вас первый раз слышу эту формулировку. Интересно.*

А. Проханов: — Да? Ну вот мотайте на ус. Намотайте на ус.

О. Журавлёва *— Вот мы и выяснили, кто здесь либерал.*

А. Проханов: — Намотайте на ус. Я, конечно.

О. Журавлёва *— Так. Я обижаю… Александр Андреевич, я обижаю вас? Я больше не буду вас обижать.*

А. Проханов: — Вы? Нет, вы меня не обижаете. Но вы меня огорчаете.

О. Журавлёва *— Ну, я уж как могу.*

А. Проханов: — Вы меня огорчаете, как бы сказать, ну, своим, можно сказать, легкомыслием и поверхностностью. Мы с вами могли бы очень интересно поговорить о политологии современной. А вы как-то… Перед вами Сократ, а вы Сократа спрашиваете, как завязывать туфли бантиками…

О. Журавлёва *— Шнурки.*

А. Проханов: — Чулки, например, да.

О. Журавлёва *— Да. Вы знаете, вас тут спрашивают. Тоже, может быть, смешной вопрос задает Дыбенко, но вы уж извините: «А кто у нас главнее, судья или прокурор? Когда прокурор просит 4 года, судья дает 8». Вот кто здесь больший либерал, по-вашему? На самом деле, конечно, удивительные истории у нас в судебной системе происходят. Там либералы засели? Скажите.*

А. Проханов: — А почему вот те люди, которые спрашивают у меня, порой это, в основном, дураки? Вот я не знаю, почему?

О. Журавлёва *— А зачем вы сейчас обидели человека?*

А. Проханов: — А зачем человек задает мне эти кретинические вопросы? Кто у нас важнее, папа или мама?

О. Журавлёва *— Вот скажите, в судебной системе у нас…*

А. Проханов: — Ну все, наверное, проехали. Без комментариев.

О. Журавлёва *-…кто либерал?*

А. Проханов: — Идиотизм. Все, не хочу отвечать на эту дурь.

О. Журавлёва *— Какой вы капризный, боже мой.*

А. Проханов: — Я не капризный. Идиотские вопросы! Страна кипит проблематикой, а мне задают какие-то кретинические вопросы.

О. Журавлёва *— Любой гражданин кипит, когда видит, что его могут за любой проступок посадить в тюрьму и дать ему любой приговор.*

А. Проханов: — Ну и пусть он кипит. Ну и что же?

О. Журавлёва *— Потому что это касается каждого. Вас это не касается?*

А. Проханов: — Меня это не касается, я не подсуден.

О. Журавлёва *— Вот как?*
А. Проханов: — Конечно.

О. Журавлёва *— Неподсудный Александр Проханов со своим совершенно неподсудным особым мнением. Это он так думает. Он еще закон о защите детей от нехорошей информации не читал. Александр Проханов, писатель и журналист. И как вы сказали? Сократ? Да, Сократ.*

Так вот, Александр Андреевич, сегодня взбудораженное общество (ну, уже не только сегодня) изучает всяческие пометки и сведения в телепрограммах и обнаруживает, что у нас теперь все имеет возрастную градацию. Очень серьезно стали бороться за защиту детей от вредной информации. Как вы считаете, это правильный путь?

А. Проханов: — Правильный абсолютно. Опять запоздалая, может быть, неуклюжая, административная, но правильная мера. Тенденция правильная. Потому что растление детей, стариков колоссальное. Посмотрите НТВ. Это просто клоака, которая просто подсоединена через…

О. Журавлёва *— Я, честно говоря, не смотрю, не знаю. Не могу ответить.*

А. Проханов: — Ну, вот поверьте мне. Поверьте мне с моей слепотой, что это клоака (НТВ), которая растлевает на протяжении многих десятков лет людей. И наконец-то государство в лице своих депутатов (хотя НТВ — тоже государство) пытается с этим бороться. Например, интересные, конечно, пометки о матерных словах, о геях, о геморроях. Это очень любопытно, может, немножко курьезно. Но я же не забуду программу Швыдкого, нашего культуролога и министра культуры на его телевидении в «Культурной революции». Проблема мата, обсуждаем мат. Во всех газетах мат, можно помататься. Это что же такое? Это культура, по существу, которая формирует тьму, лексическую тьму. Ведь мат, как говорят монахи, — это язык, на котором разговаривают в аду черти. Если церковно-славянский язык — это ангельский язык, на котором говорят ангелы, русский язык — это язык наш мирской, а адский язык — это мат, это сквернословие страшное. Потому что там грешникам льют свинец на голову, и они матерятся. И вот это все навязано…

Я же помню эти узкие круги опять либеральных интеллигентов в 70-е…

О. Журавлёва *— И тут они пролезли.*

А. Проханов: — …в 70-е годы. Это был стиль такой. Собираются там актрисы или художники и матерятся. Как извозчики.

О. Журавлёва *— Вы никогда себе не позволяли, я надеюсь.*

А. Проханов: — Я позволял. И я позволял себе. Грешен, было это. Но сейчас, наконец, государство понимает, что мат, который господствует везде, — это тьма. И оно (государство) борется с этим. Но как? Законодательно. А ведь, конечно же, с этим борются не через законы и через вложения или не только через них. Этой культуре тьмы, этой культуре осквернения не важно осквернять русский язык или осквернять алтари — это одно и то же. Этой культуре осквернения, конечно, должна быть противопоставлена культура света, культура красоты.

О. Журавлёва *— Ну, подождите. Насколько я понимаю, закон о защите детей от имеющей для них вред информации просто вносит некие градации, что вот эти передачи можно смотреть всем, а вот эти передачи — только с 6 лет, а вот эти — с 12-ти, а вот эти — с 18-ти. То есть там внутри может происходить, в зависимости от градации, все, что угодно.*

А. Проханов: — Ну, это серия законов. Это серия законодательных инициатив. Одна из них — вот эти запрещающие списки, потом, действительно, «Ну, погоди!» с сигаретой в зубах у волка.

О. Журавлёва *— Вы бы запретили «Ну, погоди!»?*

А. Проханов — Да нет, я вообще ничего никогда не запрещал.

О. Журавлёва *— Шерлока Холмса там и всякие прочие вредоносные фильмы?*

А. Проханов: — Ну, конечно. И Толстого бы запретил, и Есенина. Я бы оставил только произведения Немцова о Путине как самые такие шедевры современной русской литературы.

О. Журавлёва *— Ну, а если серьезно?*

А. Проханов: А если серьезно, я бы вообще ничего не запрещал.

О. Журавлёва *— Но как же бороться-то тогда с этим нравственным падением, деградацией?*

А. Проханов: — Да очень просто. Я бы издавал в большом количестве и пропагандировал на телевидении русскую красоту,

русскую классику, русскую песню, романс русский, произведения сегодняшних русских художников, которые страдают за высшие ценности народа. И убрал бы оттуда или уменьшил количество часов, которые НТВ, например, посвящает скверне, скандалам, мерзостям…

О. Журавлёва *— Да перестаньте вы смотреть уже НТВ, Александр Андреевич…*

А. Проханов: **—** Ну почему? Я же политик.

О. Журавлёва *-…Переключайтесь на Евроспорт уже.*

А. Проханов: **—** Я же политик.

О. Журавлёва *— А, вам нужно это?*

А. Проханов: Ну, конечно.

О. Журавлёва *— То есть вы по работе?*

А. Проханов: **—** Я должен своими подслеповатыми глазами смотреть, чем опаивают мой народ.

О. Журавлёва *— Ну, вот спрашивает вас Ларкус: «Вы клевещете на священника Смирнова. Не боитесь за клевету быть судимым?». Тут у нас «Единая Россия» насчет закона о клевете тоже начала суетиться.*

А. Проханов: **—** А в чем я клевещу? Я говорю, что священник Смирнов то и дело поносит советские ценности, и, по существу, поношение советских ценностей в той форме, в которой позволяет себе отец Дмитрий, раздражает весь советский, очень большой слой, спектр нашего общества. Это вбивание клина внутрь возможного союза. Это абсолютно провокативная, диверсионная акция. Где здесь клевета?

О. Журавлёва *— Это ваше оценочное суждение, здесь нужно добавлять такую ремарку.*

А. Проханов: **—** Это просто так оно есть на самом деле.

О. Журавлёва *— Хорошо. Так. «Со времен Швыдкого ни одного мата из телевизора?» — спрашивает Елена. «НТВ — прогосударственный канал. Государство само с собой борется?» — интересуется Андрей из Барнаула.*

А. Проханов: **—** В этом огромная драма — в том, что государство борется само с собой. Оно, по существу, разделено внутри себя. С одной стороны, государство объявило войну либералам, а с другой стороны, в нем самом, в Кремле, огромное

количество либералов.

О. Журавлёва *— Так это те, которые ругаются, показывают «Дом-2» и все вот это вот? Это они?*

А. Проханов: — Ага. Ага, они. Ага.

О. Журавлёва *— Ну, на самом деле, Александр Андреевич, вы говорите про…*

А. Проханов: — Я вам говорю, что государство расчленено в себе самом. И в государстве огромное количество либералов, носителей вот этих либеральных форм — экономики либеральной, политики, американистов лютых, людей, которые, по существу, рассматривают родину как средство для добычи денег. И, борясь с либералами, оно поневоле должно бороться с самим собой. И это огромная драма либералов. В том числе это драма Путина.

О. Журавлёва *— Ну вот скажите, Навальный к либералам относится?*

А. Проханов: — Навальный, конечно, относится.

О. Журавлёва *— Государство с ним немножко борется?*

А. Проханов: — Ну так. Немножко так его…

О. Журавлёва *— Слегка.*

А. Проханов: — Беспокоит там его.

О. Журавлёва *— Хорошо. Немцов тоже относится к либералам?*

А. Проханов: — О, это просто либеральщина.

О. Журавлёва *— Так. А те, с кем оно не борется, это кто, какие либералы? Расскажите мне, пожалуйста.*

А. Проханов: — Ну, оно не борется с Дворковичем, с Шуваловым оно не борется с коллективным Кудриным, о котором, кажется, здесь у вас…

О. Журавлёва *— Да Кудрина уж нет.*

А. Проханов: — «Коллективный Кудрин», — я сказал…

О. Журавлёва *— А, хорошо.*

А. Проханов: — …Слушайте, что я говорю. Кто-то здесь из ваших умных либеральных гостей определение ввел «коллективный Кудрин», который сидит внутри Кремля и

которому может надоесть Путин. Это же блестящая формулировка. Это намек на то, что внутри Кремля может возникнуть заговор. А что такое заговор? Вы спросили, кто сядет в тюрьму. Вот, мои друзья, ГКЧписты — до августа 1991 года разве кто-нибудь из них помышлял, что они сядут в тюрьму? Разве Язов или Бакланов, или Крючков, или Янаев, или Василий Александрович Стародубцев, герой страны, разве помышляли они, что сядут в тюрьму? Сели. Был заговор, расслоение элит. Поэтому это намек очень жестокий, который прозвучал здесь, в этой студии.

О. Журавлёва *— Ну, тогда уж, может быть, расскажете, как вы видите идеальный выход из этой ситуации? Ну, вот даже если зреет заговор, если не хватает сил, если тут либералы?*

А. Проханов — Идеальный выход такой. Вот один мой друг наивный, уже немолодой друг, предложил идею примирения. И вызвал во мне сардонический хохот. Это все равно, что в 1941 году или в 1942-м предложить идею примирения между Сталиным и Гитлером.

Идет война. И в этой войне возможно не примирение, а победа, подавление противника. И это подавление должно произойти через сложнейшую идеологическую и политологическую комбинацию. Я вижу выход только в одном: либералы должны быть оттеснены, они должны быть подавлены, они должны занять место, которое они пропорционально занимают в обществе. Их ничтожное количество, но у них огромная власть, огромные возможности, деньги, поддержка заграницы. Понимаете, стоит кому-нибудь кого-то укусить из либералов, сразу подключается Европарламент, нобелевские лауреаты, работает вся машина.

О. Журавлёва *— Да ладно! Судья признала на суде над Каспаровым, что она верит видео и не верит в показания. И все.*

А. Проханов: — Да я не о Каспарове. Боже упаси, что вы! Гарри Кимович кусался?

О. Журавлёва *— А кто еще у нас кусался?*

А. Проханов: — Фигурально. У Гарри Кимович другой прикус совсем, он не может укусить ни полицейского…

О. Журавлёва *— Он вас кусал, вы знаете?*

А. Проханов: — Ну, в общем, он меня покусывал, так вот, фигурально. Поэтому моя концепция такая: либералы должны быть оттеснены, побеждены, подавлены и должны занять в

обществе то место, которое они могут занимать пропорционально своим рядам. А на авансцену должны выйти русские патриоты, желательно, чтобы это были имперские русские патриоты, в союзе с евразийцами опять имперского сознания. И тогда возникнет общественный баланс, где все мы будем жить спокойно.

О. Журавлёва: *— Да?*

А. Проханов: **—** И вкушать царствие небесное.

О. Журавлёва *— Просит Костя из Липецка прокомментировать вариант тандема: Президент — Путин, премьер — Кадыров. Лучше будет?*

А. Проханов: **—** Да, конечно. И председатель Государственной Думы — королева английская.

О. Журавлёва *— Ну, перестаньте. Это реальный российский политик. Ну что вы, ей-богу?*

А. Проханов — Ну, я сказал… Он задал интересный вопрос, я ему так же интересно ответил.

О. Журавлёва *— Вы же сами говорили, что когда ездили к Кадырову, были восхищены его еловой хваткой и политическими способностями. Почему вы его не считаете действующим в России политиком? Вы считаете, что он так и будет там сидеть в своем?..*

А. Проханов: **—** Ну, он занимает колоссальное, очень важное место. Не дай бог, если он его покинет. Он лидер такого очень пылкого, измученного, с огромными травмами народа, и он превращает эту русскую территорию, российскую территорию в абсолютно надежный, гарантийный столп русской государственности. Не дай бог, если он оттуда уйдет.

29.08.12.

Идет нарастание абсурда

О. Бычкова: *— Добрый вечер, Александр Андреевич.*

Сегодня про это уже писали и говорили, но я не могу вас не спросить. И сама тоже просто умираю абсолютно от новости о том, как президент Путин заедет на Ямал и там будет принимать участие в проекте «Полет надежды» по сохранению журавлей-стерхов, занесенных в Красную книгу. Я не верю своим глазам, если честно, что я это читаю про президента страны. Абсолютно официальная новость: Путину предстоит исполнить роль вожака журавлиной стаи, он будет лететь. Он будет лететь на дельтаплане. И журавли должны полететь за ним как за родителем, потому что это один из методов восстановления популяции. И Путину выдадут белый халат и шлем, чтобы птицы признали его своим вожаком.

А. Проханов: **—** Ничего смешного нет. Во-первых, неизвестно, чьей популяции, журавлей или Путина. Раз.

О. Бычкова: *— Как это? За ним полетят маленькие Путины?*

А. Проханов: **—** Может быть, может быть. Может, он после этого сядет на гнездо, я не знаю. Это раз. А во-вторых, действительно, сегодня весь день все хохотали. Ничего в этом смешного нет. А я, когда услышал эту новость, я даже как-то внутренне содрогнулся.

Я сейчас пишу новую книжку, и написал такую сцену буквально вчера, когда в художественной галерее, совершенно модной, состоялся перформанс и как бы демонстрация нового выдающегося мастера под названием «Стань птицей». Он выставил там на этой выставке множество искусственных журавлей.

О. Бычкова: *— Как всякий писатель-классик, Александр Андреевич, вы обладаете даром предвидения.*

А. Проханов: **—** Даром предвидения и формирования, видимо, реальности. Даже не предвидения, а формирования реальности. И там этот герой, который выставил журавлей, сделанных из консервных банок, из старых газет, из наклеек всевозможных…

О. Бычкова: *— «Из дельтапланов», — надо было вам написать. Внесите правку.*

А. Проханов: **—** Там зрителей удивляло, что среди этих всех удивительных экспонатов стоит какая-то ванна, наполненная чем-

то таким золотистым типа гель, и стоит какой-то ящик, в котором как бы распоротая перина. И этот герой, в конце концов, — автор этой выставки — голый совершенно выскочил туда в зал, кинулся в эту ванну, обвалялся в этом геле, потом метнул себя в эту перину, обвалялся перьями и вылетел из перины с криком или с курлыканьем журавлиным, стал махать руками и летать по залу. А потом застыл…

О. Бычкова: *— Он взлетел?*

А. Проханов: — Ну, почти взлетел. И потом он застыл в позе вот этого летящего журавля. И вдруг я слышу сегодняшнюю новость.

Она меня ужаснула вот этими таинственными совпадениями. Потом, когда первый страх прошел, я еще раз подумал, что все-таки, действительно, во мне есть что-то пророческое, потому что я и у вас несколько раз говорил без всякой иронии, повторяю, что я считаю: Путин лишь отчасти человек. В Путине есть что-то действительно загадочное, таинственное, метафизическое. Отчасти он представлен в человеческой плоти и в человеческой сущности, но какая-то вторая загадочная часть, не дающая людям понять, кто же он, Путин, в нем присутствует.

По-видимому, может быть, в нем действительно присутствует ангел или какое-нибудь другое крылатое существо. Или птица. И он сам пытается разгадать в себе вот эту таинственную сущность, он пробует мир.

Вот сегодня ваш остроумный сотрудник Орехъ…

О. Бычкова: *— Комментатор.*

А. Проханов: — Комментатор.

О. Бычкова: *— Антон Орехъ.*

А. Проханов: — Орехъ сказал, что делает он это от великой скуки. Нет. Это он делает не от скуки. Он пытается разгадать ребус, который ему когда-то кто-то… Может, какая-нибудь гадалка в детстве загадала.

О. Бычкова: *— Он ищет свое предназначение?*

А. Проханов: — Он хочет, чтобы эта сущность в нем проявилась. Он хочет выявить в себе эту сущность и понять, кто же он во второй своей половине, ипостаси. Поэтому он рискует. И поэтому он, действительно, может насмешить людей. Это ему дается, в общем, непросто.

О. Бычкова: *— А если окажется, что он действительно*

птица, что тогда?

А. Проханов: — Во-первых, если он птица — он птица действительно высокого полета. Это ясно. Может быть, он даже сталинский сокол, я не знаю. Судя из его таких вот мессианских побуждений, у него есть что-то от крупного вождя.

О. Бычкова: *— Ну, согласитесь, что эта версия лежит на поверхности.*

А. Проханов: — Что он сталинский сокол?

О. Бычкова: *— Да. Надо что-то покруче предложить.*

А. Проханов: — Нет, вы знаете, то, что он является отчасти лишь человеком, а во второй своей ипостаси является чем-то — не обязательно птицей, не обязательно ангелом… Может быть, вторая его часть связана с чем-то, обладающим мощными стальными гусеницами, я не знаю. Либо это шагающий экскаватор. Одним словом, вторая его ипостась не проявлена даже для него самого. Говорю это без всякой иронии. И, может быть, счастье России, а, может быть, это и драма России, что наш президент таков. Понимаете, завершенный тип президента. Что может быть скучнее? Ну, типы президента Ельцина или Горбачева — это понятные типы. А человек, который, действительно, незавершен и является постоянным экспромтом, и постоянно возбуждает воображение подданных, и иногда он вызывает в них отвращение, иногда восторг, иногда оторопь, — это, повторяю, почище любых пиар-кампаний.

И, наконец, последнее, что мне пришло в голову. Ужасное подозрение, что пиар-кампанию Путина все эти годы возглавляет Шендерович.

Его, Шендеровича, убрали из «Кукол», когда он там нелепо пошутил над президентом, и все подумали, что он ушел и устранился. Нет. Он нашел себе место и гнездо именно в пиар-группе, обслуживающей президента. Потому что иначе я просто не могу понять, как в течение всех этих…

О. Бычкова: *— Да. Потому что это слишком талантливо. Это правда.*

А. Проханов: — Талантливо и абсолютно экстравагантно. И пускай как можно дольше Виктор Шендерович остается в этой роли.

О. Бычкова: *— Вы разоблачили Шендеровича, я чувствую.*

А. Проханов: — Это мое подозрение. Может, это как бы условный Шендерович.

О. Бычкова: *— В программе «Особое мнение» Александр Проханов. Он продолжит свои разоблачения, ну а вы продолжайте, например, нажимать на кнопку кардиограммы эфира. Я не понимаю, это…*

А. Проханов: При слове «Шендерович».

О. Бычкова: *— Нет, нет. Это похоже на птицу. Посмотрите, какое там…*

А. Проханов: — Похоже на птицу?

О. Бычкова: *— Да. Вот сейчас посмотрите… Может, на верблюда, конечно, но, по-моему, на птицу.*

А. Проханов: Вот это похоже на ангела. Это, все-таки, похоже на ангела.

О. Бычкова: *— Нет. Это похоже на стерха, я уверена. Только красного цвета.*

Александр Проханов у нас в студии телекомпании, радиостанции, на экранах Сетевизора тоже. За его спиной зрители Сетевизора и RTVi могут видеть кардиограмму эфира — там схематическое изображение стерха, занесенного в Красную книгу, поэтому линия красная. Тут уже два стерха образовалось, уже стая постепенно растет.

Ну, продолжая тему безумия, если можно так выразиться. Не потому ли, что у нас все так странно, непредсказуемо, и образы, которые нас окружают, странно не завершены, как вы говорите, не потому ли количество абсурда множится вокруг? Вот эта замечательная история с маркировкой СМИ и разного рода такой продукции информационной всякими возрастными цифрами. Вот у нас сайт, например, «Эха Москвы» называется 12+. 12+ — так сейчас маркируются многие телевизионные каналы. Газета «Завтра», кстати говоря, как будет маркироваться?

А. Проханов: — Четыре минуты плюс.

О. Бычкова: *— Почему четыре минуты?*

А. Проханов: — Сразу после того как младенец рождается, он уже берет в руки газету «Завтра». Через четыре минуты после рождения.

О. Бычкова: *— А где он ее берет?*

А. Проханов: — Ну как? А из чего памперсы делают?

О. Бычкова: *— А, ну да. Логично совершенно. Что это такое?*

Ну, вот, просто нечего делать больше, извините. Я не хочу звучать нарушителем закона, но это какие-то странные такие истории. Ну, 12+ там, 11-… Это имеет значение для вас?

А. Проханов: — Вот особенно с конца, может быть, июля, с начала августа стала нарастать вот эта какая-то безумная сутолока идей, форм, политических, коллективных или индивидуальных поступков. И вот этот поток как будто разорвали какую-то мешковину, из нее все это посыпалось, какая-то требуха, рухлядь какая-то.

О. Бычкова: *— Ящик Пандоры.*

А. Проханов: — Рухлядь. Мешок, а не ящик. Мешковину какую-то.

О. Бычкова: *— Пыльный мешок.*

А. Проханов: — И она вся посыпалась. И она будет сыпаться, сыпаться, сыпаться. Это во многих вызывает иронию, в других — раздражение, в четвертых — снобистское презрение к этой глупости. А во мне это вызывает страх. Потому что этот абсурд, эта путаница, этот хаос и эта хаотизация всех пространств — политического, экономического, культурного, военного, философского — таят в себе какую-то страшную угрозу, которая может мгновенно возникнуть и сдуть все эти пипифаксы, весь этот прах, всю эту труху. То есть возникает ощущение предвоенного чего-то, чего-то грозного предвоенного.

Помните стихи Пастернака: «А в наши дни и воздух пахнет смертью. Открыть окно, что вены растворить»? Вот это ощущение присутствует. При всей веселости, при всей игривости и при всей злобной смехотворности, то, что взбухает, например, на Ближнем Востоке… Такое ощущение, что по минутам эта ртуть там накаляется, и может всё к чертовой матери рвануть. То есть назревает какая-то огромная катастрофа, может быть, вселенская. И она, назревая, уже не рассосется. И поэтому вот этот абсурд — это, по существу, поведение животных, социальных животных (а люди — социальные животные), которые чувствуют вибрации, вибрации приближающейся беды. Отсюда и паника, паническое поведение каждого из нас и всех нас вместе взятых. Вот я это рассматриваю как-то так. Это симптоматика какой-то огромной беды, которая при дверях. Кончилось веселье 90-х, кончился прагматизм 2000-х. И мы перед лицом чего-то очень грозного. Грозного и беспощадного. У меня такое ощущение.

О. Бычкова: *— Чего грозного?*

А. Проханов: — Не знаю. Какой-то крах. Вселенский,

региональный, национальный. И вот этот крах движется как оползень, и против него нет противоядия. Этот оползень не укрепить ни бетоном, ни законодательством.

О. Бычкова: *— Против него нет противоядия, потому что непонятно, откуда он движется и что может сделать?*

А. Проханов: — Ну, есть роковые явления. Вот история — она роковая. Политтехнологии — они временные. Политтехнологии — это попытки управлять историческим процессом, которые удаются довольно часто, но удаются на коротких промежутках времени. Политтехнологии не могут управлять историей как таковые. История прорывается сквозь политтехнологии. И с историей ничего не поделать. Ничего не поделать с историей — она все равно прорвется и грохнет.

Что это такое, я не хочу гадать… Я не Пифия, я не могу сказать, будет ли это скорая бомбардировка Ирана, будет ли это ответ Ирана по Израилю грязной бомбой или просто шарахнет две тысячи ракет.

О. Бычкова: *— А у нас-то? У нас-то? До нас же тоже как-то это в своих формах доносится?*

А. Проханов: — Так это движется все на нас. Вот смотрите, что произошло за последнее время: Тунис пал у нас на глазах, Египет пал на глазах. Ирак…

О. Бычкова: *— Кто-то считает, что, наоборот, встали с колен.*

А. Проханов: — Ирак разгромлен, Ливия разгромлена. Сейчас Сирия. То есть идет бульдозер, он чистит вот это огромное континентальное пространство Северной Африки. Вот этот грейдер протаскивает энергию западной силы туда, в Среднюю Азию. Удар будет направлен в среднеазиатские пространства — туда, где зыбкие, хрупкие и несостоявшиеся государства, такие, как Сирия, как Казахстан, как Узбекистан. Там все кипит. Все это взорвется. И это все рядом с нами. Тут же Кавказ. Посмотрите, что на Кавказе творится.

О. Бычкова: *— А вот на Кавказе странная история, кстати, творится между Чечней и Ингушетией, которые теперь делят территорию, прокладывают границу, и Чечня говорит о том, что два района должны быть у нее. Ну, как бы известно, что это за районы, но, тем не менее, откуда это вдруг вот сейчас так резко вылезло?*

А. Проханов: — Вот отсюда и оттуда. Я сказал.

О. Бычкова: *— Но эта история же не новая сама по себе, в общем?*

А. Проханов: — Это история, может быть, очень древняя. Но она всплыла сегодня, потому что вчера они не решались об этом говорить. Еще вчера казалось, что централизм сохраняется, что существует федеральная власть. И, в ответ на происшедшее вчера или сегодня, Кремль по-прежнему молчит. Это мне напоминает Карабахскую проблему. Вы вспомните, что было, когда Армения объявила свои претензии к Карабаху, когда начались там первые кровавые столкновения, появились первые убитые и самая первая кровь. Горбачев сказал, что это не дела союзного центра, пусть регионы эту проблему улаживают между собой. Он возложил ответственность и возложил эти функции умиротворения на регионы. Он показал, что центр устраняется, его практически нет. С этого начался распад Советского Союза.

Распад Советского Союза начался не с Карабахского конфликта армян и азербайджанцев. Кафанские азербайджанцы были изгнаны армянами, ушли через перевалы, там были жертвы, а потом Сумгаит, а потом удары из Агдама по Степанакерту. Не с этого начался конфликт, а с заявления Горбачева, что центр устраняется от решения этого конфликта.

Вот то же самое и здесь происходит. Значит, центр настолько слаб, или люди на Кавказе почувствовали, будто центр настолько слаб, центр летает с журавлями с юга на север и обратно, что они выступили с этими заявлениями.

О. Бычкова: *— А что должен был центр сделать? Вызвать Кадырова и Евкурова, например, и сказать: «Вы там разберитесь», — или погрозить пальцем, или что?*

А. Проханов: — Ну, не знаю. У центра есть тысячи самых разных форм. Ведь это есть, по существу, разрушение конституционного пространства России. Внутри России возникает внутритерриториальный конфликт. Это нарушение Конституции.

О. Бычкова: *— Ну, это безумие тоже, на самом деле.*

А. Проханов: — Нет, а чем это отличается от 12+? Это ничем не отличается. Это и есть хаотизация сегодняшнего пространства, когда нет уложений, исчезает система координат, исчезают все правила игры. Каждый диктует эти правила игры самостоятельно. И возникает вот эта бессистемность или внесистемность.

О. Бычкова: *— Во что это может вылиться, по-вашему?*

А. Проханов — Ну, я вам сказал: у меня аналогия с Карабахом.

О. Бычкова: *— Но они не могут воевать — чеченцы и ингуши. Это вообще родственные народы, это почти одно и то же.*

А. Проханов: — Ну, конечно. Я считаю, что когда там тверичи воевали с новгородцами в свое время, такой войны не могло быть. Но, тем не менее, воевали и поливали друг друга градом стрел и убивали друг друга. Я думаю, что это чревато большой кровью.

А что, конечно же, осетины — это не ингуши, правда? Те — православные, а эти — мусульмане. Да они весь век жили как братья под Владикавказом. Это были братья, у них были смешанные браки. Но все кончилось страшной резней, потому что исчез централизм, исчез арбитр. В сложных образованиях — таких, как империя, например (Россия наша сегодняшняя — усеченная, но империя), — должен быть, конечно, арбитр. Должен быть имперский арбитр.

О. Бычкова: *— А когда центр перестал быть арбитром, по-вашему? Ведь, он же был им относительно недавно? Это совершенно точно, что это было только что.*

А. Проханов: Мне кажется, когда Путин передал полномочия Медведеву. Четыре медведевских года диссоциировали огромное количество централистских ценностей. И когда эти четыре года кончились, и Путин опять пришел к власти, он пришел, во-первых, другим человеком и в другую власть, и в другую страну. Он пришел в страшную ослабленную страну, где исчез тот запас прочности, который он же, Путин, создавал в течение, первых своих четырех лет, по крайней мере. Точно создал запас прочности.

О. Бычкова: *— Ну а, может быть, он просто сам девальвировал эту власть таким перекидыванием короны из рук в руки?*

А. Проханов: — Нет, ну, конечно, это была ошибка. А может быть, это была и не ошибка, я не знаю.

О. Бычкова: *— Злой умысел?*

А. Проханов: — Мне всегда казалось, что он должен был пойти сразу на третий срок. И Партия третьего срока, которую мы формулировали, она была бы жесткой реакцией на этот хаос. Но это не была бы конституционная контрреволюция. Конституцию можно было в ту пору подправить.

О. Бычкова: *— То есть вы считаете, что сейчас мы наблюдаем уже более отдаленные последствия вот этого самого тандема? Ну, получается, что так. Это такой хвост, который тянется и проявляется в разных местах.*

А. Проханов: — Ну, назовем это тандемом. Просто тандем — это есть реакция на страх кремлевской власти (в данном случае Путина) продлить и усиливать свой централизм. Он пошел на попятную.

О. Бычкова: *— И получил обратный результат.*

А. Проханов: — Он сыграл в демократические ценности, он хотел выглядеть корректно перед мировым общественным мнением, перед американцами. Он испытывал огромное давление со стороны Запада, со стороны своих либеральных советников. Одним словом, я считаю, что была ошибка. Если бы он пошел на третий срок, конечно, он вызвал бы дикую ненависть к себе со стороны демократической общественности. Но она была бы…

О. Бычкова: *— А если бы он просто взял бы и ушел?*

А. Проханов: — …Но она была бы, эта ненависть, не больше той, которую он сейчас испытывает на себе. Поэтому он должен был бы понимать, что, восстанавливая разрушенное Горбачевым и Ельциным государство и препятствуя созданию на этой территории, которая тогда наименовалась Российской Федерацией, чего-то другого, инородного и чужеродного, он должен вызвать к себе чудовищную ненависть Запада и всех либеральных мировых и внутренних кругов. Он должен был пойти на схватку с этой ненавистью уже тогда. Он не пошел.

О. Бычкова: *— Но он не выиграл в результате? Или никто не выиграл?*

А. Проханов: — Нет, он проиграл и сейчас получил ослабленную власть, ослабленную страну. Он опять приступает к процессу возвращения государства в государство, он возвращает государство, но с опозданием на четыре года. И это огромная работа. Огромная забота и огромная драма и его лично, и Кремля в целом. И, конечно, все мои симпатии на стороне вот этой тенденции. Государство должно быть восстановлено и должно быть возвращено в институты, которые называются «государственными институтами». Но не поздно ли это?

О. Бычкова: *— Даже если ради этого надо пролететь на дельтаплане в каске.*

А. Проханов: — Ну, вы знаете, в свое время Чкалов пролетел на дельтаплане над Северным полюсом.

О. Бычкова: *— Ну, почти, да. И тоже в каске был, да. Не поздно ли это? Вот, на самом деле, самый главный вопрос.*

А. Проханов: — Нет, не поздно. Но для этого нужна очень мощная воля. Очень мощная воля.

О. Бычкова: *— Ну, значит, тогда вопрос заключается в том, есть ли эта воля. Тоже вопрос.*

А. Проханов: — Есть ли у журавлей эта воля?

О. Бычкова: *— Это мы оставим открытым, конечно. Хочу вас вот еще спросить о чем. Комиссия Государственной Думы по контролю за достоверностью сведений о доходах и имуществе депутатов назначила проверку по материалам следственного комитета о коммерческой деятельности Геннадия Гудкова. И 12 сентября, как предполагается, Государственная Дума должна решать вопрос с депутатством Гудкова. Поэтому я хочу вас спросить, что бы вы посоветовали? Или что вы думаете, Госдума должна делать дальше? Лишить Гудкова мандата, например? Или лишить мандата всех депутатов, которые тоже занимаются коммерцией? Но это значит, что мы лишимся Государственной Думы. Или никого ничего не лишать, а открыть в Государственной Думе, например, деловой центр, биржу и что-нибудь еще.*

А. Проханов: — Затрудняюсь. Геннадию Гудкову я бы посоветовал… Ну, питая к нему не самые, может быть, лучшие чувства, я, тем не менее, посоветовал бы не печалиться по поводу того, что лишат мандата. Бросить к чертовой матери политику и заниматься бизнесом, который ему удается.

О. Бычкова: *— А политикой кто будет заниматься?*

А. Проханов: — А политикой будут заниматься те, кто получают на эту политику мандат, и у кого этот мандат не отнимают. А ему не огорчаться. Действительно, ну что такого? Он — тертый калач, он знает цену политическим карам, наказаниям. Он был в Комитете Госбезопасности. И вообще он прошел хорошую школу. Он менял среду обитания несколько раз. Поэтому лучше всего философски отнестись… А он, мне кажется, все-таки философский человек. Он немножко страстный, конечно, но философский. Ему надо бросить эту Думу, послать ее к чертовой матери, не огорчаться по поводу того, что он безмандатник, забросить политику, потому что внутри той политической среды, где он себя пытается экспонировать, его

тоже никто не любит серьезно, ему не простят его прошлое. А шел бы он, действительно, в свой оружейный ЧОПовский бизнес. Там много очень силовиков, это почетно, там комитетчиков не ищут и не преследуют. И я бы ему это посоветовал.

О. Бычкова: *— А Государственной Думе что нужно сделать? То есть лишить его мандата, получается? И продолжать заниматься тем бизнесом, которым кто-то там занимается?*

А. Проханов: — Конечно. Мы же знали, что там все именно построено на бизнесе. Это временная такая лихорадка, которая пройдет, как только Гудков уйдет из Думы. И все будет на своих местах.

О. Бычкова: *— Ну, а вы не почувствуете себя, например, оскорбленным, обдуренным, что Государственная Дума пользуется такими двойными стандартами по отношению к разным людям?*

А. Проханов: — Нет, я не почувствую, потому что я с некоторого времени, с очень раннего времени, в основном после расстрела Дома Советов в 1993 году, потерял всякий интерес к парламентским формам существования России. После того как танки расстреляли Верховный Совет и после того как собралась Государственная Дума, мне абсолютно наплевать, кто ее наполняет, люди с чистой совестью или серийные убийцы. Потому что парламентаризм был уничтожен в 1993 году. И после 1993 года я абсолютно индифферентен. У меня нет страстей, ни дурных и ни высоких, по отношению к Госдуме.

О. Бычкова: *— Но с другой стороны, вот что? Он должен уйти? Еще другие депутаты теоретически тоже могут уйти из «Справедливой России». Мало ли, кто там по какой причине…*

А. Проханов: — Ну, если их будут выдавливать. А их не будут же выдавливать.

О. Бычкова: *— А почему их не будут выдавливать? Начали с этого.*

А. Проханов: — А кто их будет выдавливать?

О. Бычкова: *— Те же самые.*

А. Проханов: — Нет. Если они будут ренегатами, начнут бунтовать… Мне кажется (но это, конечно, абсолютная иллюзия), что Россию, конечно, может спасти только мобилизационный проект и то, о чем говорил Путин, — о рывке. Он как-то очень бегло и походя сказал, что нам необходим рывок для восстановления своей обороноспособности, для восстановления

наших оборонных заводов. Но не только. Это, конечно, оборонные заводы, да…

О. Бычкова: *— Но для этого надо иметь ярко выраженного сформулированного врага и потенциального противника.*

А. Проханов: **—** Враг есть, он сформулирован… Поручите мне, Проханову, я вам сформулирую врага сразу же после эфира.

О. Бычкова: *— А вы возьмете просто ваши старые заготовки, достанете из ваших архивов папки, сдуете с них пыль…*

А. Проханов: **—** Я их не прятал. Оль, никогда я их не прятал.

О. Бычкова: *— Просто они там лежат давно.*

А. Проханов: **—** Я их тащил обычно в эфир «Эха Москвы» и здесь постоянно их зачитывал. То есть образ врага — он перед нами. Просто для того, чтобы совершить рывок, нужна гигантская воля. Гигантская политическая воля. Об этом я уже говорил до перерыва. А если эта воля найдется и если это не просто словеса, а желание спасти государство и свою личную, как бы, судьбу и жизнь, близких людей, то это потребует, конечно, огромных чисток. И от этой криминальной Государственной Думы ничего не останется. Может, вообще от Думы ничего не останется. Потому что я недавно прочитал с изумлением материалы, которые говорят, что в США подготовлены мероприятия и законопроекты об уничтожении парламентских форм правления.

О. Бычкова: *— Где?*

А. Проханов: **—** В США. На случай…

О. Бычкова: *(смеется)*

А. Проханов: **—** На случай чрезвычайной ситуации. А чрезвычайная ситуация… Ну, нам-то смешно, потому что у нас только что кончился сезон дачный. Но мир вступает в чрезвычайные ситуации, которые потребуют гигантских мобилизационных усилий. Хотел сказать «всего человечества», но это означает ничего не сказать. Во всяком случае, стран в целом. И американцы, которые просчитывают все элементы, в том числе ядерную войну, когда подводные лодки России приплывают к Флориде и находятся там, а американцы не могут их различить. Они просчитывают все ситуации, в том числе ситуации катастроф самых разных военных. И там разрабатывают… Там есть комиссия, она была еще создана, по-моему, при Буше…

О. Бычкова: *— Нет, ну, Александр Андреевич, понятно, что*

если происходит чрезвычайное происшествие в любой стране, то вводится специальный режим управления. Потом он отменяется. В этом нет ничего нового.

А. Проханов: — Когда кончается чрезвычайное обстоятельство. Ну да.

О. Бычкова: *— Да. Когда лодки российские уплывают обратно в Черное море или где они там находятся…*

А. Проханов: — То начинают опять фигурировать…

О. Бычкова: *— Да. А потом оказывается, что эти лодки были виртуальными.*

А. Проханов: — Так вот страна, именуемая Россией, находится в чрезвычайной ситуации. Я вам говорю, что либо этот рывок будет совершен, и под этот рывок будет введен мобилизационный проект со всеми вытекающими обстоятельствами… Либо рывка не будет, а будет нарастание этого абсурда, сквозь который вдруг в какой-то момент просунется страшная харя всеобщей, вселенской российской беды.

О. Бычкова: *— А она еще не просунулась?*

А. Проханов: — Нет, она не просунулась, потому что ее…

О. Бычкова: *— Она уже, по-моему, в дырочку подсматривает и подмигивает вам.*

А. Проханов: — …ее от нас отделяет тонкий слой хорошо издаваемых газет типа «Коммерсантъ» и «Ведомости». Сквозь газету «Завтра» она уже просунулась.

О. Бычкова: *— То есть «Завтра» — плохо издаваемая газета?*

А. Проханов: — «Завтра» — уже дыра. Дыра, через которую хлещет вот эта страшная беда, которая идет на Россию.

О. Бычкова: *— То есть вас даже 12+ не спасет.*

А. Проханов: — 4+. Беда захватит всех, в том числе младенцев.

О. Бычкова: *— Ну да, ну да. Давайте, знаете что? Вот, возвращаясь к этой истории с Карабахом. Вы сами об этом заговорили, и я, конечно, вспомнила еще один сюжет этих дней — историю с азербайджанским офицером, который зарубил топором армянского офицера, отсидел несколько лет (восемь, по-моему) в Венгрии, а потом был возвращен, экстрадирован в Азербайджан. И*

немедленно помилован президентом Алиевым, да еще с массой почестей всяких: и квартиру он получил, и заработок за восемь лет ему вернули, и звание повысили, и чего там только ни произошло. И теперь чуть ли не героем он там ходит, по крайней мере, некоторые его таковым считают. Не чревато ли это новым конфликтом?

А. Проханов: — Нет, это не чревато новым конфликтом. Это свидетельство того, что прежний конфликт продолжается. Никакого нового конфликта быть не может. Длится старый конфликт, жестокий беспощадный конфликт, при котором, скажем, ненависть к армянам в Азербайджане становится фактом государственной политики. Боюсь, что то же самое происходит и в Армении. Ненависть армян к азербайджанцам становится фактором государственной идеологии, государственной политики. Это результат того, что Горбачев в свое время сказал «Пусть регионалы занимаются своими проблемами».

О. Бычкова: *— А вы заметили, как Россия сейчас самоустранилась от этой истории? Потому что единственная страна, единственный посредник, который мог быть между ними, которого признавала и та, и другая сторона, была Россия. А Россия слилась.*

А. Проханов: — Нет, Оль, Россия не может вмешаться в отношения Ингушетии и Чечни. Причем здесь Россия? Что она может сказать? Ничего она не может сказать. И Азербайджан, и Армения во многом…

О. Бычкова: *— Если она не может Чечню с Ингушетией как-то разрулить, если она не может ничего сделать для Азербайджана с Арменией, зачем она тогда в Сирию лезет, скажите мне, в таком случае?*

А. Проханов: — Она лезет в Сирию, потому что она прекрасно понимает, что крушение…

О. Бычкова: *— Сирия гораздо дальше, даже чем Азербайджан.*

А. Проханов: — Она ближе. Сирия находится в Подмосковье. Крушение Сирии — это прямой…

О. Бычкова: *— Асад уже приехал к нам?*

А. Проханов: — Да. Он приехал.

О. Бычкова: *— В Барвиху?*

А. Проханов: — Ну, не то, что Башар… Все люди, которые двигаются с оружием из Ирака, из Ливана, они все рвутся в

Подмосковье. То есть они рвутся в подбрюшье среднеазиатских наших республик. И все, что сейчас происходит в Сирии, это транслируется в Среднюю Азию. Борьба России за Сирию — это борьба за безопасность на южных границах. Это ясно политологам. И американцам это тоже ясно.

Но просто когда у Советского Союза, когда у Москвы были мощнейшие рычаги управления отношениями между армянами и азербайджанцами, к этим рычагам не прибегли. А теперь что? Нет юрисдикции. Что, только влияние? Дружба, что ли? Или что? Там ни нефти нет, ни нефтяной зависимости. Там нет траншей. Эти две страны американизированы.

О. Бычкова: *— Ну, там есть нефть азербайджанская.*

А. Проханов: — Но мы-то на эту нефть уже не можем посягать. Мы не можем управлять этими процессами, понимаете? Поэтому влияние наше — оно эфемерно. Авторитета… Ну, какой там может быть авторитет?

О. Бычкова: — А вы говорите — прорыв.

А. Проханов: — Это случай каннибальский, о котором мы с вами говорили. Это данность, увы.

5.09.12.

Византийская игра

Т. Фельгенгауэр: *— Здравствуйте, Александр Андреевич. Радостно, что вы вернулись. У нас тут много всего за ваше отсутствие произошло. Но давайте все-таки про более свежие события поговорим, а потом уже про…*

А. Проханов: **—** Про более протухшие.

Т. Фельгенгауэр: *— Нет, не то, чтобы они протухшие. Они ведь имеют продолжение и довольно серьезное. Но давайте, наверное, сначала немножечко про космос и состояние нашей космической отрасли. Потеряли связь с космическими спутниками мы. Что-то там с кабелем не заладилось. И не раньше, чем через 48 часов все наладится. Параллельно мы узнаем про хищения и проблемы с ГЛОНАССом. Что-то все как-то не очень хорошо. Что случилось вдруг? Почему все разваливается?*

А. Проханов: — Спасает только то, что в Роскосмосе есть такой, парапсихологический отдел, и эта порванная кабельная связь восстановлена через пасы. И там общаются с космонавтами и также с приборами через спиритуальные технологии. А что касается вот этих обычных инженерных технологий, там все неважнец действительно. И это ни для кого не удивительно.

Я даже думаю, что Сергей Иванов уже года два тому назад наблюдал, как разрывается этот кабель, который соединяет систему управления.

Т. Фельгенгауэр: *— Так долго наблюдал, кабель так долго разрывали.*

А. Проханов: — Во всяком случае, я думаю… Ведь Сергей Иванов, он разведчик, он в службе СВР, он работал в

Первом Главке. А там умеют ждать и умеют наблюдать. Там наблюдают не только за тем, как разрывается какой-нибудь кабель, там наблюдают за тем, как рушатся империи и державы.

Т. Фельгенгауэр: *— А почему наблюдают и ничего не делают?*

А. Проханов: — А в этом стратегия разведки — молчать. Я думаю, что космос, который был всегда эмблематикой советской цивилизации, он не мог оставаться эмблематикой, когда разрушена советская цивилизация как таковая. Советскую цивилизацию разрушали мощно, методически и планомерно. Космос — результат этих трагических ударов по советской цивилизации. Есть надежда, есть некоторая надежда (об этом говорит мой опыт посещения наших космических производств),

что процесс восстановления, возрождения возможен. Мучителен, напряжен… Он связан не только с поступлением денег, которые, слава тебе, господи, пошли, он связан с тем, что эти деньги, может быть, некому будет расходовать. Потому что великие космисты, великие космические ученые и прозорливцы ушли. Старики, которые остались в космических КБ, они тоже великие. Например, чего стоит Чесноков (космист), который работает в КБ Лавочкина. Но они утомлены, они устали. Их великие идеи все еще продолжают летать вокруг Земли на орбитальных группировках.

Т. Фельгенгауэр: *— То есть необходимы люди?*

А. Проханов: — Необходимо то, что, не боюсь назвать это слово, — то, что Путин нарек «рывком». Необходим рывок, который позволил бы нам в кратчайшее время наверстать упущенное, грандиозно упущенное.

Т. Фельгенгауэр: *— Но ведь и 12 лет назад, когда Путин только появился, уже тогда был нужен этот рывок. Почему столько времени не занимаются космосом?*

А. Проханов: — Он сформулировал только теперь это. Это огромное опоздание. Это объяснимо многими причинами, в том числе и тем, что ощущение войны, которая приблизилась к границам России, обострилось в последнее время, в последний полугод. Настоящие аналитики, которые смотрели, как блуждают конфликтные зоны по Земле, перемещаются, то удаляются от России, то проникают внутрь ее территории, давно предрекали возможность очень крупной, если не мировой войны. Но эта война в связи с событиями на Ближнем Востоке, в связи с обострением борьбы за ресурсы, в связи с превращением Арктики в конфликтную зону, — вот эта угроза войны очень сильно, резко усилилась.

Т. Фельгенгауэр: *— Правильно ли я вас понимаю, что космос и космическая отрасль необходимо рассматривать как часть оборонки?*

А. Проханов: — Нет. Оборонка — это все равно, что коммуналка, и все равно, что опоздалка. Космос — это зона военного соперничества, которое происходит сейчас.

Т. Фельгенгауэр: *— Но тут ключевое слово — «военное».*

А. Проханов: — Космос — военный. И остатки от этого военного космоса реализуются вот здесь как гражданские технологии. Ну, к тому же космос еще — это объект колоссальных

исследований, ибо по существу лишь только там четыре, может, или пять процентов космической материи осмыслены и освоены, и имеют свои названия, и понята их природа. А темная материя — около 85 % всего объема вот этой таинственной, темной материи космоса — загадочна и скрыта. И зонды, которые отправляются на изучение дальнего космоса, то есть темной материи, они как раз пытаются отыскать абсолютно новые явления природы, которые, может быть, объяснят телепортацию или странные явления всевозможных таинственных пожаров, перемещений во времени в разные направления.

Т. Фельгенгауэр:*— Не является ли это прекрасным поводом как раз таки не для войны, а для мира, когда межнациональные группы… Вот, как с марсоходом Curiosity, над которым работали ученые из самых разных стран, в том числе из России? Это ли не повод для консолидированной такой, совместной мирной работы?*

А. Проханов: — Вы что думаете, что вдруг в Москве поедет марсоход, и на нем дагестанская свадьба проследует от Белорусского вокзала к Манежу, и оттуда послышится стрельба из травматики, и это будет символом синтеза межнационального? Марсоход родился в военных НИИ, в военных подразделениях. И марсоход — это ведь не что иное, как лунный танк. Ведь танк был создан для того, чтобы преодолевать эти препятствия, горы, бугорки, рытвины, а марсоход, посмотрите, — он создан для того, чтобы вести лунные войны, лунные сражения.

Т. Фельгенгауэр: *— Ну, мне кажется, вы просто не видели, как выглядит Curiosity, иначе вы бы не стали проводить такие сравнения.*

Тут много очень сегодня заявлений сделал председатель Счетной палаты Сергей Степашин. И цифры, которые он называет, если честно, просто ужасающие. Каждый год из средств, выделяемых на госзакупки, похищают триллион рублей. Триллион рублей. Расхищается 1/14 консолидированного бюджета страны, ситуация критическая. Ну и мы слышали в последнюю неделю: и с Оборонсер-висом скандал, и с ГЛОНАССом. Тут и про Минздрав тоже немного говорят. В общем, куда ни посмотришь, везде все вот это. Что происходит? Как такое допустили? Или тоже все, как Сергей Иванов, два года смотрели и молчали?

А. Проханов: — Мне кажется, есть такие две реки, два потока, через которые русские деньги уходят из России и служат совершенно другим, хорошо, если никаким, а то и прямо антироссийским целям. А первый и самый главный поток был

сформирован при Ельцине и прекрасно существовал при Путине, и продолжает теперь существовать — это так называемый финансово-экономический блок в правительстве, который когда-то возглавлял Кудрин. Финансовая политика Кудрина и его последователей такова, что всякая заработанная в России копейка через определенные трансформации переходит в ценные бумаги и в экономику других стран. А Россия не получает здесь ничего, ни копейки — все это уходит туда, на Запад, и там питает чужую цивилизацию, чужие авианосцы, чужие орбитальные группировки и чужих нобелевских лауреатов. Это один поток.

Второй поток не менее страшный — это поток, связанный с тем, что 85 % российской собственности принадлежит олигархам, сырьевым олигархам. И активы вот этих огромных корпораций уже переведены туда, на Запад. И этой собственностью управляют из зарубежа. И здесь эта собственность практически не оставляет даже налоговых остатков — налоги платятся там, в оффшорах или в других европейских или американских штатах и компаниях.

И вот эти наши огромные достояния — ресурсы, руды, нефть, лес, сталь — все, что когда-то было создано в сталинском Советском Союзе, создано страшными трудами и усилиями (Норильск-Никель), все, что было создано великими трудами, для того чтобы потом питать наше развитие, идти на университеты, на больницы, на науку — все это уходит туда. Россия — нищая и голая.

Плюс воровство. Я не знаю, куда идут эти воровские деньги. Наверное, в каком-то смысле они тоже идут за границу. Или они превращаются в эти дворцы, в эти услады. В общем, Россия сворована, сворована страна в целом. Можно даже посмотреть, какие отрасли. Скажем, сейчас сворована армия. Мы видим, что армия сворована целиком. Оружие армейское сворovано, сворovано армейское обеспечение, сворованы бригады, сворована армейская наука.

Т. Фельгенгауэр: *— Александр Андреевич, я поняла про финансовый блок, про олигархов, про воровство такое, скорее бытовое, наверное, вы говорите уже?*

А. Проханов: **—** Нельзя назвать это бытовым воровством. Это стратегическое воровство.

Т. Фельгенгауэр: *— Стратегическое воровство, которое здесь просто внутри России вертится?*

А. Проханов: **—** Да, да, да.

Т. Фельгенгауэр: *— Но ведь есть силовой блок. Они-то куда*

смотрят? Есть президент — куда он смотрит? Есть премьер-министр. Это что, при молчаливом согласии всех этих людей происходит?

А. Проханов: — Вот я тоже думаю, куда же они смотрели? Куда они смотрели, когда назначали Сердюкова? Куда смотрел Путин, когда назначали Сердюкова? И куда он сейчас смотрит? Это тоже большой вопрос.

Когда сбросили Сердюкова, ведь нет уголовного дела против Сердюкова, оно не заведено. И было бы катастрофическим и для Путина, и для власти, если бы Сердюков ушел от ответственности. Вот этот взрыв чудовищный, который произошел в связи со скандалом в Минобороны, с одной стороны, он еще больше увеличил пропасть между властью и народом. Но власть эту пропасть может уменьшить, правильно истолковав вот эти деяния, эти разоблачения. Но если в результате этих разоблачений пострадают эти девахи третьестепенные, и из-под преследования ускользнет Сердюков, то отвращение общества к власти, к Кремлю и к президенту достигнет предельных размеров.

Т. Фельгенгауэр: *— А ответственность должен нести только Сердюков? Или все-таки и тот человек, который его назначал в свое время и довольно долго следил за его работой на посту министра обороны?*

А. Проханов: — Я думаю, что ответственность за катастрофу в Минобороны несет и президент, который назначал его. Вспомните, кто был президентом тогда, когда Сердюков был назначен на пост Минобороны?

Т. Фельгенгауэр: *— Дмитрий Анатольевич Медведев, по-моему, его назначал.*

А. Проханов: — Да. Вот он и должен нести эту ответственность. Не должна быть это уголовная ответственность или административная.

Т. Фельгенгауэр: *— То есть нужно прийти к президенту нынешнему и сказать: «Владимир Владимирович…»*

А. Проханов: — Это делается иначе, это делается не через извинения, не через поклоны. Это делается через ощущение внутренней вины или огромной ошибки, которая допущена. И исправление этой ошибки в рамках, в которых существует данный человек, политических, моральных и каких-то других рамках.

Видите ли, когда Бородин, глава воровского Банка Москвы вдруг оказался в Лондоне… Причем, Бородин, который жил под патронажем у Лужкова. И он вдруг оказался за границей! Значит,

ему дали окно. И Лужков не понес никакой ответственности. Это же смешно. Или, например, Кузнецов, вице-губернатор Московской губернии, который работал под патронажем Громова и который украл всю область, превратил область в банкрот, богатейшую Московскую область. И как? И после этого Громов становится сенатором от Московской области. И если сейчас Сердюков уйдет опять от ответственности, это будет колоссальная катастрофа. Колоссальная моральная катастрофа Кремля и лично Владимира Путина.

Т. Фельгенгауэр: *— И лично Владимира Путина?*

А. Проханов: — И лично Владимира Путина, конечно, потому что народ напрямую связывает все это с бездействием, с разгильдяйством, с доверчивостью, с протекционизмом. Поэтому сейчас переломный момент, политический и моральный момент.

Видите ли, вот я…

Т. Фельгенгауэр: *— Простите, что я вас перебиваю, но я все равно не очень понимаю, как это все на протяжении долгих лет существовало и всех устраивало? Ну, очевидно же, что всем было так удобно. А сейчас вдруг стало неудобно?*

А. Проханов: — Конечно. Всем было удобно.

Т. Фельгенгауэр: *— Или нет? Или я как-то неправильно понимаю?*

А. Проханов: — Нет, вы всё правильно понимаете. Когда после расстрела Дома Советов в 1993 году образовался так называемый олигархат, который захватил все 85 % собственности, общество согласилось с этим, либеральная общественность согласилась с этим. По-видимому, вы с этим согласились, потому что в основе этого лежала стратегия Гайдара, стратегия Чубайса. Все приняли это как данность. Вслед за тем, вслед за той катастрофой, когда страну своровали олигархи и растлили госчиновников, мы стали наблюдать движение капиталов через финансовый блок. Потому что финансовый блок Кудрина выплачивал Америке репарации за разгром Советского Союза. Это тоже всех устраивало. Мы понимали, что мы — разгромленная страна, мы выплачиваем дань.

Но теперь, когда растленное чиновничество сложилось в целую потрясающую реальность, в недрах которой существует Кремль и Путин, мы же понимаем, что Путин возник не на пустом месте. Он барахтается в той среде, в которую его затолкали его создатели. Его политика полна противоречий, он абсолютно не

свободен. Он родился как президент, будучи абсолютно несвободным человеком. И в его действиях огромное количество несвободы. И то, что ему удалось сделать за это время, является чудесным и непонятным, как ему это удалось сделать.

Т. Фельгенгауэр: *— То есть вопреки всему этому, Путину удалось сделать многое для страны?*

А. Проханов: — Вопреки всему этому, ему удалось предотвратить распад России, ему удалось хоть на какую-то долю ограничить себя от диктата олигархов, приструнив некоторых из них. Ему сейчас удается или не удается, я не знаю, направить огромные деньги в военное строительство. Причем разоблачения, о которых мы сейчас с вами говорили — сердюковщина, ГЛОНАСС и другие, — они связаны с тем, что эти большие деньги пошли в оборону. Потому что пошли огромные потоки, и на эти деньги слетаются грифы, как на падаль. И эти деньги защищаются. И впереди будет еще масса разоблачений, потому что нужно мафию, которая кидается на эти потоки, отгонять, отстреливать, обрубать. И этот процесс начался. И он, несмотря на весь ужас происшедшего (мне так хочется думать), свидетельствует о начавшемся развитии. Потому что развитие без ударов по мафии невозможно. Эти удары начались.

Т. Фельгенгауэр: *— Ждать ли разоблачений и в других таких же денежных, скажем, отраслях, если на деньги все слетаются?*

А. Проханов: — Я думаю, что пока что реальностью является движение больших денег в оборонно-промышленный комплекс на создание новых типов оружия. Я вот сейчас болтался по Уралу, был в ядерных центрах, был в Волгограде, смотрел, как на заводах делаются новые «Искандеры», строится новый реактор атомный. Действительно, пошли большие деньги. Заводы получили заказы не на один день, а на целые периоды впереди. И вокруг этих денег создаются новые коллективы, новые инженерные группы, новые научные разработки. И на эти деньги, повторяю, кинулись ушкуйники. Они хватают эти деньги, они вырывают эти деньги. И по таким ушкуйникам будут удары. Такие удары, повторяю, будут и в космосе. Уверен, что эти удары пройдут и по, не знаю, по системам ПВО, по самолетостроению. Потому что туда пошли деньги.

Т. Фельгенгауэр: *— Хорошо.*

А. Проханов: — Но пока что так называемый кудринский блок остается незыблемым. Россия продолжает выплачивать репарации.

Т. Фельгенгауэр: *— А премьер-министр всем не указ. И президент.*

А. Проханов: — А премьер-министр является частью вот той оккупационной системы, которая сложилась после 1991 года.

Т. Фельгенгауэр: *— Новый министр обороны Сергей Шойгу, как вы считаете, сможет исправить ситуацию в министерстве?*

А. Проханов: — Не думаю. Потому что Шойгу, конечно, очень крепкий человек и, действительно, он все эти годы сражался — сражался с пожарами, с оледенениями, с землетрясениями. И, действительно, он отвечал на очень грозные, страшные вызовы. То есть это не паркетный генерал, он сам летал над огнем, он видел, как гибнут его товарищи. Но оборона России в условиях надвигающейся войны — это не МЧС. Конечно, идеально (моя фантазия), идеально, если бы возник сейчас русский Макнамара, человек, который был бы концептуально оснащен, понимал конфликтологию сегодняшнего мира, понимал системный характер мирового кризиса, жил ощущениями угрозы, понимал футурологию оружия, сумел бы разбить мир, разбить зоны вокруг России на участки, где складываются конфликты особого рода. В Арктике — это особый конфликт, в космосе — это особый конфликт, наш Кавказ — это особый конфликт, Средняя Азия, куда рвутся вихри экспансии исламистской, — это особое место.

И все это связано с разными типами войн, а значит — с разными типами военных организаций, а значит — с разными типами оружия. И что самое главное — нависла угроза термоядерной войны. Кончились иллюзии относительно того, что ядерное оружие — это оружие сдерживания. Если Россия стратегически отстанет в модернизации своего ядерного оружия, то у Америки будет огромное искушение нанести удар. Поэтому в ядерных центрах, где я побывал, и в Сарове сейчас, и в Снежинске я восхищен работами ученых и пожилого поколения, и молодых, которые умудряются в этих условиях модернизировать ядерное оружие и сохранять паритет с США.

Т. Фельгенгауэр: *— Я бы хотела поправиться. Сказала, засомневалась, и сейчас вот слушатели также подтвердили, что ошиблась я: все-таки министра Сердюкова назначали на должность главы Минобороны при Путине. То есть Путин его назначил. Прошу прощения, что неверно я вам сказала. Впрочем, я так понимаю, Александр Андреевич, для вас это не принципиально, кто его назначал.*

А. Проханов: — Ну, судя по моему лицу, да.

Т. Фельгенгауэр: *— Да. Вы как-то индифферентны абсолютно. Вам что Путин, что Медведев, что Сердюков…*

А. Проханов: — Ну, как многим из нас.

Т. Фельгенгауэр: *— Не знаю. Мне кажется, были люди, которые видели различия между Путиным и Медведевым.*

А. Проханов: — И где они теперь? И где теперь эти люди?

Т. Фельгенгауэр: *— Ну, это хороший вопрос, где теперь эти люди, а также где теперь Путин и Медведев. Тут интересный очень опрос провел ВЦИОМ. Мне кажется, вы попросили провести этот опрос, потому что я помню, какое-то время назад, когда появилась только подобная инициатива, вы…*

А. Проханов — Не все мои просьбы выполняет ВЦИОМ, но эту — да.

Т. Фельгенгауэр: *— Да. Наконец-то. Очень горячо отозвались на эту инициативу учреждения или, скорее, возрождения награды звания Герой труда. Согласно опросу ВЦИОМ, 67 % россиян за такую награду. Так как уже некоторое время назад Владимир Путин говорил, что это неплохая идея, и Общественная Палата говорит, что, действительно, это здорово, похоже, действительно, могут опять появиться Герои труда. Вы в каком виде хотели бы, чтобы все это было устроено?*

А. Проханов — Мне бы хотелось, чтобы одновременно были учреждены два звания — Герой труда и Враг народа. Вот эти два звания должны появиться одновременно.

Т. Фельгенгауэр: *— Вы серьезно сейчас говорите, Александр Андреевич…*

А. Проханов: Серьезно, да, абсолютно.

Т. Фельгенгауэр: *— …или как всегда?*

А. Проханов: — Вот агент иностранных держав — появилось это уже, да? Но этого недостаточно.

Т. Фельгенгауэр: *— Иностранный агент.*

А. Проханов: — А, иностранный агент…

Т. Фельгенгауэр: *— Да, иностранный агент.*

А. Проханов: — Ну, это совершенно недостаточно. Вот враг народа… Почему? Потому что ведь Герой труда — это элемент

советской эпохи, советской идеологии. А наша власть выхватывает, панически выхватывает из советского прошлого случайные фрагменты — те, которые попадают, те, которые кажутся важными. Но они делают это очень неумело. Ну ладно, гимн и некоторые слова, и музыка гимна. Ну ладно, звезды не срезали с Кремля. Ладно, не вынесли Ленина из Мавзолея. Но вот, посмотрите, Герой труда в Советском Союзе — эта эмблема соответствовала главной концепции, когда даже в песне пелось: «Владыкой мира станет труд», когда труд, трудовая доблесть, творчество было главным символом советской эпохи. В нашей эпохе главная доблесть — это богатство, умение сделать это богатство наилучшим и наибыстрейшим способом, это блеск, это умение выглядеть блистательно, это способность достигнуть высших этажей общества, это гедонизм, это наслаждение. Труду, реальному труду здесь нет места. И человек реального труда, который создает материальные ценности, например, шахтер в шахте или человек, добывающий нефть, бурильщик…

Т. Фельгенгауэр: *— Человек, добывающий нефть, у нас в почете.*

А. Проханов: — Человек, добывающий нефть, бурильщик, или человек, который валит лес, или человек, который работает в Норильском Никеле. Он может работать в поте лица, он может, действительно, быть настоящим тружеником. Но итоги его труда не идут на создание нашей российской жизни и цивилизации, они уходят туда. Это герой не российского труда, это герой американского труда, герой германского труда, герой израильского труда. Потому что его труды и подвиги идут туда теперь. Например, на фоне вот этих чудовищных разоблачений в Минобороны, или вообще когда все итоги труда воруются.

Вот если бы, повторяю, термин «Враг народа» был утвержден, и наряду с награждением какого-нибудь хлебопашца Героем труда, какой-нибудь вор из Министерства обороны вельможный, может, даже министр был бы наречен эмблемой «Враг народа»…

Т. Фельгенгауэр: *— И расстрелян.*

А. Проханов: — И, может быть, расстрелян, а, может быть, сожжен, а, может быть, повешен. Я не знаю. Но чтобы на нем было это клеймо. Процессы открытые должны быть — они не могут быть кулуарными. Это раз. С другой стороны…

Т. Фельгенгауэр: *— Так вы все-таки за возрождение вот этой советской системы?*

А. Проханов: С другой стороны, это я так, как бы очень

агрессивно отнесся к этому. Хотя в этом есть доля правды. С другой стороны, я все время ношусь с процессами, которые я наблюдаю на оборонных заводах, куда, действительно, пошли большие деньги и где начался реальный процесс. Большинство оборонных заводов — это государственные заводы, это наши заводы с вами. Это не воровские заводы. И вот люди, которым предстоит возродить рухнувший ВПК, создать новые системы оружия, потрясающие самолеты, потрясающие ракеты, истребители, новые станки, новые технологии, создать новые коллективы ученых, новые коллективы рабочих, — эти люди действительно должны быть героями. Для того чтобы пробить это все в нашей чудовищной реальности, нужен героизм. Не только ум, не только трудолюбие, не только смекалка, не только гениальность, но огромные трудовые напряжения силы. Вот им бы, в недрах этого процесса, я давал бы звания Героев труда.

Т. Фельгенгауэр: *— Скажите, вот то, о чем вы говорите…*

А. Проханов: — Только не в офисах, только не в банках.

Т. Фельгенгауэр: *— Нет? Там не труд?*

А. Проханов: — Нет, там не труд. Это труд, но на другую цивилизацию. Я представляю, на Болотную площадь все бы вышли вместе со своими белыми ленточками со звездами героев.

Т. Фельгенгауэр: *— А что, работой считается, только если ты руками работаешь?*

А. Проханов: — Нет. Работой считается, когда ты работаешь на страну. А когда ты работаешь на чужую страну, это не награждается.

Т. Фельгенгауэр: *— А, то есть Сбербанк сгодится?*

А. Проханов: — Ну, Сбербанк пока что у нас… Он же наполовину уже не наш, он же наполовину уже частный. И где эти частники? Где они держат свои активы? Неизвестно. Мне неизвестно.

Т. Фельгенгауэр: *— Очень интересный подход. То, о чем вы сказали, что из советского опыта выдергиваются какие-то идеи. Это с чем связано? Нету нового чего-то? Нету свежих идей? Или пытаются уже какие-то проверенные способы вернуть?*

А. Проханов: — Нет, это связано с растерянностью. Потому что советский опыт — это опыт больших проектов, по существу. Весь Советский Союз сам по себе — проект. Это анфилада проектов. Одна эпоха сменяла другую, и один большой проект

сменял другой большой проект.

Наша эпоха не проектная. Это эпоха свободного рынка, хаоса, броуновского движения капиталов, идей, людей. Поэтому, на самом деле, советский опыт во всей своей грозной величественной полноте сюда не приспособлен. А вот эти внешние паллиативы смехотворны. Вот в данном случае сама идеология эмблемы «Герой труда». Если бы, действительно, под новым развитием, о котором я грежу, и близкие мне люди мечтают о нем, действительно, сложился серьезный проект, проект рывка, стратегический проект этого рывка, то в недрах этого проекта можно было бы довольно много советского опыта реализовать. Например, философия общего дела, которым жил Советский Союз. И эта философия общего дела, например, уравнивала бы все нации, смягчала бы межнациональные конфликты и напряжение. В этой стратегии рывка существовала бы, конечно, идея социальной справедливости, потому что нельзя добиться возрождения, когда малая кучка миллиардеров жирует среди нищего населения. В этой атмосфере несправедливости какие могут быть герои труда?

Т. Фельгенгауэр: *— Так странно. У нас вроде постоянно говорят, что людям становится жить все лучше и лучше, и что стабильность и прочее, и так здорово. А вас я слушаю, и у нас есть только кучка миллиардеров.*

А. Проханов: — Ну, мы с вами читаем разные источники. Мой опыт — это не опыт чтения отчетов…

Т. Фельгенгауэр: *— Я просто смотрю прямые линии — президента, премьера. Рывок, о котором вы говорите, ему нужен лидер?*

А. Проханов: — Да, конечно.

Т. Фельгенгауэр: *— Или оно само собой произойдет?*

А. Проханов: — Нет, этому рывку нужен лидер, этому рывку нужна гвардия, которая окружала бы лидера. Этому рывку нужен идеолог. Идеально, если бы и лидер, и идеолог совпадали. Но если так не происходит или не произошло, то необходимо появление Дэн Сяопина рядом с верховным политическим руководителем страны, необходим идеолог, который стоит рядом с лидером, который советует лидеру — такой сверхсоветник. Этим идеологом мог бы быть коллективный идеолог, коллективный совет.

Т. Фельгенгауэр: *— Стоит ли нам ждать появления каких-то*

новых лидеров для рывка? Или мы можем и старыми пока попользоваться?

А. Проханов: — Я думаю, что назначение Шойгу говорит нам, что новых лидеров пока не предвидится. Но сам по себе рывок, когда он начнется по-настоящему, он неизбежно породит этих лидеров, он неизбежно породит целый ассортимент лидеров, начиная от политических лидеров, кончая художниками, которые сумеют этот рывок воплотить в музыке, в живописи, в пластике, в монументальной пропаганде, в текстах литературных. То есть сама динамика социальная породит огромное количество новых явлений.

Т. Фельгенгауэр: — А этот рывок по отношению к миру, к другим странам будет иметь какое-то направление? Мы вместе с рывком повернемся, там, к Китаю или, не знаю там, к Таможенному союзу, укреплению и прочее, или к Европе?

А. Проханов: — Рывок сам по себе, так, как он пока что сформулирован Путиным — это оборонный рывок, это рывок, связанный с созданием оружия, которое устарело на фоне надвигающихся военных угроз и на фоне стран, модернизировавших свое вооружение и сложившихся в огромные военно-политические машины. Поэтому, конечно, этот рывок — он как бы ориентирован против.

Но сам по себе этот рывок нуждается в технологиях. И такие технологии, конечно, мы должны приобретать за рубежом, как это делал Сталин, закупая целые заводы на Западе. Поэтому стратеги рывка должны смотреть, где они возьмут эти технологии, какой ценой они добьются получения технологий на том же Западе. И отсюда и очень сложные политические маневры, которые осуществляет наше руководство: с одной стороны, конфронтация, с другой стороны — компромиссы, уступки. Это целая сложнейшая византийская игра…

14.11.12.

Оружие предполагает обмен ударами

Н. Болтянская: *— Здравствуйте, Александр Андреевич. Я предлагаю начать подводить итоги уходящего года, вкусно похрустывая новостями на зубах как мелкими косточками.*

А. Проханов: — Ну, валяйте, подводите.

Н. Болтянская: *— Нет, Александр Андреевич, здесь вопросы задаю я.*

А. Проханов: — Ну и что вы от меня хотите?

Н. Болтянская: *— Всё!*

А. Проханов: — Ну, получайте тогда. Минувший год… Чем же он знаменателен? А! Минувший год был уникален в политической истории России. Он характеризовался тем, что была нежданно-негаданно начата оранжевая революция. Это было восхитительно.

Н. Болтянская: *— Секундочку. Вопрос. «Оранжевая революция» — в ваших устах этот термин означает что? Подлая акция мировой закулисы? Стихийное выступление сил, не являющихся официальными силами? Что-то третье?*

А. Проханов: — Это выглядело так. Почти на пустом месте, там, где на протяжении многих лет сражался мужественный и восхитительный Лимонов, там, где он на протяжении этих, не знаю, восьми или десяти лет уже сроднился с ОМОНом и они друг без друга не могли жить…

Н. Болтянская: *— Какая-то садомазохистская пара. Нет?*

А. Проханов: Ну, в общем, это палач и жертва, художник и модель, Лимонов и командир ОМОНа. Это вот так, видимо, такие диполи. И вдруг на этом месте разразился какой-то грандиозный эмоционально-психологический взрыв. Возникла чудовищная огромная непривычная для Москвы толпа. Причем толпа, состоящая из представителей среднего класса. Тем самым она била, напрочь била еще один либерально-демократический, миф, состоящий в том, что чем больше среднего класса в стране, тем стабильнее в стране ситуация, тем дальше страна от революции.

Первый миф связан с тем, что госуправление собственностью является неэффективным и на смену этому ужасному госуправлению идет частное управление, частная собственность и, таким образом, рыночное управление экономикой эффективно. Это первое.

Н. Болтянская: *— Господин литератор, время вводить героя.*

А. Проханов: — Герой оранжевой революции, которая вспыхнула как, действительно, как пламя оранжевое, опалило кремлевскую стену, начали грохотать стенобитные машины, которые долбили кремлевский кирпич… И вдруг все это кончилось пшиком.

Н. Болтянская: *— 4 марта.*

А. Проханов: — Все это кончилось пшиком.

Н. Болтянская: *— Почему?*

А. Проханов: — Я думаю, это было связано с тем, что власть вовремя опомнилась. Власть запустила свои властные технологии: она разгромила оппозиционных лидеров, она их диффамировала, она их перессорила. Против одних были сфабрикованы дела, других запугали. Третьи, оставшиеся вне репрессий, были настолько неприятны и настолько непрезентабельны — я имею в виду таких людей как Немцов, или Кудрин, или господин Прохоров — что…

Н. Болтянская: *— А чем они вам не нравятся? Вполне презентабельные мужики.*

А. Проханов: — Ну, это для вас, да. Для меня это люди, которые в свое время сокрушили мою страну, а потом стреляли…

Н. Болтянская: *— Да что ж за страна-то такая, которую вот эти трое могли сокрушить?*

А. Проханов: — Так что же это страна за такая, Царская Империя, которую могли сокрушить четверо масонов? Что это за страна такая…

Н. Болтянская: *— Масоны — это как?*

А. Проханов: — Масоны — это очень хорошо. Масоны — это масоны. Это временное правительство, состоящее сплошь из масонов.

Н. Болтянская: *— А они плохие?*

А. Проханов: — Масоны?

Н. Болтянская: *— Да.*

А. Проханов: — Ну, судя по тому, что они сделали с моей той Белой Империей, конечно, плохие.

Н. Болтянская: *— А, понятно.*

А. Проханов: — Так вот повторяю, очень интересно, что этот год ознаменовался оранжевой революцией. Затем он ознаменовался разгромом оранжевой революции, затем он ознаменовался интенсивным повсеместным русским подъемом, подъемом русского движения национального. Резко усилился русский фактор. Власть…

Н. Болтянская: *— Бей китов, спасай Россию.*

А. Проханов: — Да нет, зачем? Это делается на сайте «Эха Москвы» на форуме Проханова. Я говорю о крупномасштабном таком полете. И власть вдруг начала делать ставку на патриотов. 20 лет патриотическое сознание подвергалось диффамации.

Н. Болтянская: *— Какую такую ставку на патриотов? Власть всю жизнь демонстрировала (последние несколько лет) этот джокер, что если не мы, то они. Очень им удобны были ультрапатриотические силы. Джокер.*

А. Проханов: — Да. И держала их всегда в каких-то катакомбах. На время их показывали, потом опять туда опускали. Идет ли речь о «Памяти», идет ли речь о Бар-кашовском движении, идет ли речь о газете «День», которую расстреляли из танков, идет ли речь о стремлении новой волны русских интеллектуалов соотнестись друг с другом и образовать какое-то интеллектуальное движение или какой-то клуб — все это проваливалось или все это давилось.

И вдруг на фоне всего этого возник Изборский клуб. Это неожиданное и, в общем, громадное движение, когда власть сначала смотрела сквозь пальцы на объединение двух десятков русских интеллектуалов, затем она, присмотревшись к тому, что из этого она может иметь, она стала поощрять это движение…

Н. Болтянская: *— А вы себя считаете русским интеллектуалом, Александр Андреевич?*

А. Проханов: — Конечно, да.

Н. Болтянская: *— А меня?*

А. Проханов: — А тебя — нет. Ты вообще не интеллектуалка.

Н. Болтянская: *— Как это так? Как вам не стыдно?*

А. Проханов: — Ты — шансонье.

Н. Болтянская: *— А, то есть это слово ругательное? Эта роль ругательная, и попрошу ко мне ее не применять.*

А. Проханов: — Да почему она ругательная? Это нечто эфемерное и легкомысленное, прозрачное.

Н. Болтянская: *— Ничего прозрачного на мне нет.*

А. Проханов: — Сквозь тебя можно смотреть на солнце как сквозь стрекозу, понимаешь? Так что…

Н. Болтянская: *— У вас мания величия, моего причем.*

А. Проханов: — А тебе хочется быть интеллектуалкой?

Н. Болтянская: *— Не знаю. Я вас спрашиваю. Здесь вопросы задаю я.*

А. Проханов: — Слава богу, что ваше развитие идет все равно в асимметричную сторону. Ваше место — это подмостки, это обожание, это розы, это флирт. А что касается серьезной, глубокой идеологической работы…

Н. Болтянская: *— Серьезных дел — то это нам, да? Вам, да?*

А. Проханов: — Да. Да-да-да.

Н. Болтянская: *— Александр Проханов у нас в гостях, подводит итоги уходящего года. Правда, герой пока так и не выведен, несмотря ни на что. Но, видимо, он просто сидит в этой студии.*

А. Проханов: — Герой перед вами.

Н. Болтянская: *— Да, я, собственно, именно об этом и говорю. Александр Андреевич, шутки шутками, но вот вам, пожалуйста. Мосгордума запретила проводить автопробеги в пределах Садового кольца. Закон, позволяющий проводить публичные акции в аналогах Гайд-парка в Москве без уведомления властей, принят Мосгордумой на последнем пленарном заседании 2012 года. Вам нравится эта идея или не очень?*

А. Проханов: — По Садовому кольцу вообще нельзя проводить никакие ни пробеги, ни проходы. Оно забито, оно замуровано. Поэтому какой-то идиот, который захочет совершить там автопробег, он должен потратить на это будет ближайшие 100 лет. Поэтому это не актуальный закон.

Н. Болтянская: *— Вы знаете что, Александр Андреевич? Когда это надобно «Единой России», почему-то всегда находятся ресурсы.*

А. Проханов: — Да нет там ничего. Никаких «Единой России» там нет…

Н. Болтянская: *— Не ходят?*

А. Проханов: — Да, не ходят. Кольцо стоит. Вообще Москва — город, непригодный для политических манифестаций… Он пригоден только для таких коллективных смертей в тяжелые морозные дни. Оставим трепать Собянина — это один из самых несчастных людей нашего времени.

Н. Болтянская: *— Эка вы меня отвлекаете на ложное направление.*

А. Проханов: — А что вы хотели-то?

Н. Болтянская: *— Я хотела истины, Александр Андреевич.*

А. Проханов: — Не дождетесь.

Н. Болтянская: *— Ну, я постараюсь. Я очень постараюсь. Я сейчас обращусь к нашим дорогим слушателям, которые задают вам бесконечные вопросы. «Вы за усыновление российских сирот американцами или нет? Попрошу раскрыть, почему?» — спрашивает Андрейка.*

А. Проханов: — Как они мне осточертели, эти все законы.

Н. Болтянская: *— Или Андрейки?*

А. Проханов: — И они тоже. Я уже несколько раз выказывался по этому поводу. Закон Магнитского…

Н. Болтянская: *— Антимагнитского.*

А. Проханов: — Нет, закон Магнитского. Американский закон Магнитского — это блестящий закон. Он глубоко продуман, и он как гарпун бьет в самое больное место российского властного истеблишмента. И это, по существу, блестяще сработанное оружие, организационное оружие, с помощью которого Америка поражает Россию в очередной раз в очередном месте.

Н. Болтянская: *— А для чего?*

А. Проханов: — Ну, им нужно это просто.

Н. Болтянская: *— Ну почему? Зачем? Почему нужно-то?*

А. Проханов: — Оружие предполагает обмен ударами. В ответ на этот очень мощный и тонкий организационный удар должен был бы последовать контрудар.

Н. Болтянская: *— Тонкий и мощный.*

А. Проханов: — Эффективный, по крайней мере. И наши депутаты, наши стратеги придумали этот ответ.

Н. Болтянская: *— А почему по детям-то?*

А. Проханов: — Они придумали этот ответ. Но они скверно его придумали, потому что они в этот ответный закон внесли компоненту детей-сирот. И эта компонента детей-сирот подставила депутатов под мощнейший либеральный удар. Вот уже две недели идет дикая истерика по этому поводу, раскручивается мощнейшая пропагандистская кампания против Думы, против депутатов, против властных российских элит.

Н. Болтянская: *— Александр Андреевич, извините, а вы были когда-нибудь в детском доме?*

А. Проханов: — Стоп, стоп. И вместо того, чтобы отразить удар, который донесся сюда из Вашингтона, этот удар усилен благодаря непродуманным ответным мерам. По существу, депутаты, собирались швырнуть бомбу…

Н. Болтянская: *— Перчатку.*

А. Проханов: — Бомбу. А эта бомба взорвалась у них в руках. И вот она рвет их у нас на глазах. То же самое было, кстати, и с Pussy Riot. Вместо того чтобы плавно, изящно, легко и глубинно ответить на это, два или три месяца шла чудовищная истерика по поводу Pussy Riot. И в этой истерике, конечно, проиграли и РПЦ, и власть как таковая. История повторяется. Меня это страшно раздражает. Я считаю, что Россия не имеет организационного оружия, она не может ответить адекватно на наносимые ей постоянные удары. Это огромная трагедия. Кстати, Изборский клуб, о котором говорят, он будет создавать организационное оружие ответа. Дети здесь не причем, на детей наплевать всем — и депутатам на детей наплевать, на детей наплевать и родителям этих несчастных детей-даунов, которые со стороны либералов льют крокодиловы слезы. Это все…

Н. Болтянская: *— Подождите. Кто родители детей-даунов? Либералы?*

А. Проханов: — Нет, те, кто устроил этот дикий хай трехнедельный и бьется за детей-даунов, за русских детей-даунов. Этим людям наплевать на детей-даунов. Поэтому есть предвзятость, есть пропаганда, есть иногда блестящая пропаганда, которую иногда я слышу на «Эхо Москвы», а есть топорная, тупая, свинская пропаганда. Дети здесь — это разменная карта как с той, так и с другой стороны.

Н. Болтянская: *— Александр Андреевич, вы за или против?*

А. Проханов: — Я против того, чтобы вносить эту поправку в закон. Здесь должна была быть другая поправка, здесь должны быть другие компоненты. Я оставляю в стороне проблему за усыновление или против усыновления. Я против того, чтобы в закон была внесена вот эта идиотская и вредная для контрпропагандистской игры поправка. Это огромная политическая и информационная ошибка.

Н. Болтянская: *— Итак, внимание, Александр Проханов против. Запомните это, пожалуйста.*

А. Проханов: — Я против внесения в этот закон этой поправки. Я оставляю в стороне этику, людоедство, о которых здесь говорят. Я считаю, что эта поправка не должна была быть внесена в закон, и тогда бы, быть может, удалось бы на американский закон Магнитского ответить чем-то более существенным и разящим.

Н. Болтянская: *— Александр Андреевич, а вот скажите, пожалуйста, все-таки, с вашей точки зрения? Мы же совсем не бедная страна, да? Существует огромное количество государств в мире, обладающих куда меньшим ресурсом, запасом, нежели мы, у которых детских домов нет как класса, потому что да, бывают всякие ситуации, когда дети остаются без родителей в результате тех или иных трагедий. Вот сейчас обсуждаются идеи. Кто-то предлагает, мол, вы, господа депутаты возьмите и усыновите сами пяток-другой, десяток детей. Кто-то предлагает решать эти вопросы с помощью финансов. Кто-то предлагает там, как губернатор Груздев, построить дома. Короче говоря, ищут какие-то варианты. А с вашей точки зрения, возможна ли ситуация, чтобы не было детей-сирот в итоге?*

А. Проханов: — Конечно, возможно. Но это вопрос о традициях, это вопрос, связанный с представлениями государства о том, как нужно воспитывать детей и где их нужно воспитывать. Я, например, считаю, что Рамзан Кадыров, который своих сирот (а ведь после этой войны осталось огромное количество сирот, обездоленных людей) собирает в школы, учит там исламу, учит исламской теории. Их учат обращаться с оружием. Из них готовят воинов, воинов ислама. Я считаю, что русские люди должны своих обездоленных детей вынимать из этих нищих детских домов и помещать в кадетские корпуса. В кадетские корпуса, построенные в прекрасных местах среди дивной русской природы на огромных русских пространствах. В этих кадетских корпусах

должны преподавать лучшие учителя, на которых мы способны. В этих кадетских корпусах молодым людям должны преподноситься гуманитарные, гуманистические уроки, из них должны готовить сынов отечества — там должны быть священник, воин, педагог. Это должны быть лицеи, в которых потенциально в дальнейшем появятся русские нобелевские лауреаты, Жуковы, Гагарины. Это должна быть новая каста, это должна быть новая раса.

Н. Болтянская: *— Косточки, Александр Андреевич. Ой, косточки.*

А. Проханов: — Это должна быть новая раса, которая придет на смену этого погибшего, изнасилованного, обескровленного, посаженного на иглу, одураченного поколения.

Н. Болтянская: *— Не могу. Утираю скупую слезу. Александр Андреевич…*

А. Проханов: — Что, моя дорогая?

Н. Болтянская: *— Вот вам. «Кругом враги, янки уже в Ульяновске». Вы были там недавно?*

А. Проханов: — Ну, конечно.

Н. Болтянская: *— Ну, что? Всех янок прогнали?*

А. Проханов — Янок-то я там всех не прогнал, в общем-то, я янок там не видел. Но, видимо, они очень скоро там появятся. Мне говорили, что там появились самолеты.

Н. Болтянская: *— Так? И с них падают янки.*

А. Проханов: — Они садятся там на этот аэродром. Аэродром засекречен, аэродром закрыт, туда никого не пускают.

Н. Болтянская: *— База.*

А. Проханов: — Там возводятся очень срочно склады. Там не видели марширующих солдат НАТО. Там еще пока что нет перевалки. Будет она или нет, я не знаю. То есть там грузы, которые прилетают или будут прилетать из Афганистана, их не перекладывают и не перегружают на платформы, и не отправляют в Европу. Но там что-то творится, там идет некая… В общем, какая-то конспирология есть.

Мне ничего не удалось узнать существенного. Мне сказали, что там эта территория закрыта, туда прилетают американские самолеты, а что они привозят или что они собираются привозить, одному богу известно.

Н. Болтянская: *— Александр Андреевич, тут в достаточно такой, жесткой риторике, но пакет вопросов, которые, на самом деле, нуждаются в ответе. «Уважаемый (я опускаю термин — мне кажется, что он не имеет права на существование у нас в эфире), вы утверждали, что альфа-стерх посадит Сердюкова. Сердюков на свободе. Вы утверждали, что нацлидер не подпишет сиротский закон. Его, похоже, подпишут. Не кажется ли вам, многоуважаемый, простите, Александр Андреевич, силовик Генерального штаба, что Путин просто разводит всю вашу компашку патриотов, что ваш Изборский клуб используется не только для демонстрации коллективной шизофрении, но и для выработки псевдопатриотической идеологии для нового филиала соответствующей партии в лице объединенного Народного фронта. Короче, не считаете ли вы, что вас тупо разводят?»*

А. Проханов: — Я не считаю. И этим ограничусь в ответе, потому что вопрос идиотический, вопрос неинтересный, он тупой. Он исходит из предположения, что задающий его все это знает, ему все известно, и он предлагает мне либо согласиться с его знанием, либо отвергнуть. Вот я его посылаю подальше.

Н. Болтянская: *— Так. Изборский клуб.*

А. Проханов: — Да.

Н. Болтянская: *— Ну, чего там?*

А. Проханов: — Что сие? Мы ездили… Сейчас ездили в Ульяновск. Поехала очень большая когорта патриотов. Там было, кстати, три священника, что бывает очень редко. Обычно священники сторонятся…

Н. Болтянская: *— Каких конфессий?*

А. Проханов — Это были два православных батюшки и один владыка, то есть тоже православный, архиепископ.

Н. Болтянская: *— А почему только одной конфессии?*

А. Проханов: — Объясню, если перестанете трещать своими вопросами. Потому что поездка посвящалась преодолению красно-белого разрыва, красно-белой распри, которая длится на протяжении всего XX века. Это было стремление понять, насколько возможно преодоление вот этой гражданской войны, преодоление вот этого антагонизма, возникшего сначала после крушения православной белой монархии, а потом после крушения советской, красной, сталинской империи. И мы выяснили, что антагонизма глубинного нет, что время государственникам, имперцам как белым, так и красным,

объединяться перед лицом очень грозных опасностей и вызовов. Один из этих вызовов — либеральная революция, которая не состоялась, к счастью, но которая сейчас лишь затаилась.

И поэтому священники, которые там были, православной конфессии. Нам не нужны были ни иудеи, ни мусульмане, потому что главная драма и главная полемика, которая сейчас идет, идет между советскими и вот этими обожателями государя-императора и Столыпина. И что было, конечно, очень интересно, вся процедура встреч, дискуссий, разговоров проходила вначале в дворянском собрании. Это блистательное помещение, где когда-то блистал свет Симбирского дворянства… А это город дворянский, глубоко дворянский. А потом она проходила под сенью ленинского мемориала, этого грандиозного, какого-то циклопического строения, которое, к сожалению, сегодня заполнено всякой ерундой. Видимо, после 1991 года вот эта мекка ленинская была существенно почищена и превращена, в общем, в заурядный какой-то склад.

И там возникла очень интересная идея превратить музей Ленина, на его базе построить музей СССР, исследовать причины этого восхитительного, таинственного проекта, который породил СССР, и узнать, каким образом этот проект сошел на нет, растаял. И что было в его сердцевине. И создать там институт по изучению СССР. Институт, который существует в Китае, институт, который существует в Америке. Потому что явление СССР грандиозно, и все 20 лет, которые прошли с момента крушения, не были связаны с исследованием этого явления. Обычно СССР топчут, охаивают, забрасывают его помоями, всякими гадостями. А это огромное цивилизационное, общечеловеческое явление, которое заслуживает того, чтобы над ним работали ученые, психологи, антропологи, экономисты, может быть, космисты. Вот мы говорили об этом.

Что еще интересно в Ульяновске? Что все это начинание возглавил сам губернатор. Губернатор — не коммунист, не красный губернатор, но он понимает, что…

Н. Болтянская: *— Член «Единой России». Точно?*

А. Проханов: — …что он член «Единой России», как все губернаторы, ну, кроме Белых, конечно, который член какой-то другой России. Но он понимает грандиозность вот этого ленинского явления в Симбирске. Ведь Симбирск — это место, где родился Карамзин, где родился Гончаров, где родился художник Пластов, где родился Ленин. И они там разработали…

Н. Болтянская: — Какой у вас списочек-то интересный.

А. Проханов: — Они там разработали очень интересный проект, который называется «Гений места». Немножко странно звучит, но меня восхитило: «Гений места». Они хотят понять, каким образом и какой космический луч падает на эти волжские берега, холмы, реки, на эти старые усадьбы, что в конце концов возникает на том месте потрясающая личность, потрясающий человек. И исследование этого явления очень плодотворно, оно связано с культурологией, оно связано с национальной проблематикой, оно связано, видимо…

Н. Болтянская: *— Александр Андреевич, мне так понравился комплимент, который вам прислали.*

А. Проханов: — А что они там говорили-то?

Н. Болтянская: *— «Имперец в империях». Класс. По-моему, замечательно?*

А. Проханов: — Имперец в империях? Хорошо.

Н. Болтянская: *— Чудно. Вот, вслед за нашим оператором Максимычем еще Лена пишет: «В Симбирске родился Керенский. Он в вашей компании этих гениев места или как?»*

А. Проханов: — Ну, видимо, да. Потому что этот луч, который упал с небес, он одновременно родил и Владимира Ильича Ульянова, и Керенского. И их судьбы, между прочим, все время перекликаются. Один свиток, один без другого не мыслим.

Но, кстати, Симбирск — таинственное место. Посмотрите, в этом месте родилась Февральская революция (Керенский родился) и в этом месте родилась Октябрьская революция.

Н. Болтянская: *— Что-то там какая-то аномалия, Александр Андреевич.*

А. Проханов: — Ну, вообще там, где родятся великие люди, там аномалия. Кстати, Екатеринбург — это же тоже город-аномалия.

Н. Болтянская: *— Александр Андреевич, 2013-й год. Что ждет протестное движение?*

А. Проханов: — Я думаю, что контингент, который выступал в 2012 году, вряд ли воскреснет. Но ему на смену должен прийти другой, более угрюмый контингент людей, которых будут сжирать эти страшные тарифы, страшная несправедливость, связанная с приватизацией вот этих университетов, которая сейчас происходит.

Н. Болтянская: *— А давайте, кстати, немножко об университете. Ведь, такая история. Просто, как вы сказали? Сорбонна?*

А. Проханов: — Да. Сорбонна — не Сорбонна, но вообще история чудовищная. Эта история продолжает, действительно, сердюковские все дела. Потому что мне чудится, мне мерещится, что под этой реорганизацией, под этим упразднением ненужных, неэффективных учебных заведений таится корысть. Эти огромные здания в Москве, в прекрасных местах…

Н. Болтянская: *— Отнять и поделить?*

А. Проханов: — Просто отнять и продать.

Н. Болтянская: *— Ну так МГУ-то продать круче было бы.*

А. Проханов: — А продадут и МГУ. Потому что Сердюков едва не продал…

Н. Болтянская: *— Что вы к Сердюкову-то прицепились?*

А. Проханов: — Каждое министерство должно что-то своровать. Министерство сельского хозяйства должно было своровать огромное количество угодий. Сердюков должен был инициировать реализацию всех военных городков бесхозных.

Н. Болтянская: *— А остальные министры что должны?*

А. Проханов: — Сейчас Академию наук хотят продать. Академия наук вдоль Ленинского проспекта — особняки, роскошные, элитные, иногда ампирные, иногда сталинско-ампирные особняки.

Н. Болтянская: *— Александр Андреевич, Мавзолей — тоже круто.*

А. Проханов: — Да вам бы… Вы и храм бы Соломона продали…

Н. Болтянская: *— А я-то?.. Я вас спрашиваю, а вы сразу на меня агрессивно антисемитски кидаетесь. Посмотрите на меня в профиль. Да придраться не к чему!*

А. Проханов: — Я же видел людей, которые хотели приватизировать Красную площадь. Это было.

Н. Болтянская: *— И? И где эти люди?*

А. Проханов — Но не удалось. Они среди нас, они сейчас приватизируют университеты.

Н. Болтянская: *— То есть опять Сердюков?*

А. Проханов: — На этот раз это другое министерство, другое ведомство.

Н. Болтянская: *— Чего-то вы гоните.*

А. Проханов: — Но бабуринский университет еще тем характерен… Не только тем, что он хорош сам по себе, его можно задорого продать, а тем, что его возглавляет настоящий патриот, красно-коричневый, Бабурин. Он показывал мне досье, резюме, которое дали на него министру, прежде чем вносить его в списки неблагонадежных и неэффективных. Там сказано все — что он краснокоричневый, что он белодомовец 1993 года, что он симпатизировал Милошевичу, что он друг сербов, что у него учится в его университете Иван Миронов, известный протестант и националист. Он не нужен в этом свитке, в этом венке ректоров. Но то, что там сейчас устраивают студенты… Я пожелал бы им терпения. Они забаррикадировали проходную, они прогнали…

Н. Болтянская: *— Вы их поддерживаете?*

А. Проханов: — Ну, конечно.

Н. Болтянская: *— А почему вы не там вообще?*

А. Проханов: — Ну, я с вами.

Н. Болтянская: *— Но потом сгоняете?*

А. Проханов: — Пойдем вместе. Вы меня подвезете — у вас прекрасный автомобиль, я знаю.

Н. Болтянская: *— Да нет у меня автомобиля.*

А. Проханов: — А куда же вы дели?

Н. Болтянская: *— Пешком я. После 20 декабря нет у меня автомобиля в этом городе.*

А. Проханов: — Ну все, понесете меня на плечах. Нас там хорошо встретят, кстати. Вы бы были как героиня де ла Круа на баррикадах, вы там прекрасно бы смотрелись.

Н. Болтянская: *— Нет, Александр Андреевич.*

А. Проханов: — Почему нет? Подумайте.

Н. Болтянская: *— Потому что шансонье — мое амплуа, и вы одно с другим не путайте.*

А. Проханов: — Нет, но это же… Это подиум. Вы там споете пару патриотических песен. У вас прекрасные песни.

Н. Болтянская: *— Так, понятно. Понятно. Спасибо, Александр Андреевич. Не отвлекайте меня на ложное направление.*

Про Сирию. Один из вопросов наших дорогих слушателей был следующий: «Не кажется ли вам, что сливает Сирию Россия?»

А. Проханов: **—** Нет, мне не кажется, что Россия Сирию сливает. Просто защищать ее становится все труднее и труднее. Туда же вводятся постоянные инсинуации, вот инсинуация с газами, с отравляющими веществами. Ну, все, даже Израиль подтвердил, что никаких газов там не было. Но это симптом, это намек. И я думаю, что в конце концов там начнут искать эти отравляющие вещества с помощью штурмовиков. Поэтому сражаться там будет все труднее и труднее.

Но, видите ли, если бы там не было российских зенитно-ракетных комплексов «Панцирь», которые противодействуют бесконтактной войне и концепции открытого неба, если бы там не было шиитских отрядов «Хезболлы», которые пришли или придут туда драться насмерть, если бы палестинцы, возглавляемые Халедом Машалем, которого Башар Асад приютил и долгие годы охранял от израильских террористов, — если бы не все эти факторы, я думаю, что Башара бы смяли.

Н. Болтянская: *— Вы так считаете?*

А. Проханов: **—** Да.

Н. Болтянская: *— Но, с вашей точки зрения, обвинения в том, что Россия сливает, как говорится, они беспочвенны?*

А. Проханов: Это тоже пропагандистская война. Россия не сливает, Россия верна договорам, идут поставки, есть советники, посольство работает в полном составе.

Н. Болтянская: *— Александр Андреевич, а вот простите меня, пожалуйста, вы — человек, достаточно жестко клеймящий все несовершенства, которые мы имеем сегодня. При всем при этом вы себя провозглашаете имперцем. Но вы же знаете, что у нас вертикаль-то построена, да? И, наверное, предполагаете, что все, что ни делается на сегодняшний день в стране, делается либо с попустительства, либо с прямого разрешения вертикали. Следует ли это понимать как вашу закамуфлированную критику в адрес главы вертикали?*

А. Проханов: **—** Мне, как и многим другим, близким мне по духу людям, приходится выбирать между несовершенной, противоречивой, иногда неспособной, иногда дурной, а очень часто отвратительной властью и хаосом. И я каждый раз выбираю

власть. Потому что я видел, чем кончился этот хаос в 1991 году. Я видел, чем кончилась эта либеральная атака на мою красную родину — она кончилась катастрофой.

Я по своему родовому, по фамильному преданию знаю, чем для моего рода и для многих родов кончилась Февральская революция, которая разрушила монархию. Я не забуду, как мой двоюродный дед Михаил Валентинович говорил: «Я дружил с Гучковым, и Гучков приходил ко мне в дом. И если бы знал я, что эта сука потребует отречения государя-императора, я бы достал из своего рабочего ящика пистолет и застрелил бы его». То есть мы все понимали кошмар отречения государя-императора. Вот этот хаос надвигающийся — он опять придвинулся к моему порогу, к моим ценностям.

Я — за империю.

Н. Болтянская *— Я вам честно скажу: вот вся эта имперская лабуда уйдет, а вы останетесь как большой писатель. Какие у вас творческие планы на предстоящий год? И вот попробуйте мне нахамить в ответ!*

А. Проханов: — Мои планы таковы. Я продолжу воспевать мою восхитительную, ненаглядную империю, что и делает меня большим, крупным русским имперским писателем.

Н. Болтянская: *— Вы просто писатель. Не бывает имперским писатель. Бывает либо писатель, либо…*

А. Проханов: — Да нет. Ну что вы говорите? Все писатели окрашены.

Н. Болтянская: *— Талантливые и не талантливые.*

А. Проханов: — Эзра Паунд был фашистским писателем, за это его и посадили в тюрьму после крушения Германии. Так вот я говорю: я пишу роман, где, может, с новым блеском и со своими ослепительными метафорами я воспою мою любимую империю.

Н. Болтянская: *— Александр Андреевич, вы меня пугаете.*

А. Проханов: — Воды?

Н. Болтянская: — Которую выпили?

А. Проханов: — Вот она.

Н. Болтянская: *— Все в порядке. А все-таки, на ваш взгляд, 2013-й год будет более интенсивным в плане столкновений, неких гражданских столкновений или все пойдет на спад? Кстати, президент подпишет закон-то, как вы считаете?*

А. Проханов: — Мне кажется, он не должен подписывать его. Я же не пророк, я, так сказать, не Пифия. Этот год будет тяжелым, и к весне, мне кажется, начнутся социальные волнения, потому что бремя этих налоговых увеличений, бремя тарифов чудовищное.

Н. Болтянская: — *Социальные волнения — это что? С колами?*

А. Проханов: — Может быть, и с колами.

Н. Болтянская: — *Кровь?*

А. Проханов — Я не говорю, что кровь. На улицы люди выйдут. Их, эти толпы, будут пытаться оседлать герои вчерашних дней. Но эта новая волна не примет ни Немцова, ни Собчак, ни Шендеровича. Там будут другие законы, там будут другие лидеры. Там будут лидеры подворотен и лидеры околотков.

Н. Болтянская: — *То есть все-таки глумные сожрут?*

А. Проханов: — Не знаю. Власть должна, мне кажется, помимо своих юридических и манипулятивных мер, направленных против оппозиции, начать развитие. Это единственный способ удержать страну от революции. Царь был сломлен и скомкан только потому, что он испугался или не сумел начать развитие. Сталин, при всей своей жестокости, при всей своей кровавой беспощадности, уцелел и как реальный правитель, и как великий лидер, потому что он начал развитие и закончил его, победил. Путин должен, наконец, начать развитие — этим он сокрушит своих врагов.

26.12.12.

2013 г

«Один русский хасид стоит ста американских…»

М. Королёва: *— Александр Андреевич, вы хотели сегодня о возвышенном поговорить, как вы мне сказали перед эфиром.*

А. Проханов: — Ну, о любом, только не о низменном.

М. Королёва: *— Ну, смотрите, Давос — это достаточно для вас возвышенно? Он же на возвышенности находится, в горах, в Швейцарии.*

А. Проханов: — «Давозный жук», — мы тогда говорили.

М. Королёва: *— Не знаю, не знаю. Это…*

А. Проханов: — Кудрин — давозный жук.

М. Королёва: *— Об этом мы не договаривались. Но, во всяком случае, Давос, действительно, на возвышенности. Давайте с Давоса.*

Смотрите, там сегодня Дмитрий Медведев, помимо всего прочего, сказал вот о чем. Что ни один из трех негативных сценариев развития, которые эксперты предуготовили России, не будет реализован. Медведев уверен, что будет реализован четвертый сценарий, и он будет успешным. Вы согласны с премьером Медведевым?

А. Проханов: — Ну, это его должность, он за это деньги получает.

М. Королёва: *— За что?*

А. Проханов: — Ну, чтобы среди ночи все время петь рассветы непрерывные. Я думаю, что у России не очень сладкие перспективы. Кстати, прошлый кризис для России был трагичным.

М. Королёва: *— То есть вы скорее согласны с экспертами, которые считают, что у нас три сценария развития, и все не очень-то положительные?*

А. Проханов: — Ну, из того, что я знаю из экономической сферы, у нас чудовищная экономика, чудовищный уклад, который не предполагает развития, не предполагает прорыва. Построена экономическая модель, которая направлена на уничтожение, на угнетение, на депрессию. И поэтому… Откуда взяться этим радужным посулам, которые Дмитрий Анатольевич нам

предлагает? Все должно идти к завершению, к концу. Это экономика смерти. Она была придумана после 1991 года.

М. Королёва: *— Но подождите. Вот я вам хочу процитировать. Давайте я вам процитирую Дмитрия Медведева.*

«Четвертый сценарий развития. Его успешность, — говорит Медведев, — зависит от всех. От российского бизнеса, от гражданского общества, от народа России и от наших друзей, которые собрались сегодня в этом зале (то есть в Давосе) и которые помогают нам создавать эффективное государство и строить современную экономику». Вот, пожалуйста, вот вам четвертый сценарий.

А. Проханов: — Он других не учел очень важных компонентов: от видов на урожай люпина, от интенсивности цветения кокаиновых злаков, от звездопадов, а также от состояния здоровья его пресс-секретаря Тимаковой. Там огромное количество факторов им не учтено. Не учти хоть один фактор, рушится вся концепция.

М. Королёва: *— Но, подождите, а у вас…*
А. Проханов: — Нет, ну, это не аргумент.

М. Королёва: *— Хорошо. У вас какой сценарий развития?*
А. Проханов: — У меня сценарий такой…

М. Королёва: *— Вы — сценарист?*

А. Проханов: — Я — главный сценарист. Значит, экономика не способна сопротивляться кризисам, экономика не способна сопротивляться развитию, экономика такова, что из страны вымываются все калории, все ресурсы развития. Когда был в прошлый раз кризис, на помощь вот этим винерам, которые проповедовали внегосударственный рынок, абсолютно гармонизирующую роль рыночных отношений, им на помощь пришло государство и спустило на них весь стратегический запас.

М. Королёва: *— 2008-й год вы имеете в виду?*

А. Проханов: — 2008-й год. Этим банкирам, которые тут же эти деньги сплавили на Запад. И теперь… Откуда теперь другой подход будет? Государство опять накопило довольно большую подушку, такую кризисную подушку. И когда наступит беда, когда грянет гром, а наш поп в Кремле перекрестится, эти деньги опять пойдут тем же жуликам-банкирам, которые уведут их на Запад. И мы останемся опять на бобах — опять не будет ни новых самолетов, ни новых космических кораблей. И, главное, не будет

обрабатывающей промышленности. Потому что обрабатывающая промышленность в прошлом кризисе пала чудовищно низко, как ни в одной стране мира.

Откуда взяться оптимистическим сценариям?

М. Королёва: *— Ну, подождите. Смотрите, все ведь спокойно. Зарплаты выплачиваются, не задерживаются, на рельсах никто не сидит, пенсии выплачиваются, бюджетники получают свои деньги. Что происходит-то? Подушка есть, вы говорите.*

А. Проханов: — Ну, показатели жизни страны не связаны с пенсионными отчислениями. Страна же живет не только корзиной потребительской. Страна живет сверхзадачами, которые вменены этой стране, этому народу, всем цивилизационным процессом. Ну что? Россия в последние 20 лет осталась безработной. Россия, которая всю жизнь, всю свою историю получала гигантские задачи от человечества, осталась безработной. Человечество поручило России и русским людям, например, освоить чудовищно неблагоприятные территории: льды, пустыни, полярную шапку, тайгу. И русские как никто справились с этой гигантской изнурительной работой.

Человечество поручило русским выиграть войну с фашистами. Русские, советские, русские люди в основном, 30 миллионов положили на этой войне, но выиграли ее и выполнили это задание человечества.

Русским поручили выйти в космос. Русским поручили отстаивать вот эту идею русского мессианства о необходимости райского бытия на земле. И русские несут это в себе. И теперь нам предлагают жить, как живет Голландия или Нидерланды: сытно есть, вовремя ложиться спать, иметь свой палисадник, взращивать там хризантемы.

М. Королёва: *— А это плохо, что ли, Александр Андреевич?*

А. Проханов: — Нет, это хорошо, но не для этого человечество создано.

М. Королёва: *— Но подождите. Если мы выходили в космос, но стояли при этом в очередях за куском хлеба, чего ж тут хорошего?*

А. Проханов: — Вы знаете, я ни разу в жизни не стоял в очередях за хлебом. Ну, ни разу. Я жил в райском месте.

М. Королёва: *— Ну, может быть, вы были просто номенклатура?*

А. Проханов: — Я жил в райском месте, я жил в Тихвинском

переулке, я жил в семье миллиардеров, меня взращивали бабушка и мама.

М. Королёва: *— Ну, может быть, они стояли в очереди, бабушка и мама?*

А. Проханов: — Они не стояли, они тоже не стояли в очереди. Даже в период карточек никто не стоял в очереди. Никто не стоял в очереди — это брехня, гигантская брехня. В очереди стояли после трех…

М. Королёва: *— Ну, Александр Андреевич, ну, какая брехня? Ну, посмотрите фотографии советских времен.*

А. Проханов: — Хорошо, мы стояли в очередях, мы чахли в ГУЛАГах, на вас следы пыток, я вижу, что вы допытаны почти до последней стадии, вывернуты суставы. Посмотрите, у вас на голове.

Россия была величайшей страной, которая выполняла поручения всего человечества. А сытое бытие омерзительно, потому что сытый человек только жрет, жрет, жрет — он потребляет. Человек должен творить, а не потреблять. Он не должен быть…

М. Королёва: *— Сценарий-то у нас какой, Александр Андреевич? Всё плохо?*

А. Проханов — Наш сценарий будет очень плачевным, если России опять не будет спущено задание совершать невероятные, невыполнимые задачи, которые ставит перед Россией человечество в целом.

М. Королёва: *— А кто спустить должен задачи?*

А. Проханов: — Во-первых, это спускает провидение через своих представителей на Земле, через пророков и, конечно, в первую очередь через лидеров.

М. Королёва: *— Ну, значит, не спускает оно нам, провидение.*

А. Проханов: — Спускает, но пророки и наши вожди задерживают эту трансляцию, они не транслируют это в народ.

М. Королёва: *— Александр Андреевич, вот трагическая и неоднозначная, до сих пор абсолютно неоднозначная история с Александром Долматовым, который погиб в Голландии, умер, покончил собой, с его предсмертной запиской, самоубийством и всем этим. Скажите, вот вы на данный момент сейчас, по тому, что вы знаете, вы верите в версию самоубийства или у вас какие-*

то другие предположения?

А. Проханов: — Нет, я верю в версию самоубийства. Но меня это страшно огорчает и угнетает, потому что человек не должен себя убивать. Он не должен себя убивать даже под пыткой, когда его каждый день жгут сигаретами. И не потому, что это какой-то, действительно, грех как таковой. Он должен сражаться до последнего. Но последнее наступает. Я думаю, что человек, который кончает собой, испытывает такую меру страдания, он испытывает такое страдание, которое нам с вами не понять. С обыденной точки зрения, тюрьма, голландская тюрьма или, там, Гаагский трибунал — это хорошие тюрьмы. Это не тюрьма, где томится бедный несчастный узник Полонский.

М. Королёва: *— Нет, ну подождите, его же должны были депортировать в Россию.*

А. Проханов: — Было что-то такое во всей ситуации, что было невыносимо для него. Или он до того настолько исстрадался, что весь ресурс, запас терпения, иммунитет израсходовал еще до этой коллизии. Мне знакомы такие случаи — некоторые из моих близких людей таким образом уходили из жизни. И это не понять, это не объяснить ни юрисдикцией, ни политической ситуацией. Это внутренняя драма. Мы никогда не прочитаем, что у него было напечатано в душе, сколько он потерял жизненных сил прежде, чем попасть туда или, может быть, даже попасть на Болотную площадь.

Я могу только сказать, что, поскольку он из «Другой России» (он лимоновец), это движение и эта партия несло и несет самые большие жертвы. Вот в сопротивлении сегодняшнем реальная партия, которая несет жертвы, несла — это лимоновцы, это НБП. Они изначально сидели в тюрьмах, их изначально били, Лимонов изначально мог попасть вообще под вышку, и он сидел в тюрьме.

М. Королёва: *— Но они изначально на это и шли.*

А. Проханов — Они изначально на это шли, потому что были, в общем, реальной оппозицией, реальным сопротивлением. Это были люди-жертвы, это были мученики и жертвы. Для них жертва и мучение входили в кодекс их чести. И поэтому то, что случилось с Долматовым, входит каким-то образом в общую модель поведения и судьбы этих замечательных людей.

Но с другой стороны, я же знаю, что после 1991 года фронтовики, которые выдержали немецкие атаки, которые, может быть, выдержали плен, искали крюк, чтобы повеситься. Они не могли пережить вот эту гигантскую мировоззренческую

катастрофу, когда их красные святыни, красные знамена затаптывали. И у него было нечто подобное. Но где кроется эта трагедия, трудно сказать, потому что партия его…

М. Королёва: *— То есть вы никаких дополнительных подробностей не знаете, не пытались в них разобраться?*

А. Проханов: — Они не важны.

М. Королёва: *— Ну как же не важны?*

А. Проханов: — Их будут искать, эти подробности, этими подробностями будут объяснять его кончину. Но, на самом деле, эта кончина глубоко экзистенциальная, она лежит в природе его отдельно взятой души и отдельно взятого неповторимого страдания.

М. Королёва: *— Но там есть еще… Вы видели его предсмертную записку, да?*

А. Проханов: — Да-да-да.

М. Королёва: *— Она показалась вам совершенно, как бы, соответствующей? Он мог написать такую записку, да? Или предположение о том, что человек такого образования, такого воспитания, вообще такой человек вряд ли мог сам написать такую записку?*

А. Проханов: — А причем здесь образование? Я говорю о кризисном состоянии души, и в этом состоянии можно что угодно написать. Кстати, в этом состоянии неграмотный человек может начать писать каллиграфическим почерком.

Просто, повторяю, в очередной раз это будет использовано политикой, это будет политизировано. Это используют и либералы, которые сделают его мучеником и возведут вину за все случившееся на государство, как всегда бывает. Отыграются голландцы, сказав, что они-то причем? «Мы получаем такой материал изуродованный, измученный из этой чудовищной России». Отыграется МИД наш, обвинив в том или другом голландцев. Но драма его останется невыясненной. И поэтому гадать на этой трагической кофейной гуще не стоит.

М. Королёва: *— То есть вы думаете, что правды мы не узнаем в результате?*

А. Проханов: — Нет. Души сокрыты.

М. Королёва: *— Похороны Деда Хасана. Я знаю, что в предыдущем эфире вы уже говорили об этой драме, об убийстве, о*

драме, которая произошла в центре Москвы. Но в конце недели были похороны. Вы знаете, наверное, что Грузия отказалась принять у себя тело Аслана Усояна, вора в законе, как его называли. И в результате его похоронили в Москве. Ну и обстоятельства похорон были, скажем так, не совсем обычные. То есть журналисты не могли войти на кладбище, при этом сообщалось, что полиции там нет. И вы знаете, у многих возникали вопросы: а почему всех, кто пришел на эти похороны (этихлюдей было много), почему их не задержали или хотя бы не проверили у них документы? Ведь было же понятно, из какого мира все эти люди.

А. Проханов: Тут несколько причин… Вообще, конечно, Дед Хасан — это фигура, которую, действительно, выстрадала вся русская история и вся русская литература.

М. Королёва: *— О как!*

А. Проханов: — И я думаю, что это, конечно, один из величайших наших современников. Может быть даже, он может сравниться с нашими крупнейшими политиками. Он пировал в здании, в ресторанчике «Каретный ряд», который размещается на территории дома Ростовых…

М. Королёва: *— Вы так со знанием дела говорите — вы, наверное, тоже там бывали?*

А. Проханов: — Он размещается на территории дома Ростовых, воспетом Львом Николаевичем Толстым. Старый русский особняк, такое, культовое место. Он размещается в левом флигеле. Если входить в этот дом перед памятником, он в левом флигеле находится. В этом левом флигеле в советские времена размещалась так называемая иностранная комиссия, откуда писатели уезжали за границу. Ну вот, скажем, мои коллеги Евтушенко, Вознесенский обычно ездили в Париж, в Лондон.

М. Королёва: *— А, вот почему вы знаете.*

А. Проханов: — А я обычно оттуда ездил в Афганистан, в Камбоджу. Это было тоже такое, закрытое культовое место. Это маленькое подразделение госбезопасности, секретные выезды, документы.

И потом одно из поколений писателей, уже после 1991 года, загнало за бешеные деньги вот это чудесное ампирное сооружение. Это были службы. Может быть, там была псарня, а может быть, там жили прачки. Загнало. И теперь там разместилось это гнездовье. По существу, представляете, я написал бы, переписал сцену обеда у Ростова, когда съезжаются

гости, когда все это гостеприимство, — я бы туда вписал сцену похорон Деда Хасана. Потому что это вещи связанные. Ну и время небольшое прошло, и вот вместо первого танца, первого бала Наташи Ростовой — Дедушка Хасан.

М. Королёва: *— Ну, там после балов-то еще была все-таки иностранная комиссия Союза писателей.*

А. Проханов: — Иностранная комиссия — это инструмент не подавления, а инструмент, с помощью которого родилось очень много интересных произведений. Евтушенко и Вознесенский увидели мир, Париж, они пели осанну Кубе.

М. Королёва: *— Ну да, не многие тогда могли увидеть мир, это правда.*

А. Проханов: — Ну вот у меня родился такой афоризм (это же было на улице Поварской), что Поварская опять превратилась в воровскую. И то, что Дед Хасан стал центральной фигурой всех этих дней, и вокруг него возник ажиотаж… Я думаю, что просто к Деду Хасану приходили проститься те, кто стремился проститься с Япончиком, с Тайванчиком, те, кто приходил на закрытые ужины к Измаилову, который кормил их из своей ложки с руки черной икрой, осетриной или сливками… Вся эта наша знать, элита, режиссеры виднейших театров, художники. Я думаю, что Дед Хасан, конечно, умер в окружении величайших деятелей искусства наших дней.

Мне даже кажется, что некоторые из них настолько ему были благодарны, что их похоронили вместе с Хасаном у стены Хованского кладбища.

М. Королёва: *— Ну, это уже фантазии какие-то.*

А. Проханов: — Это не фантазия. Потому что в центре нашей жизни стоит Дед Хасан. Дед Хасан — это центральная фигура нашей идеологии и нашей сегодняшней русской судьбы.

М. Королёва: *— А почему так получилось?*

А. Проханов: — Так получилось, потому что если раньше, до 1991 года, идеология, советская идеология, во многом совпадавшая с прежней российской идеологией, была направлена на постоянное возвышение, на постоянный взлет, на постоянное формулирование сверхцелей, это была космическая цивилизация и люди возвышались постоянно…

М. Королёва: *— Подождите, но воры в законе — они же оттуда?*

Они же оттуда, они же были до 1991 года.

А. Проханов: — Люди возвышались. Об этом пелись песни, об этом слагались романы, ставились памятники. А вот потом, с определенного момента возник другой вектор, все пошло специально, умышленно на унижение. Идеология нашего времени не в возвышении, не в полете к звездам, идеология нашего времени в деньгах, в преуспевании, в жратве, в прекрасной жизни твоей за счет других — не в будущем, а в том, чтобы здесь и сейчас. И в центре такой идеологии стоит вот эта категория людей.

Это дикая воронка, куда все сползает и скатывается, вся сегодняшняя культура, вся сегодняшняя философия, весь сегодняшний дизайн жизненный. А внизу сидит Дед Хасан и принимает это все на себя. Он — маг. Он же был езид, понимаете? Он — курд-езид, который был огнепоклонник. Наверное, он кричал «Огонь-огонь!», и тогда все начинали стрелять. Вот и в него попала пуля после этого…

М. Королёва: *— Но вы, все-таки, не ответили на вопрос. А почему?.. Вот представьте себе, такой удобный момент. Вот, пожалуйста, собираются люди похоронить такого человека. Ведь понятно, кто приходит.*

А. Проханов: — А зачем внуки Деда Хасана будут арестовывать братьев Деда Хасана? Все повязаны.

М. Королёва: *— А кому он выгоден? Кому он важен?*

А. Проханов: — Он не выгоден, он просто хозяин жизни. Кому он выгоден? Он — хозяин жизни. Это центральная фигура этого уклада.

М. Королёва: *— Ну, подождите. Хозяева жизни в других местах сидят, как я понимаю. Вот мы с вами проезжаем мимо Кремля, мы видим: вот сидят хозяева жизни. Министерства какие-то, я не знаю. Вот они, хозяева жизни.*

А. Проханов: — А мы не знаем, где сидел Дед Хасан. Он просто пришел в этот маленький ресторанчик. Может, до того он сидел в столовой Госдумы. Если к нему приходили на поклон сильные мира сего, если его не взял Уголовный розыск…

Был фильм такой прекрасный, Урсуляк поставил, «Ликвидация». Так поступил советский маршал, который освободил Одессу от жулья. Потому что задача была — освободить Одессу от жуликов, потому что в центре идеологии была победа, была достойная жизнь человека. И там же — «Вор должен сидеть в тюрьме». А сейчас никто не говорит, что вор

должен сидеть в тюрьме.

Единственный, повторяю, кого мне по-настоящему жалко, невинно осужденный — это, конечно, Полонский. Это трагическая фигура. Как он отличается от Деда Хасана.

М. Королёва: *— Вам, правда, его жалко?*

А. Проханов: — Мне смертельно жалко. Представляете, он сейчас строит Сити в карцере Камбоджи. Он сидит и строит там город Сити.

Потом он действительно почти самосожженец. Он сжег там свои трусики и сжег наволочку от тюремной койки. Он говорил тогда, я помню, в Москве. Он очень вальяжный, настоящий…

М. Королёва: *— Заметьте, я не прерываю, нет.*

А. Проханов — Он — настоящий винер. Я — лузер, а он — винер. Он говорит, что если у человека нет миллиарда…

М. Королёва: *— Винер — это у нас… Запрет может быть на иностранные слова.*

А. Проханов: — Победитель. Победитель. Ну, это терминология Авена. Они — винеры, то есть в выигрыше, победители, а мы — лузеры, проигравшие. Он — винер. Он сказал: «Ко мне, если нет миллиарда, не приближайся». И вот, понимаете, сейчас к нему там приближаются в этом карцере, в этом СИЗО те, у кого даже и цента нет.

М. Королёва: *— Подождите, но вам не должно быть жалко такого человека — вы должны торжествовать.*

А. Проханов: — Нет, мне страшно жалко.

М. Королёва: *— «Вот, наконец. Наконец, торжествует справедливость».*

А. Проханов: — Нет, нет, нет. Мне чуждо злорадство. Я думаю, что к нему эти люди приближаются с очень опасными намерениями. Я даже думаю, что, может быть, он начал сжигать на себе одежду, потому что почувствовал себя глубоко униженным и оскорбленным в результате этого.

М. Королёва: *— Александр Андреевич, его должны выпустить совсем скоро.*

А. Проханов: — Я буду праздновать этот день. Как только Полонский выйдет оттуда из тюрьмы и приплывет к нам на своей личной яхте, я первый приду его встречать: «Наконец ты с нами, Полонский».

М. Королёва: *— Заметьте, я снова не прерываю. Ну, Александр Андреевич, раз уж я от вас услышала слова «винеры» и «лузеры», то я просто не могу не задать вам вопрос, связанный с очередной инициативой Владимира Жириновского. Ну, правда, такая инициатива время от времени возникает, и не только от Жириновского. О запрете иностранных аналогов русских слов. Вообще это реально, как вы считаете?*

А. Проханов: — Реально. И он будет называться «Владимир Волкович».

М. Королёва: *— Ну, это понятно. Это уже многие пошутили.*

А. Проханов: — Да?

М. Королёва: *— Да, да, да.*

А. Проханов: — Я думаю, что это все дичь такая. Веселая, смешная дичь, которая многих забавляет, и нас с вами тоже, дает пищу для размышления. На самом деле проблема русских не в том ведь, что они употребляют слова «винер» и «лузер», а в том, что их выдавливают с Кавказа, например, и что русские уходят не только с Кавказа — они уходят из Вологодской губернии, из Псковской, из Смоленской, они сжимаются, как шагреневая кожа, они покидают Сибирь и Дальний Восток. И исправлениями это все не исправишь — это профанация, более того, это издевка.

М. Королёва: *— Ну, вот вы когда пишете, вы задумываетесь, какие слова вы используете, русские, иностранные? Для вас это важно?*

А. Проханов: — Нет, там другая задача. Вот, скажем, один мой друг, изысканный писатель Владимир Личутин, он творец поразительного современного русского языка, каким не владели даже ни Шергин, ни Лесков. Он такой языкотворец божественный. Вот он говорил, его язык, его стилистика такова, что она не предполагает употребление таких слов как, скажем, «совхоз», например. Если он употребит слово «совхоз», это слово разрушит и сожжет четыре абзаца до этого и четыре после.

М. Королёва: *— Но вам-то должно нравиться слово «совхоз».*

А. Проханов: — Мне нравятся слова «совхоз», «сталинизм», «ГУЛАГ», «СМЕРШ», «Смерть шпионов», «демократов на виселицу». Это мой сленг. Я не боюсь этих слов и использую их в полной мере и в своих романах, и в публицистике.

М. Королёва: *— А мат? Вы же слышали, наверное, есть*

законопроект такой, который касается штрафов за мат. Хотя вроде бы, опять-таки, в существующих законах уже все это есть. Но вот депутаты Госдумы снова возбудились по поводу мата русского.

А. Проханов: — Я грешил тем, что после 1991 года в моей серии романной я употреблял мат. Но это было тоже какой-то экзальтацией безумной. Я, по-моему, говорил на «Эхо» или где-то еще, что на обычном, таком, как бы пушкинском русском языке говорим мы с вами, люди смертные, живущие здесь. На церковнославянском и на старославянском говорят в раю, ангелы говорят. А мат — это язык ада. Матерятся там и черти, и грешники, потому что там постоянно возникают стрессы у грешников. Там выльют ему на голову сковороду расплавленного свинца, и он скажет «О, мать твою» или что-то такое. Или воткнут ему в задницу какой-нибудь раскаленный стержень, и он говорит еще что-то. Поэтому в нормальной жизни, если жизнь не несет в себе элементов ада, люди не матерятся. А матерятся они только в том случае, если в нашу жизнь приходит ад.

М. Королёва: *— Так вот-вот-вот-вот. А если он уже в жизни, то как избежать мата?*

А. Проханов: — Только райскими усилиями. Идти на борьбу с тьмой, на борьбу с адом.

М. Королёва: *— То есть церковно-славянским языком его?*

А. Проханов: — Церковно-славянским языком, возвышенным языком, которым говорил Державин, Сумароков, Пушкин, которым говорил Бунин. Это возвышенный, божественный язык. Бунин не говорил церковнославянским языком, но он говорил абсолютно не обыденным языком. Он говорил языком, который он тоже извлекал из звезд, из трав, из русских песен и из своей такой любящей и скорбящей души.

М. Королёва: *— Иными словами, вы поддерживаете большие штрафы за мат, если что?*

А. Проханов: — Да нет…

М. Королёва: *— Куда вас записать, в сторонники, в противники?*

А. Проханов: — Я индифферентен. С адом нельзя бороться с помощью штрафов.

М. Королёва: *— Ну как писатель может быть индифферентен к языку?*

А. Проханов: — С адом нельзя бороться с помощью штрафов и с помощью законов.

М. Королёва: *— А как можно?*

А. Проханов: — АД побеждается через служение, через благодать, через покаяние и через великую молитвенную миссию художника, потому что художник, создающий язык или языки, — это вечный молитвенник. И когда умирает церковь или затихает, или смиряется, или когда церковь спит, как это было в XIX веке и начале XX века, то вместо церкви появляется художник, появляется Андрей Белый, Есенин, появляется Блок. Это сплошные молитвы, которые возносятся русской культурой к небесам, когда молчат престолы. Вот это и есть сражение с адом.

М. Королёва: *— Кстати о молитвах, но только не на церковно-славянском языке, а на немного другом. Историю с библиотекой Шнеерсона знаете же, конечно, да?*

А. Проханов: — Ну, конечно.

М. Королёва: *— Которую Россия отказывается возвращать хасидам. Ну, вот наш слушатель вам тут один пишет на нашем интернет-сайте: «Между тем, Израиль вернул России Русское подворье в Иерусалиме и простил православному храму многомиллионный коммунальный долг за воду. А почему же мы так себя ведем? Почему мы, собственно, библиотеку Шнеерсона-то не хотим отдавать?»*

А. Проханов: — Русское подворье в Израиле никогда не принадлежало Израилю. Это подворье принадлежало Палестине, Русской Палестине. Израиль потом там образовался вместе со своими карательными отрядами.

М. Королёва: *— Подождите-подождите. Но образовался же. Значит, сейчас он, Израиль, там существует.*

А. Проханов: — Да, конечно. Это воровской акт, который был пресечен дипломатическими усилиями России, и они вынуждены были…

М. Королёва: *— Да нет, по-моему, там все спокойно договаривались, никто там ничего не пресекал.*

А. Проханов: — Нет, там «Кассамы» стали летать. А потом перестали летать. Вот они под воздействием «Кассамов» и передали.

М. Королёва: *— Как-то мне не показалось, что «Кассамы» не*

имели отношение к возвращению Русского подворья.

А. Проханов: — Ну, вы там просто не были. А я каждый уикэнд там провожу. Ну, не важно.

М. Королёва: *— В Израиле?*

А. Проханов: — Да, конечно. В Палестине. На оккупированных землях. Это не очень удачный пример, потому что Русское подворье всегда принадлежало России, государству российскому. А рукописи моего любимого хасида Шнеерсона, потому что я перед тем, как лечь спать, каждый раз начинаю листать эти рукописи и 2–3 главы прочитаю…

М. Королёва: *— На иврите?*

А. Проханов: — Они всегда принадлежали государству российскому. И государством Израиль там не пахло. Если говорить о еврействе мировом, то в России огромное количество хасидов. Вот они и пользуются этой библиотекой. А все эти…

М. Королёва: *— Подождите-подождите, Александр Андреевич. Но здесь их заведомо меньше, чем, например, в США, в том же Израиле.*

А. Проханов: — Вы знаете, один русский хасид стоит ста американских. Вы знаете это? Это разный удельный вес хасидства. Хасид, который взращен на русской территории…

М. Королёва: *— Вот с этого места поподробнее, пожалуйста.*

А. Проханов: — У него и плотность другая — плотность тела, души, ума. Поэтому здесь число ведь не имеет значения. Зря вы привносите арифметику в такие тонкие дела как богословие.

М. Королёва: *— Александр Андреевич, ну, скажите, правда, ну, зачем нам библиотека Шнеерсона? Ну, зачем?*

А. Проханов: — Конечно, не нужна. Нам вообще Ленинская библиотека не нужна. Да нам и Сибирь не нужна. Зачем нам?.. А зачем нам Веласкес?

М. Королёва: *— Ну, хорошо, я понимаю — Сибирь, я понимаю — бывшая Ленинская библиотека (так она сейчас уже не называется, сейчас она — Российская государственная).*

А. Проханов: — А им-то зачем рукопись Шнеерсона, американским хасидам?

М. Королёва: *— Ну, они хотя бы читать их смогут.*

А. Проханов: — Да здесь полно хасидов евреев. Пусть

читают. Зачем отдавать собственность, которая принадлежит?..

М. Королёва: *— Подождите. Но, может быть, дело в каком-то торге? Мы в чем-то там не сторговались? Или мы ждем большую цену? Вот в чем дело-то?*

А. Проханов: **—** Я думаю, что это вопрос собственности. Мало ли кто сейчас начнет предъявлять нам претензии. Надо вернуть сокровищницы Эрмитажа, надо вернуть сокровища Русского музея. Все это может быть предъявлено. Это вопрос предъявления. Это Швыдкой хотел раздать все, так сказать, захваченные во время войны коллекции немцам. Рейнская коллекция… Правильно сделали, что отстояли, даже уголовное дело, по-моему, хотели возбудить против господина Швыдкого.

Поэтому, повторяю, я бы не рыпался на месте хасидов. Живите. Вам хорошо живется. Есть фотокопии, смотрите, читайте, молитесь, если вообще-то вы понимаете что-нибудь, если вы на идише можете читать.

М. Королёва: *— Ну как же они не понимают-то, подождите? Как же они не понимают?*

А. Проханов: **—** Да не понимают. Современное еврейство очень далеко от бога, понимаете? Оно занимается коммерцией. А богословские проблемы их не трогают. Коммерция, бизнес, культура, шоу-бизнес. Поэтому я вижу здесь…

М. Королёва: *— Это вы про хасидов?*

А. Проханов: **—** Про хасидов. Я думаю, что само государство Израиль Сталин им подарил.

М. Королёва: *— Подарил?*

А. Проханов: **—** Подарил. А что же он сделал? Конечно. Он да Черчилль сговорились на нашу беду.

М. Королёва: *— Так, значит… вот! Сталин ваш виноват?*

А. Проханов: **—** Да.

М. Королёва: *— Хорошо. Ну, видимо, последний уже вопрос, который касается недавней инаугурации Барака Обамы. Вот опять-таки пишет наш слушатель: «Стоит уверенно, рядом жена и две дочки, на улицах Вашингтона — 800 тысяч человек. И инаугурация Путина в пустой Москве в мае прошлого года. Какая инаугурация вам понравилась больше?»*

А. Проханов: **—** Мне, конечно, путинская понравилась.

М. Королёва: *— Я не сомневалась.*

А. Проханов: — Это был державный властелин. Он мчался по улицам и даже, по-моему, промчался под Триумфальной аркой, он даже не объезжал ее. У всех народов, у всех лидеров есть свои традиции, свои формы. Ну, что же нам всем, как Обама действовать? Тогда, может быть, и Путин должен был в черный цвет покраситься и приехать на площадь, набитую «Другой Россией»? Нет. Он сделал так, как приличествует ему. Так он решил.

Кстати, в это время… Только что прошла эта буза на Болотной площади, только что было кровопролитие там, были беспорядки. Федеральная служба охраны могла сообщить ему, что готовится покушение, например.

Кстати, такие покушения готовятся, вы же знаете. И в Одессе все. Поэтому это удачный повод. Инаугурация, кортеж, проспект Кутузовский, гранатометчик, снайпер на крыше. Я думаю, он правильно сделал, что…

М. Королёва: *— А вы не завидовали простому американцу, который мог спокойно выйти в день инаугурации своего президента на улицы Вашингтона и просто наблюдать, и вместе с остальными, не знаю там, петь, плясать и радоваться?*

А. Проханов: — Знаете, я вообще среднему американцу не завидую. Это одна из самых несчастных наций на Земле. Бедные американцы.

А потом чего мне завидовать-то? Я был приглашен на инаугурацию, я пришел в Георгиевский зал, я посмотрел, потолкался среди милых мне министров, чиновников, богословов. Я не в претензии.

М. Королёва: *— Ну, так же, как к советской власти и ее очередям, в которых вы не стояли.*

А. Проханов: — Нет-нет, я знаю, что советская власть — это сплошные очереди. Я стоял один раз в очереди при советской власти.

М. Королёва: *— Вспомнили, все-таки?*

А. Проханов: — Да. Просто когда мне вручали орден, там было много орденоносцев, и я встал в очередь. Мне девятому дали, по-моему.

М. Королёва: *— Ну что ж. Журналист Александр Проханов, который практически никогда не стоял в очередях, и я, Марина Королёва…*

А. Проханов: Которая родилась в очереди… Она была 679-й за хлебом.

23.01.2013

И в эту пустоту пришел Березовский

М. Королёва: *— Александр Андреевич, а когда вы в последний раз встречались с Борисом Березовским, которого не стало 23 марта? Вот вас здесь об этом слушатели спрашивают.*

А. Проханов: — Вы считаете, я скажу, что я с ним встречался в день его смерти? Нет, вы не дождетесь. Я с ним встречался… Когда же я с ним встречался? Наверное, это был какой-нибудь 2003-й, может быть, год. 2003-й год, когда я ездил к нему брать у него интервью, и делал я это с некоторой даже загадочной для меня самого регулярностью. Я трижды брал у него интервью в Лондоне.

М. Королёва: *— И цель была только в том, чтобы взять интервью у Бориса Березовского?*

А. Проханов: — Финансовых интересов не было. Белковский — фантазер большой.

М. Королёва: *— Нет, тут не только Белковский. Опять-таки наши слушатели спрашивают. Есть информация, что он спонсировал вашу газету. Так ли это?*

А. Проханов: — Если мне укажут источники информации, и вы припрете меня к стенке, я, конечно, признаюсь, что, действительно, и я сам, и моя обувь, и мое искусственное сердце…

М. Королёва: *— Ну, то есть этого не было, финансовых интересов у вас не было.*

А. Проханов: — Я думаю, что… Об этом просто не хочется говорить, потому что… Березовский — гораздо более сложная фигура, чем финансист газеты «Завтра».

Он был героем нескольких моих романов в каждом своем воплощении, амплуа. И он был для меня очень интересен и важен, потому что Березовский, по существу, — это динамика политического, исторического процесса в России, может быть, последних 15 лет. Березовский был человеком, который ринулся в пустоту, которая разверзлась после уничтожения государства. А государство после 1991 года было уничтожено. А те остатки, жалкие остатки, которые существовали у нас, объявили о самоликвидации, потому что 90-е годы — это было время, когда государство устранялось. Оно заявило, что оно уходит из экономики, из культуры, из политики, по существу, из внешней даже политики. И оно ушло. И разверзлась пустота. И в эту

пустоту…

М. Королёва: *— И все это заполнил Березовский?*

А. Проханов: — И в эту пустоту пришел Березовский, один или коллективный Березовский. И в этой пустоте он стал государством. Он завоевал, он захватил мощнейшие средства информации, газеты и Первый канал. Это инструмент власти. Он был к тому времени богатым и резко увеличил свое богатство, и финансы были его инструментарием. Он занимал очень важные посты. Сначала это были неформальные посты, а потом и формальные посты, властные посты. Это дало ему колоссальную власть. Плюс его ум, его потрясающая кибернетическая способность манипулировать процессами, людьми, вот этот огромный театр политический.

М. Королёва: *— Александр Андреевич, вы говорите о нем прямо-таки с восхищением. Я просто хочу понять, вы всегда так думали о нем?*

А. Проханов: — Я говорю о нем как о человеке, который настолько меня увлек, что я поместил его в свои романы, в которых я описывал русский ад.

М. Королёва: *— Но подождите: ваше отношение к нему на протяжении всего этого времени менялось же, наверняка? В 90-е годы вы также к нему относились? Или вы стали так думать, когда вы встретились с ним уже потом, в Лондоне?*

А. Проханов: — Нет, я стал думать о нем так, когда он вышел из поля моего зрения. У меня было время продумать его, понять его, как мне кажется. У меня было время вспомнить, что он мне говорил о себе. И для меня ясно, что у Березовского было, по крайней мере, три периода его существования. У него был период, когда он был таким российским Бироном, назначавшим и смещавшим министров, крутившим политические дела, устраивавшим огромные аферы во внешней и внутренней политике. Это был Бирон, это была часть его торжества. Он выбрал президентом Путина. Он…

М. Королёва: *— То есть это вы подтверждаете?*

А. Проханов: — Ну, он признавался мне, что много раз ходил и уговаривал Владимира Владимировича стать президентом, а тот отказывался, и, по существу, он и другая группа людей выбрали именно…

М. Королёва: *— То есть, все-таки, не народ выбрал, а*

Березовский?

А. Проханов: — Он, значит, уговаривал Путина. На шестой раз Путин согласился, принял эти аргументы. Березовский был безошибочен, и ошибся всего один раз, как сапер. Он неправильно минировал Путиным русский ландшафт. Путин его обыграл. Путин был пластичным и мягким, а потом уничтожил Березовского.

И тогда начался второй период жизни Березовского, когда Березовский уехал или убежал из России, и он был исполнен тотальной ненависти к Путину. Он не мог предположить, что его, кибернетика, концептуалиста, системщика так обманули, обыграли. То есть он не просчитал вещей иррациональных. Он был слишком рациональный, он был суперрациональный человек.

М. Королёва: *— Хорошо. А третий период?*

А. Проханов: — И он весь этот период был наполнен ненавистью к Путину. И этот период был очень увлекательный. Сколько комбинаций, сколько партий, сколько финансовых вбросов, сколько смертей…

М. Королёва: *— То есть вы с ним общались как раз во время этого периода?*

А. Проханов: — В этот период, да. И третий период — это период, когда он проиграл. Проиграл Путину. Я уже не раз говорил, как однажды Сталин спросил собеседника: «Скажи мне, что самое тяжелое?» И тот не нашелся, что ответить. И Сталин сказал ему: «Самое тяжелое — это государство. Его никто поднять не может». И Березовский не поднял это государство, надорвался.

И вот последние, может быть, не знаю, шесть лет — это был Березовский, который надорвался, стараясь поднять государство. У него была уже такая трагическая как бы грыжа. И он все больше и больше умирал, не в силах выполнить свою мечту возмездия. И потом его лампада погасла. Не важно, как она погасла — задул ли ее кто-нибудь или он сам ее опрокинул.

М. Королёва: *— Но этот вопрос я, все-таки, хочу вам задать. Вы не знаете, как вы выразились, кто задул эту лампаду, погасил ее?*

А. Проханов: — Можно подумать, что вы знаете.

М. Королёва: *— Да, и я тоже не знаю. Но, может быть, наблюдая, следя за новостями последние дни, последнюю неделю, у вас возникали какие-то предположения, что это могло быть скорее?*

А. Проханов: — Нет, они мне просто неинтересны. Вот этот весь детектив дешевый мне не интересен. Мне интересна та триада, которую он изложил. Просто ему незачем было жить. Он израсходовал… Ведь что он мне сказал однажды очень интересное? Он сказал мне: «Я, — сказал Березовский, — достигаю каких-то пределов, дальше которых я не могу шагнуть. Например, я стал членом-корреспондентом Академии наук, я был системщиком, я достиг совершенства и я понял, что дальше я не смогу развиваться — есть более блистательные люди, нежели я».

М. Королёва: *— Ну, говорят, он мечтал о Нобелевской премии.*

А. Проханов: — И дальше он сказал, что не мечтал о Нобелевской премии. Он сказал: «Дальше я не могу шагнуть». И тогда он занялся бизнесом. И когда он достиг в бизнесе огромных результатов, он перестал им заниматься, он стал заниматься политикой.

А когда в политике он проиграл, ему незачем было жить. Я думаю, что если бы он пошел в монахи, например… Он мне сказал тогда, в этом интервью моем знаменитом, что он — православный, мы говорили об искуплении, о чувстве вины, которое он испытывает перед народом. И я думаю, что если он действительно был православный человек, он мог бы пойти в монахи где-нибудь на Афоне, и мы бы могли в какой-нибудь келье каменной встретить человека с легким заиканием, был бы иеромонах какой-нибудь Феофил, а на самом деле — Борис Абрамович. Но он не пошел в монахи, он просто истаял.

М. Королёва: *— Скажите, вот письмо Бориса Абрамовича Березовского Владимиру Путину. Вы, может быть, видели даже варианты этого письма в интернете, они сейчас появились. Ну, во всяком случае, известно вроде бы, что письмо было — об этом говорил Дмитрий Песков. Как вы думаете, мог Борис Березовский, которого вы знали, написать покаянное письмо Владимиру Путину?*

А. Проханов: — Мог в период своей катастрофы. Когда он с ним сражался (с Путиным), когда из него исходили вот эти электрические искры ненависти, — конечно, нет. Но когда он сник, когда он был повержен, когда он был израсходован, мне кажется, продолжением вот этой его борьбы с Путиным могла быть капитуляция, он мог бы выбросить белый шарф, которым его и задавили.

М. Королёва: *— А вот скажите, какой смысл?.. Ну, вот вы*

уже говорите, что знаете: белый шарф, которым задавили. Какой смысл был ему возвращаться в Россию — вот такому Березовскому сейчас в такую Россию? Ну, вряд ли у него была бы возможность вести ту жизнь, которую он вел раньше здесь, вершить судьбы и так далее. Какой тогда был смысл?

А. Проханов: — А какой смысл был возвращаться в Россию царским офицерам или Шульгину, который брал отречение у государя-императора? Какой смысл был возвращаться в Россию Вертинскому? Это вопрос просто, не знаю, родины. А потом — какое количество после 1991 года людей уехало в Израиль? Валом валили туда. Они потом потихонечку сюда перекочевали обратно. Не прижились.

М. Королёва: *— Ну, по-разному, Александр Андреевич.*

А. Проханов: — Ну, по-разному. Но переехало огромное количество. Я все вспоминаю вот Козакова, например — я с ним незадолго до смерти беседовал. Какой смысл им было приезжать сюда? Приехали, не прижились.

А Березовский все-таки… Вот все говорили: у Березовского ментальность русского человека — бойкий еврейский ум и ментальность русского человека. Я не думаю, что у него была ментальность русского человека. Что у него был бойкий еврейский ум, это точно совершенно. Я думаю, что у него была ментальность советского человека, а не русского человека. Это разные вещи. И когда кончилось в нем и советское, и истаяло еврейское, потому что он проиграл как кибернетик еврейский, он проиграл как такой манипулятор, постоянный вечный игрок — ему ничего не оставалось, как написать это покаяние. Может быть, это был какой-то и мазохистский ход. Березовский был очень сексуален, в нем бушевали страсти, плоть в нем бушевала. Я не исключаю, что в его сексуальных переживаниях были вещи очень сложные, тонкие. Может быть, это был мазохистский ход покаяться перед своим лютым врагом.

Это вопрос парапсихологов или психологов, или писателей, но никак не политиков.

М. Королёва: *— Ну, вы же писатель.*

А. Проханов: — Вот я вам и говорю. Я, впрочем, не писатель, Марина, я же журналист.

М. Королёва: *— Здесь как журналист. Но вы же сами говорите, что Березовский был автором ваших романов.*

А. Проханов: — Ну, что это за романы? Я так, журналист.

М. Королёва: *— Простите, не автором, а персонажем.*

А. Проханов — Я подтекстовки обычно пишу в газете — это мое амплуа.

М. Королёва: *— Вас спрашивают, как вы относитесь к Алексею Навальному? Ну, вы, наверное, знаете, что в городе Кирове на 17 апреля назначено судебное слушание по делу Навального в связи с Кировлесом.*

А. Проханов: — То есть какое показание я буду давать на этом суде или что?

М. Королёва: *— Нет, вас спрашивают просто об отношении к Алексею Навальному, ну и к намечающемуся суду, потому что ему грозит до десяти лет лишения свободы.*

А. Проханов: Алексей Навальный — мой идеологический противник, он — кумир и лидер Болотной площади, он, по существу, в моих представлениях оранжист. И никакой идеологической близости у меня с ним нет. И я спокойно и холодно отношусь.

М. Королёва: *— Хорошо, я тогда спрошу вас не о личности Алексея Навального, я спрашиваю о деятельности.*

А. Проханов: — Я спокойно и холодно, спокойно и холодно смотрю, как Путин расправляется со своими противниками, которые тогда на Болотной площади требовали смерти его и сравнивали его судьбу будущую с судьбой Каддафи. Такие вещи не прощаются. Я скажу вам, что Путин или государство, так скажем, блестяще обошлось со всеми теми, кто бушевал тогда на Болотной площади.

М. Королёва: *— То есть вы рукоплещете тем, кто уже в заключении и кто будет, возможно?*

А. Проханов: — Ну, вы же видите, я бью в бубен и кричу «Ура!» всему тому, что произошло. Мне было бы, конечно, неприятно, признаюсь вам, если бы Путина тащили за БТРом на тросе. Ну, такой я не демократ.

Но единственный, кого мне жалко во всей этой истории, это Удальцов. А всех остальных — нет. Все остальные вывернутся. Вывернется Касьянов, вывернется Немцов, вывернется вся вот эта либеральная порода, которая подставляет бедного опять русского парня, левака. Он будет томиться в тюрьме, а эти будут жировать, ездить в США и доносить на свою родину. Ну, таков я, понимаете, советский человек.

М. Королёва: *— Подождите. Но вы, наверное, знаете, что Алексей Навальный не совершал ничего… Он никого не убил, он никого не ограбил. Правда?*

А. Проханов: — И я тоже никого не ограбил. И Козлов, который сидит в тюрьме, никого не ограбил.

М. Королёва: *— А зачем, собственно, человеку грозить тюрьмой в такой ситуации?*

А. Проханов: — А зачем грозят тюрьмой всем тем, кто совершил преступления? Почему? Суд покажет. Если он невиновен, ну, мы первые встретим его розами. «Темницы рухнут, и свобода вас примет радостно у входа, и братья меч вам отдадут».

М. Королёва: *— Я уже представляю вас с розами. Хорошо. Я думаю, что вот этой новости, о которой мы сейчас с вами поговорим, вы точно будете рукоплескать. Я про звание «Героя труда», которое устанавливается в России. Указ уже подписан, Владимир Путин его подписал. Итак, к нам возвращается «Гертруда», как когда-то называли это звание, «Герой труда».*

А. Проханов: — Совок, Гертруда. Какие еще гнусности изобрели по поводу советских терминов?

М. Королёва: *— Ну, так называли тогда. Наверняка, вы тоже пользовались этим словом. Ну, скажите, что нет.*

А. Проханов — Вам только кажется. Вам только кажется, что я пользовался этим. Я — другой, понимаете? Вы меня принимаете за другого. Вот всему, что либералам кажется отвратительным, я рукоплещу. Все, что им мило, мне омерзительно. Вот такая странность породы.

М. Королёва: *— Ну, то есть вы рады? Вы рады, что у нас появится звание «Героя труда»?Зачем, Александр Андреевич?*

А. Проханов: — Ну, смотрите, как я порозовел.

М. Королёва: *— Зачем оно нам?*

А. Проханов: — Вот я даже не говорю, зачем. Я просто вижу, какая лютая ненависть идет по поводу этого явления. И видя, как демократическая ненависть заливает его, я даже пересматриваю свое к этому отношение. У меня было скептическое отношение. А увидев, как…

М. Королёва: *— Подождите-подождите. Вот с этого места поподробнее. Скептическое отношение было? Вот давайте об этом.*

А. Проханов: — Ну, я — скептик. Я же скептик, я отношусь ко всему скептически. Вы как писатель поймете меня, журналиста. Я отношусь скептически очень ко всему. Но когда я увидел, какую лютую ненависть вызывает это объявление в среде либералов, думаю: «Нет, Александр Андреевич, посмотри внимательней, что в этом есть». И я обнаружил…

Что я обнаружил? Я думаю, что вот этот так называемый рывок, который объявлен Путиным, связан с преодолением чудовищного отставания, прежде всего — в оборонно-промышленном комплексе. Этот рывок, конечно, требует человека труда. Нельзя быть шоуменом, дельцом, нельзя быть менеджером и строить новые самолеты, и создавать новые вооружения первоклассные, связанные с шестым укладом. Здесь должен быть новый, страстный подвижник, творец, умница и умелец. То есть человек труда опять возвращается в контекст нашей идеологии.

Ведь этого человека выкинули к чертовой матери после 1991 года. В центре стоял стяжатель, гедонист, бездельник, вор, бандит, Япончик, Тайванчик, дедушка… Как его звали-то, которого грохнули совсем недавно? Забыл.

М. Королёва: *— Дед Хасан.*

А. Проханов: — Вот вы знаете. Вот что значит — писательский ум. Дед Хасан. Грохнули его, а рабочих не было. И вдруг опять же возвращается рабочий. А рабочий требует поощрения деньгами, конечно. За пять тысяч рублей не построишь новый самолет пятого поколения. Это требует поощрения. Это сложнейшая система поощрений человека, это называется бихевиоризм. Это есть на всех конвейерах — Форды американские. И мы вернулись к этому.

М. Королёва: *— Подождите, но разве с этого тогда уж надо начинать?*

А. Проханов: — Они знают, с чего начинать, не нам с вами судить, с чего надо начинать. Надо начинать…

М. Королёва: *— То есть ввести звание «Герой труда», а этот самый «Герой труда» пусть после рабочего дня за свои пять тысяч рублей отправляется в свою, не знаю, протекающую пятиэтажку, да?*

А. Проханов: — Нет, ну, в бордель куда-нибудь или пить у лотка водку вы еще скажите. Потому что человек труда — это быдло, я же знаю, что это. Анчоусы, по-моему, да? Так мы их называем?

М. Королёва: *— Не знаю. Вот этого я не знаю.*

А. Проханов: — Ну, анчоусы-анчоусы, да. Это делается одновременно. Когда создают новые трудовые коллективы рабочие, в которые закачиваются деньги так же, как и в вооружения, и в технологии — это делается одновременно с деньгами, со званиями, с комфортом, с новыми станками, с новыми подходами к обучению рабочих. Но это звание «Героя труда» я вижу только в тех отраслях, которые занимаются государственными деяниями. Я не вижу «Героя труда», который работает, скажем, на предприятиях нефтяных Абрамовича, например, или Вексельберга.

М. Королёва: *— Подождите. Но ведь никто не говорил про это. Во-первых, никто не говорил про деньги, во-вторых, никто не говорил про станки, в-третьих, никто не говорил про то, что это ограничивает какие-то отрасли.*

А. Проханов: — Ну, никто, потому что вы не слышите. Вы слушаете какой-то гул, видимо, мухи гудят вокруг вас.

М. Королёва: *— Ну подождите. Ну, просто есть указ…*

А. Проханов: — Это я вам говорю.

М. Королёва: *— …в любой отрасли.*

А. Проханов: — Слушайте меня. Я вам говорю. Это делается в комбинации, это связано с необходимостью нового напряжения. Повышение производительности труда, создание новой гвардии рабочей. Так вот странно мне. Может ли рабочий человек, работающий на каких-то олигархических предприятиях быть героем труда?

М. Королёва: *— Почему нет, если он хорошо работает?*

А. Проханов: — Потому что он, хорошо работая, увеличивает мерзкое богатство олигарха, который перекачивает средства за границу. Он работает на другую цивилизацию.

М. Королёва: *— Подождите. Богатство олигарха — это богатство страны в том числе.*

А. Проханов: — Вы ошибаетесь.

М. Королёва: *— Налоги.*

А. Проханов: — Какие налоги?

М. Королёва: *— Как это «какие налоги»?*

А. Проханов — Во-первых, от налогов все укрываются. Потом все прибыли, все сверхприбыли ушли за границу. Это оффшорная экономика. Вы что, не знаете, что ли? Вы как писательница должны это знать.

М. Королёва: *— Подождите-подождите…*

А. Проханов: Я не хочу ждать. Я говорю, что оффшорная экономика — это экономика компрадорской буржуазии. Все русские деньги, заработанные на наших лесах, нефти, газе, женских волосах, в конце концов, все уходят за границу. И человек, который работает на эту мерзкую экономику оффшора, его награждать званием «Героя труда»? Это бессмысленно и отвратительно.

М. Королёва: *— То есть «Герой труда» — это только для оборонки, например?*

А. Проханов: — Это только для России, это только для родины. А у нас экономика делится на две части. Одна часть экономики сжирает Россию и переводит это богатство за границы — на Кипр или куда там, я не знаю. Вам лучше знать как писателю.

М. Королёва: *— Подождите-подождите. Хорошо. Но если, например, человек работает и производит кастрюли, ему можно дать «Героя труда», если он прекрасно это делает?*

А. Проханов: — Если эти кастрюли потом идут для того, чтобы из них ели люди Белого дома, ничего. Я бы эти кастрюли внутри помазал ядом. По существу, я за то, чтобы дать «Героя труда», чтобы ввести это звание «Героя труда».

М. Королёва: *— Это я уже поняла.*

А. Проханов: — Одновременно с тем… Нет, не до конца вы поняли.

М. Королёва: *— Но, к сожалению, нам нужно заканчивать.*

А. Проханов: — Одновременно с тем, чтобы ввести звание «Враг народа». Вот эти две должности, два символа должны существовать рядом.

М. Королёва: *— И сегодня в Грозном горит высотка, в которой, вроде бы, располагается квартира Депардье. Вы предлагаете ввести звание «Враг народа». И у меня вообще такое ощущение, что я нахожусь внутри одного из ваших романов. Но, тем не менее, мы продолжаем.*

Вас тут спрашивают по поводу Сирии. Вот наш слушатель говорит: «Вы недавно были в Сирии, слышал. Хотелось бы услышать от вас подробную информацию о положении в стране». Ну, без политинформации, конечно, о положении в стране, но мне бы тоже было интересно узнать, каковы ваши впечатления от Сирии сейчас?

А. Проханов: — В Сирии идет полномасштабная война. Там уничтожаются города. Те города, в которых я был, пригород, например, Дамаска, буквально пригород Дамаска превращен в руины — это Сталинград, или Вуковар, или Грозный во время двух войн. Я видел все эти города поверженные.

Это города, в которых идут бои уличные, работают танки, боевые машины пехоты, тяжелая артиллерия. Война ведется с армией особого типа. Эта война вообще особого типа. Повстанцы так называемые сложились в очень интересное, до сих пор неизученное объединение, когда со всего исламского мира по призыву, по свистку, начинает стекаться огромное количество боевиков, блестяще натренированных, умеющих воевать.

М. Королёва: *— Со всего мира, вы говорите?*

А. Проханов: — 30 стран. 30 стран исламских. Это и соседний Ирак, и, конечно, Ливия, это люди из Иордании, это люди из Бангладеш. Это люди со всего исламского мира.

М. Королёва: *— То есть это такой интернационал получается?*

А. Проханов: — Это интернационал, который, повторяю, сложился примерно в 30-тысячную армию. Армия управляется не из единого центра, это какое-то сетевое управление: быстрое перемещение, исчезновение, возникновение. Сложилась такая плазма, которая движется, растекается, соединяется с Сирией и там идет эта война.

Это война, которую ведет армия Башара Асада, не приспособленная для ведения такой войны. Она создавалась для войны с Израилем, то есть для крупномасштабных операций. А эта война — абсолютно новый враг, новый солдат, новый боевик, новая технология. Захват городов. Они врываются, например, в города, захватывают мэрию, центральные органы управления этого района, они тут же расстреливают захваченных в плен. Люди выбегают из этих городов, города опустошаются. Возникают огневые точки, они создают рубежи обороны, и армия должна двигаться по этим снайперским цепям, выбивая их из каждой квартиры. Города, которые я видел, — это обугленные фасады, это надписи боевиков, это трупы полусожженные и, по существу,

это…

М. Королёва: *— А что там с мирными жителями-то вообще?*

А. Проханов: — Мирные жители из этих городов убегают, они хотят убежать. Кто куда бежит. Там, где якобы нет боев. Они идут по всей стране, они идут по всей Сирии. И, конечно, идут огромные потери.

Я встречался с президентом Башаром Асадом. Он меня поразил. Я в свое время встречался, например, с Милошевичем.

М. Королёва: *— Вы брали у него интервью?*

А. Проханов: — Я беседовал с ним. Содержание беседы просили не разглашать. Я встречался с Милошевичем, когда мы стояли на мосту через реку Савву под ударами крылатых ракет, шла Пасха, и добивали, по существу, Югославию. Милошевич был подавлен, он был угнетен.

Башар в отличной форме — спокоен, изящен, интеллектуал. Он выше по интеллекту всех — премьер-министра, с которым мы встречались, вице-президента, выше своих чиновников крупных. Это утонченный рафинированный интеллектуал. Говорит очень много интересного.

Могу один аспект отметить в наших разговорах. Он все время говорил о России. Он все время говорил о России как о факторе, который может спасти страну, о факторе, который может спасти государство.

М. Королёва: *— Ну, то есть с надеждой говорил, с надеждой на Россию со стороны Сирии?*

А. Проханов: — Он говорил с надеждой на Россию, он все время говорил: «Берегите Россию». Потому что вот эта плазма, о которой я вам говорил, эти 30 тысяч или 50 тысяч, когда они или если они покончат с Сирией, двинутся на просторы нашей Средней Азии. И все эти никчемные, несостоявшиеся режимы в Казахстане, в Узбекистане, в Душанбе, в Бишкеке, это все несостоявшиеся государства, это птенцы, которые выпали из большого советского гнезда… Они их испепелят в течение полугода.

М. Королёва: *— Подождите. А как вообще Башару Асаду при том, что вы описываете, удается так долго держаться — ему и его армии?*

А. Проханов: — Это связано с тем, что у Башара есть воля, что он не сдается, что армия ему верна, что у армии есть вооружения, что в армии прекрасные и верные солдаты, и нет

предательства, которое было у Саддама Хусейна. Вот так и удается.

М. Королёва: *— Ну, а Россия все-таки помогает?*

А. Проханов: — Россия помогает политически, прежде всего. Прежде всего, политически. И убежден, что Путин не повторит преступления Медведева и не сдаст в Совете безопасности Сирию, как тот сдал Ливию. И политически вот эта поддержка России начинает приносить результаты, потому что с Сирией рядом Китай, рядом с Китаем Индия, Иран. И Обама, насколько я знаю по косвенным признакам, Госдеп и Белый дом начинают постепенно менять свое отношение к Башару и к этому режиму на более компромиссный взгляд.

М. Королёва: *— А перспективы?*

А. Проханов: — Перспективы где?

М. Королёва: *— В Сирии.*

А. Проханов: — Сирия падет, начнется война на Кавказе и в Татарстане. Вот перспективы.

М. Королёва: *— Нет, но подождите. Сирия падет?*

А. Проханов: — Сирия падет, начнется война в Казахстане, в Узбекистане, на Северном Кавказе российском, в Башкирии и в Татарстане, и в центре Москвы. Вы представляете себе танковые бои в центре Москвы? Это было только однажды, в 1993 году.

М. Королёва: *— Я еще раз хочу уточнить. Если Сирия падет или вы говорите «Сирия падет»?*

А. Проханов: — Если Сирия падет. Если Сирия падет.

М. Королёва: *— То есть вы не утверждаете, что Сирия падет?*

А. Проханов: — Ну что я, идиот, такое утверждать? Я вижу мужественное сопротивление страны, которая сражается с врагом мировым. Она не падет еще потому, что Евросоюз боится начать ту бесконтактную авиационную войну, когда они забросали крылатыми ракетами сначала Ирак, а потом и Триполи — Ливию. И они, не подлетая к стране, выбрасывали сотни тысяч крылатых ракет, уничтоживших всю инфраструктуру. С Сирией это не пройдет, потому что я был на позициях русских «Панцирей». Это мощные зенитные ракетно-пушечные комплексы, которые исключают всякую бесконтактную войну. Они едят эти крылатые ракеты, как корова сено. И слава богу, что там есть русские

установки. Слава богу, что сирийские пвошники, сирийские военные освоили эти установки, и эти установки являются гарантией того, что штурмовики Франции или штурмовики, там не знаю, Италии не полетят в сторону Дамаска.

М. Королёва: *— То есть еще раз. Все-таки, то, что происходит сейчас с Сирией (а происходит нечто другое, чем с другими странами), связано с личностным фактором?*

А. Проханов: Это связано с личностным фактором президента, с режимом, который есть. Он более крепкий и мощный. И это связано, конечно, с поддержкой России. Я думаю, что эта война персонифицирована, и там есть две психологии, которые очень важны. Это психология президента Сирии Башара Асада и психология президента России Путина. И эти две психологии персонифицируют эту войну и делают ее не пораженческой. Она будет длиться долго.

М. Королёва: *— Раз уж мы с вами оказались на такой международной территории, на международных темах, еще одни вопрос — он связан с Северной Кореей и с Южной Кореей. Тоже наши слушатели задают этот вопрос. Насколько вероятен, как вам кажется, военный конфликт между Северной Кореей и Южной?*

А. Проханов: — Я думаю, что такого конфликта не будет. Это холодная война, это обмен угрозами, это обмен страхом. Но вот сегодня, например, у меня были мои друзья северокорейские, они рассказывали об очень важном событии, которое сейчас на днях произошло в Северной Корее. Состоялся очередной съезд Рабочей партии Кореи. Это мощное событие. Недавно состоялся съезд китайских коммунистов, там были приняты замечательные, могучие решения, а сейчас состоялся съезд северокорейских коммунистов, и они приняли решение параллельно развивать и экономику страны, и ядерный комплекс. То есть ставка на ядерные вооружения сделана. То, что раньше было как бы проблематичным: они останавливали свои обогатительные установки по обогащению урана, закрывали реакторы ядерные, — они сейчас запустили на полную мощь, и Северная Корея будет ядерно-ракетной державой.

М. Королёва: *— А экономика-то там какая сильная, а народ как живет!*

А. Проханов: — Ну, он живет, в сто раз хуже, чем люди в русских деревнях, конечно. Потому что это ощущение просто комфорта, какая-то Венеция, если ты приедешь в какую-нибудь

новгородскую деревню. Они живут там как свободные люди. У них страна…

М. Королёва: *— В Северной Корее?*

А. Проханов: — Да, Северная Корея — свободная страна, это страна, которая бросила вызов вот этому чудовищу, этой моностране Америке. Все под нее легли. Не лег Чавес, не лег Кастро и не легла Корея. Этим можно восхищаться, а не злорадствовать и шутить по этому поводу. Это великий народ.

М. Королёва: — Вот, где Герои труда, Александр Андреевич.

А. Проханов: — Ну, там просто нет подлецов, там нет мерзавцев и там нет либералов, которые сдают все — страну, экономику. Это прекрасная страна. Если хочешь отдохнуть от либералов, поезжай в Северную Корею.

М. Королёва: — Либералов там точно нет, но говорят, что там иногда едят траву.

А. Проханов — Вы знаете, траву и у нас едят, особенно в прессе. Сплошная жвачка. Жуют какую-то чушь, гадость. Это сплошная травоядная пресса.

М. Королёва: — Но это, конечно, не касается вашей газеты, газеты «Завтра».

А. Проханов — Нет, моя газета — это абсолютно копытное. Мы все копытные. Мы же патриоты…

03.04.2013

Сегодняшняя политика противоречива…

Э. Геворкян: *— Начнем с вопроса, который слушатель Дыбенко заранее прислал на наш сайт «Эха Москвы»: «Александр Андреевич, обычно шпионов разоблачают с определенной целью — испортить отношения или сорвать какую-нибудь встречу. Что преследовало нынешнее разоблачение американского шпиона?»*

А. Проханов: — Я думаю, что, все-таки, шпионов разоблачают для того, чтобы обеспечить безопасность государства, особенно если эти шпионы внедрены в самый центр политического руководства страны. Я думаю, что агентура запада присутствует…

Э. Геворкян: *— Простите, о ком вы говорите, когда говорите «внедрены в руководство страны»?*

А. Проханов: — Ну, я думаю, что вот в эти политические штабы, одним из которых является Кремль, кишмя кишат агентурой Запада. Являются ли они шпионами, то есть платными агентами, или являются просто доброхотами Запада, это неизвестно. Но повторяю, это ошибочная постановка вопроса. Шпионов разоблачают тогда, когда, во-первых, они выявлены и когда их разоблачение действительно повлечет за собой ряд крупных политических действий. В данном случае разоблачение этого шпиона, о котором, видимо, идет речь, несколько экстравагантно. Не только потому, что все это было обставлено таинственными маскарадными принадлежностями (хотя об этом тоже стоит поговорить), сколько утверждениями наших спецслужб, что американцы, не имея своей агентуры в наших силовых и специальных структурах, пытались завербовать одного из наших разведчиков, ну, или контрразведчиков. Вот это утверждение мне кажется сомнительным.

Совсем недавно на прямой линии с Путиным, где я был, Путин в полемике с Кудриным сказал, что господин Чубайс работал в окружении кадровых офицеров ЦРУ. То есть кадровые офицеры ЦРУ были в окружении высших должностных лиц нашего государства в период, когда решалась судьба нашего отечества.

Э. Геворкян: *— Ну, сейчас-то уж, наверное, зачистили?*

А. Проханов: — Я ничего не знаю о том, зачистили или нет. Эти офицеры ЦРУ, которые окружали Чубайса, участвовали в приватизации, участвовали в распределении государственной собственности, они участвовали в разгроме, по существу,

советского оборонно-промышленного комплекса. Они, эти офицеры, участвовали в разрушении сложнейших советских организационных структур. И я просто убежден: если этим офицерам удалось за десять первых лет в 90-е годы уничтожить весь гигантский потенциал Советского Союза, то они отложили свои грибницы и свои яички в спецслужбах сегодняшних российских органов. Я не думаю, чтобы у американцев была серьезная проблема с вербовкой агентов в наших спецслужбах.

Э. Геворкян: *— Мы вернемся к этому вопросу. Сейчас просто один подвопрос, раз уж вы об этом заговорили. На ваш взгляд, сейчас, сегодня кто ответственен за вот это самое неразвитие промышленности, если тогда целенаправленно разрушали советскую империю?*

А. Проханов: — Я понимаю. Вы хотите сказать, что сегодняшний Путин мог бы сломать эту ситуацию и превратить Россию в цветущую, гигантскую державу развития.

Э. Геворкян: *— Ну, было бы не дурно.*

А. Проханов: — Было бы не дурно, я согласен. Но, ведь, вот это уничтожение, которое было проведено после краха 1991 года, после краха страны в 1991 году, это уничтожение потенциалов развития предполагало тромбирование всех форм будущего развития. Тромбировались экономические процедуры. Господин Кудрин, находясь в экономическом блоке, тромбировал всякую возможность русского развития, пересылая в чужую цивилизацию все финансы сегодняшней России. Тромбировалась идеологическая составляющая, потому что до сих пор либеральная идеология прямо или косвенно присутствует в наших СМИ, в контексте нашей внутренней пропаганды, идеологии. То есть у Путина нет или не было возможности перевести страну с одного режима на другой. И более того, мне кажется, что он и теперь, сегодня, настолько не свободен, он настолько погружен вот в эти хитросплетения ситуаций, возникших в конце 80-х, в 90-х годах, что иногда просто оторопь берет от того, как ему удается крутиться среди всех этих жерновов, жерновов сегодняшних политических элит и тенденций.

Э. Геворкян: *— Ну, давайте мы тогда вернемся еще раз к вопросу с поимкой шпиона. Бывший сотрудник американской разведки Роберт Байер в интервью телеканалу CNN сказал, что если бы это была обычная шпионская история, она бы прошла тихо, никто бы не узнал, поменяли бы на кого-то человека. «Но я*

вас могу заверить, что ЦРУ даже в самые трудные времена не отправляет своим агентам писем со всеми деталями сделок — это просто безумие. Россияне хотят получить свою выгоду из произошедшего». Какую выгоду, на ваш взгляд, нам следует все-таки получить?

А. Проханов: — Не знаю. Ко мне в редакцию очень редко заходят представители американского посольства. Очень редко, но заходят. Были времена, когда часто они заходили, когда Томас Грэм был секретарем американского посольства и когда шла работа с патриотической оппозицией. Сейчас время от времени только заходят. Они интересуются, вынюхивают состояние идеологии оппозиционной.

И совсем недавно ко мне приходили два американца, очаровательных американца. Один из них господин

Соломон, такой интеллектуал, с прекрасным русским языком, знает тенденции нашей оппозиции, имперской проблемы, сталинизм, путинизм в его новой формации. И другой какой-то человек, я не запомнил, как его зовут. Он был в парике. У него в руках был компас. Он то и дело посылал какие-то сообщения, но не с помощью смсок, а выпускал голубей. Он даже просил открыть окно в моей редакции, чтобы оттуда улетали голуби.

И у меня создается впечатление, что вот этот господин и был засвечен. Я думаю, что в ближайшее время наша контрразведка посетит мою редакцию, и, может быть, я как-нибудь помогу ей, чтобы влить в этот шпионский скандал несколько ярких колористических штрихов.

Э. Геворкян: *— Да. Жаль, что вы сразу ничего не заподозрили, если я правильно понимаю, да?*

А. Проханов: — Я ничего не боюсь. Я тоже шпион. Но я — шпион Господа Бога.

Э. Геворкян: *— Перейдем к следующей теме, которая, может быть, как-то логически связана с предыдущей. Правительство обратило внимание и на ученых вслед за ситуацией с НКО и законом об иностранных агентах, чья работа оплачивается иностранными благотворителями. Сейчас, в связи с этим распоряжением Медведева, говорят о сложностях, которые могут возникнуть у талантливых ученых, студентов на получение грантов, потому что теперь им нужно будет проходить очень много бюрократических процедур и экспертиз в Минобрнауки. Считаете ли вы это опасной тенденцией?*

А. Проханов: — Мне трудно сказать что-нибудь, потому что это решение… Во-первых, оно не вошло в силу, это не более чем

предложение, оно еще будет подвергаться обсуждению. Но атака либеральной среды на это решение предполагает существование другой мотивации. Потому что у этого решения есть, конечно, своя мотивация.

Я могу высказать одно предположение, я могу быть неправым. Действительно, существует огромный отток русских талантливых ученых за границу. Это катастрофа 1991 года, это уничтожение, как раз благодаря либеральным политикам, наших научных центров, наших центров разработок. Просто ученые, советские ученые, подготовленные для гигантского технологического научного рывка, оказались перед пропастью, перед черной дырой, которую нам обеспечили офицеры ЦРУ, в том числе в окружении Чубайса.

Эти ученые одной своей частью уехали и работают сейчас в Силиконовой долине или, там не знаю, по программе NASA. Другие ученые остались здесь. Но американцы выработали концепцию, согласно которой эти ученые не должны уезжать из России и получать там свои виллы, дома и лабораторные помещения. Они должны оставаться здесь, в России. Им дают деньги, чтобы они работали по тематике, важной американцам. Это всем ученым известно. Ученым в сегодняшней России известно, что американцы спонсируют те направления науки российской, которые выгодны и нужны Америке. Это более экономичный процесс. Зачем ученого срывать с места, ввергать его вот в эти трансформации — страна, другой язык, другая страна? Пусть они работают здесь. Свои, московские друзья, своя среда, свои академгородки. Мы платим им деньги, они на эти деньги плюс на деньги государства российского занимаются разработками, необходимыми американцам. И итоги этих работ поступают в их американскую интеллектуальную казну, а не в нашу. Потому что… Мы находимся в таком плачевном состоянии, что итоги этих разработок, гениальных подчас разработок, не можем поглотить. У нас нет зоны, где мы можем абсорбировать эти открытия в биотехнологиях, там не знаю, в технологии сверхскоростных ракет. У нас этого пока нет. Поэтому есть ощущение, что наш научный потенциал, благодаря этим пластическим технологиям, работает на чужую цивилизацию, в том числе и военную.

Э. Геворкян: *— Ну, с этим невозможно не согласиться — что ученые и талантливая молодежь, действительно, уезжают и уезжают, и это имеет катастрофические последствия для страны. Но правильно ли я понимаю, что этот законопроект или это предложение — лишь очередная тема, когда, вместо того*

чтобы сначала создать условия для улучшения ситуации, будь то усыновление сирот или поддержка ученых, мы сначала хотим запретить, оградить, а уж что у нас тут с нашей поддержкой…

А. Проханов: — Нет, я не берусь здесь категорически говорить. Я высказываю предположительные вещи. Ну, например. Допустим, американцы работают над антропологическим или биологическим оружием. Темы, которые для нас еще просто недоступны, потому что все истоки вот этих оружейных стратегий были уничтожены в 90-е годы. А ученые остались. Остались пожилые ученые, ученые молодые, которые работают на эту тему. Их открытия, их разработки здесь, в России, не нужны. И они не могут быть усвоены. Но они могут быть усвоены американцами. И американцы создают… (это гипотеза, это абсурдизм прохановский)…создают оружие, с помощью которого истребляется красно-коричневый элемент русского сообщества.

Поэтому желание (я предполагаю) закрыть жалюзи перед такого рода эксплуатацией русского сознания, русского ума и русской науки и побудило создать вот это уложение. Я не убежден, что оно оптимальное. Оно связано с запретом, конечно. Все, что сейчас делает государство, во многом это запретительные меры, это меры создания таких вот юридических барьеров перед очевидной экспансией Запада в русскую науку, культуру, сознание и политику.

Э. Геворкян: *— «А как же Сколково?» — спрашивает вас Айболит.*

А. Проханов: — То есть? Поясните мне этот вопрос. А как же Сколково? А как же Винзавод? А как же ферма по разведению страусов? Что он хотел спросить этим?

Э. Геворкян: *— Ну что ж, ладно. Тогда оставим этот вопрос. Я не могу интерпретировать вопросы наших слушателей. Перейдем к следующей теме. Вчера в эфире «России -2» прошел фильм Аркадия Мамонтова «Разоблачение» о российских оппозиционерах. Как Геннадий Гудков, политик и экс-депутат Государственной Думы, пишет в своем блоге, «снова 1984-й?! Вчера, возвращаясь с работы, включил телевизор, и там в первые доли секунды впечатление, что с помощью машины времени мы снова вернулись в СССР образца 80-х, самый разгар «холодной войны», лагерного противостояния. Как опытный советский человек я сразу врубился в суть. Вражеские голоса на деньги ЦРУ снова ведут идейно-подрывную работу, а предательская пятая колонна диссидентов и отщепенцев во главе с врагами народа, академиком Сахаровым и защитницей западных ценностей Алексеевой, за подачки треклятого Госдепа злобно*

охаивают светлый образ нашей родины. И вот только имена врагов и фамилии врагов сегодня другие». Как вы можете прокомментировать такое мнение?

А. Проханов: — Ну, прежде всего, это неудачный адресат. Господину Гудкову молчать бы, понимаете? Офицеру КГБ, который работал в этой огромной мега-машине слежки, насилия или управления государством. Кстати, я не являюсь врагом КГБ. Я считаю, что КГБ — это элемент советского государства, это могучий оплот по сбережению вот этой новой советской цивилизации до той поры, пока они не разложились, не превратились в предателей и игрушку в руках Горбачёва и, может быть, Рейгана. Поэтому не господину Гудкову осуждать все эти формулы слежки. Ему бы лучше, по существу, предвидя все это, повеситься. Ну, правда, не до конца — так, чтобы можно было вынуть из петли.

Теперь что касается самой, ну, что ли, формулы, формулы борьбы с врагами внутренней. Конечно, у России нет врагов. России ничто не угрожает. Америка и ЦРУ обожают Россию. России и Путину нечего опасаться. Это все мании. Когда Болотная площадь скандировала своей тысячной толпой Путину участь Каддафи или участь египетского… Как его там звали-то, я уж забыл, лидера? Ну, не важно.

Э. Геворкян: *— Мубарака.*

А. Проханов: — Да, Мубарака. Это все пустяки. Это все не более чем маскарад. И, конечно, бороться с врагами, которые наводнили русскую экономику, русские СМИ, русскую культуру, русскую политику, русский военнопромышленный комплекс ужасно бессмысленно. Надо открыть ворота. Надо сдать американцам наш ракетноядерный щит. Тогда не будет проблем в отношениях России и Америки, мы будем любимыми друзьями.

Поиск врагов там, где их нет, это ужасно. У России нет врагов. Мир любит Россию, обожает Россию. Путин — это любимец американских спецслужб и американских газет. И поэтому бороться с этими мнимыми, конечно, диверсиями в адрес абсолютно дивной, голубой и счастливой России, это бессмыслица.

Э. Геворкян: *— Ну, подводя итог: вы как журналист восхищаетесь работой своего коллеги господина Мамонтова?*

А. Проханов: — Мамонтов — мой друг. Он взял на себя мощную, мучительную долю и миссию. Он демонизирован. Либеральные журналисты демонизировали его, называют его бог

знает кем. Я восхищаюсь им. Это мощный, благородный государственник. Среди журналистов таких очень мало. Даже те журналисты, которые работают на госканалах, многие из них работают как бы через силу, с неохотой.

Э. Геворкян: *— То есть они вроде как зарплату получают там от государства или на государственных каналах…*

А. Проханов: — Ну, есть и такие, да. Они все отравлены, у них есть грибок либерализма. Аркадий Мамонтов — блестящий русский журналист и патриот. И я очень часто бываю на его программе. Я восхищаюсь его миссией.

Э. Геворкян: *— Вопрос от Ильи из Ярославля: «Здравствуйте, Александр Андреевич. В России, на ваш взгляд, есть оппозиция? Если есть, то кого вы к ним причисляете?»*

А. Проханов: — Ну, в России, как ни странно, на сегодняшний день существует две России. Пропутинская Россия и антипутинская Россия. Вот всё. Всё, что есть реально на сегодняшний день. Антипутинской Россией, конечно, является вот этот огромный болотный либеральный мир с его мощью, с его разветвленными структурами…

Э. Геворкян: *— Такой ли он мощный и огромный?*

А. Проханов: — …с его некоммерческими организациями, с его поддержкой Запада, с его законом Магнитского, с его информационными технологиями. Это очень сильный элемент.

И пропутинская Россия, куда примыкает весь госаппарат. Не весь, но отчасти госаппарат. Туда примыкает очень значительная часть церкви. Сюда примыкает значительная часть патриотической интеллигенции. И этот мир, о котором я говорю, он, конечно, тоже очень пестрый. Там есть разная степень пропутинской лояльности. Есть лояльность по необходимости, потому что если не Путин, то Пархоменко и Шендерович, понимаете? Там выбор очень узкий. А есть люди, которые идеологически понимают, что Путин в сегодняшней ситуации, скованный обязательствами, скованный ситуацией несвободы, все равно движется к раскрепощению, к сбросу этого ига.

Но вот оппозиция, если оппозиция Путину, — это Болотная площадь, это болотный мир. Другой оппозиции Путину не существует. Нет коммунистической оппозиции Путину КПРФ, нет оппозиции, там, справедливороссов или Жириновского. Это всё бутафорские организации.

Э. Геворкян: *— Так, а должна ли она быть в принципе? Нужна*

ли как таковая та самая политическая дискуссия? Или, наоборот, мы тут все живем в таком единении?

А. Проханов: — Как сложатся звезды. Как сложатся звезды. У меня был острейший оппозиционный период. Я был радикальным ненавистником Ельцина. Я видел в нем стенобитную машину, которая разрушила кремлевскую стену. Я его ненавидел. Как только появились тенденции, слабые тенденции сохранения государства… Ведь после Ельцина Россия не должна была существовать. Ельцин провозгласил парад суверенитетов, которые разрывали Россию на куски. Ельцин провозгласил национальное государство взамен имперскому государству. Ельцин создал вот этот чудовищный класс олигархов. Ельцин создал криминальное государство.

Как только появились первые симптомы чего-то другого, путинского, — сохранение целостности, уничтожение суверенитетов, победа во второй чеченской войне — во мне изменилось вот это тотальное неприятие постсоветского режима, и я нахожусь в состоянии постоянного выбора, в постоянной драме. Как только путинская власть и Путин сам начинает давать слабину, начинает уходить от своей мессианской задачи, я мучаюсь, я корчусь, у меня на устах возникают гневные в его адрес реплики. И я не являюсь целостным таким мыслителем и целостным идеологом сегодняшнего путинского времени.

Э. Геворкян: *— Ну, вот здесь есть такое сообщение: «Пропутинская Россия: Сердюков, Евсюков, Кудрин, Медведев». И сейчас перейдем к такому вопросу, который еще вчера в этой студии в «Особом мнении» с Евгенией Альбац начали обсуждать, а сейчас слушательница Алла хочет узнать именно ваше мнение. Вчера задали вопрос, закроет ли Путин границы. Что вы думаете по этому поводу? Тем более что говорите, надеетесь на то, что вскоре Путин справится с этим игом и сбросит его. Является ли это каким-то логическим завершением?*

А. Проханов: — Я думаю, что нет. Путин, конечно, не закроет границы. Потому что они настолько дырявые, что сквозь эти границы дуют страшные наркотические ветры, движется такое количество безумных беженцев и эмигрантов. И у Путина нет реальных возможностей создать железный занавес, какой был в Советском Союзе.

Э. Геворкян: *— Почему?*

А. Проханов: — Это, во-первых, деньги. Границы, южные границы — дырявые, там нет ни застав, ни контрольно-следовой полосы. Ну, потом мне кажется, что он в этом и не заинтересован.

Э. Геворкян: *— Но тогда уже ученые, наверняка, не вывезут свои идеи за границу.*

А. Проханов: Нет. Вы знаете…

Э. Геворкян: *— Молодежь, наверняка, не уедет.*

А. Проханов: — Вы знаете, границы должны быть закрыты в другом месте. Не в пространствах. Они должны быть закрыты в идеологической сфере. Мы дырявы для идеологических проникновений. И у Путина есть возможность создать заслон перед этим организационным оружием, которое вторгается каждый раз в российскую идеологию, политику и культуру. Для этого не нужно ставить на каждом десятом километре погранзаставы с овчарками, с Карацупами. Этого не нужно делать.

Здесь мы дырявы, здесь, внутри, в Кремле. Вокруг Путина сидят люди, которые являются агентурой Запада. Вот с ними легче покончить, чем создавать огромную границу со спецустройствами.

Э. Геворкян: *— Ну, позвольте. Вот вопрос, глас народа. Андрейка нам пишет: «Согласны ли вы, что неспособность президента Путина вести общественные дискуссии приводит к политическим репрессиям? Это тупик или развитие?»*

А. Проханов: — Ну вот, понимаете, Россия является страной абсолютного диктата. Путин просто задавил все мнения общественные, нет никакой дискуссии. Вот «Эхо Москвы» — это абсолютно путинский сапог. Он наступил на горло Венедиктова, отсюда ни одной крамольной мысли не вырывается. «Дождь», например. «Дождь» — телевизионная компания, которую спонсирует один из друзей Путина, это просто пропутинская организация, которая день и ночь: «Слава Путину». «Версия», «Moscow Times»…

Э. Геворкян: *— Ну, Первого и второго каналов достаточно…*

А. Проханов:-… «Moscow Times», весь интернет. Это же брехня, это дичь, это свинство говорить, что Путин не ведет общественной дискуссии. Да захоти Путин, от «Эха Москвы» бы остался бы один прах.

Э. Геворкян: *— Это правда.*

А. Проханов: — Это правда. Он оставляет это. А что такое «Дождь», который существует на деньги олигархического друга Путина? То есть если Путин бы захотел, он бы уничтожил все

оппозиционные СМИ. Он этого не делает. Я, кстати, не понимаю, почему. Будь я президентом России, я бы это сделал, кстати.

Э. Геворкян: *— Ну, тогда вот Михаил из Пензы пишет «А раз страны Запада так плохи, почему Россия держит там свои активы? Почему почти вся верхушка страны там держит родственников и личные активы? Они там разведкой занимаются? Или свое будущее связывают со страной?»*

А. Проханов: — Объясняю. Объясняю моему слушателю. Потому что Россия по-прежнему несвободна. После 1991 года Россия оккупирована. Мы — оккупированная страна.

Э. Геворкян: *— Так они туда бегут с миллионами, здесь приобретенными? Или как?*

А. Проханов: — Россия — оккупированная страна. Экономический блок, который возглавлял Кудрин, — это блок перекачивания русских достояний и русской финансовой энергии на Запад. Это репарации, которые мы до сих пор платим за 1991-й год. Путин — часть вот этого режима. Он пытается мучительно выбраться из-под этого ига. Ему это удается и не удается.

Э. Геворкян: *— Но смотрите, молодые люди (я не знаю их принадлежность политическую) на Тверскую вышли, перекрыли 9 мая улицу с плакатом о том, что как раз Путин является оккупантом. То есть — как здесь разграничить? Кто оккупанты? Эти самые олигархи, его экономический блок или он сам, как говорят лидеры Болотной?*

А. Проханов: — Пока он не сбросил вот это иго, эту оккупационную силу, которая набросилась на Россию после 1991 года… Это гигантская сила. Мы ее просто не чувствуем. Мы чувствуем ее как удавку, в которой нельзя дышать, нельзя сказать русское слово, нельзя пропеть русскую песню, нельзя создать русский бизнес. Произнести «русский» — это значит, по существу, ты фашист. Я же фашист… И Белова, и Распутина, и Бондарева, и меня в 90-е годы называли фашистами. Я — фашист, понимаете?

Так вот, находясь в этой чудовищной ситуации… Путин является, с одной стороны, частью вот этого ига, потому что он получил власть от Ельцина, а, с другой стороны, мы видим, как он старается выбраться из-под него, вырваться из этой чудовищной раковины. И политика сегодняшняя внутренняя — она противоречива. То побеждает оккупация, то побеждают антиоккупационные партизанские силы, и в этом жуть и красота сегодняшней политической ситуации.

Э. Геворкян: *— То есть Путин — партизан на самом деле?*

А. Проханов: — Ну, хорошо: Путин — либо партизан, либо неразбитый отряд Красной армии.

Э. Геворкян: *— Вопрос от нашего слушателя с ником Белецкий, раз уж мы тут заговорили об экономической ситуации в стране: «Не считаете ли вы закрытие почти 500 тысяч ИП в России частью сценария краха России? Кто будет делать наш ВВП, в том числе великолепные турбинные лопатки для истребителей? Мне больно слушать из уст человека, позиционирующего себя как патриота нашей страны, оправдание режима, ведущего Россию в исторический тупик». Я цитирую слушателя.*

А. Проханов: — Это преувеличение, потому что лопатки для турбин делаются прекрасно на том же самом заводе «Сатурн», где существует прекрасный аналитический центр, компьютерные блоки, суперкомпьютеры, которые моделируют поведение турбины или лопатки турбины при сверхмощных температурах и давлении. Мы можем делать лопатки турбин. Сможем ли мы сделать политический звездолет России, вот вопрос. Мы можем делать лопатки турбин для американских истребителей 5-го поколения. Американцы поручат нам делать лопатки для их вооружения, с помощью которого они будут контролировать мир. Вот в чем вопрос.

Э. Геворкян: *— Ну, а вот это закрытие малого бизнеса? В принципе, как такового желания сделать свой бизнес, развивать страну вот таким образом? Как с этим быть? Или все это опять происки буржуазии?*

А. Проханов: — Я не бизнесмен, я не занимаюсь малым бизнесом. У меня большой бизнес, у меня космический бизнес. Я пытаюсь превратить страну Россию в космическую, мистическую державу.

Э. Геворкян: *— 9 мая, насколько я знаю, вы были на параде и потом были на приеме в Кремле. Хотелось бы услышать какие-то ваши короткие комментарии о том, как для вас прошел этот день, потому что дальше у нас есть парочка вопросов.*

А. Проханов: — Для меня это очень важно — явление мое на параде. Это подтолкнуло мои как бы прозрения, мои представления о мистике русской победы 1945 года. Я написал сейчас передовицу своей газеты, которая называется так: «Панцирь», танк, ракетовоз, впереди — Иисус Христос». В свое время Блок написал свою поэму «Двенадцать», и впереди матросов («матросни», как называли ее либералы) поставил

Иисуса, который вел Россию в этот грозный, мощный, чудовищный и прекрасный XX-й век. Как над ним глумились Гиппиус, как над ним глумились комиссары Политкульта, не понимая этого! Так вот я еще раз понял, что русская победа 1945 года и 30 миллионов погибших советских, русских людей во имя этой победы — это христова жертва. И поэтому Парад Победы и вообще Победа — это религиозный, мистический и православный праздник. Я смотрел на эти движущиеся танки, на эти движущиеся ракетные установки, и мне казалось, что когда они уходят туда, за храм Василия Блаженного, там, в каком-то таинственном сиянии, со знаменем Победы идет Иисус.

Э. Геворкян: *— Я не думала, что хватит времени до этого вопроса, но теперь придется его прочитать. Вопрос от геолога: «Как вы прокомментируете следующее? С 1937-го по 1941-й год было арестовано около 180 тысяч священников и церковнослужителей, более половины из них, 110 тысяч, были расстреляны, остальные репрессированы. Как вы, человек православный, можете оправдать это злодейство вашего кумира Сталина?»*

А. Проханов: — Во-первых, церковь конца XIX — начала XX века перестала быть церковью. Она стала тучной, она стала глухой, она, по существу, не спасла Россию от революции, она не спасла, она не внесла в русское сознание этот огнь христовый. Она была церковью, которую описал художник в картине «Чаепитие в Мытищах», — тучной, сытой, мертвой для нужд народа церковью. Убили священников, и для православного сознания эта смерть является смертью… Они стали новомучениками, свято-мучениками. Церковь стала огненной, сверкающей. И потому избиения, которые пролились на церковь в 30-е, в 20-е годы — это карающий меч господень. И церковники, религиозные люди не должны роптать на это. Они, по существу, должны понимать, что это кара господня, и благодарить тех, кто превратил церковь сытую, земную, омертвевшую в церковь мученическую, святоносную — в церковь, которая во время войны молилась за советскую армию, молилась за победу, молилась за Сталина, за командармов и за командиров взводов.

Э. Геворкян: *— Ух. Как-то сложно это принять, но, видимо…*

А. Проханов: — Эвелина, учитесь. Учитесь понимать таинственное.

Э. Геворкян: *— Да. Для вас, видимо, это какой-то очень прочувственный момент, поэтому вы так…*

А. Проханов: Ну, естественно, да-да-да.

Э. Геворкян: *— …об этом и говорите. Просят тут под конец ваш комментарий относительно предложений депутата Железняка о введении уголовной ответственности за реабилитацию нацизма и оправдание фашизма и попытки пересмотра итогов Второй мировой войны, причем чтобы эта ответственность распространялась не только на человека, это транслирующего, но и на СМИ. Вот вы как главный редактор газеты что скажете?*

А. Проханов: — Я уже как-то потерял нить, поэтому… Железняк для меня — это человек, который разгоняет учредительное собрание. Матрос Железняк — партизан. Все, что ни скажет, все правильно.

15.05.13.

Народный фронт, Изборский клуб и московские выборы

М. Королёва: *— Александр Андреевич, с праздником вас. Вот вас здесь спрашивают слушатели: «Для вас это праздник -12 июня, День России?» Или, как здесь уточняется, День траура?*

А. Проханов: **—** Вы знаете, не День траура и не праздник. Я как-то свыкся с ним. Это для меня такая уже как бы норма, обыденность. Я не вижу в этом дне ничего патетического, потому что это не праздник, в котором были победы, который увенчан какими-то свершениями. Но я уже, повторяю, остыл к той драме, которая произошла 20 с лишним лет тому назад, и мои помыслы устремлены в будущее.

М. Королёва: *— То есть все-таки драма, но свыклись?*

А. Проханов: Нет, нет, не драма. Повторяю: пусть те, кто оглядывается постоянно назад, превращаются в соляные столбы, как жена Лота. Я смотрю вперед, я смотрю в Евразийскую империю, я хочу, чтобы у Евразийской империи, которую мы создадим, появился бы свой праздник, праздник создания огромной великой евразийской общности. Эта общность будет создаваться мучительно, она будет создаваться в больших сражениях, в огромном напряжении сил. Ее создание совпадет с огромной трансформацией всего мира, может быть, даже всего мироздания.

М. Королёва: *— Но это вам соратники потребуются. Ну, например, там я не знаю, Народный фронт, который сегодня был учрежден и объявлен. Вы же, кстати, оттуда, с учредительного съезда? Вы же были в Манеже?*

А. Проханов: **—** Для этого мне потребуется Господь Бог в соратники. Я сейчас не оттуда, я сейчас из бара, где я пил «Гиннес». А до этого я был в Манеже.

М. Королёва: *— Иностранное пиво, заметьте. Ну, не важно.*

А. Проханов: **—** Оно… Какое?.. Иностранное?

М. Королёва: *— Как?.. Вы же были в Кремле. Вы же мне сказали, что были в Кремле и в Манеже.*

А. Проханов — Марина, ну, что вы несете? «Гиннес» — иностранное пиво? Это любимый напиток вятичей. Он изобретен вятичами. Просто бренд украли у нас.

М. Королёва: *— Так, подождите-подождите. Давайте про Народный фронт. Все-таки вы там были или нет?*

А. Проханов: — Конечно.

М. Королёва:— *Дело в том, что нам показывали только первые 23 минуты, открытую часть вот этого учредительного съезда. «А вы имеете какое-то отношение к Народному фронту?» — это тоже спрашивают вас слушатели.*

А. Проханов: — Нет, я был приглашен на эту ассамблею в виде гостя. Мне эмблему дали… И я там был среди публики в качестве гостя. И как писатель, как поэт, как художник я был увлечен всем происходящим.

М. Королёва: *— Ну, то есть наблюдатель.*

А. Проханов: — Ну да. Так, соглядатай.

М. Королёва: *— Хорошо. Наблюдатель, соглядатай. И что же вы там наблюдали?*

А. Проханов: — Ну, я наблюдал, во-первых, то, что и вы наблюдали. Я не буду пересказывать картинки, которые вы видели.

М. Королёва: *— Но была закрытая часть, открытая часть?*

А. Проханов: — Никакой там закрытой части не было, там была открытая часть. Закрытая часть, как я знаю, была вчера, где обсуждали устав, документы, манифест. Собралась самая разная публика, разношерстная, большой такой круглый амфитеатр. Вышел ведущий и зачитал манифест. Потом вышел Путин, произнес речь такую тронную, триумфальную, которая многократно прерывалась молодежными криками: «Россия! Россия!»

М. Королёва: *— «Путин! Путин!», — еще кричали.*

А. Проханов: — Ну, «Россия! Путин!», — кричали, да. Потом ведущий этот съезд предложил выбрать лидера, тут же сказав, что нет, по-видимому, иных кандидатур, кроме Путина. Съезд Народного фронта тихо взревел, что «да, действительно, такой кандидатуры нет». Его выбрали без голосования, просто одним, так сказать, одним дыханием.

Потом Владимир Владимирович произнес речь. Она такая была эмблематическая. Это был призыв к консолидации во имя великих целей построения России, исполненный добра, света, могущества, целомудрия и прочих очень добрых человеческих

переживаний.

М. Королёва: *— Ну, смотрите. Это наблюдение. Теперь хотелось бы какой-то аналитики от вас, поскольку вы — наблюдатель и соглядатай, и, наверняка, вы сидели там и раздумывали, зачем же это все, собственно говоря. Ведь у нас уже была до этого «Единая Россия», теперь у нас есть Народный фронт. Вот давайте с названия начнем. Фронт. Опять-таки, слушатели спрашивают «Кому объявлена война, если это фронт?»*

А. Проханов: — Давайте не будем идти по банальным схемам. Фронт — это уже было многократно. Кто враг, где линия фронта. Вы спросили меня, что это такое, как я это осмыслил всё.

Я осмыслил это все по-своему, потому что я не знаю, может быть, на самом деле там другой какой-то эскиз и другое содержание. Но я понимаю, что идет стремительное перекраивание политического и социального контекста сегодняшней России. После закона о партиях идет бурное создание всевозможных организаций, партий. Все, что раньше казалось ровным ландшафтом, на котором существовали «Единая Россия» и три партии-сателлита, все вокруг закипело — какой-то плуг взрывает эти пашни, эту целину, и на глазах возникают какие-то пузыри политические, какие-то, там не знаю, стержни, башни, конфигурации.

М. Королёва: *— То есть Народный фронт — это пузырь? Я так, по ходу дела.*

А. Проханов: — Да, вот лучше бы вы помолчали некоторое время. В целях собственной безопасности, между прочим.

М. Королёва: *— Я молчу. Заметьте, я молчу.*

А. Проханов: — Хорошо. Так вот мне кажется, что Народный фронт — это организация, которая должна доминировать над всем этим бурлящим, кипящим фоном, который чреват всплесками, возвышенностями, какими-то холмами ландшафтными. Народный фронт должен быть такой скалой, таким образованием, такой пирамидой, которая была бы выше всех этих возникающих холмов и возвышенностей, и выше «Единой России», которая в атмосфере этого бурного партийного строительства поневоле понижает свой уровень, свою вершину, свою возвышенность над уровнем моря и, в общем, приближается к партиям-сателлитам. А политическому руководству страны, в данном случае — президенту, необходимо что-то грандиозное, что-то огромное… Знаете, я только что был в Петербурге. Необходим такой вот огромный памятник, на котором бы мчался

конь, побивающий змею. И мне кажется, что Народный фронт…

М. Королёва: *— А «Единая Россия» для этой роли не подходит?*

А. Проханов: — Она сыграла свою роль, огромную роль в воспроизведении власти. Она честно сработала, ее создали, и она не была фикцией. Она многие годы подряд воспроизводила власть, она и была создана для этого.

М. Королёва: *— Вопрос только в том, куда же ее теперь. А куда же теперь «Единую Россию»? Представьте себе, что все захотят пойти в Народный фронт: ведь там же Путин, тот самый Путин, который раньше был с «Единой Россией».*

А. Проханов: — «Единая Россия» останется на своем месте. Я не думаю, что в Народный фронт все уж так заторопились. Потому что, насколько я понял или почувствовал на этом съезде, Народный фронт пока что являет из себя такую огромную, громоздкую политическую машину, которая создана из деталей, уже существующих в нашем социуме и уже лежащих на полках, там не знаю, автомобильных запчастей или каких-то салонов автомобильных. Это организации, общественные движения, союзы, которые уже существуют, которые имеют свою судьбу, свою историю и свое развитие или, наоборот, свою остановку.

И вот эта машина создана. Она, как мне кажется, к сожалению моему, слишком механистична. Она собрана из шестеренок, колес, валов, шкивов, приводных ремней. Но у нее нет компьютера. У нее нет того, что необходимо для серьезной партии или политической организации. У нее нет интеллектуального штаба.

М. Королёва: *— Это вы про Фронт сейчас?*

А. Проханов: — Про Фронт. А про что же еще-то, Марина?

М. Королёва: *— Ну, я уточняю только. Не про «Единую Россию» — про Фронт, именно про Фронт.*

А. Проханов: — Про Фронт, да. Ей, вот этой большой машине, конечно, не хватает тонких инструментов, тонкой электроники, технотронных форм поведения.

М. Королёва: *— Но зато у нее есть Путин, у нее есть лидер.*

А. Проханов: — У нее есть Путин. Я согласен, что для единого Фронта этой электронной системой, этим компьютером является Путин. Но все-таки у Путина огромное количество управленческих задач. Он не может целиком формулировать стратегию, он не может целиком искать идеологию, он не может

посвятить себя штабной работе. Вот из того, что я слышал и видел там, на этом Народном фронте, мне кажется, им необходимо к механическим элементам добавлять технотронные, очень тонкие приборы, которые уже существуют в сегодняшней политической жизни.

М. Королёва: *— Но вы же знаете, наверное, что там все будет на добровольных основах. Что там будут значки, например, но не будет мигалок, не будет никаких преференций, не будет никаких социальных льгот и так далее. Даже денег не будет. Вот ничего этого не будет. Все это на добровольных основах. Вы считаете, что машина такая огромная может работать вот так, на добровольных основах?*

А. Проханов: — Марина, все, что вы сказали про значки и мигалки, я ничего этого не знаю. Я вам сказал то, что я почувствовал. Я думаю, что такие большие политические машины, — конечно, они, особенно если они создаются сверху, требуют вложений, требуют смазок самых разных. В этом нет ничего удивительного. «Единая Россия» имела такие смазки, и компартия имела, и, наверное, имеет такие смазки и Демократическая партия США. И даже Национал-социалистическая партия Германии имела такие смазки в лице крупного германского капитала.

Но дело не в этом. Важно, чтобы эта машина усложнялась. Она создана наспех. Чтобы она вбирала в себя, повторяю, более авангардные формы существования. Сейчас она несколько реликтовая. А она должна из ящера, из звероящера превратиться в восхитительный…

М. Королёва: *— То есть даже вы признаете, что она не современна, иными словами?*

А. Проханов: — Она не современна. Вот мне хочется, чтобы она из такого звероящера превратилась в восхитительный биоробот.

М. Королёва: *— Ну, вот вы у нас специалист по идеологии.*

А. Проханов: — Я?!

М. Королёва: *— Ну, конечно. Ну, вы же специалист по идеологии?*

А. Проханов: Благодарю. Ну, я польщен. Я польщен.

М. Королёва: *— Так вот, что вы можете сказать по поводу идеологии вновь созданного Фронта? Вот там просто сказано:*

«Народный фронт за Россию», и все кричали: «За Россию! За Путина!». А кроме этого что еще? Что вы успели понять?

А. Проханов — Пока что идеологии нет. Единственное, мне померещилось (я надеюсь, что я не ошибаюсь), что Народный фронт создан в условиях мощнейшего воздействия на Россию. Это воздействие идет по множеству направлений. То есть против России направлено организационное оружие, оргоружие, которое сметает целые пласты представлений национальных на уровне страны в целом и отдельного сознания. Идет атака на все, что связано с русским. Идет атака на все, что связано с православным. Идет атака на все, что связано с имперским. Идет атака на все, что связано с исламом. Атака на русскую историю, на победу, на Сталина, на семью. То есть эти атаки идут…

М. Королёва: *— Это откуда все идет?*

А. Проханов: — Ну, не из «Эха же Москвы». «Откуда это все идет?» Ну, вы же знаете, что идет гигантская кампания против, скажем, православия. Идет гигантская кампания, связанная с навязыванием России гомосексуальной среды. Идет, по существу, установление гомосексуальной диктатуры в мире, и в России формируется…

М. Королёва: *— Александр Андреевич, но у нас-то законы принимаются все ровно наоборот.*

А. Проханов: — Законы-то у вас наоборот принимаются…

М. Королёва: *— Это у нас с вами. У вас даже скорее.*

А. Проханов: — Законы-то у вас наоборот принимаются, но они и принимаются, потому что идет жуткое наступление. Если бы не было наступления, законов не было. И мне кажется, что Народный фронт по своей задаче должен стать ответным оргоружием. Он должен стать оружием, которое бы отбило все эти многоаспектные атаки. Тогда этот Фронт имеет смысл.

И я очень надеюсь… Вы же сказали, что я — идеолог. Очень надеюсь, что идеология Изборского клуба, в котором я принимаю участие, идеология отражений, идеология оружия, идеология наступления, идеология такого русского авангарда, имперского авангарда будет востребована Народным фронтом. А мы в свою очередь…

М. Королёва: *— То есть вы, Изборский клуб, собираетесь предложить себя Народному фронту?*

А. Проханов: Ничего я не собираюсь. Я вот сейчас с вами

говорю, и я оповещаю людей о том, что такая идеология создается, и она готова служить интересам Родины.

М. Королёва: *— Вот тогда вопрос от слушателя: «Как вам кажется, вот этот Общероссийский Народный фронт сможет реализовать ваши мечты об имперском величии России?»*

А. Проханов: «Как мне кажется…» Да никак мне не кажется. Сегодня я полтора часа просидел на «Народном фронте», а потом пошел пить «Гиннес». Посмотрим, что будет.

М. Королёва: *— Ну, как-то пока не оптимистично звучит.*

А. Проханов: — Ну почему? Я же такой человек, очень осторожный, я прошел через огромное количество организаций, фронтов, Фронт национального спасения, который расстрелял Ельцин из танков. Я знаю, что такое фронт. Я знаю, что такое афганский фронт, никарагуанский фронт. Поэтому я достаточно, так сказать, скептически, может, даже несколько иронично к этому отношусь. Но я…

М. Королёва: *— Не верите?*

А. Проханов:-…не утратил надежды на то, что эта политическая организация воспримет идеологию русского сопротивления, идеологию имперского строительства и идею развития авангардного. Это было бы прекрасно.

М. Королёва: *— Ну и самый последний вопрос все-таки снова касается «Единой России». Как вам кажется, она все-таки останется? Я хочу уточнить.*

А. Проханов: — Останется.

М. Королёва: *— Или Народный фронт сметет «Единую Россию»?*

А. Проханов: — Мы приходим, чтобы не уходить.

М. Королёва: *— «Мы» — это кто?*

А. Проханов — Ну, мы, вы, я, «Единая Россия», Народный фронт, Координационный совет.

М. Королёва: *— Выборы в Москве, выборы мэра надвигаются у нас, 8 сентября они будут. Вот Сергей Собянин подтвердил, что пойдет на выборы в качестве самовыдвиженца, а не от партии, кстати, «Единая Россия». Недалеко мы с вами ушли от вопроса о «Единой России». А как вам кажется, почему Собянин принял такое решение? И не связано ли это как-то с тем, что создается*

Народный фронт, а «Единая Россия» уже, оказывается, на втором месте? Как вам кажется?

А. Проханов: — Какой вы тонкий политолог, Марина, как вы тонко смотрите в корень.

М. Королёва: *— Нет, это вы — идеолог.*

А. Проханов: — Вы меня своими вопросами ставите просто в тупик. Вы видите вещи, которые я не вижу. Я просто в своих догадках, домыслах догоняю вас. Догоняю вас.

Мне кажется, что Собянин пошел на этот пост как самовыдвиженец, потому что он хочет стать мэром всей Москвы, в которой есть и «Единая Россия», и КПРФ, и прохоровское движение, и азербайджанская диаспора, и даже содомиты, гей-парадники. Там все есть. И ему хочется стать как бы мэром всех нас. И это правильно, это справедливо. Ну, я так мыслю своим примитивным умом.

Пойди он от «Единой России» — ну что он? Он бы аккумулировал только один фрагмент — немалый, конечно, фрагмент московской жизни, но недостаточный, чтобы стать мэром всея Москвы.

М. Королёва: *— То есть это не связано с такими пораженческими настроениями вокруг «Единой России»?*

А. Проханов: — Ну, не знаю, Марин. Ну, мне не кажется, что «Единая Россия» поет отходную. Ну, нет такого.

М. Королёва: *— Нет такого?*

А. Проханов: Нет.

М. Королёва: *— В том, что касается выборов мэра. Как вам кажется, это было правильно — вот сейчас объявить выборы мэра, особенно сейчас, в начале лета, когда впереди, собственно, у всех отпуска?*

А. Проханов: — Ну, правильно. Я уже говорил в прошлый раз, что, мне кажется, это было правильно, потому что он, действительно, назначенец, а сейчас он — выдвиженец, поскольку, по-видимому, достаточно скоро произойдет смена правительства, а Собянин — один из тех людей, кого прочат в премьер-министры, и пойти на позиции премьер-министра опять назначенцем не очень красиво. А перейти на эту позицию выборным лидером такого огромного мегаполиса, столицы, эффектней и нужно. И здесь нет никаких особых других интриг — поражение «Единой России», надо торопиться. Надо смотреть вот туда — предстоит смена кабинета, предстоит уход Медведева.

Надвигается кризис. Правительство неэффективно, смена неизбежна.

М. Королёва: *— Вы как-то так говорите об этом, как будто это уже едва ли не свершившийся факт.*

А. Проханов: — А вы хотите, чтобы я об этом как говорил? Я говорю так, как говорю. Не придирайтесь.

М. Королёва: *— То есть вам кажется, что это неизбежно?*

А. Проханов: — Не придирайтесь ко мне, Марина. Внимайте тому, что я вещаю.

М. Королёва: *— Да я внимаю-внимаю.*

А. Проханов: — Вот и внимайте. Внимайте на здоровье.

Теперь, что в этих выборах меня больше всего травмирует? Меня травмирует то, что Прохоров идет на эти выборы, прет на эти выборы, да еще в компании с Лужковым.

М. Королёва: *— А что так?*

А. Проханов: — Это какая-то очень тяжелая пара. Угрюмая пара. Я думаю, неужели, Москва — настолько дурная столица, что отдаст им свои голоса, не выберет их, но отдаст голоса? Лужков идет к Прохорову, чтобы его укрепить. Как Лужков, которого выперли, по существу, со скандалом… Он уходил со своего места, трепеща, не начнутся ли коррупционные процессы. И он опять возвращается. Осмелел мужик, понимаете, совсем.

М. Королёва: — Ну, вообще он был выбранный мэр, и неоднократно. И за него голосовали.

А. Проханов: — Повторяю: он был выбранный мэр, но его турнули. Его турнули. Причем, повторяю, когда его турнули, все говорили о том, что он понаделал в Москве, что он дал своей жене, как он мог дать жене такие преференции, что она стала миллиардершей?

М. Королёва: — Подождите. Но на выборы-то если пойдет, то пойдет Прохоров все-таки?

А. Проханов: — Я говорю сначала о Лужкове. Не притворяйтесь неведующей. Потом, действительно, этот «Банк Москвы», Бородин упер все деньги. Это Лужков создал в Москве ударным темпом гигантскую мусульманскую диаспору, которая проложила…

М. Королёва: *— Лужков?*

А. Проханов: — Лужков. Проложила свои закрытые сети, эти подполья радикальные. Москва заминирована. Это все для того, чтобы иметь как можно больше бабок. И он опять идет туда.

М. Королёва: *— Это вы в качестве нападения на ислам? Вот вы раньше говорили об этом…*

А. Проханов: — Это я в качестве нападения на Лужкова, который создал поле неконтролируемых переселенцев из Кавказа и Средней Азии. И одному богу известно, что там творится, в этом подполье.

М. Королёва: *— Послушайте, но он-то не пойдет в мэры.*

А. Проханов: — Понятно. Теперь я перехожу к вашему…

М. Королёва: *— Пойдет, если пойдет Прохоров.*

А. Проханов: Я перехожу к вашему любимчику.

М. Королёва: *— Так?*

А. Проханов: — К малютке Прохорову.

М. Королёва: *— Так?*

А. Проханов: Как он может, Прохоров, который заграбастал норильские драгоценности, созданные ГУЛАГом, созданные на костях, созданные Сталиным для того, чтобы потом эта чудовищная…

М. Королёва: *— Вы о ГУЛАГе, вы о костях, Александр Андреевич?*

А. Проханов: — Это я вам для вас говорю, вам бросаю кости. В вас бросаю все кости. Как он мог надеть на себя этот костюм из костей? Он весь в костях ГУЛАГа. Эти ценности, которые созданы там, должны были пойти и шли на строительство университетов, медицинских центров, научных образований. Он все это взял на себя. Он Москву превратит в Норильск.

М. Королёва: *— Ну, вообще Прохоров много занимается культурными программами, образовательными и так далее.*

А. Проханов — Ну, конечно. Ну, конечно. При нем расцвели все культуры. Я думаю, что при нем возникла новая русская опера и новые космические программы. Прохоров не имеет права. В его миллиардах содержится огромная моральная или антиморальная компонента. Он должен покаяться, понимаете? Он должен покаяться перед Россией за то, что он взял богатства. Он как мародер. Он, по существу, взял это

богатство из могил, из могил безвестных.

М. Королёва: *— Так. Я уже поняла, что вы против Прохорова.*
А. Проханов: — Да.

М. Королёва: *— Так, о морали. Какое впечатление на вас произвело сообщение о разводе Владимира Путина?*
А. Проханов: — Я рвал на себе волосы. Ужасно.

М. Королёва: *— То есть вы расстроились?*
А. Проханов: — Да никакого особенного впечатления. Во-первых, когда началась вся эта волна, связанная с обсуждением, я пытался внутренне психологически от нее отдалиться, не встраиваться в этот желтый вариант обсуждения. Это светская хроника, это все очень, конечно, сильно, модно. У меня есть какие-то суждения. Я их выскажу, но очень осторожно. Я не хочу вторгаться в эту тему глубоко. Меня этот развод огорчил. И я не в восторге от всего происшедшего. Раз.

Второе. Мне кажется, что не обязательно было его объявлять. И в таком объявлении о разводе есть нечто от Европы. Вот эти европейские лидеры — Саркози там, Берлускони — легко рассказывают о своих разводах, о своих любовных похождениях. И, может быть, поскольку мы стремительно европеизируемся, главе государства показалось, что это, может быть, достаточно эффектно. Но русское сознание, как бы его ни насиловали эти 20 лет, остается глубинно консервативным. И ему это не нравится.

М. Королёва: *— То есть, на ваш взгляд, лучше было бы?..*
А. Проханов: — Я продолжаю. И все эти аспекты вызвали во мне отчуждение. С другой стороны, я думаю, что в этом жесте, опасном очень политически и, так сказать, репутационно опасном жесте Путин тоже проявил смелость и открытость. Это вторая сторона события. То есть он рискнул, он понимал, что он рискует. И он рискнул, он пошел на это. И это говорит о том, что он чувствует достаточно большой репутационный запас. И в этом есть некоторая доля такой отваги и, может быть, даже благородства.

Но за пределами того, что я сказал, я больше не скажу ни слова.

М. Королёва: *— То есть вы не скажете даже о том, чего здесь больше было — плюсов или минусов для репутации, скажем, главы государства? Ну, вот в нашей ситуации, в ситуации российской.*
А. Проханов: *…*

М. Королёва: *— Я поняла. То есть больше ни слова. Хорошо. Тогда о морали, но в другом аспекте. Ангела Меркель сегодня призвала российские власти отменить закон о запрете пропаганды гомосексуализма. Ну вот вообще звучат на Западе очень такие, жесткие слова в последние дни в связи с этим законом. Вам не кажется, что вот это для репутации уже там не главы государства, а для репутации России, ситуация не очень хорошая?*

А. Проханов: — Нет, не кажется. Мне кажется, это резко повышает репутацию России в глазах в том числе европейского мира.

М. Королёва: *— Каким образом?*

А. Проханов: — Потому что Европа кипит восстанием против этой гомосексуальной диктатуры, которая идет. Вся Европа кипит ненавистью к педерастам. Вся Европа устраивает гигантские манифестации.

М. Королёва: *— Подождите. Вы Францию имеете в виду, где были, действительно, протесты против однополых браков? Это имеете в виду?*

А. Проханов: — Да не только Франция, а многие европейские страны.

М. Королёва: *— А где еще? А где еще?*

А. Проханов — В Англии, например. В Германии. Меркель не является, так сказать, выразителем всего общественного мнения Германии. Европа, только Европа. Я не говорю о Латинской Америке или о исламе, где все это невозможно. Европа прекрасно понимает, что перелопачиваются остатки фундаментальных европейских ценностей. Навязывается чудовищный антиевропейский концепт. По существу, содомия двигается на Европу из ветхозаветных представлений о сексе. Когда ангелы пришли в Содом, чтобы унять обезумевших, этих ангелов хотели изнасиловать педерасты Содома. И этого не случилось чудом — просто господь не попустил.

Поэтому этот закон правильный. Идет захват власти. Это так называемое меньшинство подпадает под теорию Шафаревича «Малые народы», когда малые группы, прекрасно организованные, захватывают власть над огромными неорганизованными массивами населения. В данном случае все население Земли — это и есть тот большой народ, над которым пытается захватить власть малый народ — гомосексуалисты. Они обладают огромными ресурсами — информационными,

культурными. Блестящие художники-гомосексуалисты проповедуют это.

М. Королёва: *— Ну, так они же блестящие художники прежде всего, наверное?*

А. Проханов: — Блестящие художники проповедуют гомосексуализм. Огромные комбинаты информационные.

Гомосексуалисты, которые являются меньшинством, — это уже политическая организация. Это политическая организация, которая ставит своих мэров, президентов. Это напасть, которая движется на мир.

М. Королёва: *— Подождите, Александр Андреевич. Подождите. Ну, вот Германия…*

А. Проханов: — Чего ждать-то?

М. Королёва: *— Подождите. В Германии нет однополых браков, они не разрешены, да? Там нет, собственно, пропаганды гомосексуализма. Но, тем не менее, Меркель говорит, что закон, принятый в России, противоречит духу Европейской конвенции по правам человека.*

А. Проханов: — Да ерунда все это.

М. Королёва: *— Всего-то! И у нас речь идет даже не об однополых браках.*

А. Проханов — Марина, да нет. Ну, что вы мне твердите? Меркель говорит так, как будто она старая лесбиянка. Хотя она не является таковой. Хотя она все время ходит в брюках. Я не знаю, почему. Это неприлично для женщины. Хоть один раз показала бы свои колени.

Поэтому то, что говорит Меркель, для России абсолютно не актуально. Россия начала сопротивляться, слава богу. Слава богу, что в последнее время Россия начала сопротивляться по всем фронтам. Она дает отпор неумело, несвоевременно, но дает отпор этим мощнейшим воздействиям по всем направлениям.

Поэтому закон — правильный. Гомосексуалистов, конечно же, не нужно казнить и сажать в тюрьму, но их нужно поставить на место. Они не должны лезть на трибуны.

М. Королёва: *— Подождите. В чем заключается это место? Вы о чем говорите сейчас?*

А. Проханов: — Место?

М. Королёва: *— Да?*

А. Проханов — Место — это тихие кабинеты, закрытые, с зашторенными окнами, где пускай они трахаются.

М. Королёва: *— Вот так вот.*
А. Проханов: — Ну, вот так вот, да.

М. Королёва: *То есть если это происходит где-то в высоких властных кругах…*
А. Проханов: Ну, я всё сказал.

М. Королёва: *— …то это разрешено, да? Тихо?*
А. Проханов: — Да где? В каких властных кругах?

М. Королёва: *— Ну, как вы говорите, в закрытых кабинетах это можно, да?*
А. Проханов: — Сегодня это можно. Это есть попустительство. Но имейте в виду, что разрешение гомосексуализма и разрешение однополых браков влечет за собой разрешение скотоложства. И я не исключаю, что где-нибудь во Франции, на юге Франции в Провансе, скоро сыграют свадьбу какой-нибудь дамочки и козла.

М. Королёва: *— Так. У меня, похоже, остается всего два вопроса. И первый из двух касается Эдварда Сноудена. Это бывший сотрудник ЦРУ, который решил остаться сейчас в Гонконге. Никаких заявлений на убежище в России он не подавал, хотя об этом речь уже велась. Даже Дмитрий Песков по этому поводу высказывался, потом Сергей Лавров, и так далее.*
Итак, он остается в Гонконге, будет судиться с США. Что думаете по этому поводу, по поводу казуса Сноудена?
А. Проханов: — Марин, это все чепуха.

М. Королёва: *— Так?*
А. Проханов: — Я только что вернулся с Брянщины, где праздновали годовщину рождения Тютчева, великого русского мистического поэта, поэта, который…

М. Королёва: *— То есть Сноуден вас не интересует?*
А. Проханов: — …который вместе с Пушкиным и Лермонтовым… Вы же русистка, вы должны это знать. Они произвели возрождение русского народа в период катастрофы, которая наступила после 1917 года. Они, благодаря сталинской политике, стали главными советскими поэтами и они перелопатили…

М. Королёва: *— Вы Тютчева имеете в виду?*

А. Проханов: — Тютчев, Лермонтов и Пушкин.

М. Королёва: *— Тютчева, который очень долго жил за границей?*

А. Проханов: — Тютчева, Лермонтова и Пушкина Сталин ввел в обращение. Они стали центральными поэтами всей советской культуры и литературы. И это перелопатило, перекодировало измученное сознание народа. Гитлер создал «Аненербе», чтобы возродить свой народ, а Сталин ввел в обращение этих великих поэтов. И эти поэты победили в 1945 году вместе с Т-34.

И я был в восхитительной усадьбе в Брянщине. Мы общались с губернатором, который создал эту удивительную усадьбу. Меня пригласил изумительный брянский человек, Олег Васильевич Розанов. Он член, кстати, нашего Изборского клуба. Это удивительное событие, говорящее о том, что русская провинция жива, что русский народ там живет национальными ценностями. Зачем нам этот црушник? Зачем нам вся эта парша? Давайте…

М. Королёва: *— Ага. То есть забыли про Сноудена?*

А. Проханов: — Да, забудем. Прочитаем удивительный тютчевский стих: «Отягченный ношей крестной, всю тебя, земля родная, в рабском виде царь небесный исходил, благословляя». Он видел Христа. Наш соотечественник видел Христа.

М. Королёва: *— Я так и знала, что этим закончится. Но давайте я вас тогда спрошу еще про один ваш любимый символ. Владимир Ильич Ленин. Телеграмму о возвращении Ленина в Россию после февральской революции в 1917 году сейчас продали с аукциона за 50 тысяч фунтов стерлингов.*

Знаете, что там в этой телеграмме?

А. Проханов: И что там?

М. Королёва: *— Он призывает там всех из Швейцарии, из Германии приезжать к нему, срочно телеграфировать, пока он в пломбированном вагоне через Германию поедет в Россию. Ленин-то ваш любимый иностранный агент все-таки был.*

А. Проханов: — Ну, может быть, он и был иностранный агент, но этот агент создал цивилизацию, которая разгромила Германию и разгромила Запад. И все эти агенты были, в конце концов, перестреляны и перебиты здесь. Вот такой иностранный агент.

А то, что документы революции продаются… А вы знаете, за сколько трусики Коллонтай были проданы? Они были проданы за 200 тысяч фунтов стерлингов. И кто их носил, вы знаете? Тэтчер.

М. Королёва: — Так. Это программа «Особое мнение» сегодня была. Это был День России, как вы поняли, Народный фронт, Изборский клуб…

12.06.13

Что-то пошло не так…

Т. Фельгенгауэр:*— Александр Андреевич, тут приходят срочные сообщения из Египта, поэтому я предлагаю начать с этой темы…*

А. Проханов: — Последнее сообщение, какое?

Т. Фельгенгауэр: *— Президент Египта предлагает создать правительство национального согласия и отказывается уходить в отставку для разрешения кризиса. Об этом сообщают информационные агентства. Считают, что это коалиционное правительство должно заняться подготовкой и проведением предстоящих парламентских выборов — это говорится в обнародованном заявлении канцелярии главы государства. Но, в отставку, напомню, он уходить не собирается. Что, по-вашему, происходит в Египте, почему такое серьезное обострение ситуации, и как это может закончиться? Все эти ультиматумы, заявления… На чьей стороне будет армия?*

А. Проханов: — Примерно полтора года назад я сидел в ночном ресторане на берегу Нила, и в этой черной нильской воде отражался какой-то золотой небоскреб. И я ужинал с политическим руководителем «Братьев мусульман» как раз накануне президентских выборов, когда у них был полный спектр парламентских выборов, и им предстояло выиграть президентские выборы. И сидящий со мной мой друг, политолог, предупреждал «Братьев мусульман»: «Вы сейчас берете власть, и казалось бы, что это полный ваш триумф, но за этим могут наступить ужасные кризисные времена, связанные прежде всего с тем, что обожающий вас народ поверит вам до конца, но, когда вы станете хозяевами Египта, вы не предложите *ему* даже черной корки, и возникнет голодных бунт. Возникнет абсолютная тотальная зависимость от американских рынков, куда запущен Египет и где он может хоть в какой-то степени пополнять свой бюджет. Вы будете марионетками Америки. Для вас это чрезвычайно сложно испытание. Испытание ума, испытание вашей политической воли, вашей политической казуистики, которой у вас еще нет — вы еще неопытны». И он предупреждал их об этом. Он не давал им рецептов победы, но теперь, спустя полтора года, я вижу, как он был прозорлив, потому что, действительно, это мусульманское исламистское, мягкорадикальное правительство Мурси — там же есть лидеры гораздо более радикальные, гораздо более сильные и волевые — оно не сумело восстановить контроль над страной. Оно не сумело

накормить народ, оно не сумело правильно взаимодействовать с армией. И против него создалась громадная коалиция, очень мощная.

Т. Фельгенгауэр: *— Правильно ли им сейчас цепляться за власть?*

А. Проханов: — Это будет стратегическое поражение, потому что «Братья мусульмане» шли к этому моменту десятилетия, а может быть, даже несколько десятилетий….

Т. Фельгенгауэр: *— И за полтора года все растеряли?*

А. Проханов: — Такова драма этих прославленных и славных людей, принесших огромные жертвы на пути к власти. Но времена меняются. Одно время — сражаться с Насером или с Асадом, а другое время — оказаться здесь, в новой среде, в новой экономической реальности. В общем, они, конечно, на глазах проигрывают эту власть, и дай бог, если это не кончится гражданской войной.

Т. Фельгенгауэр: *— Есть ли какой-то возможный сценарий, при котором потери будут минимальны с обеих сторон?*

А. Проханов: — Боюсь, что такого сценария не существует, потому что если президент откажется от власти или пойдет на требования американцев, Обамы провести досрочные президентские выборы, он потеряет лицо, а вместе с ним потеряет лицо все движение, а это страшнее, чем смерть — он об этом сам сказал.

Т. Фельгенгауэр: *— Но они уже потеряли доверие своего народа.*

А. Проханов: — Не своего народа — они потеряли доверие значительной части этого народа и, главным образом, они потеряли доверие армии. А армия в Египте — это такая специфическая среда. Это не просто военная среда — это во многом бизнес-среда. И, таким образом, армия, почувствовав, что на рынках творится неладное, что жизненный уровень в Египте стремительно падает, что египетский бюджет пуст начала волноваться.

Т. Фельгенгауэр: *— И что? Дальше будут какие-нибудь, там, «цветные» полковники…, еще какие-нибудь полковники?*

А. Проханов: — Я думаю, что будет гражданская война. У «Братьев мусульман» есть боевые фракции, боевые отряды, и если армия будет вмешиваться в этот политический кризис — а она

как будто бы хочет вмешиваться, — получит отпор. А боевые отряды есть не только у «Братьев мусульман», а и у других религиозных движений и у светской части. В общем, Египет показывает нам, что такое «арабская весна», что такое хаотизация арабского мира, что такое хаотизация Северной Африки. Египет — это еще одна страна, вслед за Ливией, вслед за Тунисом, вслед за Ираком, вслед за Сирией, где возможно крупное кровопролитие. Я не могу сказать вам, что таков стратегический план американцев — многие сваливают на американцев идею хаотизации Ближнего востока и Северной Африки, чтобы управлять этим хаосом и выиграть битву за этот восток.

Т. Фельгенгауэр: *— Ну, что же, американцы должны были написать какой-то план экономической политики для «Братьев мусульман», что ли, чтобы не случилось того, что случилось?*

А. Проханов: — Если американцы писали экономический план для Гайдара и для России, почему бы не написать этот план для «Братьев мусульман»? Но, мне кажется, что американцы в какой-то момент испугались усиливающегося исламизма в Египте, потому что от этого усиления трепещет Израиль — стратегический союзник Соединенных штатов.

Т. Фельгенгауэр: *— То есть в итоге все-таки это не провал «Братьев мусульман», а Америка виновата?*

А. Проханов: — В итоге — общая ситуация на Ближнем Востоке и в мире, где все от нее страдают, и каждый хочет не мира и гармонии, а выигрыша за счет соседа, за счет других людей.

Т. Фельгенгауэр: *— Давайте поговорим про Сноудена. Ситуация развивается, становятся известны всё новые подробности. В частности, сейчас все обсуждают, возможно, его политическое убежище, потому что разосланы запросы в разные страны. По очереди как-то многие отказываются. Что делать России — непонятно. Сегодня вообще была какая-то удивительная ситуация с самолетом Эво Моралеса, который обыскивали в поисках Сноудена. Сноудена там не нашли. Ну, в общем, скандал международный продолжается, разгорается. Все со всеми перессорились, тем не менее, Сноудена по-прежнему никто не видел — роман!*

А. Проханов: — Да, ситуация развивается, и просматривается — правда, очень робко — конспирология всего случившегося. Один мой друг, очень большой специалист, конфликтолог, высказал удивительное предположение. Он сказал, что за

обычным агентом — если бы Сноуден был обычным агентом…

Т. Фельгенгауэр: *— Он же вообще не был агентом…*

А. Проханов: — Ну, сотрудник спецслужб. За ним бы так не охотились. Америка проявляет потрясающую настойчивость и размах в своем желании вернуть Сноудена себе. То есть речь идет о каком-то очень нерядовом человеке, и очень нерядовой ситуации, с ним связанной. Сам по себе выброс такой информации, конечно, болезнен для Штатов, но он не является трагическим. Мой коллега высказал предположение, что в той горе, в том ворохе секретной информации находится код начала войны. Такие коды есть во всех странах. Коды, согласно которым, в результате очень сложной комбинаторики, взвешивания всех факторов: политических, военных, ситуационных — самых разных — приходят к выводу, что война неизбежна, и надо наносить превентивный удар. Такие коды, такая математическая формула существуют во всех странах, в том числе и в Штатах, и, быть может, Сноуден является человеком, который владеет этим кодом, или он владеет тем ворохом информации, куда зарыт этот код.

Т. Фельгенгауэр: *— А знает об этом только США.*

А. Проханов: — Этим объясняется эта сумасшедшая активность. Если, например, Сноуден оказывается вне пределов США, находится, например, в распоряжении российских спецслужб, то российские математики, российские конспирологи, дешифраторы могут выявить этот код, а это уже просто катастрофа. Это катастрофа, гораздо большая, чем та, когда англичане сумели захватить шифровальную машину германских…

Т. Фельгенгауэр: *— Сейчас — стоп! Прекрасная конспирология. Вопрос: Об этом знают только США? Потому что, наверное, если бы знали все остальные — была бы борьба за Сноудена? А мы понимаем, что пока он, вообще-то, никому не нужен, и неясна вообще его судьба.*

А. Проханов: — Борьба за Сноудена идет. И эта борьба идет между Штатами и Россией. И она очевидна, и они приобретает все более драматический характер.

Т. Фельгенгауэр: *— Владимир Путин как-то настаивает на том, что «ребята, давайте жить дружно. Этот Сноуден — ну, да, пусть он только…»*

А. Проханов: — Это совсем другое. Во-первых, Путин сказал,

что он готов рассмотреть предоставление ему политического убежища, если Сноуден откажется от своих попурри, если он откажется от роли правозащитника, если он умолкнет и скроется в недрах российского общества, грубо говоря, — в недрах российских спецслужб, которые начнут вытаскивать из него эти коды. Может, восьмизначные цифры или стодвадцатизначные цифры. Путин сказал (спецслужбы именно так расценили его предложение): хватит заниматься дурью, хватит заниматься пиаром и этими дурацкими правами человека — давайте займемся кодами объявления войны. Это раз. Второе: Путин блестяще сказал, что сегодняшняя Россия никогда никого никому не выдавала и не выдаст.

Т. Фельгенгауэр: *— Но это же не так.*

А. Проханов: — Это заявление абсолютно контрастирует с подлой политикой Горбачева, который всех всегда постоянно выдавал.

Т. Фельгенгауэр: *— Вот мой коллега Владимир Варфоломеев даже вывесил отчеты, именно по поводу выдачи, обмена — это официальные заявления. У нас можно на сайте, в блоге Владимир Варфоломеева посмотреть эти цифры.*

А. Проханов: — Ни одна из громких фигур не была выдана американцам.

Т. Фельгенгауэр: *— Погодите! Путин сказал: «Мы никогда никого не выдаем». Он не сказал: «Мы не выдаем громкие фигуры».*

А. Проханов: — Жуликов, убийц, наркоманов и садистов, наверное, мы выдаем по уголовным делам. Речь идет о политических беженцах. Мы никогда не выдавали, Россия не выдавала Хонеккера, и Россия не предавала Наджибуллу, и путинская Россия не предавала — это все удел предшественников Путина. Поэтому он этим заявлением, во-первых, отгородился от постсоветских и ранних российских имен, когда всех и все выдавали, когда Россия была синонимом предательства, когда мы предавали не только лидеров, но и целые страны, целые цивилизации. Путин отгородился, так что это все, конец! С другой стороны, это заявление — это, по существу, дерзкое заявление, которое усиливает конфронтацию между Америкой и Россией, это заявление сильного человека, это заявление очень мужественного человека, это абсолютно не мальчишеское заявление, сделанное в запальчивости. Это заявление человека, который произнес в свое время «мюнхенскую речь».

Т. Фельгенгауэр: *— Прекрасно! Владимир Путин — молодец, это я поняла. Что со Сноуденом в итоге? Мы его как-то к себе, все-таки?..*

А. Проханов: — Мне кажется, что в конце концов он исчезнет в недрах российских спецслужб. Но это будет обставлено…

Т. Фельгенгауэр: *— Вы же понимаете, что это невозможно? Ну как?*

А. Проханов: — Почему невозможно?

Т. Фельгенгауэр: *— То есть он… ну, потому что все следят за судьбой этого человека. Он не может просто исчезнуть.*

А. Проханов: — Он попросит политического убежища, он примет условия, которые предлагают ему…

Т. Фельгенгауэр: *— То есть мы дадим ему….*

А. Проханов: — …Политическое убежище, и он исчезнет, и о нем все забудут.

Т. Фельгенгауэр: *— Теперь все понятно. Теперь вы мне все объяснили, теперь я все поняла.*

А. Проханов: — Ну, слава тебе, господи!

Т. Фельгенгауэр: *— Да, видите, сколько минут вам приходится тратиться на меня, чтобы это все объяснить. Давайте теперь объясните мне про Российскую академию наук, потому что это конфликт, который мне совсем не понятен. Встречался сегодня Владимир Путин и с министрами, и с президентом РАН Владимиром Фортовым. И сам Путин говорит, что в целом, хоть реформа необходима и есть правильные вещи, но есть и спорные моменты. Вы мне можете объяснить, что происходит с реформой РАН? Кто кого там одолеет?*

А. Проханов: — Я не могу вам этого объяснить, но я могу понять фон, на котором происходит эта реформа.

Т. Фельгенгауэр: *— Хорошо, фон — это тоже очень важно.*

А. Проханов: — Этим фоном являются мои два визита, которые я сделал на прошлой неделе. Первый визит на коллегию министерства обороны, которую вел новые министр обороны Шойгу, и на конференцию (где я видел, кстати, Сергея Бунтмана), которую вел Рогозин. И та и другая встреча не порадовали. Скажем, Рогозин сказал, что мы чудовищно отстали, что американцы этой весной испытали ракету, идущую на гиперзвуке. То есть это гигантская скорость ракеты, которая уменьшает

подлетное время к нашим объектам в десятки раз. И американцы будут очень скоро в состоянии создавать это сверхточное качество в массовом количестве, и тогда они уничтожат наш ядерный потенциал. Примерно 95 % нашего ядерного потенциала будет уничтожено этими неядерными средствами. А оставшиеся 5 % будут перехвачены американскими ПРО. Для того чтобы такого не произошло, нам нужно преодолеть это чудовищное отставание. Чудовищное отставание преодолевается не инженерами, и не рабочими, и не политическим руководством — это отставание преодолевается наукой, сверхсовременной наукой. Скажем, гиперзвуком занимается Сибирская академия наук. Там есть группа ученых, которые идут по этому направлению. Вообще, в новых вооружениях, конечно, первым делом участвует наука, и разгром науки окончательно закрепит стратегическое превосходство американцев.

Т. Фельгенгауэр: *— А реформа РАН — это, по-вашему, разгром науки?*

А. Проханов: — Да, это разгром, это второй этап разгрома сталинской науки.

Т. Фельгенгауэр: *— А почему Владимир Путин это в целом одобрил, сказал, что это нужно делать, и как можно быстрее?*

А. Проханов: — А потому что это второй этап разгрома науки, ибо первым был отказ финансирования науки. С перестройки, со второй половины перестройки в 90-е годы, наука не финансировалась…

Т. Фельгенгауэр: *— А в «нулевые годы»? Сейчас же 2013 год.*

А. Проханов: — В нулевые годы она начала финансироваться, когда появились кое-какие деньги, но большинство их них пошло не на науку, а на поддержание банков во время кризиса. Но было уже поздно. Первый этап — это превращение ученых в голодающих, не имеющих денег на оборудование, на исследования людей. И их держали в таком состоянии примерно 15–20 лет, а потом, поскольку они состарились, бездействуют, у них нет реальных результатов труда, их уничтожают за ненадобностью — вот, в чем лживость этой ситуации. И я думаю, что такого рода подход — он трагический, ошибочный, если не преступный.

Я думаю, что Путин сыграет на попятную. Вначале казалось, что это триумфальное шествие Медведева, и наука будет уничтожена, а особняки, земли, сады и лаборатории поступят в распоряжение богачей, которые сделают на этом большой бизнес.

Теперь, по-моему, когда мы видим такое бурное неприятие ученых, пикеты — я думаю, что будут самосожжения. Потрясающее письмо восточносибирских ученых, потрясающее, исполненное такого алармизма! Замечательное выступление коммунистов, как будто они проснулись от этой спячки. Если бы академики — они, увы, старые — обладали волей и вышли бы на демонстрацию в большем количестве, пошли бы на попятную. И, может, как ни странно, этот скандал с Академией наук был бы достаточным поводом для Путина, чтобы наконец распустить это дурацкое правительство и отправить Медведева послом в Ливию.

Т. Фельгенгауэр: *— Почему в Ливию?*

А. Проханов: — Ну, Ливия — это любимая страна Медведева. Все, что там произошло, произошло благодаря Медведеву.

Т. Фельгенгауэр: *— То есть, вы считает, что сегодняшнее заявление Владимир Путин — это не окончательная его позиция?*

А. Проханов: — Это компромиссное решение, сделанное им под давлением нарастающего скандала. Скандал будет нарастать.

Т. Фельгенгауэр: *— Подождите! Если скандал нарастает, он, наоборот, должен как-то более явно занять чью-то сторону, а сейчас он как-то ни туда, ни сюда…*

А. Проханов: — Потому что скандал…

Т. Фельгенгауэр: *— Но, скорее, на стороне министерства.*

А. Проханов: — Скорее на стороне министерства. Если бы не было скандала, он без оговорок одобрил бы этот закон. Но скандал должен разрастаться. В него, абсолютно точно, будет включен Жорес Иванович Алферов, и такое мнение Нобелевского лауреата и, вообще — цвета российской интеллигенции… Ученые — это цвет интеллигенции. Это не Болотная площадь. Это интеллигенция с мировым значением. И это все расценивается, как катастрофа не меньшая, чем назначение Сердюкова в армию, который разогнал ГРУ, уничтожил военную медицину, уничтожил военное образование. Теперь Шойгу восстанавливает с огромными трудами. Академию не восстановишь, потому что это обрушение, которое может произойти, будет необратимо.

Т. Фельгенгауэр: *— Что в этой ситуации можно сделать, кроме того, что отменить реформу, чего может и не случиться?*

А. Проханов: — Отменить реформу. Действительно, дать Академии деньги на исследования по стратегическим направлениям. И постепенно, очень аккуратно, наводнять

Академию новым контингентом, то есть давать дорогу ученым среднего, зрелого, а может, и молодого возраста, чтобы сменить это поколение великих наших «старцев» поколением более дееспособных и молодых.

Т. Фельгенгауэр: *— Вы согласны с Владимиром Путиным, что зря чиновники получают звания академиков, им нужно вообще определиться, где они работают?*

А. Проханов: — Конечно, это правильно, но это абсолютно не определяющее условие.

Т. Фельгенгауэр: *— Чистку рядов-то надо провести?*

А. Проханов: — Чистку рядов надо провести в правительстве. Нужно провести чистку рядов во всем обществе, но только не через увольнение, а через другие методологии…

Т. Фельгенгауэр: *— Я боюсь подумать, на что вы намекаете, если честно! Не через увольнения…*

А. Проханов: — Попробуйте угадать.

Т. Фельгенгауэр: *— Нет, я боюсь, что тут будет сразу 282-я статья и прочее. Вы же знаете, какие у нас депутаты? Вообще слова сказать нельзя — сразу уголовное наказание, штраф, тюрьма, расстрел.*

А. Проханов: — Нет. Дело в том, что общество наше предельно демобилизовано, оно предельно демобилизовано! Ни одно общество мира так не демобилизовано, как наше. В результате этого падают ракеты, в результате этого возникает дикая безответственность правительства.

Т. Фельгенгауэр: *— Про падающие ракеты: «Протон-М» взорвался в прямом эфире, комментарий: «Что-то пошло не так»… Вот что-то пошло не так. Что происходит? Это не первая авария «Протона».*

А. Проханов: — Я вам говорю: это не первая и не последняя. Это не результат неверного соединения контактов, это не результат того, что неправильно соединили одно ведомство с другим…

Т. Фельгенгауэр: *— Прошлый раз полторы тонны окислителя случайно залили лишних. Это что — тоже развал науки?*

А. Проханов — Нет. Это предельная, я повторяю, демобилизация нашего общества. Общество демобилизовано. Люди, которые еще, казалось бы, исторически совсем недавно

совершили чудеса героизма, были организованны, шли в коллективах, артелях, батальонах, в научных школах на штурм неведомого и недостижимого — сегодня разболтаны, не имеют интереса к своей профессии, думают только о кошельке, о себе самом, лишены корпоративной чести и этики. И в атмосфере этой демобилизации будут падать ракеты, взрываться атомные станции, министры будут совершать должностные преступления.

Т. Фельгенгауэр: *— Кто демобилизует общество?*

А. Проханов: — Общество демобилизует формула: «Насыщайся, обогащайся! Родины у тебя нет, страна — тупиковая, народ — дебил, Запад…»

Т. Фельгенгауэр: *— Что можно с этим сделать? Вы говорите, что общество демобилизовано…*

А. Проханов: — Причина — отсутствие огромной работы, которая всегда организовывала жизнь в России, отсутствие сверхзадачи национальной. Особенно это важно в космосе, потому что космос создавался как гигантский мобилизующий рывок. Космос и ядерная энергетика — это был пример колоссальной мобилизации и гигантской организации людей, колоссального количества людей. Теперь этого нет — теперь общество демобилизовано. Есть один удивительный пример, опровергающий…

Т. Фельгенгауэр: *— Я прошу прощения, вынуждена вас прервать, потому что египетский телеканал «Аль-Хаят» сообщает о том, что Мухаммед Мурси помещен под домашний арест. Официальные источники пока не подтверждают эту информацию, но местное телевидение говорит, что Мурси под домашним арестом. Такой поворот ожидаемый?*

А. Проханов: — Конечно, ожидаемый. Это поворот, который является этапом гражданской войны. Я думаю, что за Мурси выступят боевые организации «Братьев мусульман». Армия будет пресекать эти столкновения, и Тахрир станет красным от крови. Итак, я продолжаю: демобилизация, в которой находится наша многострадальная страна сегодня, преодолима. Я вчера вернулся из Белгородской области, от губернатора Савченко. Я видел потрясающую райскую землю, которая мобилизована единым порывом, единой любовью, единым ощущением огромной стратегической победы и любви. Я был в райской земле, я видел землю, которой руководит потрясающий человек Евгений Степанович Савченко, соединяющий божественное представление

о смысле жизни, о человеке, о Родине, о России с потрясающим ощущением модерна, модернизма. Эти технологии, эти поля… Среди этих ухоженных полей, где колосятся хлеба, где зеленеют злаки, вдруг возвышаются хрустальные города-теплицы, которые приносят три урожая в год. Кристаллы каких-то новых сверхсовременных производств, мясных комплексов. Это мир…

Т. Фельгенгауэр: *— Вы думаете, Белгородская область нас мобилизует?*

А. Проханов: — Да. Это область, в которой произошла мобилизация без ГУЛАГов, без расстрелов, без насилия сталинского. Его мобилизовала идея человека, идея блага. Это область, где не воруют.

Т. Фельгенгауэр: *— Может, ему выдвигаться в президенты?*

А. Проханов: — Я бы хотел увидеть такого президента, но я думаю, что у Савченко нет опыта руководства столь гигантской и сложной страной. Савченко — это драгоценный, редкий, чудом возникший персонаж среди нашей кромешной реальности. То есть мобилизация возможна. То есть мобилизация и победа возможна: не воруй, люби народ, бойся бога, привноси в свою экономическую деятельность, основанную на «вестернизации» — потому что оборудование западное, — привноси православную идею добра, справедливости, и ты победишь! Там люди — они милы, они вежливы, они не агрессивны, они спокойны. Мне кажется, что есть два места на земле: Белоруссия и Белгородская область, где люди не чувствуют этого страшного гнета.

Т. Фельгенгауэр: *— Белоруссия не чувствует страшного гнета. Хорошо.*

Здесь по выборам интересные новости приходят. 8 сентября — выборы мэра, это единый день голосования. В том числе будут выбирать мэра Москвы и губернатора Подмосковья. Не сговариваясь — а может, и сговариваясь, но выглядит довольно глупо, — кандидаты выступили с очень интересными заявлениями. Два кандидата. Андрей Воробьев — выдвиженец от «Единой России» и временно исполняющий губернатора Московской области — сказал, что он будет призывать муниципальных депутатов отдавать свои подписи за всех кандидатов в губернаторы и персонально поможет Геннадию Гудкову пройти муниципальный фильтр. И вслед за ним Сергей Собянин — тоже кандидат в мэры Москвы, временно исполняющий обязанности мэра Москвы — заявил, что он попросит муниципальных депутатов оказать поддержку и поставить свои подписи за кандидата Алексея

Навального, чтобы он прошел муниципальный фильтр. Как вам такой поворот событий?

А. Проханов: — Мне нравится. Это богатыри. И Воробьев, и Собянин — это богатыри, это рыцари, это люди настолько сильные и мощные, что против них все просто боятся выходить на поединок, и они вынуждены, эти добрые рыцари, создавать себе противников.

Т. Фельгенгауэр: *— Погодите! Алексей Навальный, по-моему, не боится, а вполне себе бьется за каждый голос муниципального кандидата и, наоборот, говорит: «Ребята, давайте! Я собираю ваши голоса», и всячески работает над этим.*

А. Проханов: — Он не пройдет эти муниципальные фильтры, если ему не поможет Собянин. Если он их не пройдет, Собянин будет в одиночестве гарцевать на своем коне, сверкать доспехами, а ему нужен противник, и он создает себе противника.

Т. Фельгенгауэр: *— Зачем тогда эти муниципальные фильтры были созданы?*

А. Проханов: — Ну, это же было придумано, чтобы туда не прошли какие-нибудь безумцы. Вдруг вместо Собянина оказалась бы, не знаю, может быть, Собчак, Ксения Собчак…

Т. Фельгенгауэр: *— Собянина назначили, я вам по секрету скажу: назначили.*

А. Проханов: — Вдруг вместо Собянина и Воробьева оказалась бы Собчак… Вот чтобы «собчачки» не проходили, им создают эти непроходимые препятствия в виде фильтров.

Т. Фельгенгауэр: *— Да, но эти непреодолимые препятствия отсекают вообще всех, кроме правящих партий. Удивительно!*

А. Проханов: — Вот я и говорю, чтобы эти богатыри не казались одинокими и печальными, им создают мишени, им создают пищу для поедания.

Т. Фельгенгауэр: *— То есть Алексей Навальный — это пища для поедания Сергея Собянина?*

А. Проханов: — Конечно, это еда, это вкусная, сочная, питательная еда для Собянина.

Т. Фельгенгауэр: *— Но, если бы не было фильтров, а были открытые и честные выборы: участвуй, кто хочет, — шансы Собянина, Навального не сильно бы поменялись?*

А. Проханов: — Если были бы честные, открытые выборы, то

победили бы русские националисты и в России установилась бы русская диктатура.

Т. Фельгенгауэр: *— Да что вы?!*

А. Проханов: — Да вот в самом деле — так бы и было!

Т. Фельгенгауэр: *— А так у нас — Владимир Путин.*

А. Проханов: — А так у нас Владимир Путин, Собянин, был Лужков, Церетели, Кобзон и так далее… Я считаю, что эти фильтры необходимы, чтобы поддерживать сложившийся в 91-м году клад.

Т. Фельгенгауэр: *— Но вы хотите, чтобы в выборах мэры участвовал Алексей Навальный?*

А. Проханов: — Да мне как-то все равно. Я знаю, что если он будет участвовать, это будет позорище для него — его пронзит копьем наш Пересвет-Собянин.

Т. Фельгенгауэр: *— А про Подмосковье что скажете?*

А. Проханов: — То же самое.

Т. Фельгенгауэр: *— Всё то же самое, просто меняем фамилии на Воробьев и Гудков.*

А. Проханов: — Я думаю, что, конечно, Воробьев, как и Собянин — они идут на выборы, но ведь никто из них не скажет, на какое место они пришли. Воробьев не скажет о своем предшественнике Громове, который превратил богатейшую Московскую область в банкрота, он не скажет о том, что эту область разворовали близкие к Громову люди, его вице-губернаторы. Он не скажет, что он пришел на коррумпированное поле и что он готов бороться с этой коррупцией. Сейчас, совсем недавно, я узнал, что выпустили из-под ареста (под домашний, правда, арест или подписку о невыезде) Игнатенко, этого прокурора игорного бизнеса. А Собянин не скажет, что он пришел в Москву, которая являет собой чудовищный коррупционный спрут. И что он, по существу, унаследовал все эти связи, все эти мафиозные отношения. Он не ударил по ним. Он не скажет об этом. Ну, что мне радеть об этих выборах, когда Москва была и остается прежней? Я не хожу на выборы уже давно.

Т. Фельгенгауэр: *— Ив Москве ничего не изменилось?*

А. Проханов: — В Москве, мне кажется, возникло только ухудшение, потому что создание новой Москвы, Большой Москвы — чудовищная идея сама по себе. Это расширение Москвы до

Калуги, при обезлюдевшей Сибири и Дальнем Востоке. То есть эта Москва будет всасывать в себя, как помпа, как пылесос отвратительный, будет засасывать в себя остатки населения всей остальной России, которая чахнет, деградирует и превращается в пустыню для заселения другими народами.

Т. Фельгенгауэр: *— На такой печальной ноте мы сегодня заканчиваем…*

03.07.13

Проханов — Навальный: поединок или союз?

А. Проханов: *— Я выступаю сегодня в совершенно необычном амплуа ведущего. И мой гость — Алексей Навальный, который пожаловал ко мне на этот поединок.*

Алексей Анатольевич, вы в своих ристалищах предвыборных постоянно говорите о коррупции, воровстве. Ваш оппонент говорит о туннелях, пробках, детских площадках. И он, и вы рветесь, в общем, на московский престол. Вы хотите захватить Москву. Но ведь Москва — это не только пробки, не только ворующие чиновники. Москва всегда для России была иконой, Москва всегда для России была таинственным, восхитительным, любимым местом, ради которого русские люди головы слагали. 28 панфиловцев погибли под Москвой. Минин и Пожарский пришли сюда сражаться. Вы расскажите, что для вас Москва и почему Москва сегодня перестала быть для русских иконой. Почему из Москвы льются эти темные яды, а вся остальная Россия отталкивается от Москвы. Мне бы хотелось узнать: стремясь придти в мэрию, стать московским великим князем, как вы будете возвращать Москве ее таинственное мессианское значение?

А. Навальный: — Во-первых, я хотел бы отметить, что если мы сейчас у граждан России спросим их мнение о Москве, то, уверяю вас, мы услышим какие угодно эпитеты, но вовсе не икона и не какое-то святое место, в которое все рвутся. Эпитеты будут не очень хорошие. Моя борьба за пост мэра Москвы — как раз борьба против того, чтобы кто-то, какие-то чиновники или какие-то люди, которые претендуют на то, что они великие государственные мужи, относились к посту мэра Москвы, как к престолу. Они сейчас считают, что они князья, что они сидят на каких-то престолах и распоряжаются грандиозными богатствами Москвы, а богатства Москвы — это богатства всей России. Я хочу стать мэром города, который за те большие деньги, что у нас есть, обеспечит москвичам нормальное европейское качество жизни. Москва же очень богата. В отличие от всей остальной России. Бюджет Москвы уступает только бюджету Нью-Йорка и Шанхая. У нас средняя зарплата в Москве сопоставима с уровнем дохода жителей Испании. Почти сопоставима с уровнем дохода жителей Италии. Но качество жизни, согласитесь, в Испании и Италии намного выше, чем в Москве. Поэтому я, наверное, вас разочарую: я каких-то метафизических целей перед собой не ставлю, я перед собой ставлю цель одну — придти в город и сделать так, чтобы

его богатства работали на москвичей.

А. Проханов: *— Они и сейчас работают на москвичей против всей России. Сейчас Россия смотрит на тучную, сытую, золоченую Москву и смотрит на свои гнилые жилища. Я просто говорю, что вы идете в Москву для того, чтобы сделать жизнь москвичей еще лучше.*

А. Навальный: — Не совсем.

А. Проханов: *— Но, став таковой, жизнь обеспечит остальным русским гражданам их трущобы и гнилые дома, и тусклые лампочки в подъездах.*

А. Навальный: — Не совсем так. Сейчас, если мы видим тучное, жирное и светящееся золотом, как вы говорите, то это как раз московский бюджет. Но он работает не на москвичей, обратите внимание, несмотря на то, что Москва привлекает граждан со всей России сюда и даже граждан из ближайших стран, качество жизни москвичей от этого не растет. Москвичи только страдают оттого, что все приезжают в Москву. В Москве очень дорого, практически невозможно жить в Москве. Еда в два раза дороже, чем в любой европейской стране. Одежда в два раза дороже. Бензин дорогой. Уровень жизни в Москве очень дорогой. Экология отвратительная. У нас действительно, вы правильно сказали, есть тучный бюджет, но, к сожалению, этот тучный бюджет сейчас используется в интересах определенной группы лиц. Если мы посмотрим на стоимость любой транспортной развязки, она в два раза дороже. Но это же не показатель того, что мы шикарно живем. Это показатель того, что очередной человек, засланный из Кремля, из мэрии, станет миллиардером на этой развязке и увезет этот миллиард куда-то в Швейцарию. А и москвичи, и жители Рязани в такой древнерусской тоске будут за этим наблюдать и понимать, что что-то происходит не так.

А. Проханов: *— К сожалению, вы меня не услышали. Потому что я говорил о вещах, не связанных с развязками, Москва ценна для России и для всего человечества своей неповторимой московской тайной. Хорошо, я зайду, спикирую на вас с другой высоты. Под другим углом. Вы сказали о вывозимых из Москвы миллиардах. Они вывозятся, в общем-то, не из Москвы. Они вывозятся из России.*

А. Навальный: — Совершенно верно.

А. Проханов: *— Москва — это помпа, это страшный пылесос, с помощью которого вывозятся все ценности, добываемые в России.*

В Москве существуют банки, конторы, корпорации, которые транслируют любую русскую копейку, которая заработана где-нибудь в Сибири, Норильске или на нефтяных полях Тюмени, за границу. Вкладывают в другую цивилизацию. Поэтому Москва сама по себе является маткой, из которой вылез в 1991 году этот страшный чудовищный олигархический уклад. И вы придете сюда опять ремонтировать дороги, вы придете сюда бить по рукам вороватых чиновников, улучшать жизнь в Москве…

***А. Навальный*: —** Можно я вас спрошу. Причем тут Москва?

А. Проханов: *— Это Москва.*

А. Навальный: — Это не Москва, это просто система власти. Можно тогда сказать, что они вылезли в свое время из Екатеринбурга в виде Ельцина, потом они вылезли из Питера в виде Путина. На самом деле города здесь ни при чём. Просто определенная группа людей захватила, узурпировала власть и устроила финансовые потоки таким образом, что национальное богатство, национальная рента работает на их обогащение. Вы же правы совершенно, когда говорите, что Москва все высасывает. Но Москва в этом смысле является транзитным пунктом. Мы же за последние 15 лет продали нефти и газа на 3 триллиона долларов, колоссальные деньги. На аналогичные деньги Брежнев построил фабрики и заводы. Обустроил всю страну. Что получили мы за последние 15 лет? Назовите мне хоть одно предприятие, которое было построено в России. Поэтому я, наверное, во вторую, в десятую, в 25-ю даже очередь могу говорить о каких-то высоких материях, но сейчас я бы хотел говорить приземлено, может быть, я просто говорю о том, что есть какие-то процессы, которые нужно наладить в Москве. Если мы в Москве сократим уровень коррупции хотя бы на 25 %, что запросто можно сделать, я точно знаю, как сделать, колоссальные богатства достанутся москвичам.

А. Проханов: *— Допустим, я допускаю, что мы сократим уровень коррупции, но ведь уклад, который был создан, он перекачивает русские богатства за границу без коррупции. Он перекачивает их по закону — так устроен уклад, так устроены законы, корпорации. Вы, собираясь стать лидером Москвы, вы хотите в целом в дальнейшем (не на уровне Москвы конечно, а в дальнейшем, потому что ваша карьера может длиться и дальше) проламывать кремлевские стены, вы хотите менять этот чертов уклад. Это страшный чертов уклад, который затолкал нас в черную дыру.*

А. Навальный: — Совершенно верно. Это главная задача моей политической деятельности. Я хочу, чтобы национальные

богатства России работали на народ России.

Вот эту помпу, которую вы описываете так замечательно художественным образом, я ее наблюдаю совершенно предметно, когда занимаюсь расследованием коррупции во всех этих «Газпромах», «Роснефти» и так далее. Это совершенно конкретные вещи. Я бы не назвал это укладом. Это просто достаточно примитивная грубая финансовая схема. Вы же знаете, что у нас главный торговец российской нефтью, друг Владимира Путина Геннадий Тимченко, даже отказался от российского гражданства. Он гражданин Финляндии, проживающий в Швейцарии, через свою швейцарскую оффшорную контору продает большую часть российской нефти, а сейчас он еще в Москве строит метро и дороги. Это же не уклад. Это конкретные три человека, которые сказали: «Давай, ты заходишь на всю нефть, и всю нефть мы будем продавать через твою контору, ты на этом станешь миллиардером». Он и стал миллиардером. Что же здесь говорить про уклад? С этим не согласен никто. 99 % жителей России вопиют просто, они не согласны, и я строю свою политическую деятельность, в том числе для того, чтобы им помочь.

А. Проханов: *— Как это делать? Резать головы, отсекать от кормушки, устраивать революцию? Речь идет об изменении, повторяю, уклада, об изменении гигантского комплекса сложившихся отношений после 1991 в России, речь идет о смене элит. Как менять элиты, через что?*

А. Навальный: — Мой ответ — концентрация политической воли, которая сейчас есть у граждан России. Все осознали, что происходит. Мы должны эту политическую волю сконцентрировать и выразить, в том числе на выборах 8 числа.

А. Проханов: *— Хорошо, политическая воля — прекрасно, более того, политикой без политической воли заниматься бессмысленно. Вы идете в политику, вы резко идете в политику, вы идете в политику, как стенобитная машина. Окованная стальным…*

А. Навальный: — Да я как мягкий котик иду. Никакого нет железа, я говорю о совершенно нормальных, очевидных вещах. Я выступаю перед молодежью, перед бизнесменами, перед пенсионерами. Это очень простые вещи. Для чего нам нужна стенобитная машина? Чтобы убедить граждан, что нехорошо продавать нефть через оффшорную компанию? Что нефть и газ должны работать на граждан России? Все с этим согласны. Задача даже не ломать никакую стену, а задача просто собрать вот сейчас на выборах в Москве два миллиона человек, которые

придут на выборы и скажут: «Все, мы больше так не хотим. Мы не хотим, чтобы любая московская дорога стоила в три раза дороже, чем в Европе. Не хотим. Прекратите».

А. Проханов: *— Алексей, это наивно.*
А. Навальный: — Почему?

А. Проханов: *— Да потому что собрались полтора миллиона москвичей в 1991 году и сказали: «Мы не хотим так жить». И после того как они сказали: «Мы не хотим так жить», — возник Тимченко. Или где-нибудь в «Солидарности» сломали Ярузельскому хребет, и после этого возникла несчастная, обездоленная, лишенная перспектив стратегических Польша.*
А. Навальный: — К сожалению, да, случилось так, что вышли в 1991 году, сказали: «Мы не хотим». Они изменили то, что хотели изменить. Но они были обмануты людьми, которые обещали им замечательную жизнь…

А. Проханов: *— Попробуйте не обмануть еще раз москвичей. Объясните: если вы идете во власть, вы же идете не для того, чтобы просто победить? Вы идете во власть, по всей видимости, с каким-то большим проектом?*
А. Навальный: — Я хочу изменить жизнь к лучшему. Я хочу остаться тем же самым человеком, который живет той же самой жизнью, своей семьей, тем же самым образом жизни, и который способен продемонстрировать всем, что власть — необязательно обогащение. Что власть — необязательно работа на себя и на своих друзей.

А. Проханов: *— А что такое власть? Ведь имейте в виду, власть — это концентрированная воля народа, который реализует через власть свой исторический путь. У вас есть большой проект, вы идете во власть для того, чтобы преобразовать Россию, перевести ее из одного цивилизационного уровня в другой? Или вы идете для того, чтобы захватить власть? Потому что в ваших речах, которые действительно наносят большой урон власти, больно ранят власть, я не вижу дыхания больших концепций, больших проектов. Русский президент, русский царь без этого большого проекта — он ничто.*
А. Навальный: — Александр Андреевич, вы писатель и поэт, поэтому, наверное, если…

А. Проханов: *— Я историк.*
А. Навальный: — Историк. Поэтому если вас спросить как

целевую аудиторию, наверное, я еще не нашел нужных слов, которые вас бы воодушевили достаточным образом. Однако же я считаю, что простая мысль — национальные богатства должны не расхищаться узкой группой людей, а принадлежать всем и работать на всех, — это именно то, что вытащит Россию на новый, в том числе цивилизационный уровень. Поскольку — что у нас сейчас происходит? Мы же реально стали сырьевым придатком. Нами правят какие-то странные случайные вожди, которые расхищают все богатства и утаскивают их в своих клювиках куда-то в Швейцарию. Мы вообще никакая не цивилизация. Мы просто провальная страна.

А. Проханов: *— Вы социалист, коммунист, потому что ведь именно в советское время все богатства принадлежали всем. Они концентрировались в руках мощного сильного государства и направлялись на развитие. На образование, в университеты, ракеты, оборону. Вы придерживаетесь этого большого проекта?*

А. Навальный: — Я считаю, что должны быть другие системы распределения, социализм и коммунизм не сработал. И тот экономический уклад, который был в Советском Союзе, он привел к тому, что да, у нас были ракеты, были заводы, но у нас было в основном нищее население. Я всю жизнь жил по военным городкам. Извините меня, я помню, как стоял часами в очереди за молоком. Моя мать, жена офицера, в пять утра занимала очередь за мясом. Поэтому та жизнь для меня не является идеалом. Однако же я вижу, что сейчас мы живем гораздо беднее, чем должны жить. Россия очень богата. И если, возвращаясь даже к тем временам, тогда хотя бы у нас была гигантская армия, которую мы кормили, тогда хотя бы были страны социалистической ориентации, которых мы кормили за те же самые нефтедоллары, то сейчас мы не имеем вообще ничего. Все, что мы с вами имеем, что имеет 140 миллионов граждан страны, это просто данные о количестве миллиардеров. В 2000 году их было 6 человек, а сейчас 131. И вот нам говорят: «Дорогие граждане Навальный и Проханов, пожалуйста, удовлетворитесь тем, что в России много долларовых миллиардеров». И я этим удовлетвориться не готов. Не хочу.

А. Проханов: *— Алексей, я тоже. Вы меня не пропагандируйте, как я вас не хочу пропагандировать. Мы говорим…*

А. Навальный: — Избирательная кампания, мне дорог каждый избиратель.

А. Проханов: *— Я понимаю.*

А. Навальный: — Вы же в Москве прописаны, будете голосовать.

А. Проханов: *— Я не пойду на выборы.*

А. Навальный — Не пойдете на выборы? А интересно, объясните.

А. Проханов: *— Может быть, наш с вами диалог изменит мои подходы к выборам.*

А. Навальный: — Я должен сделать все для этого.

А. Проханов: *— Постарайтесь, пожалуйста, пока что вам не очень удается. Я бы хотел от вас услышать вещи концептуальные, а вы опять мне предлагаете благо для всех.*

А. Навальный: — А это и есть концепция.

А. Проханов: *— Нет.*

А. Навальный: — Это очень четкая концепция. Послушайте, это совершенно четкая концепция. Для меня это и философские и концептуальные вещи. Если я знаю, что на московском госзаказе каждый год воруют 150 млрд рублей, 30 тысяч на каждого москвича, для меня концепция — вернуть эти деньги москвичам. Я знаю, что это улучшит жизнь, это работает на благо российской, русской цивилизации. Если мы наводим порядок, для меня закон и порядок — это весьма даже концепция.

А. Проханов: *— Если бы я был на вашем месте, а вы были бы Прохановым, я бы постарался на мой вопрос ответить таким образом: «Да, я считаю, что разворовываются национальные богатства, да, богатства грандиозные. Эти богатства можно было бы направить на развитие. Сегодняшняя Россия не развивается. Она стоит. Я предлагаю вам проект развития. Мобилизационный проект. Я предлагаю все эти ресурсы направить в оборону в условиях нарастающих угроз военных, в университеты, потому что наши знания проваливаются. Я предлагаю продемонстрировать концепцию общего дела, которое объединит всех — русских, евреев, татар, таджиков — в одну огромную строящую артель. Я готов для этого большого проекта использовать новые технологии — политические, гуманитарные, магические, какие угодно». Но вы этого не говорите. Я не вижу, что стоит за вашей страстью бить по рукам жуликов и воров.*

А. Навальный: — Я могу объяснить. Я считал, я очень внимательно это изучал, я прочитал большое количество

литературы на этот счет и я абсолютно убежден, что да, мы должны вложить национальные богатства, но в первую очередь не в оборону — хотя мы в нее должны, безусловно, вкладывать, — а в строительство институтов. Вот инвестировать сейчас в судебную систему в России в сто раз важнее, выгоднее со всех точек зрения, чем в любую оборону или любые нанотехнологии. Судебная система, система политическая — это те вещи, на которых будет стоять страна. Она будет стоять 300 лет, если мы нормально внедрим суды присяжных, если я в Москве добьюсь выборности мировых судей. Это будет просто грандиозный столп, который станет одним из оснований русской цивилизации. Вот это вещи, в которые я верю. А оттого, что я наклепаю сейчас 300 тысяч танков…

А. Проханов: *— Зачем 300 тысяч? Один современный. Посмотрите, Америка имеет все то, о чем вы говорите. У Америки гигантский государственный долг.*

А. Навальный: — Важнейшая вещь ключевая может быть в нашем споре. Я утверждаю, что невозможно построить современный танк, пока мы не победим коррупцию. Мы выделили сейчас на оборону на несколько лет 20 триллионов рублей. Эти деньги растащат, и мы с вами знаем, и вся страна знает, что деньги растащат или просто разбазарят. Вот сначала мы должны победить коррупцию, сначала мы должны сделать так, чтобы институты, военные проектные институты не сдавались в аренду директорами, а действительно работали. И тогда мы построим с вами танк. А танк, просто так сказать: «Давайте построим танк»…

А. Проханов: *— Бессмысленно побеждать коррупцию и отнимать у этих воров деньги, если эти деньги будут служить созданию гедонистического уклада.*

А. Навальный: — Кто говорит про гедонистический уклад?

А. Проханов: *— Вы ни слова не сказали про развитие, эти деньги должны быть направлены в развитие.*

А. Навальный — Что такое развитие? Понимаете, развитие — это люди должны жить лучше. Это необязательно гедонизм какой-то. Если я хочу наконец-то разобраться с системой ЖКХ — она всех заботит каждый день не меньше, чем любой танк. У нас чуть ли ни 20 % домохозяйств до сих пор носят воду, извините меня, коромыслом. В ведре. Нет канализации в 17 % хозяйств. Вот что нам нужно делать. И я хочу, чтобы эти деньги были инвестированы в том числе в это. Для того чтобы люди получили дополнительное время — может быть, для того, чтобы ваш танк

спроектировать. Он сейчас танк не может сделать — у него канализации нет. Я уверяю вас, я верю в то, что канализация и строительство танка очень сильно между собой связаны.

А. Проханов: *— Хорошо. Когда я стану президентом России, я сделаю вас министром по делам ЖКХ. Потому что вы, конечно, блестяще разбираетесь…*

А. Навальный: — Я к вам не пойду, потому что если вы не верите в то, что нужны России институты, что нужна борьба с коррупцией, нужна судебная система, нужна нормальная политическая воля, — значит, никакого ЖКХ мы не починим, и деньги, которые вы выделите на ЖКХ, растащат. К сожалению. Вот когда я стану президентом, все будет работать нормально.

А. Проханов: *— Мой министр ЖКХ внимательно изучит ваши предвыборные речи и будет действовать по вашим лекалам. Хорошо, у меня будет другой министр.*

Хорошо, вы несколько раз говорили о русской цивилизации, это драгоценные упоминания. И многие вас экспонируют как русского националиста, во всяком случае, как русского патриота. Для меня это очень важно. Потому что я считаю, что русский фактор сегодня в России является не менее значимым, чем фактор деградации всех институтов. Кем вы себя ощущаете? И что для вас категория «русскость»? Русский — это что, это тот, кто живет на уровне европейских стандартов, русский тот, кто имеет теплые ватерклозеты? Русский это тот, кто имеет косоворотку с архангелом?..

А. Навальный: — Для меня все проще. Для меня русский — это самоотнесение. В русские самозаписываются.

Русский — это человек, который говорит на русском языке, считает русский язык родным и считает себя русским. Вот для меня он — русский.

А. Проханов: *— Пожалуйста, огромное количество русских сейчас живет за границей, убежавших из России, огромное число.*

А. Навальный: — Они являются русскими.

А. Проханов: *— Они являются русскими в первом поколении. Потом они становятся полуяпонцами, полу-французами.*

А. Навальный: — Наша задача сделать так, чтобы не убегали.

А. Проханов: *— Эти критерии, о которых вы говорите, они не описывают русскость.*

А. Навальный: — А что, с вашей точки зрения, он должен на

балалайке уметь играть?

А. Проханов: *— Я говорю, может быть, это балалайка или, может быть, повторяю, гопак или кадриль, или, может быть, какой-нибудь воротничок…*

А. Навальный — Есть русские, которые уехали, например, в Латинскую Америку. Между ними и нами с вами, например, даже есть разные культурные коды. Они например, не смотрели мультфильм «Ну, погоди!», и мы не найдем с ними общих тем для разговора. Но они, без сомнения, русские. Они сохранили русский язык, они говорят на русском, они считают себя русскими. Для меня они, конечно, русские. Даже несмотря на то, что они может быть не проникнуты сверхидеями, и даже несмотря на то, что они никогда не вернутся в Россию и не хотят возвращаться. Если они считают себя русскими, для меня они, безусловно, русские.

А. Проханов: *— Я думаю, быть может, отчасти это и так, быть может, те старообрядцы, которые покинули Россию, закупорили себя в канадской цивилизации…*

А. Навальный: — Я их имею в виду.

А. Проханов: *— …они экзотические русские. Но мне кажется, что русскость, как и немецкость или еврейскость, объясняется через некие замыслы, ради которых эти народы были сотворены на земле. Ведь не был же сотворен один огромный глобальный единый народ. Хотя вроде человечество в этом котле мешается, и есть философы, говорящие, что будущее человечества — это создание одного единого земного народа. Но все-таки все народы созданы для какой-то огромной своей особой задачи. Так вот я хочу понять: вы чувствуете, что русских сотворили для какой-то особой русской задачи, что русское мессианство это не вздор, не чепуха? Что если евреи себя называют мессианским народом, то и русские устами своих великих мыслителей называют себя мессианским народом. Неужели вы не чувствуете вот этих качеств, которые делают русского русским?*

А. Навальный: — Во-первых, невозможно не чувствовать, по крайней мере, наличие такого обсуждения. Если мы посмотрим главный предмет русской философии, русская философия изучает что? Только особое положение русского народа. Какие-то задачи, особую миссию русского народа. Об этом можно много спорить. Но все-таки, когда я иду на выборы, я скорее хотел бы выступать администратором. Когда я говорю «русский» или «не русский», для меня это означает: нужно ему дать гражданство в

упрощенном порядке или не нужно. Это, я согласен, весьма приземленные категории. Но человек, который является чиновником, с моей точки зрения, обязан в каком-то смысле приземлять себя. И, например, я вносил законопроект…

А. Проханов: *— А вы попробуйте воспарить. В разговоре со мной. Зачем постоянно приземлять? Воспарите, взлетите.*

***А. Навальный*:** — Не нужно человеку, который претендует на власть, воспарять в какие-то стороны, в которые не нужно воспаряться. Есть вещи, которые должен делать чиновник. И есть вещи, которые должны делать философы, которые должны делать мыслители и так далее.

А. Проханов: *— Я в данном случае не принимаю вас на работу, вы мне интересны как персонаж, как личность. Я хочу понять, из чего состоит ваша внутренняя духовная монада. Так вот в чем же, повторяю, по-вашему, русское мессианство? Или его вообще нет? Или русский и люксембуржец — это одно и то же антропологическое явление? Или все-таки есть русское небо, русская тайна, русский вопрос, есть то, над чем бьются и русские философы и мировые? Или это все, повторяю, чушь собачья?*

А. Навальный: — Есть, без сомнения, вопросы, которые беспокоят именно русский народ. Это отдельный специфический вопрос. Может быть, снова извиняюсь, я слишком приземлено говорю, но русские — это крупнейший разделенный народ в мире. По крайней мере, крупнейший разделенный народ в Европе. Это большая проблема. Есть проблема деградации, есть проблема деревень, есть проблема вырождения. Это те вопросы, которые стоят перед русскими как народом, и мы их должны решать. И, наверное, сейчас задача (это не сверхзадача, но задача), если мы говорим о таких вещах, заключается в том, чтобы не деградировать, чтобы сохранить себя. Сделать свою жизнь лучше за счет тех же национальных богатств, которые есть у нас. И сделать эту жизнь лучше и для русских, и для тех народов, которые проживают на территории России.

А. Проханов: *— Да, вы правы, что русские являются разделенным народом. И, по существу, по русским нанесен чудовищной силы удар. Его разделила, может быть, не революция 1917 года, его страшно разделила контрреволюция 1991 года. И в этом смысле мы — трагический народ, мы — народ-подранок… И давайте поговорим об этой русской драме, о русской проблематике.*

Действительно, русские — не просто разделенный народ, а русские — безработный народ. Народ, у которого отняли не какие-

то работы на заводах, или в мастерских или в швейных, галантерейных магазинах — у русских отняли гигантскую имперскую работу. Которую русские осуществляли на протяжении всей своей истории. У нас отняли империю, а русскому народу внушили, что он — народ национального государства, и поэтому русский затосковал, он запил, задурил, он забуянил. Это с одной стороны. С другой стороны, создав государство великой несправедливости, потому что мы живем в одном из самых несправедливых государств мира. У русских отняли или пытаются отнять их мечту о рае земном. Об абсолютной красоте, благе, справедливости. Я хочу понять ваше сознание, которое побуждает вас идти во власть: оно имеет такие глубинные мотивации или все-таки вы опять о своем ЖКХ долбанном?

А. Навальный: — Вы называете это глубинной мотивацией, я бы назвал это, извиняюсь, немножко придуманными мотивациями. Я, когда готовился к этому эфиру, с большим интересом прочитал ваше интервью с Лукашенко. Вы ему задали примерно аналогичный вопрос про империю. Про то, как распался Советский Союз, и может ли Россия сейчас быть империей. На что Лукашенко — я так понимаю, политик, которому вы очень импонируете, — сказал: «Извиняюсь, Александр Андреевич, Россия уже не может быть никакой империей, она уже просто не тянет. Ни финансово, ни морально быть империей». Развалили Советский Союз как империю не просто какие-то злодеи, а та самая отвратительная, выродившаяся советская номенклатура, которая никакой идеи уже не имела, кроме как устроить своих детей в МГИМО, в КГБ, для того чтобы они работали за границей. И привозили югославские сапоги и чеки, на которые можно отовариваться в «Березке». Вот эти люди все уничтожили фактически, и Советский Союз не выдержал различных катастроф, потрясений типа афганской войны, Чернобыля. Он распался, к большому сожалению. К огромному сожалению, это трагедия русского народа, что миллионы русских оказались за границей.

К сожалению, определенные шаги власти, в том числе нынешней власти, привели к тому, что мы предали миллионы граждан. Например, Путин фактически просто продал за газ сотни тысяч русских, которые жили в Туркмении. Это не глубинные вещи, это совершенно конкретная проблема, которую мы должны решить. Если у нас до сих пор остаются русские, например, живущие в Узбекистане, которые не могут российское гражданство получить. Не могут и бьются. Понимаете, человек, который бегает из одного паспортного стола в другой, хочет получить гражданство — обычный русский человек, который

родился в Ташкенте. Он не говорит ни про какие глубинные проблемы. Он просто хочет стать гражданином России. Я, например, писал законопроект, по которому любой человек коренной национальности — русский, татарин, чеченец, осетин, проживающий на территории России — должен в уведомительном порядке получать российское гражданство.

Наша «Единая Россия» не хочет принимать этот закон. Такой закон есть на Украине, в Грузии, Израиле. Мы сами не хотим своих граждан принять здесь. Мы им говорим: «Приезжайте», — но при этом ставим огромное количество препон. Я говорю про то (снова скажете: «Ты все, Навальный, про ЖКХ»), чтобы решить конкретные проблемы людей. Человек, который пьет где-то в вологодской деревне, он, мне кажется, тоскует не по империи, а по поводу того, что нет работы, и по поводу того, что у нас колоссальное неравенство, как вы верно сказали. Он тоскует по поводу того, что у нас 85 % национального богатства принадлежит 30-ти семьям. Вот по поводу чего он тоскует, и что мы должны изменить…

А. Проханов: *— Пьющий мужик деревенский уже и об этом не тоскует. Он тоскует, может быть, о топоре. Но вы, что, хотите свезти всех русских, живущих за пределами сегодняшней России, в Россию?*

А. Навальный: — Я хочу дать возможность. Русские из Прибалтики уже не приедут сюда.

А. Проханов: *— Как вы будете объединять разделенный народ? Как вы будете лечить эту рану, этот перелом? Какая рецептура? Гражданство? Смехотворно. Немцы после 45-го года терпеливо ждали 1991 года, они не примирились с потерей Восточной Германии, они ждали, они знали, что немецкая судьба будет связана с единой территорией. Они соединились, я думаю, что речь дойдет до Силезии, не дай бог, до Кенигсберга…*

А. Навальный: — Это вы уж загнули. Они не просто ждали, они строили государство, они наращивали мощь своего государства. Они увеличивали ВВП. Они строили реально страну, которой можно гордиться, в которой граждане богатеют, и все остальные немцы из других стран смотрели на ФРГ и говорили: «Да, наверное, мы хотим жить там». Что сейчас делает Россия? Мы грабим наш народ — неважно, русских, не русских, всех проживающих здесь. Мы грабим. Мы видим, что небольшая группа людей просто на глазах у нас всех все вытаскивает в свою бесконечную Швейцарию, в Монако и так далее. Поэтому лечить я буду всё это тем, что дам возможность желающим вернуться в

Россию, вернуться. Это первое. А второе — лечить это нужно тем, что показать: мы строим справедливое общество. Русское, российское общество жаждет справедливости, жаждет даже не равномерного распределения богатства, а просто справедливого. И никто никогда не смирится с тем, что, как я уже сказал, сейчас в России 131 долларовый миллиардер. Мы на втором месте после США по количеству миллиардеров. Да с какого перепуга? Мы вроде ничего не производим, ничего не делаем. Просто из земли качаем нефть и газ! Тем не менее, удивительным образом люди сначала всю жизнь работают на госслужбе, с госслужбы выходят и становятся миллиардерами. Вот эта вещь не дает возможности встать с колен русской цивилизации.

А. Проханов: *— Я думаю, что в очень бедные, страшные времена, например, после революции Февральской 17-го года, Октябрьской 17-го года, Россия была ужасно бедна. Она была страшно обобрана. Она была нищей. Но это не помешало лидерам этой страны сформулировать суперидею и реализовать ее.*

А. Навальный: — Верно.

А. Проханов: *— Причем реализовать ее не на идее равномерного распределения продукта — эта идея была сформулирована как идея гигантской мечты. Гигантского такого порыва к недостижимому, к райскому. Вот такое я бы от вас хотел услышать, а вы мне опять…*

А. Навальный: — Много тогда было разных вещей, но я хотел бы обратить внимание, что такой колоссальной несправедливости и неравенства и богатства и возможностей тогда не существовало. Я с очень большим трудом представляю Советскую Россию во времена Сталина, чтобы Сталин, извините меня, открывал в швейцарском банке номерной счет. А все его ближайшее окружение покупало себе дачи в Монако, и периодически они всей своей веселой компанией летали бы в Лондон на самолетах, которые брали на время у Красной армии, для того чтобы смотреть футбол. Я не представляю себе такого вообще. Вот сейчас это и происходит. Тогда разные энергии двигались людьми. Но это точно не была энергия обогащения. Тогда это точно не была энергия того, что, давайте, урвем здесь, оттащим в Швейцарию и будем распоряжаться потом.

А. Проханов: *— Сталина от современных лидеров отличает не только это. Сталина от современныхли-деров отличает именно наличие в Сталине огромного гигантского проекта, и ощущение колоссальных бед, которые надвигаются на Россию, и понимание,*

что в контексте этих бед необходимо предпринять огромное, концентрированное, непосильное, надрывное усилие…

А. Навальный: — Вот все эти любые исторические параллели и аллюзии достаточно бессмысленны, я считаю. Разное время, разные люди. Но я вас просто призываю к тому, что сейчас говорить о какой-то имперскости и сверхзадаче на фоне этого ЖКХ и на фоне того, что сейчас Кремль наполнен просто мошенниками достаточно низкого пошиба. Это просто смешно. Никакой не может быть сверхидеи, когда у них всех в Швейцарии номерные счета. Не может быть, и в принципе не родится. Только когда в России сменится власть, и придет власть, которая действительно служит людям, которая говорит о том, что, ребята, мы строим справедливое общество для всех, кто живет в стране, в Москве, в любом городе. Когда люди поймут, что есть проблески надежды, что есть социальные лифты. Что сверхидея твоей хорошей жизни заключается не в том, чтобы устроиться в «Газпром» и украсть миллион долларов, не в том, чтобы устроиться в ФСБ и кого-то крышевать или стать таможенником и брать взятки. А сверхидея заключается в том, что я буду работать на себя, на свою семью, на общество. Буду строить супертанк. Вот сейчас никто супертанк, который вам очень нужен, не будет строить. Все хотят устроиться в «Газпром».

А. Проханов: *— Хорошо, Алексей, я вас услышал. Удовлетворен вашим ответом. Я даже готов подписаться под вашими тезисами.*

А. Навальный: — Еще немножко и вы скажете, что готовы проголосовать.

А. Проханов: *— И вы представляетесь мне таким предварительным лидером, на смену которого, когда вы расчистите эту площадку, должен придти лидер стратегический. Но это ничего, это не обидно. Сейчас в России вообще нет стратегических лидеров. А вы расчищаете дорогу впереди идущему. Хорошо.*

А. Навальный: — Я готов расчищать дорогу впереди идущему. Я хотел бы сменяемости власти, я не хочу никакой пожизненной власти. Я хотел бы придти отработать свой положенный по закону срок человеком, про которого скажут: «Да, это был первый в России честный мэр. Это был первый в России честный президент, который делал то, чего от него хотели люди. И который не заработал сверхбогатств, он получал свою зарплату и был этим доволен, он был доволен тем, что служил людям». Может быть, это очень пафосно звучит, но это именно так.

А. Проханов: *— Звучит не пафосно, звучит правильно и справедливо. Но мне кажется, что теперь, конечно, вы поглощены этой борьбой. Может быть, неравной, которую вы ведете. Вы страстный борец, я вижу, что отдаете этой борьбе все свои силы — физические, моральные, духовные. Но я помню вас в период Болотной площади, в период Болотных стояний огромных. И тогда я выступил против вас, против Болотной. Я был на Поклонной, я сражался на другой стороне, прощая власти многие ее огрехи, многие ее каверны и дыры, потому что мне казалось, и я по-прежнему в этом убежден, что Болотная площадь хочет не смены лидера — она способна срезать власть как таковую. Из Болотной площади для многих русских людей дышала «оранжевая революция», которая сметает режим вместе с государством в целом. И неужели, когда вы находились на Болотной, когда видели, как нарастает антропомасса, наполняющая площадь, когда видели ажиотаж, когда сравнивали ситуацию, идущую в Москве, с тем, что произошло в Египте, в Сербии, неужели вы не чувствовали, что оранжевый вихрь не просто опалит мерзкую элиту, а он сожжет Москву? Целиком.*

А. Навальный: — Я вам просто расскажу и объясню, почему я оказался на Болотной. Почему она вообще возникла. Потому что я был один из тех людей, который двигал эту концепцию: «Единая Россия» — партия жуликов и воров. Голосуй за любую, против «Единой России». Я был, наверное, человеком, который придумал ее, который создал это движение, но на каком-то этапе стал просто его частью. Я не хочу преувеличивать свою личную роль. И я боролся с той партией, которая для меня олицетворяет коррупцию, национальное поражение, деградацию в стране. И когда в Москве, в моем городе, они просто совершенно нагло этой «Единой России» написали плюс 20 % голосов, я вместе со всеми наблюдателями 5 декабря вышел на площадь. Мне было вообще все равно — Египет, Тунис, Югославия, Украина. Я пришел туда защищать свои голоса. Я пришел туда возмутиться. Потому что эти люди воры, они воруют нефть, газ, национальные богатства. Они еще и голоса мои украли. И вместе со мной вышли люди. Их разогнали, сто человек, как вы помните, посадили в спецприемник, и меня в том числе. В ответ на это уже на Болотную вышли 100 тысяч человек. Уверяю вас, никаких там отблесков и вихрей «оранжевой революции» не было, было просто, может быть, бешенство, была злость относительно того, что же вы делаете-то, ну как же так можно. Мы же понимали, что они голоса украли не просто для красоты, не для того, чтобы просто показать: «Вот мы набрали 50 %», — а для того, чтобы

принимать любые законы. А любые законы они хотят принимать для того, чтобы обогащаться за наш счет. Поэтому для меня это была и остается очень нормальная, правильная, рациональная борьба за свою страну и будущее моих детей.

А. Проханов: *— Кстати, все толпы, которые выходили на площадь, будь то Тахрир или площади Белграда, они все чувствовали примерно то же самое, как и вы. Но находилась каждый раз какая-то таинственная сила, которая бросала одних на пулеметы, других на штурм…*

А. Навальный: — Да нет никакой таинственной силы.

А. Проханов: — И возникали «оранжевые» взрывы.

А. Навальный: — Я думаю, что опять же, не преувеличивая свою роль во всем этом, необходимо, тем не менее, признать, что она была одной из ключевых. Правильно? Никаких таинственных сил не существует, к сожалению, как и во власти во многом, в оппозиции просто существует хаос и непонимание того, что нужно делать. Никто не умеет организовывать революции. Ни у кого нет большого опыта их организации, поэтому мы видим: люди идут на улицы, люди хотят идти на улицы, и мы говорим: «Люди, пошли все вместе на улицу». И любые конспирологические теории относительно того, что этим вообще можно управлять… Этим управлять невозможно. Люди хотят идти, они идут, вот и все.

А. Проханов: *— Да, конечно, я чувствую совершенно иначе. Я думаю, что толпой управляют, хаосом управляют. Вообще историческим процессом управляют, как ни странно.*

А. Навальный: — А кто управляет? Вот кто мог управлять мной или сейчас мной управляет?

А. Проханов: *— Не знаю, кто-то управляет.*

А. Навальный: — Просто предположите. Я не понимаю, вы имеете в виду конкретных людей?

А. Проханов: *— В настоящую минуту вами управляю я. Я создаю поле, в котором вы…*

А. Навальный: — Вы создаете определенные политические смыслы. Совершенно верно.

А. Проханов: *— … вы летаете в этом поле как бабочка, как мотылек. Но этим полем можно управлять или создавать его целые институты, группы, массивы политические.*

А. Навальный: — Вы создаете свое поле здесь, и сейчас, в течение 45 минут, действительно, вы управляете ситуацией. Это правильно, вы ведущий. Однако же если вы попытаетесь продлить свое поле и управлять политическим процессом, даже не мной, а политическим процессом, — им невозможно управлять. Потому что он объективен, просто объективно сотни тысяч москвичей недовольны.

А. Проханов: *— Алексей, тогда нет политики.*

А. Навальный: — Есть политика.

А. Проханов: *— То, что вы говорите, есть просто спонтанное поведение некоторых человеческих масс… Политика — это управление политическим процессом. Политика — это управление массами. Политика — это сложнейшие технологии, которые этот шар биллиардный гонят именно в эту лузу.*

А. Навальный: — Не совсем так. Есть просто катализаторы. Вот было недовольство «Единой Россией». Кто-то придумал концепцию — голосуй за любую партию против «Единой России». Она сработала. И просто периодически возникают какие-то люди, которые немножко корректируют всё это движение. Ну, вот смотрите, почему в Москве все будут выступать против «Единой России»? Да потому что если мы посмотрим на Мосгордуму, — там 95 % «Единой России» сидит. Мы же понимаем отлично, что это ни в коей мере не соответствует политическим предпочтениям москвичей. Создается уже такая диспропорция, такой навес, который рано или поздно рухнет. Потому что москвичи не хотят видеть 95 % «Единой России». 25 % — да, 30 % — да, но не 95. Поэтому — вот она, предпосылка. Если кто-то найдет правильное место, куда нужно долбить, этот навес рухнет, конечно. И я сделаю все для того, чтобы найти это место и чтобы этот навес рухнул, потому что эти люди не должны сидеть в Мосгордуме, они сидят на ворованных мандатах.

А. Проханов: *— Конечно, этим навесом может быть купол государства российского.*

А. Навальный: — Да ничего подобного.

А. Проханов: *— Повторяю, крупные политики прекрасно понимают и просчитывают ходы. Они понимают детонацию любого взрыва социального. Крупные политики, может быть, идут на то, чтобы создать эти огромные взрывы, обрушивая государство.*

А. Навальный: — Путин — крупный политик?

А. Проханов: *— Я думаю, что он достаточно крупный политик.*

А. Навальный: — Несомненно, крупный политик…

А. Проханов: *— Он достаточно крупный политик для того, чтобы зафиксировать себя в истории положительно, а не негативно как Ельцин.*

А. Навальный: — Здесь я с вами категорически не соглашусь. И роль и того и другого, конечно, будет оценена, и думаю, что Путин как отец российской коррупции — он будет восприниматься потомками очень негативно. Однако я хочу вам сказать: Путин, несомненно, являясь крупным политиком, тем не менее, не похоже, что управляет какими-то процессами. Он находится просто в хаосе. Это человек, который читает социологический опрос, и придумывает, что бы сегодня сделать. Какой бы придумать такой закон, чтобы сместить повестку дня. И ничего не может сделать. Посмотрите, у нас цена на нефть больше ста долларов за баррель. А экономического роста нет. Мы качаем, качаем, мы должны быть счастливы. Россия сейчас проживает период, когда она может иметь максимальное количество национального богатства. Деньги льются рекой просто. Мы с ними ничего не можем сделать. И Путин ничем не управляет. Он не способен ничего сделать. Он не способен это сделать в целом по объективным причинам…

А. Проханов: *— Нефть не приносит доход России не потому, что коррупция, а потому что экономический блок, олигархический строй таков, что эта русская нефть принадлежит не русским людям.*

А. Навальный: — Интересно, а вот объясните мне тогда, пожалуйста: вот Путин у власти 13 лет, а чего же он с этим олигархическим строем не борется?

А. Проханов: *— Это его беда, это его огромная беда и вина. Когда я говорил о положительном значении Путина, я говорил о том, что в 2000 году он остановил распад государства. Но его вина в том, что он не запустил развитие и не сломал хребет этому страшному монстру.*

А. Навальный: — Не то что не хочет ломать хребет. Он создает этих олигархов. Посмотрите на олигархов, которые появились. Тот же Тимченко, Ротенберги. Весь этот дачный кооператив «Озеро». Все его питерские друзья стали миллиардерами. Он создает олигархов. Он власть свою

основывает на олигархах. Я понимаю, как с ними бороться. Можно, конечно, сказать: «Бодливой корове бог рога не дает», — но, тем не менее, я очень четко понимаю, что нужно сделать для того, чтобы богатство распределялось более справедливо. И все это понимают. Путин основывает свою власть совершенно на другом. Поэтому он тоже находится в таком большом политическом хаосе. Просто в этом хаосе и этой мутной воде, к сожалению, он достает, когда вы от него отворачиваетесь, для того чтобы поговорить со мной, он достает маленькую удочку и вылавливает золотых рыбок. Из этой мутной воды.

А. Проханов: *— Кстати, о Болотной. Меня все время поражало и поражает, как от вас отшатнулись ваши многие союзники той поры. Как те, кто был рядом с вами либо на Болотной, либо в СМИ…*

А. Навальный: — У меня есть ощущение, что от меня никто не отшатнулся. Кого вы имеете в виду?

А. Проханов: *— Либеральные элиты. Некоторые либералы, которые казались вашими трубадурами, сейчас вас осуждают, кидаются на вас как бульдоги. То есть вы находитесь в состоянии человека, которого очень многие предали. Это внушает мне отвращение ко всему либеральному сообществу.*

А. Навальный: — Честно говоря, я не понимаю, что такое либеральные элиты. Это первое. Со многими людьми у меня действительно есть большое расхождение. Это связано с тем, что у меня все-таки есть, я взрослый человек, у меня есть определенная система взглядов, и я не собираюсь свои взгляды корректировать в угоду тем или иным людям. Вот, например, из кандидатов в мэры Москвы у меня самая жесткая программа по миграции. Я не собираюсь ее корректировать. Я просто верю в то, что я говорю. Это вызывает критику определенных людей, которые придерживаются гораздо более либеральных или леволиберальных взглядов, чем я. Но это нормальный политический процесс.

А. Проханов: *— Просто одно дело — не соглашаться, другое дело — во вчерашнего союзника швырять камни.*

А. Навальный: — Разные люди есть. Политический процесс характерен тем, что амбициозные люди реализуют собственные амбиции. К сожалению, иногда происходят какие-то некрасивые вещи. Однако в целом я хотел бы сказать, что, на мой взгляд, люди ведут себя порядочно. В целом.

А. Проханов: *— Ну что, такая терпимость к своим противникам, может быть, даже к тем, кто вас готов повести на распятие, — это хорошая черта.*

А. Навальный: **— Я бы сказал, просто философское отношение. Люди есть люди, человек слаб, я не могу ожидать от людей, что каждый из них будет как кремень. Они находятся в разных обстоятельствах. Они от многих разных факторов, людей, денег и так далее зависят. К этому нужно относиться с пониманием.**

А. Проханов: *— Допустим, победили на выборах, стали мэром Москвы. Вы начнете выносить Ленина из Мавзолея и демонтировать кремлевский пантеон?*

А. Навальный: — Это типичный вопрос, наверное, даже самый яркий вопрос, по которому мэр не может и не имеет права принимать никакого решения, потому что у нас есть, например, огромная православная община, огромный запрос православной общины (я православный) на вынос и захоронение Ленина, и есть огромное количество людей (думаю, их миллионы в Москве), которые категорически против. Этот вопрос можно решить исключительно референдумом. И я думаю, что это точно вопрос не первой значимости, он просто раскалывает общество, и он не может быть решением мэра Москвы. Это исключено. Только референдум и, наверное, борьба двух групп. Например, православных и… Не знаю, как назвать…

А. Проханов: *— Советских.*

А. Навальный: — Советских людей. Православные — тоже советские. Я вот тоже советский. Я одновременно и советский, и православный. Тем не менее, это борьба двух групп, публичная борьба двух групп за серединное общественное мнение. В этой борьбе, наверное, рано или поздно кто-то победит, но ни президент, ни мэр не имеют права принимать такого единоличного решения.

А. Проханов: *— Это хороший ответ, я думаю, что время покажет. Правда, борьба красных и белых, как мы это называем, длится уже почти целый век, и ей нет конца.*

А. Навальный: — Она везде происходит. Есть борьба между правыми и левыми, между либералами и консерваторами. Это борьба за разные подходы.

А. Проханов: *— Борьба между Алой и Белой розой. Борьба между сторонниками Николая Второго и Сталина. Эта борьба*

наполняет нас внутренней распрей, и прекращение этой борьбы, конечно, огромная мировоззренческая задача. И технология прекращения этой борьбы пока что мне неведома до конца, но это очень важно.

***А. Навальный* — Я думаю, здесь не технология. Конечно, эти раны и последствия этой борьбы мы будем, русский народ, российский народ будет испытывать очень долго, но здесь наша задача просто нормально относиться к изучению истории. Нормально относиться к анализу исторических процессов и к тому, чтобы принимать важнейшие политические решения «а-ля Мавзолей Ленина» не просто без истерик, а на основе действительно какого-то базового общественного мнения.**

А. Проханов: *— Хорошо, Алексей, я удовлетворен нашей с вами беседой. В заключение хочу вам сделать один презент. У меня несколько дней назад вышел мой новый роман, который называется «Время золотое». Это роман-метафора о Болотных событиях. Об оранжистах. И среди прототипов вы найдете себя. Но, конечно, это размытый образ, это не буквальный ваш портрет, мы практически с вами не знакомы, я домысливал и монтировал вас на матрицу, которую придумал в романе. Но мне бы хотелось, что, может быть, вы если не до выборов, то после выборов прочли этот роман. Очень надеюсь, что он вас предостережет от тех опасностей или, может быть, ошибок, которые вас впереди подстерегают.*

А. Навальный: — Спасибо большое. Я очень благодарен за этот подарок. С некоторой опаской его беру, потому что мало ли как вы меня там прописали. Но я с удовольствием почитаю. Опасности, ошибки подстерегают каждого политика, я стараюсь сверяться с неким своим внутренним компасом и, наверное, я даже могу сказать — категорическим императивом Алексея Навального, который живет у каждого человека, в том числе у меня. И я уверен, что если я буду ориентироваться на моральнонравственные ценности и буду верен своему главному политическому принципу не врать и не воровать, то все получится, и все будет хорошо. И у меня, и у тех людей, которые идут за мной, я уверен, что все будет хорошо и в Москве, и в России. Потому что наше дело правое, и мы обязательно победим.

А. Проханов: *— Кстати, об эстетике. Вот есть Москва ампирная, есть Москва модерна, стиль болота, есть Москва конструктивистская, есть сталинская, есть Москва хрущевская, Москва брежневская, есть Москва лужковская. Со всеми этими…*

А. Навальный: — Башенками.

А. Проханов: — *…прибамбасами. Да, с этой чудовищной эклектикой. Можно предполагать, что если вы станете мэром, возникнет стиль «Московский Навальный». Вы думаете об эстетике? Потому что вы наполнены ажиотажем сражения.*

А. Навальный: — Я много думаю об эстетике, и мой главный вывод по результатам этих размышлений заключается в том, что это точно не должна быть Москва самодурская. Я не собираюсь внедрять те или иные стили. Вот как Лужков, который сам пририсовывал башенки к готовым зданиям, я точно не собираюсь делать. Я бы, конечно, хотел стать тем мэром, который оставит наследие на десятилетие, может быть, на сотни лет в Москве в архитектурном облике. Но пусть это будут те решения, которые будут связаны со мной, но принятые профессиональным сообществом, а не просто вот здесь Навальный нарисовал что-то, и это маленькое уродство сто лет…

А. Проханов: — Я хочу, чтобы вы действительно не пририсовывали башенки, но упаси вас Бог сбивать те башенки, которые называются кремлевскими…

«Перехват»,
03.09.2013

Консолидировать рассыпанное общество

М. Королёва: *— Александр Андреевич, с погоды не хотите начать?*

А. Проханов: — Да можно. Можно не только с погоды.

М. Королёва: *— В Москве заметили первый снег, а Владимир Жириновский обвинил во всем Госдеп. Вы верите в то, что у Госдепа может быть такое оружие, которое вызывает засуху, землетрясения, ливни и наводнения?*

А. Проханов: — Я верю. Более того, у Госдепа есть такое парапсихологическое оружие, которое постоянно приводит в возбуждение мозг Владимира Вольфовича и, по существу, он, Жириновский, является парапсихологи-ческим оружием Госдепа, потому что его взрывают в самые неподходящие для моего умонастроения моменты.

М. Королёва: *— Ну, он, видимо, об этом не знает.*

А. Проханов — И с помощью Жириновского Госдеп ведет войну персонально со мной.

М. Королёва: — Каким образом?

А. Проханов: — Учтите, я приму контрмеры. Будет нанесен контрудар. Я использую Жириновского как оргору-жие против Госдепа.

М. Королёва: *— Понятно.*

А. Проханов: — Бедный Керри.

М. Королёва: *— Понятно. Хорошо. Не надо о погоде — о погоде не будем. Давайте про графу «Против всех».*

Вот Валентина Матвиенко, спикер Совета Федерации, предложила после сентябрьских выборов обсудить возможное возвращение графы «Против всех» в избирательные бюллетени. Ну, пока неизвестно, будет — не будет, но вы-то что думаете по этому поводу?

А. Проханов: — Сообщение вызвало во мне отвращение, признаюсь вам. Как от какого-то рыбьего холодца, который перестоял на солнце.

Сначала нас убеждали в том, что графа «Против всех» — это ужасно, и ее убрали. Сейчас нас убеждают, что она крайне необходима, и ее ввели.

М. Королёва: *— Нет, подождите. Ее не ввели. Ее еще не ввели.*

А. Проханов: — Ну, введут. Нас убеждают, что она необходима. Сначала нас убеждали, что надо укреплять партийную систему, и изгнали из политического поля все партии, кроме четырех. Сейчас нас убеждают, что очень важно, чтобы все партии присутствовали, и их ввели. Затем нам сказали, что необходимо отменить выборность губернаторов, потому что именно это спасет Россию. Теперь нам сказали, что нужно ввести выборность губернаторов, потому что именно это спасет Россию. Потом нам сказали, что необходимо уничтожить мажоритарные округа и индивидуалов. Теперь нам говорят, что необходимо увеличить мажоритарные округа и индивидуалов. Завтра нам скажут, что необходимо изменить Конституцию, потому что президентская республика себя исчерпала, а нам необходима парламентская республика. Но через четыре дня нам скажут, что и президентской республики нам мало — надо вводить монархию. Потом нам скажут, что нам надо, ввиду монархии, пригласить Майкла Кентского, потом скажут, что Георга XII. И так без конца.

Это такая абракадабра, такая мерзость. В течение всех этих лет нам морочат голову какой-то хренью. А развития так и нет.

Почему так мало заводов? Почему так мало новых самолетов? Почему так мало скоростных поездов, мчащихся со скоростью 400 км/час? Почему мало интеллектуалов? Почему в стране нет Нобелевских лауреатов? Почему не пишутся великие картины и не пишутся новые оперы? Почему вся дрянь, мерзость, какие-то мюзиклы, почему этот политический мюзикл вместе с Жириновским длится такое количество лет?

М. Королёва: *— Вот уж, действительно, лучше было говорить о погоде. Но все-таки я у вас почувствовала некий такой оппозиционный задор, некое раздражение, которого, как я понимаю, у вас не было, когда вы находились, скажем, на Валдае и там присутствовали при всех этих дискуссиях. И я видела в том числе и ваше фото на Валдае. Как-то никакого раздражения против того, что там говорилось и происходило, в вас вроде бы не было. Или нет?*

А. Проханов: — Не было, не было, нет.

М. Королёва: *— Вам все нравилось?*

А. Проханов: — Там было все другое. Потому что я восхищался архитектурой этого валдайского форума. С какого-то момента, может быть, со второй половины первого дня я понял, что передо мной воздвигается какое-то величественное

сооружение. Я еще не понимал, какое. Я видел, как в это сооружение вставляются конструкции, фермы, балки, подставляются столпы, вешаются консоли. Передо мной прошел сначала парад алле губернаторов и глав республик, потом возникли удивительные монастырские стены и наши церковные иерархи, а вместе с ними раввины и муллы. Потом передо мной протекли колдуны и волшебники нашей внутренней политики, глава кремлевской администрации, лидер департамента по внутренней политике. Потом восхитительно и сложно выступал Лавров, министр иностранных дел, и министр обороны Шойгу. И я понял, что здесь решается…

М. Королёва: *— То есть это всё не производило на вас впечатления перестоявшего холодца как в случае с графой «Против всех»?*

А. Проханов: — Нет-нет-нет. Я видел, как сооружается вот это политическое здание, огромная Вавилонская башня сооружается.

И потом была панель, то есть был подиум, на котором я дебютировал.

М. Королёва: *— Вы были на панели, Александр Андреевич?*

А. Проханов — Ну, не на той, на которой бывают наши с вами общие знакомые. Но это так называлось. И мы сидели с Кудриным и с Карагановым, и вели полемику об образах будущего России.

И потом, когда это завершилось, я понял, что этот форум постепенно превращается в амвон. И на этом амвоне…

М. Королёва: *— В амвон?!*

А. Проханов: — В амвон.

М. Королёва: *— Боже ты мой!*

А. Проханов: — И на амвоне выступил проповедник. Он вылетел на этот амвон легкий, светящийся, восхитительный, опьяненный своим успехом, сверкая очами. Зал замер…

М. Королёва: *— Кто бы это мог быть, Александр Андреевич?*

А. Проханов: — Это был наш президент. Это был наш президент Владимир Владимирович Путин. И он произнес свою потрясающую речь, которая большую часть собравшихся там людей внутренне напугала, потому что там большинство было людей, которые собрались со всех континентов. Очень много было американцев, американистов, европейцев, французов. И то,

что он сказал там, конечно, должно было их напугать. И поэтому в рефлексах, в комментариях по поводу этой речи все время присутствовал либо внутренний страх, либо замалчивание.

М. Королёва: *— А вы были очарованы?*

А. Проханов: **—** Я был… Я не был очарован, я с упоением разгадывал этот огромный иероглиф, вот этот огромный знак, огромный наскальный рисунок, который был предо мной начертан.

М. Королёва: *— Хорошо. Давайте о вашем упоении мы продолжим…*

А. Проханов: **—** Это о вашем упоении.

М. Королёва: *— Нет, это ваше упоение.*

А. Проханов: **—** Я не из тех, кто упивается, имейте в виду.

М. Королёва: *— Ну как это? Вы же сами сказали «с упоением».*

А. Проханов: **—** Я не запойный, нет.

М. Королёва: *— Вы упивались тем, как при вас строилось некое сооружение, потом на амвон вышел светящийся Владимир Путин, и вы слушали его речь. Подождите, но разве не то ли самое, о чем вы говорили, говорил все эти годы и Владимир Путин? То мажоритарные, то не мажоритарные, то губернаторы выборные, то не выборные, то графа «Против всех» нужна, то не нужна. Разве это не его мысли и речи были, нет?*

А. Проханов — Дорогой писатель, вы хотите ущипнуть меня или Путина?

М. Королёва: *— Подождите, я хочу вас спросить. Ведь это то же самое? Или нет?*

А. Проханов: **—** Может быть, вам интересна вещь существенная? Может, вам интересно содержание речи нашего президента, как я его понял? Или вам хочется, чтобы я еще раз протараторил всю эту муру и бузу, на что мы потратили первые 15 минут?

М. Королёва: *— Вы имеете в виду графу «Против всех»?*

А. Проханов: **—** Я имею в виду, да, графу «Против всех».

М. Королёва: *— Ну, я понимаю, что для вас это, видимо, не имеет значения, потому что, как вы говорили уже в эфире, вы не ходите на выборы.*

А. Проханов: **—** Вы догадливы. Вы догадливы, да.

М. Королёва: *— Вы просто сами об этом сказали. Но для остальных-то?*

А. Проханов: — Я чувствую, что вам понравилась та белиберда, на которую я потратил половину эфира.

М. Королёва: *— Так. Хорошо. Давайте я просто задам вопрос от слушателя? Путин не исключил возможности вот там, на Валдае (вы там были, присутствовали), что будет баллотироваться на еще один президентский срок в 2018 году. Вот вас спрашивают: «Это благо для России или погибель?»*

А. Проханов: — Это дурной никчемный вопрос. Я хочу, чтобы люди послушали мои, прохановские представления о том, что я лично, а не через вот эти вот дурацкие электронные системы слышал. Так вот послушайте, что я извлек из речи президента Путина.

М. Королёва: *— Итак?*

А. Проханов: — Может быть, это будет полезно и вам, дорогой писатель.

Итак. Путин сказал, что Россия — это не Восток и не Запад. Он стукнул лбами тех, кто тащит Россию на Восток, с теми, кто тащит ее на Запад. Он сказал удивительную (не в первый раз, впрочем) вещь, что Россия — это уникальная, драгоценная, неповторимая, самостоятельная цивилизация, для которой не нужно искать западного пути, для которой не нужно рыть канал через Ла-Манш в Британию.

М. Королёва: *— И тут вы зааплодировали, конечно?*

А. Проханов:*…*

М. Королёва: *— Александр Андреевич, да, я слушаю.*

А. Проханов:*…*

М. Королёва: *— Ну, даже не столько я, сколько наши слушатели.*

Ну, вы видите, я молчу уже.

А. Проханов: — А долго ли?

М. Королёва: *— Ну, я постараюсь на минуту.*

А. Проханов: Избавьте меня от дурацких фраз, Марин. Вы — умная женщина. Ну, что вы всё время суете какую-то хрень мне в рот, когда я говорю существенные вещи? Вам не хочется? Поговорим о графе «Против всех»? Всё, я прекращаю говорить о

вещах существенных, поговорим о графе «Против всех».

Итак, графа «Против всех». Графа «Против всех» — это есть огромное завоевание современной демократии. Я считаю, что Марина Королёва для того, чтобы вырвать эту графу «Против всех» из нашей конституционной структуры, положила большую часть своей жизни. Она писала для этого романы, она защищала русский язык.

М. Королёва: *— Александр Андреевич, теперь про Восток и Запад.*

А. Проханов: Как мне это всё надоело, Марин. Как мне надоела эта мелкотравчатость, которая постоянно присутствует в эфире. Итак, слушайте!

Путин сказал, что Россия — это огромный суверенный исторический континент, в котором драгоценен каждый исторический период, каждый фрагмент русского исторического времени. А значит, в нем драгоценен и красный период, и красная эра, которую многие, в том числе и некоторые церковники, пытаются вырвать из контекста истории и вышвырнуть, и сомкнуть белый период с сегодняшним, ельцинским периодом.

Он сказал: прекратите это делать, потому что без этого периода как, по-видимому, и без всех остальных наша цивилизация будет неполной. Вот что он сказал или, вернее, что я нашел в его речах, в его словах. Это первое.

Второе, что он сказал, было еще более грандиозным, чем первое. Он кинул Западу страшные обвинения, Европе и Западу. Он сказал, что сегодняшняя западная и европейская, в основном, культура носит ярко выраженный гомосексуальный характер, содомитский характер, характер, который противоречит грандиозным ценностям, которые вырастили Европу. Европа предает изначальные фундаментальные христианские ценности, и там, где царили эти ценности, где царила восхитительная готика…

М. Королёва: *— Я только уточнить хочу: это же вы говорите все-таки? Это то, что вы услышали у него?*

А. Проханов — Да, это я. Так я трактую его речь. Я трактую эту речь.

М. Королёва: *— Вот. Давайте только скажем слушателям, что это трактовка.*

А. Проханов: Я трактую эту речь. Но он сказал, что Запад наполнен гомосексуальными отношениями, браками, что эти отношения…

М. Королёва: *— Но… Но, все-таки, слов таких не было, поэтому мы не цитируем, правда? Мы не цитируем?*

А. Проханов: — Путин сказал… Если вы еще раз перебьете, я заткнусь до конца эфира, видит бог. Просто буду сидеть и молчать, и читать вам стихи Гумилева.

М. Королёва: *— А я буду задавать вопросы. А стихи Гумилева вы читаете прекрасно, я знаю. Нам хватит до конца эфира.*

А. Проханов: — Странно, что вы не знаете этих стихов. Вы, русистка.

Итак, я продолжаю. Путин сказал, что Запад наполнен гомосексуальными отношениями, что однополые браки — это крах традиционной Европы. Что Европа предала ранние христианские ценности, которые сформировали ее. И это значит, говорю я, на месте традиционной Европы разверзается страшная черная дыра, в которую падает бездна.

Путин сказал, что Европа перестает размножаться, что в Европе вместо христианских ценностей возникают ценности сатаны — там молятся сатанистам.

Таким образом, он назвал Запад «Большим Содомом». Он назвал Запад «Большим Содомом». А, ведь, если…

М. Королёва: *— Александр Андреевич…*

А. Проханов: — Ни слова!

М. Королёва: *— Я молчу.*

А. Проханов: — Ни слова! Язык прикусите сразу же.

М. Королёва: *— Подождите. Я сколько могла, молчала. Но он так не говорил.*

А. Проханов: — Это я говорю.

М. Королёва: *— Вот, вот.*

А. Проханов: — Понимаете, мир, в котором люди совокупляются, однополые браки, где они совокупляются и трахаются на перекрестках, где в церквях сочетаются браком мужики, а также, может быть, мужики и собаки, там, где половина мэров и огромное количество уже губернаторов и чуть ли не президентов и министров являются содомитами, — этот мир называется Содомским. Содом, Большой Содом.

В свое время Рейган назвал Советский Союз «Империей зла». Это был страшный приговор. Это была не просто брошенная фраза. Он сконцентрировал на Советском Союзе все энергии,

которые отрицали Советский Союз. Не авианосцы, не крылатые ракеты. Он демонизировал Советский Союз, назвав его «Империей зла», Империей Инферно, по существу.

М. Королёва: *— Так?*

А. Проханов: — То же самое сделал Путин с Западом. Он сделал гораздо более страшное, повторяю, чем поставки С-30 ˚Сирии. Гораздо более страшное, чем концентрация русской флотилии в Средиземноморье.

М. Королёва: *— А как вы думаете, Запад это услышал? Он это понял?*

А. Проханов — Он показал Западу, говорю я, прорываясь сквозь ваш лепет, он показал Западу, что Запад является империей зла. И этим самым Путин снискал почтение и обожание всех фундаменталистских монотеистических культур и религий — христианства, мусульманства, иудаизма, всех тех, кто ужасается от этой страшной экспансии этого Большого Содома.

Потом он сказал удивительные вещи, чему, впрочем, была посвящена сейчас и недавняя речь Обамы в ответ на это заявление. Он выступил…

М. Королёва: *— Вот, видите?*

А. Проханов: — Ну что вы всё там что-то ахаете? Что вы всё время?..

М. Королёва: *— Так что Обама? Александр Андреевич, ну, что Обама и Путин?*

А. Проханов: — Не Обама, а Путин.

Он сказал, что Америка не вправе претендовать на свою исключительность, потому что эта исключительность (сказал он или я, я уж не помню), эта исключительность превращается в экспансию. Она превращается в американский экспансионализм, американское мессианство, говорю я. Потому что, если вы помните, еще в период правления Буша-младшего американцы выдвинули формулу «Град на холме». Град на холме — это величие Америки, это американское совершенство, это американское мессианство.

Так вот Град на холме — это, по существу, Град Содом на холме, сказал Путин. И Запад был этим приговорен.

М. Королёва: *— Так как же он это сказал-то, Александр Андреевич?*

А. Проханов: — Так я вам и говорю, что…

М. Королёва: *— Александр Андреевич, давайте про Суркова? Давайте лучше про Суркова? Вот, Сурков возвращается в Кремль.*

А. Проханов: — Давайте про графу «Против всех»?

М. Королёва: *— Нет, давайте про Суркова.*

А. Проханов: — А давайте про графу «Против всех»?

М. Королёва: *— Вы обещали про Суркова.*

А. Проханов: — Я обещал только после того, как закончу свою интерпретацию этой интересной речи.

М. Королёва: *— Хорошо. Еще минута, и мы к Суркову переходим.*

А. Проханов: — Нет. Нет. Я закончу, а потом поговорим о графе «Против всех».

М. Королёва: *— Давайте.*

А. Проханов: — Итак, я продолжаю. Путин отверг претензии Америки на мировое господство, на навязывание миру вот этого образа Большого Содома. И это, по существу, вызов, повторяю… Это вызов идеологический и метафизический, потому что во всем мире, помимо схватки авианосцев, орбитальных группировок, дальнобойных лазеров, происходит схватка моделей исторических, схватка религиозно-метафизических моделей. И Путин дал отпор. Это огромное достижение его и всей нашей цивилизации.

Все говорили «На чем мы будем основывать наш Евразийский союз, нашу новую сверхгосударственность?». Он показал: мы будем основывать ее на фундаменталистских ценностях, которые понятны и христианам, и мусульманам, и иудаистам.

М. Королёва: *— Я только просто хочу уточнить еще раз: кто-то это понял, кроме вас? Кто-то это слышал еще? Или все-таки трактовка ваша основывалась на нескольких словах?*

А. Проханов — Я был один, кругом меня сидели идиоты, кретины с огромными ушами, забитыми паклей, забетонированными… Я один был светочем, который все это слышал.

М. Королёва: *— Ну, я просто не слышала таких трактовок…*

А. Проханов: — И, наконец…

М. Королёва: *— Таких трактовок я еще не слышала.*

А. Проханов: *— И,* наконец, сударыня. И, наконец…

Я завершаю свои пассажи. И, наконец, он сказал удивительную вещь. Он сказал, что в новой исторической эпохе, которая сейчас наступила, очень важно консолидировать наше растерзанное и рассыпанное общество. И он сказал, что либералы должны слышать левых, то есть красных, коммунистов. Левые должны слышать либералов.

Таким образом, он сказал удивительную вещь (так я его понял), что вот как мы или как я и близкие мне мои друзья из Изборского клуба мучительно стараемся свести, свинтить вот эту монархическую православную белую эру с красной, советской, сталинской (и нам кое-что удается сделать), необходимо свинчивать и красный период нашей истории с наступившим ельциновским неолиберальным периодом.

Это страшно мучительная работа, которая потребует колоссального историософского метафизического напряжения. Но ее придется провести.

М. Королёва: *— А то, что Путин вышел из, как вы говорите, того самого ельцинского (неолиберального, вы сказали, да?) периода, это вас не смущает?*

А. Проханов: — Нет, меня это не смущает.

М. Королёва: *— Не смущает?*

А. Проханов: — Нет, абсолютно. И то, что его мама с папой родили, меня тоже не смущает абсолютно.

М. Королёва: *— Давайте про Суркова?*

А. Проханов: — А что там интересного?

М. Королёва: *— Вы обещали. Сурков возвращается во власть, да? Он возвращается в Кремль. Как вы к этому относитесь?*

А. Проханов: — Вас именно это интересует?

М. Королёва: *— Да, конечно.*

А. Проханов: — Как пришел и ушел, что ли?

М. Королёва: *— Что вы ожидаете? Ну, конечно, в каком-то смысле, да, пришел-ушел.*

А. Проханов: — Угу. Опять…

М. Королёва: *— Чего вы ждете?*

А. Проханов: — Поверхностный дамский взгляд.

М. Королёва: *— Ну, конечно.*

А. Проханов: — Хорошо. Что я жду от прихода Суркова? Видите ли, для того, чтобы я был понятен, я должен рассказать, как я ощущаю Суркова — человека, который на протяжении более чем десятка, по-моему, лет выстраивал внутреннюю политику российского государства. И потом на этом месте его сменил Вячеслав Викторович Володин.

Я бы это определил так. Сурков в своей практике был политический алхимик. Он соединял политические растворы, он менял их цвет, он вызывал в них кипение, он ожидал, что из них выпадут осадки, он был алхимик, потому что он хотел найти философский камень, превращающий вот этот пепел ельцинизма в бриллиант государственности.

М. Королёва: *— Эка!*

А. Проханов: — Он хотел партийную глину мертвую превратить в золото реальной политической системы…

М. Королёва: *— Удалось?*

А. Проханов — И он колдовал. Он много колдовал, делал очень много интересного, его опыты нужно записывать в политическую алхимию.

Но в какой-то момент вместо осадка выпала Болотная площадь. И в его риторике загорелась оранжевая революция.

М. Королёва: *— О, как!*

А. Проханов: — И это было достаточно опасно. Вы не помните тот момент. Но я ходил на Болотную и на Сахарова, я стоял на трибуне вместе с Навальным и я помню, знаю, как это всё происходило.

М. Королёва: *— Александр Андреевич, вот на этом месте остановитесь, пожалуйста.*

А. Проханов: — Вам дать воды?

М. Королёва: *— Да.*

А. Проханов: — Холодненькой водички?

М. Королёва: *— Да. Вода не поможет, боюсь.*

Итак, мы остановились с вами на этом потрясающем моменте. Вы рассказывали про алхимика Суркова, который все это сливал, переливал, что-то выкристаллизовывал и потом вдруг в осадок выпала Болотная площадь. И?

А. Проханов: — Да, выпал пожар Оранжевой революции. Его нужно было срочно гасить. Вячеслава Юрьевича увели из Кремля, вместо него пришел Вячеслав Викторович Володин, человек абсолютно другого склада. Он — химик, а не алхимик. Он знает таблицу Менделеева, последовательность элементов, он знает, как соединять эти элементы, чтобы получались молекулы, как из этих молекул выстраивать нормальную политическую жизнь, то есть такую политическую материю государства. И первое, что он стал делать, чтобы погасить Болотную площадь, он стал способствовать появлению ряда законов, которые ограничивали безумство толпы, привели в порядок процедуру собраний и митингов, упорядочили…

М. Королёва: *— Ну, «привели в порядок» — это, практически, запретили, да?*

А. Проханов: — Упорядочили процесс собрания митингов. И это несколько укротило безумие людей, которые могли высыпать где угодно, когда угодно, в каком угодно количестве.

Затем была проведена политическая реформа. Что такое политическая реформа, о которой мы с вами сегодня с таким упоением говорили? Этот огромный клубок, массив, наполнявший Болотную площадь, состоявший из националистов, империалистов, хасидов, либералов, демократов, гомосексуалистов был расщеплен на множество русел и капилляров. И он рассосался. Исчез вот этот мощный ком, гравитация. Это огромное такое политологическое достижение.

Далее. Одна часть вот этих болотных лидеров была посажена под арест, на замок. Некоторым надели на ноги браслет. Других перессорили между собой. И вся эта упоительная любовь…

М. Королёва: *— Но вы же знаете, простите, что там, в основном, не лидеры, а просто участники.*

А. Проханов: — И вся эта упоительная, братающаяся, стоящая на трибуне рать превратилась в ненавидящую друг друга стаю — они друг друга кусали, поносили. Одни убежали за границу, третьи здесь надулись и замолчали. Это огромный, тоже политологический эффект — рассорить вот эту консолидированную оппозицию.

М. Королёва: *— Ну, то есть это заслуга Вячеслава Володина, да?*

А. Проханов: — Далее, что стала делать власть? Она решила срочно установить баланс в обществе. В обществе, где доминировали либералы, доминировали их экспертные

площадки, их издания, их политические и литературные клубы, власть открыла дорогу для патриотических структур, для патриотических лидеров. В частности, был создан Изборский клуб — в противовес, скажем, Валдайскому клубу, то есть патриотическим интеллектуалам позволили собраться в единство…

М. Королёва: *— Так он же у вас давно существует.*

А. Проханов: — Ну, он существует с XVIII века как масонский клуб. Ну, он просто менял названия, но создан он был после Болотной площади. Я не знаю, что для вас давно, а что для вас недавно.

М. Королёва: *— Мне кажется, уже очень давно. Хорошо.*

А. Проханов: — Давайте поговорим о том, давно или недавно.

М. Королёва: *— Александр Андреевич, итак. То есть вы считаете, что деятельность Володина более эффективна, чем деятельность алхимика Суркова? Так получается? То есть там технологии, там молекулы, там…*

А. Проханов: — Ну ладно, бог с ним. Не интересно слушать о важном, будем говорить о пустяках. Да, Володин победил оранжевую революцию, он затолкал ее обратно в берлогу. Он, по существу, сделал так, что вот эти неистовые лидеры Болотной рассеялись, они были унижены. И они приползли на цыпочках опять в Валдайский клуб, желая участвовать в политическом процессе. И их пустили в политический процесс, пустили Ройзмана, пустили, там, даму из Петрозаводска. Люди, которые были на Валдайском форуме, они с умоляющими лицами тянули руки к Путину. Это была прекрасная операция по консолидации общества, но на условиях, которые выгодны власти и государству. И в этом заслуга, конечно, Володина.

То, что Сурков сейчас вернулся в администрацию президента — он вернулся на другие роли. И я очень надеюсь, что интересы или умения, или искусства Суркова и Володина не будут пересекаться. В противном случае это будет хаос, это будет хаотизировать работу администрации президента.

Но поскольку Сурков — очень талантливый человек… А в России, в сегодняшней России, в политике очень мало талантливых людей. И поэтому, я думаю, что Путин не стал бросаться такими талантами, как Сурков, а дал ему роль, дал ему кавказское направление. И то не самое важное. Абхазия и Южная Осетия — это не Чечня, конечно, и не Ингушетия, не Дагестан. Но

это, тем не менее, все-таки достойная роль.

М. Королёва: *— То есть вы думаете, что он все-таки будет заниматься этим, а не внутренней политикой, скажем, наравне с Володиным?*

А. Проханов: — Марин, ну, что мы думаем? Я вам сказал, что я думаю. Ну, что переспрашивать который раз чепуху какую-то?

М. Королёва: *— Ну, понятно, чепуха. Хорошо.*

А. Проханов: — Ну вот, бедненькая вы моя.

М. Королёва: *— Давайте тогда о личной жизни. О личной жизни политиков. Это же всегда интересно, правда?*

А. Проханов: — Мне это не интересно.

М. Королёва: *— А почему вам это не интересно?*

А. Проханов: — Да потому что мне не интересно, я — романист, я личную жизнь изобретаю.

М. Королёва: *— Так о чем же и пишут романисты? О чем же они и пишут, как не о личной жизни?*

А. Проханов: — Ну, я… Кстати, я не романист, я журналист.

М. Королёва: *— А, вот сразу в кусты, правда?*

А. Проханов: — Да, правда. В кусты, да-да-да.

Мне личная жизнь не интересна. Я ее сам придумываю. Личная жизнь политиков скучна.

М. Королёва: *— То есть вы готовы придумать личную жизнь за любого политика?*

А. Проханов: — Ну, естественно.

М. Королёва: *— И представить ее всем как реальную? Правда?*

А. Проханов: — Конечно. Ну, так в этом и есть сладость творчества, сладость изобретения, изобретательства.

М. Королёва: *— Ну, если мы с вами посмотрим на любых других лидеров, ну, западных стран (я не беру мусульманские страны, я беру западные), то там практически все знают о личной жизни политиков, об этом пишут, их фотографируют…*

А. Проханов: — Да никто там не знает.

М. Королёва: *— Ну как это не знает, здрасьте.*

А. Проханов: — Никто не знает, что делала жена бедного

Саркози ночью, когда этот маленький неистовый похотливый премьер домогался любви. Никто не знает.

М. Королёва: *— Так, хорошо. Ночью не знали. А днем? Мы же видели ее с гитарой, правда? Карлу Бруни, которая пела, играла.*

А. Проханов: **—** Это маска, это абсолютная ложь. Это не личная жизнь, это публичная жизнь.

М. Королёва: *— Хорошо, но здесь-то мы с вами не знаем практически ничего.*

А. Проханов: **—** Единственное было…

М. Королёва: *— Ну, вот, кроме ситуации с разводом.*

А. Проханов: **—** Откровенным политиком, действительно, был Берлускони. Этот не стеснялся, этот был настоящий мужик. Он себе сделал четыре или пять подтяжек. Он обычно намазывал подсолнечным маслом свой череп лысый, прежде чем прийти на свидание к очередной малолетке, и он не скрывал своих страстей. Ну и поплатился мужик.

М. Королёва: *— Это вы тоже придумали сейчас?*

А. Проханов: **—** Да почему? Неужели вы следите за личной жизнью Берлускони?

М. Королёва: *— Слежу по мере возможностей.*

А. Проханов: **—** Из России ему даже кровать прислали в подарок.

М. Королёва: *— Подождите. Я просто хотела еще раз уточнить. Вот, например, Дмитрий Песков говорит, что Владимир Путин столько работает, что личной жизни неоткуда взяться, и вообще — зачем нам этим интересоваться? Вот нас интересуют действия президента. А что происходит с личной жизнью — нам об этом знать не положено.*

А. Проханов: **—** Я думаю, что да.

М. Королёва: *— Вы тоже так считаете?*

А. Проханов — Да нет, ну я просто… Я думаю, что личная жизнь не интересна. Моя-то личная жизнь мне не интересна. Вот ваша личная жизнь мне интересна.

М. Королёва: *— Интересна?*

А. Проханов: **—** Мне ваша личная жизнь интересна очень.

М. Королёва: *— Я вам расскажу потом всё. Но после эфира, хорошо?*

А. Проханов: **—** Тогда я озвучу это на следующем своем выступлении.

М. Королёва: *— Договорились. Давайте еще вам вопрос задам про Надежду Толоконникову. Помните, знаете, да?*

А. Проханов: **—** Да. «Не забудем, не простим» называется.

М. Королёва: *— Вот она сейчас жалуется на угрозы и жуткие условия содержания в колонии. Вот вас тут спрашивают слушатели: «Вы ей сочувствуете или считаете, что она такого наказания заслуживает?»*

А. Проханов: **—** Нет, я не сочувствую, а также не злобствую по этому поводу. Я абсолютно равнодушен к ним, потому что… Они станцевали свой танец, они всласть по-совокуплялись в музеях. Это же было хорошее для них время, правда?

М. Королёва: *— Какой у вас сегодня мотив такой, лейтмотив…*

А. Проханов: **—** А не надо было совокупляться в музеях исторических, иначе я бы этого не заметил. После этого они осквернили престол…

М. Королёва:*— Почему «в исторических»?В биологическом, если я не ошибаюсь.*

А. Проханов: **—** В филологичеких?

М. Королёва: *— В биологическом, если я не ошибаюсь.*

А. Проханов: **—** А в каком отделе, вы не помните?

М. Королёва: *— Точно не знаю, не скажу.*

А. Проханов: **—** Не помните, да? Видимо, там, где рассказывают об истории зарождении жизни.

М. Королёва: *— Просто я подумала: исторический-тоздесь причем?*

А. Проханов: **—** Зарождение жизни там было. Они демонстрировали, как рыбы превращаются в птиц.

М. Королёва: *— Ну, смотрите, мы же сейчас не об этом говорим. Мы говорим о том, что условия в колониях…*

А. Проханов — Повторяю, она не вызывает во мне никакого сочувствия и интереса.

М. Королёва: *— …далеки от идеальных, правда? И если человек такой, как Надежда Толоконникова, об этом говорит, надо ли ей сочувствовать и надо ли помогать в этой ситуации?*

А. Проханов: — Об этом говорит не только она, а говорит ее муж. Как его фамилия? Верзилов или Воротилов? Я забыл.

М. Королёва: *— Знаете.*

А. Проханов: — Ну, поправьте меня.

М. Королёва: *— Верзилов.*

А. Проханов: — Верзилов. Что он вытворял, когда она была под судом? И американские его вояжи, как он спекулировал этим, как он пиарился? Это дело людей, которые платят за свою смелость, получают плату за свою смелость. Они хотели этого — они это получили. Более того, я убежден, что когда очень скоро (очень скоро, я думаю) они все выйдут на свободу (там их просто невыгодно держать), они будут повторять то же самое. Первое, что они сделают, они, видимо, пойдут в Третьяковскую галерею и на фоне Аленушки совокупятся.

М. Королёва: *— Вот они, мечты-то. Александр Андреевич, давайте про графу «Против всех»? У нас с вами 30 секунд.*

А. Проханов: — Графа «Против всех» — это граф Против Всех или князь Против Всех? Какая-то очень титулованная особа против всех.

М. Королёва: *— Вы знаете, мне кажется, что это Проханов против всех. Это сегодня его особое мнение было.*

А. Проханов: — Не перебивайте меня в следующий раз.

25.09.13

«Руки прочь от русской Арктики!»

О. Журавлёва *— Александр Андреевич, сразу же вопрос по голландскому инциденту. Скажите, пожалуйста, что это было, по вашему мнению, — нападение на дипломата Бородина, за которое уже Нидерланды частично извинились?*

А. Проханов: **—** Я это трактую как демонстрацию слабости России.

О. Журавлёва *— Почему же?*

А. Проханов: **—** Ну, потому что если бы у России были авианосцы, как, скажем, в сталинское время…

О. Журавлёва *— А то у нас прям совсем нет авианосцев.*

А. Проханов: **—** Ну, конечно, они стоят на причале. Если бы у нас были бы авианосцы, то голландцы не посмели бы избить нашего дипломата. Я думаю, что они бы поостереглись, зная, что в таком случае мы бы направили к берегам Нидерландов свой авианосный или большой десантный корабль. И тогда эти Нидерланды просто затопило бы.

О. Журавлёва *— Ну, мы уже захватили один корабль под голландским флагом.*

А. Проханов: **—** Ну вот, я думаю, что мы будем постоянно их захватывать и они лишатся своего флота. И я возмущен тем, что они пользуются временной слабостью России, демонстрируют свое презрение к России.

Ну, понимаете, я не дипломат. Я — политический хулиган. И я бы вместо лавровских заявлений, таких чопорных, дипломатических, сломал челюсть одному из голландских дипломатов, а потом извинился. Если бы он не принял извинения, я бы еще одну челюсть сломал. И так бы до конца. Потому что всё, что они делают, — это глумление над нашей слабостью. Но так будет не всегда. Голландцы еще приедут в Россию строить наш парусный флот.

О. Журавлёва *— Вот как? То есть наши перспективы развития отношений с Голландией вы видите, в общем, радужными?*

А. Проханов: **—** Они великолепны. Мы пригласим всех голландских шкиперов и кораблестроителей. На Плещее-вом озере они построят нам такой петровский парусный флот. Это всё, на что они способны, потому что еще немножко, и Голландия

лишится своих мастеров, потому что гомосексуальная Голландия потеряла свою способность формировать империи, формировать новые технологии и формировать новые представления о мире.

О. Журавлёва *— Но разве это не новые представления о мире?*

А. Проханов: — Содомизм?

О. Журавлёва *— Да почему содомизм? Причем здесь содомизм?*

А. Проханов: — Ну, Голландия же — это столица гомосексуализма.

О. Журавлёва *— Да? Хорошо, я запишу, буду знать теперь. Скажите, пожалуйста, а как вы считаете, адекватный ответ России состоит в том, что тут же Геннадий Онищенко обнаружил личинки в тюльпанах, в молоке и в разных других продуктах?*

А. Проханов — Мне это нравится, потому что, вы знаете, вот раньше на балах, на приемах была игра веерами. И веера подавали всякие знаки. Веер сложенный, веер раскрыт наполовину, веер, которым обмахиваются, — это была целая азбука, целая такая азбука Морзе древности.

И Онищенко — это большой куртуазный вот такой маньерист. И то, что он делает с тюльпанами, или с «Боржоми», или с «ножками Буша», или, может быть, с ножками голландских балерин (они же и мужчины), — это очень красиво, это такой изысканный куртуазно-политический ритуал.

О. Журавлёва *— Ну, заодно, правда, в этот же самый момент молочные продукты Литвы тоже как-то очень поплохели.*

А. Проханов: — Пусть ухаживают за коровами!

О. Журавлёва *— А, то есть вы считаете, что причины есть?*

А. Проханов — Пусть правильно ухаживают за коровами! Корма дают, комбикорма. Литовцы — прижимистый народ. Они своих коров недокармливают. Они вместо комбикормов, которыми мы кормим наших коров, наших Бурёнушек…

О. Журавлёва — А зачем, если у нас столько Бурёнушек, страна огромная, пахотных и прочих земель полно, зачем в Литве покупать молочные продукты? Это же странно.

А. Проханов: — Из милосердия! Из милосердия мы поддерживаем эту сепаратистскую Литву. Это наш ответ на развал империи. Мы кормим этих блудных сынов. Они всё равно вернутся. Они вернутся, и мы… Мы поднесем им кружку нашего

настоящего парного русского молока.

О. Журавлёва *— Хорошо. Тогда, пожалуйста, ответьте на вопрос…*

А. Проханов: **—** Ну, вас удовлетворил этот ответ?

О. Журавлёва *— Я буду думать над ним. Это все не просто так. «О, великий метафизик и мистификатор красной эпохи, — пишет наш слушатель, — как вы можете истолковать гаснущий Олимпийский огонь? Как пролетариям страны прогнившей расценивать сей знак?» Что с огнем-то?*

А. Проханов: **—** Я не склонен уподобляться нашим православным теологам, которые видят в угасании Олимпийского огня знак, ну, как бы христианского осуждения. Потому что у нас ведь иногда и газ отключают у целых регионов. У нас и электричество гаснет в наших домах — веерные отключения. И Олимпийский огонь может быть погашен на какое-то время.

О. Журавлёва *— Из экономии, вы хотите сказать? Из экономии или от халатности?*

А. Проханов: **—** Нет, из-за случайности. Я думаю, что на этом не нужно акцентировать внимание, это не есть символ краха Олимпиады, краха этой путинской затеи, связанной с суперидеей олимпийской. Нет. Мне кажется, всё, что они предприняли с Олимпийским огнем, правильно. Это правильно.

Ну, конечно же, это не благодатный огонь. Это не тот огонь, который нисходит на армян и арабов и на русских в Пасху. Конечно, это не благодатный огонь. Но мне кажется, что любой сегодняшний потухший, погасший огонь в неосвещенной России — это благодеяние. И мне жалко, что огонь погас, но я рад, что нашлись все-таки в нашем сообществе зажигалки. Я думаю, зажигалка — это, по существу, нечто такое, что может сегодня сравниться с яйцеклеткой Пугачевой. Я бы поставил памятник зажигалке ну, где-нибудь, я не знаю, может быть, на Софийской набережной.

О. Журавлёва *— Александр Проханов. Сейчас мы будем его называть архитектором (он уже памятники проектирует), может быть, даже скульптором…*

А. Проханов: **—** Ну, не вздыхайте, не вздыхайте так трагически.

О. Журавлёва *— Нет, я совершенно не трагически, я наоборот…*

А. Проханов: — Я юродивый, мне можно это всё.

О. Журавлёва *— Совершенно верно. Александр Проханов нам подсказывает, как его определить. Проханов родился в один день с Карузо, он — бельканто российской словесности. Хорошо.*

Теперь серьезно скажите, как вы относитесь к истории с судном Гринпис, которое тоже, в общем, между нами и Голландией встало проблемно?

А. Проханов: — Я собираюсь с силами, и попробую на эту тему говорить серьезно. Вы меня не будете перебивать?

О. Журавлёва *— Нет, я буду внимательно слушать.*

А. Проханов: — Моя речь на два часа.

О. Журавлёва *— Нет, давайте в пять минут уложимся.*

А. Проханов: — Вот эта атака интерпретируется как выходка веселых шалунов и проказников, покровителей тюленей и нерп. Эта атака проводилась под прицелом множества телекамер и фотоаппаратов. Результат этой атаки — гигантский взрыв русофобии и ненавистнических интонаций в западных натовских СМИ.

Ситуация вокруг этой платформы… Это же море, это океан Ледовитый — она просматривалась спутниками. И ледовую или, там, морскую обстановку для них добывали с помощью стратегических космических систем НАТО. Это дорогая операция, очень дорогая и опасная операция. Это не просто снаряжение экспедиции — это страховка, это выплата вознаграждений. Источники финансирования загадочны. Скорее всего, источники — штаб-квартира НАТО.

О. Журавлёва *— Ну, вообще источники финансирования…*

А. Проханов: — Не перебивай!

О. Журавлёва *-…известны.*

А. Проханов: — Не перебивай. Молчи, слушай и смотри мне в зрачки.

О. Журавлёва *— Александр Андреевич, соберитесь.*

А. Проханов: Самое страшное, что в ответ на эту агрессивную натовскую хреновину наши внутренние… (пятая колонна, либералы) начали говорить о том, что пора отторгнуть русскую Арктику от России, передать Арктику под юрисдикцию международного сообщества, то есть НАТО. Пятая предательская либеральная колонна воспользовалась этим, для того чтобы

создать дикую обструкцию всей русской территориальной проблематики. Под аккомпанемент мощнейшего военного наращивания наций и стран в условной Арктике. Строятся корабли, военные корабли арктических проектов, строятся ледоколы, туда, в Ледовитый океан, уходят новые системы ядерных подводных лодок. Вся эта милая, смешная и комическая ситуация — идеологическое прикрытие военно-стратегических акций стран НАТО по отторжению Арктики от России. Это схватка за Арктику. Война за Арктику началась.

Я — человек арктический. Россия потеряла южные территории. У нас отняли Украину, у нас отняли Казахстан, русские выдавливаются к северу. Это ужасно, но это не страшно, потому что русские — нордический народ, народ полярных сияний и Полярной звезды. И мы эту Арктику осваивали изначально. Мы ее осваивали на деревянных лодках, на которых новгородцы достигли Аляски, открыли эту чертову Аляску. Мы Арктику осваивали бесчисленным количеством советских станций, которые блуждали по этим блистательным северным огромным полям и создавали…

О. Журавлёва *— Но там не только русские были все-таки. Там все-таки не только русские экспедиции были, не правда ли?*

А. Проханов: — Ну, конечно! Там было очень много зулусов. Я помню, что там было много пуэрториканцев. Но, в основном, были советские станции, которые создали уникальные атласы климата, подводных рельефов, хребтов подводных. Арктика — это наша территория, это зона базирования наших подводных лодок, это зона, где мы строили города, поселения, открывали рудники. Это наш резерв стратегический. И его хотят у нас отнять.

О. Журавлёва *— Кто? Пятая колонна? Либералы? НАТО?*

А. Проханов: — Да нет. Пятая колонна — это дерьмо. У нас хотят отнять его те, кто отнял у нас южные наши пространства, кто хочет отстегнуть у нас Сибирь, кто хочет отнять у нас наши жизненные пространства и загнать нас в резервации.

О. Журавлёва *— А что они будут делать? Вот отнимут у нас Сибирь, Арктику, что они там будут делать?*

А. Проханов: Что они там будут делать? Они будут добывать…

О. Журавлёва *— Добывать лес и газ?*

А. Проханов: — Они будут добывать алмазы, молибден… Они будут там добывать божественную байкальскую воду

хрустальную, по которой тоскует мир. Они будут добывать наше русское несчастье там — вот что они там будут добывать. Поэтому эта вся история Гринпис — свидетельство того, что борьба за Арктику военная, стратегическая началась.

О. Журавлёва *— А почему они не могут вступиться за этих 30 клоунов, как вы утверждаете, если за ними стоит такая могучая сила?*

А. Проханов: — Вступиться — кто?

О. Журавлёва *— Ну, вот эта самая сила — все эти натовские корабли.*

А. Проханов: — Ну, она вступилась.

О. Журавлёва *— Ну и как? Они сидят себе прекрасно, обвиненные в пиратстве.*

А. Проханов: — Да нет, зачем? Это бросовая агентура. Они устроили скандал, они создали русофобскую ситуацию на натовских территориях. Мы являемся уродами, мы являемся губителями дельфинов и щук.

О. Журавлёва *— Ну, подождите, Александр Андреевич. Если бы этим людям предъявили не такое жесткое обвинение…*

А. Проханов: Этим людям повезло. В том смысле, что не я являюсь руководителем нашего государства. Я бы этих сук взорвал там просто на месте, и от них не осталось бы и следа, потому что когда в советское, в сталинское время наши границы нарушали бомбардировщики и разведчики, они исчезали в сторону моря. Они уходили и исчезали там навеки. Поэтому, чтобы не связываться вот с этой гадостью, их надо было рвануть, и после этого — обломки плывут по арктическим водам.

О. Журавлёва *— То есть просто пропало бы это судно, и всё?*

А. Проханов: — И всё — его нет, оно погибло, оно попало в русский Бермудский треугольник.

О. Журавлёва *— А сейчас это русский гуманизм помешал?*

А. Проханов: — Это русская слабость, это русская обездоленность сегодняшняя.

О. Журавлёва *— Ну, какая обездоленность? Можно поймать, схватить, посадить. Достаточно для этого сил…*

А. Проханов: — Да нет, вот это и есть слабость. Толерантность. Мы их будем судить, мы будем их привязывать к

Уголовному кодексу.

Они вне закона. Их надо уничтожать на подходе, и не только их. Это акция, связанная с отторжением русских территорий. У нас отторгли Украину, Белоруссию, у нас отторгли Северный Казахстан и Прибалтику. Они хотят у нас отнять Арктику. За это нужно сражаться беспощадными способами. Их нужно взрывать и топить. А потом служить молебен «Спаси, господи, души их».

О. Журавлёва *— Скажите, а вот для вас Арктика — это все-таки в первую очередь природа или в первую очередь богатства?*

А. Проханов — Для меня Арктика — это Полярная звезда, под которой мы родились и куда-то движемся. Это мистический…

О. Журавлёва *— Так, может, не стоит там ничего добывать?*

А. Проханов: — Это мистический русский север. Мы там добываем не только нефть, не только будущие полиметаллы, не только драгоценные биоресурсы. Мы там добываем свое существование, свое выживание. Для меня Арктика… Я этим летом был на Лене. Я плыл на пароходах, на кораблях, которые доставляют туда, в Арктику, северный завоз. Я видел, какими трудами достается нам этот завоз, какими трудами мы тащим туда солярку, элементы для наших станций слежения, стройматериалы. Это русское дело. Там, в Арктике, никто не способен выживать, кроме русских. Русские вообще — народ, который господь создал для того, чтобы обживать эти мертвые лунные пространства нашей Земли. Поэтому — руки прочь от русской Арктики.

О. Журавлёва *— Мне кажется, там уже белые медведи и другие животные не могут выживать именно потому, что туда очень много приперли солярки и других удивительных вещей.*

А. Проханов: — Да ничего подобного. Белые медведи отлично себя там чувствуют.

О. Журавлёва *— Да что вы говорите?*

А. Проханов: — Слушайте, белые медведи Арктики голосуют за «Единую Россию». Вы просто не знаете.

О. Журавлёва *— Всё. Всё. Тогда вопрос снимается.*

А. Проханов: — Ну, и не надо задавать дурацкие вопросы.

О. Журавлёва *— Последний вопрос на ту же тему. Как бы вы*

среагировали, если бы вас Путин в присутствии ваших друзей и знакомых назвал «придурком»? Могли бы вы ему ответить «Кто так обзывается, тот сам так называется»?

А. Проханов: — Если б меня Путин назвал придурком, я бы поблагодарил его, потому что я же юродивый. А когда юродивых поносят, они только радуются. И, кстати, нам, юродивым, поношение во благо.

О. Журавлёва *— То есть в случае с профессором Медведевым — тоже во благо?*

А. Проханов: — А возвеличивание — во вред. Нас же надо всё время карать, бить и гнобить. Вот меня либералы уже 20 лет называют «придурком». И что? Что, я их ненавижу, что ли? Я их обожаю. Я готов поставить им памятник. И не только им, кстати, имейте в виду, Оля.

Я готов поставить памятник яйцеклетке Пугачевой. Потому что это…

О. Журавлёва *— Вас эта тема не оставляет. Ну, уже выскажите ваше отношение, Александр Андреевич. Я вижу, что душа рвется наружу.*

А. Проханов: — Ну, почему поставили памятник носу, например, в Петербурге? Это сильно, это круто, но этого мало.

О. Журавлёва *— Потому что Гоголь — великий писатель.*

А. Проханов: — Я вижу в Москве на Тверском бульваре рядом с памятником Высоцкому памятник яйцеклетке Пугачевой. И коленопреклоненного Галкина. Я считаю, что это крупнейшая, мощнейшая акция по продвижению шоу-бизнеса в бесконечность.

Некоторые люди (и я их осуждаю) говорят: то, что сейчас кормят российского зрителя всей этой гадостью — слизь, мерзость… Я считаю, что это не так. Что в этом как раз величие Аллы Борисовны.

По существу, она, будучи глубоко пожилой, старой женщиной, подобна Саре, которая родила в 90 лет своего сына. И Галкин, который только кажется таким милым молодым человеком, он, конечно, как Авраам. Видно, что он — Авраам. Видно, что он эту яйцеклетку штурмовал, он взял ее штурмом…

О. Журавлёва *— Александр Андреевич, помилуйте. Ваша фантазия заводит вас слишком далеко.*

А. Проханов: — Ну, почему?! Я делаю то, что не доделал Малахов в своих передачах.

О. Журавлёва *— Так вы сами певец вот этого вот культмассового сектора, да? Вы всячески поддерживаете эту культуру, с наслаждением смотрите эти передачи?*

А. Проханов: — Я счастлив. Я участвую в этих передачах. Больше того, повторяю, яйцеклетка Пугачевой, по мнению многих, является национальной идеей России. Это восхитительно. Она затмила Олимпиаду.

О. Журавлёва *— Так. Вопрос от Тани: «Почему беззубые либералы даже у нас оказываются сильнее патриотов?»? Интересный, кстати, вопрос. Вы всё ругаете, что они там проникли, сям проникли…*

А. Проханов: — А почему они оказываются сильнее патриотов? Вот я сейчас сижу с очаровательной либералкой, с очаровательной Ольгой — что, я слабее её, что ли? Я доминирую над ней, я господствую в этом эфире.

О. Журавлёва *— Ну, возможно, вам так кажется. Вы другое скажите. Вы вот сейчас все время рассказываете, что они там нагадили, сям нагадили, огонь потушили, Арктику отторгли и всё остальное. А где же люди, которые им должны ответить? Вы всё про слабость рассказываете российскую. В чем проблема-то патриотизма русского?*

А. Проханов: — Да в том и проблема, что мучительно, но неуклонно либералы оттесняются из центра на периферию политического процесса. Пока что они господствуют в экономике. Но я жду, когда шарахнет кризис, и тогда вся эта концепция Высшей школы экономики, моего уважаемого замечательного Ясина полетит под откос.

Либералы проиграли. Они проиграли, знаете, когда? В 1993 году, когда они устроили танковую атаку на Дом Советов. Они проиграли. Танковые удары по Дому Советов разрушили весь либеральный миф, всю либеральную мечту. Поэтому мне жалко либералов.

О. Журавлёва *— А разве не к такому же будущему пришла бы другая страна?*

А. Проханов: — Нет, другая страна имманентна русской истории. Русское имперское патриотическое сознание постоянно вырабатывается всей этой гигантской метафизической машиной русской истории.

О. Журавлёва *— Как же ее можно было победить, эту метафизическую машину таким ерундовым способом?*

А. Проханов: — Да ладно. Метафизическая машина и не нуждается в том, чтобы побеждать. Она аксиоматична, она стоит в начале сотворения русского народа и русской государственности. Поэтому либералы… Ну, как бы вам сказать? По существу, мне их жалко. Я бы их занес в Красную книгу. И когда говорят, что я чудовище, что я антисемит, что я чудовищный сталинист, это неверно. Я готов как юннат, который спасает популяцию умирающих бабочек, спасать либералов.

О. Журавлёва — *Так почему эти умирающие бабочки всё время побеждают по вашим рассказам? Я понять этого не могу.*

А. Проханов: — Да где они побеждают? Ну, где они побеждают-то?

О. Журавлёва — *Ну, они вот эту экономику уже 20лет как-то строят, они всё время, там, Гринпис подкармливают.*

А. Проханов — Да нет. Они победили в феврале 1917-го, и чем эта победа обошлась для них в октябре 1917-го?

О. Журавлёва — *Ну, сейчас-то вы их видите — они все живы-здоровы, всё время вредят России то там, то сям, по вашим рассказам судя.*

А. Проханов: — Да нет, они здесь, но они уже там. Оля, посмотрите. Подумайте, к кому вам примкнуть? К нашим легионам, к нашим мощным патриотическим, сверкающим саблями легионам, или к этому племени уходящему?

О. Журавлёва — *Тот самый человек, который в начале передачи говорил про безграничную слабость России, сейчас нам рассказывает про сверкающие сабли и мощные легионы.*

«Что помешало Поветкину победить Кличко? Может быть, то, что он поклонялся языческим богам?» — интересуется Дмитрий. А вы как считаете? Вы вообще боксом интересуетесь?

А. Проханов: — Нет. Мне кажется, что это…

О. Журавлёва — *Это патриотичный вид спорта?*

А. Проханов: — Я уже сказал сегодня, что какому-нибудь голландскому дипломату надо было сломать челюсть, а потом извиниться. Вот и всё мое отношение к боксу. Я не знаю, что там было.

О. Журавлёва — *Вы в этом смысле с Жириновским, кстати, солидарны. Он тоже первым делом сказал, что надо пойти побить стекла где-нибудь в голландском посольстве и насовать*

дипломатам.

А. Проханов: — Ну, конечно. Я солидарен в этом смысле…

О. Журавлёва *— Выясняется, что Венская конвенция это, собственно, и предусматривает: если одни нарушили, то и другим можно.*

А. Проханов: — Ну, конечно-конечно. В общем, я чужд голландскому синдрому.

О. Журавлёва *— Хорошо, ладно. Значит, про бокс ничего сказать не можете?*

А. Проханов: — Ничего. Но про бокс как помещение, где изолируют инфицированных натовским синдромом, я готов говорить.

О. Журавлёва *— Подождите. Еще раз?*

А. Проханов: — Бокс — это территория такая, куда помещают зараженных натовскими синдромами либералов. Ну, инфекционный бокс — вы знаете, что такое?

О. Журавлёва *— В смысле помещения. Всё, теперь всё понятно.*

А. Проханов: — Это не прическа, это не прическа.

О. Журавлёва *— Прическа — это полубокс. Да, я всё прекрасно поняла. Тогда скажите, пожалуйста, должен ли депутат Андрей Исаев понести наказание за дебош и задержку рейса самолета Москва-Петербург, как вы считаете? Вы разбирались в этом конфликте?*

А. Проханов: — Мне нравится страстный Исаев.

О. Журавлёва *— Он чем-то на вас похож, да?*

А. Проханов: — Чем-то на меня похож. Нас отличает только то, что я изначально был революционером и им остаюсь, а Исаев был революционером, потом стал конформистом. Но в нём все-таки взыграла его натура, задавленная вот этим профсоюзным движением, этим желанием войти во власть. В нем природа взыграла — он взбунтовался против себя самого. Это революция Исаева, которую он устроил против своего конформизма. Это прекрасно. Хорошо бы Исаева не просто ссадили с самолета, а, может быть, посадили бы даже под какой-нибудь домашний арест, поместили ему на ноги какой-нибудь браслет, как Удальцову.

О. Журавлёва *— То есть вы изначально его принимаете за хулигана и дебошира?*

А. Проханов: — Нет, я изначально принимаю его за стихийного русского мужика, который под гнетом обстоятельств вынужден был пойти в рабство к номенклатуре либеральной. И вот то, что он разбушевался в самолете, — это же не хулиганство, это его экзистенция, это его взрыв. И поэтому… Он должен понести за это наказание, для того чтобы он в еще большей степени превратился в прежнего анархиста, коммуниста либерального. И тогда я с ним обнимусь. Я встречу его у выхода из тюрьмы, и мои братья меч ему отдадут.

О. Журавлёва *— Вы вот рассказываете про тюрьму. На самом деле, вы же прекрасно понимаете, что до тюрьмы-то дело не дойдет никогда.*

А. Проханов: — Это не важно.

О. Журавлёва *— У нас в тюрьмы и в больницы попадают другие люди.*

А. Проханов: — Это не важно.

О. Журавлёва *— Да? Вы же сочувствуете всем сидельцам на самом деле — в глубине души?*

А. Проханов: — Я сочувствую в первую очередь себе самому, потому что моя душа находится в тюрьме моей плоти. Вот эти реберные, ужасные реберные клети, в которых находится моя душа, трудно разорвать.

О. Журавлёва *— Такое ощущение, что она у вас в животе находится. Ну, ладно. «Пьянство в России стало всеобщим, уже не найти трезвого посла. Депутат Госдумы дебоширит на борту самолета, а вы всё о величии России», — пишет Владимир из Печор Псковской области. Неужели так уж он не прав?*

А. Проханов: Да ладно, Володя. Володь, опохмелись и очнись от своих упреков.

О. Журавлёва *— Это трезвый человек вам пишет, я уверена.*

А. Проханов: — Сейчас он трезвый, а завтра напьется. И слава богу.

О. Журавлёва *— Скажите, пожалуйста, как вы оцениваете приговор Косенко? Это человек…*

А. Проханов: — Да никак не оцениваю. Не хочу этим заниматься.

О. Журавлёва *— Это человек, которого присудила судья к психиатрическому…*

А. Проханов: — Косенко — это кумир Болотной площади, либеральных процедур. Я в это не вмешиваюсь.

О. Журавлёва *— Хорошо. Значит, его можно сдавать в дурдом, я правильно понимаю?*

А. Проханов: — Я не хочу этим заниматься. У меня свои политзаключенные. У меня русские патриоты, которые сидят на цепях там. Вот мои заботы.

О. Журавлёва *— Где сидят на цепях русские патриоты?*

А. Проханов: — Они сидят во всех колониях. По статье за русский экстремизм сидят все. Только что выпустили Душенова, моего друга, русского православного мыслителя и бунтаря.

О. Журавлёва *— Скажите, а карательная психиатрия существует для русских патриотов?*

А. Проханов: — Ну, я там давно уже нахожусь под исследованием.

О. Журавлёва *— Нет, серьезно, вы знаете случай, когда человека отправляли на принудительное лечение в последние годы? Среди ваших друзей есть такие?*

А. Проханов: — Есть такие. Весь русский народ находится под психиатрическим лечением.

О. Журавлёва *— Хорошо. «Что лучше, быть великой империей с бесправным и голодным народом или просто обычной страной с богатыми гражданами?»*

А. Проханов: — Мне кажется, лучше всего быть, конечно, Люксембургом, где остатки русского народа будут есть каждое утро устрицы и анчоусы. Это мой выбор, естественно.

О. Журавлёва *— А вы знаете, что миграция из России в Германию выросла просто в разы? Там, типа, на 700 % за год возросла российских граждан. С чем это связано?*

А. Проханов: — Это спасение Германии, потому что арийцы, русские арийцы, приезжая в Германию, компенсируют вал североафриканцев, турок и других мусульман. Германия в очередной раз спасается Россией от растворения.

О. Журавлёва *— Вы считаете, что если туда будут*

приезжать из России, то Германии только на пользу пойдет?

А. Проханов: Ну, я думаю, хорошо, что все-таки русский фактор там будет присутствовать.

О. Журавлёва *— Ну, туда и из Сирии едут, и из других регионов.*

А. Проханов: — Так я и говорю, это кошмар для Германии. Кошмар для германского гения, таинственного, мистического германского гения. И когда туда приезжает русский контингент, они просто с облегчением вздыхают… Я помню, когда я был в Германии… Я зашел в паб германский, мы пили пиво с немцем. Я очень плохо знал немецкий язык и я ему сказал «Ты — Echte Deutsche», то есть «Ты — настоящий немец». Он обнял меня.

О. Журавлёва *— И прослезился.*

А. Проханов: — «Echte Deutsche», — он повторял. «Ich bin Echte Deutsche». Это восхитительно было.

О. Журавлёва *— И вы считаете, что с русскими они должны перемешаться, и тогда будет великая нация?*

А. Проханов: — Я думаю, что будущее Германии — это фашистское государство.

О. Журавлёва *— Вот как?*

А. Проханов: — Да. Вот так.

О. Журавлёва *— А будущее России?*

А. Проханов: — А будущее России — это великая централистская империя.

О. Журавлёва *— Тоже, небось, фашистская, как вы любите?*

А. Проханов: — Нет, фашистской будет Германия. Русские никогда не были фашистами. Русские умели аккумулировать и ассимилировать в себе другие этносы, используя их потенциалы, их мистические представления о мире во благо империи. Россия никогда не будет фашистской, Россия будет империей, в которой все этносы, населяющие эту империю, будут складываться в огромный мистический факел постижения мира.

О. Журавлёва *— А почему ж тогда отвалились все эти завоеванные таким мистическим образом этносы?*

А. Проханов: — Да ладно — отвалились. Их отвалили. Нас рассекли.

О. Журавлёва *— Да кто их отвалил-то? Если мы мистическим образом их собрали, то как их можно было?..*

А. Проханов: — Оль, ну ладно, всё. Перестаньте. Не мучьте меня дурацкими вопросами. Мы же понимаем, кто отвалил, кто разрушил.

О. Журавлёва *— Кто?*

А. Проханов: — Ну, вы отвалили.

О. Журавлёва *— Хорошо, ладно. Будем исходить из этого. Ну, скажите, пожалуйста, как вы относитесь к Русскому маршу и русскому национализму?*

А. Проханов: — Я в этот день поеду в Сталинград. 4 ноября я поеду с моими друзьями из Изборского клуба в Сталинград. У нас будет доклад «Сталинград. Идеология государства российского», мы будем говорить о великой Сталинградской победе как о залоге нашего грядущего победного будущего.

О. Журавлёва *— То есть вы верите в победу?*

А. Проханов — Мы будем требовать возвращения Сталинграду его настоящего имени, а не этого псевдонима, этого фригидного Волгограда. Мы опять вернем Сталинграду его огромное имперское красное значение.

О. Журавлёва *— Ну, тогда скажите в заключение, в чем вы видите залог этих будущих побед? Где вы уже разглядели это будущее?*

А. Проханов: — Я только что вернулся из Сибири. Я видел блестящий, потрясающий авиационный завод в Новосибирске. Я видел авиационный завод в Иркутске. Среди всего уныния, среди тлена, среди печалей, среди нытья, где каждый русский превращен в птицу выпь…

Это грандиозный завод, который на глазах меняет свое обличие. Он преображается. Это новые цеха, это дизайн. И посреди этих залов, напоминающих залы Эрмитажа, стоят божественные самолеты.

О. Журавлёва *— Ну, хоть один назовите. Это какие-то новые совершенно самолеты?*

А. Проханов — Это самолет Су-130МС, это тяжелый истребитель многоцелевой, который будет сбивать американские Б-52, летящие над полюсом, который будет сжигать американские танки на поле боя, который будет барражировать по периметру России, не давая проникнуть

туда крылатым ракетам. Этот завод восхитителен еще и тем, что он, модернизируясь, открывает линии, строит линии для создания нового русского магистрального самолета. И разговоры о том, что мы потеряли гражданскую авиацию, несправедливы. Мы построим этот самолет, мы построим новую русскую гражданскую авиацию, как и боевую. И очень важно, что эти самолеты пошли в полки. Русские полки наполняются этими новыми восхитительными машинами.

О. Журавлёва *— Будет кому их водить, эти самолеты?*

А. Проханов: Ну, конечно. За них сядут грудные дети, они будут пить голландское молоко, и чмокать своими пустышками.

О. Журавлёва *— Александр Андреевич, вы опять начинаете дурачиться. Я серьезно вас спрашиваю.*

А. Проханов: — А что за идиотский вопрос?

О. Журавлёва *Ну, говорят, армия развалена, никак не могут разобраться с Сердюковым…*

А. Проханов: Да ладно, это на «Эхо Москвы» говорят. Самолеты создаются, они взлетают в воздух, их тут же принимают военные летчики и гонят их в полки. Эти самолеты блестяще будут оснащать нашу новую…

О. Журавлёва *— А люди-то хорошо живут вокруг этих авиационных заводов? Наверное, там лучше живется — там есть работа, есть цель какая-то. Наверное, это выглядит лучше на фоне остальной России. Нет?*

А. Проханов: — Эти заводы, к сожалению, локальны. Но там же, в Сибири, я слушал потрясающие песни казачьих хоров, которые пели песни байкальских казаков, а также песни великой войны. И они коррелируются с этими великолепными самолетами… Это прекрасно.

9.10.13

Русский народ должен быть возвращен в историю

О. Бычкова: *— Начнем с Украины и президента Виктора Януковича, который сказал, что сотрудничество Украины с Европейским Союзом не должно привести к разрыву связей со странами Таможенного союза. Как вы думаете, удастся ли ему остаться и там, и там?*

А. Проханов: — Там очень проблематично, потому что всё, что сейчас творится в украинских и российских СМИ, напоминает тотальную войну. Эта война затрагивает, казалось бы, только элиты. На самом деле, она страшно травмирует народы, идет стремительное нарастание противостояния русского народа и украинского народа.

О. Бычкова: *— А как это травмирует народы? Вот, я, например, против украинского народа ничего не имею абсолютно. Вот, нисколько.*

А. Проханов: — Ну, у вас иммунитет.

О. Бычкова: *— Меня это не травмирует.*

А. Проханов: — Вы — стойкий человек. Но когда идет, например, постоянное унижение или диффамация власти, правительства того или иного народа, поневоле народ начинает заступаться за свою власть, даже за несовершенную, даже, может быть, прогнившую власть. И я повторяю: я наблюдаю этот процесс с огромным опасением.

Уже наши отношения не столь безоблачны, как они казались, может быть, еще два года тому назад.

Мне кажется (так мне говорит моя интуиция), что это вильнюсское соглашение не будет подписано. Что так или иначе от него Украина откажется.

О. Бычкова: *— То есть Украина не пойдет к Европейскому Союзу в объятия, вы считаете?*

А. Проханов: — Не пойдет. Или она пойдет не сейчас, а позднее. Потому что всё очень критично. Вот смотрите, допустим, Янукович подписывает этот контракт. А Россия ему это не простит. Здесь очень много еще и психологического. Не только экономического и политического — много психологического.

О. Бычкова: *— Если не сказать «личного».*

А. Проханов: — Личного, да. Это будет расценено, может быть, даже и Путиным как вероломство. Потому что Россия вложилась и в создание Партии регионов, и в победу этой партии, и в победу Януковича. И на Януковича возлагались огромные надежды. И Янукович держался и, по существу, побеждал даже в малых конфликтах только благодаря поддержке русскоязычного, пророссийского населения Украины.

Теперь он оказывается своеобразным Мазепой. И Россия, которая много раз обманывалась Украиной… Так ее обманул Кравчук — ясно, что обманул. Он должен был обманывать. Но обманул и Кучма, обманул, естественно, и Ющенко, и сейчас обманул союзник и почти друг Янукович.

О. Бычкова: *— Но простите, пожалуйста, а что странного, что Янукович оказался не русским агентом, а украинским политиком, где слово «украинский» является ключевым? Ну, чему удивляться?*

А. Проханов: — Да. Ничего странного нет. Тогда пусть господин Янукович (а сейчас будет так), пусть господин Янукович, будучи украинским политиком, опирается на украинский народ и скажет украинскому народу: «Геть Москву, я перестаю быть стратегическим союзником России, я ухожу в Европу». И посмотрим, как Янукович будет выигрывать предстоящие через год выборы. Если еще Россия к тому же, повторяю, задействует свои инициативы явные или скрытые и объяснит русскоязычной части Украины, что Янукович предал ее стратегически и ушел на Запад к проклятым ляхам, то Янукович проиграет эти выборы. И более того — будет разгромлен, и исчезнет Партия регионов, которая, что бы ни говорили, является пророссийской партией. В этой партии очень большое количество людей, испытывающих симпатии к России.

Крах Януковича на выборах и приход к власти Юлии Тимошенко… А подписание этого вердикта в Вильнюсе абсолютно связано с освобождением Тимошенко. Не может Тимошенко оставаться в тюрьме, а Европа подписывать договор с Януковичем. Значит, Тимошенко на свободе, Янукович подписывает этот договор… Россия перестает оказывать Януковичу и Партии регионов поддержку, близятся выборы, Янукович проигрывает эти выборы, Юлия с торжеством возвращается на Украину, становится кумиром. Правобережная, прозападная часть Украины — пассионарная очень, яркая и сильная — приходит к власти, и начинается расправа. Начинается чудовищная расправа прежде всего с самим Януковичем. И многие уже говорят, что судьба Януковича в этом случае может

кончиться тем, что он попадет на нары, пахнущие духами Тимошенко. Он может попасть на эти нары.

И казалось бы, туда ему и дорога. Но это трагедия для России, потому что за это время, за время всех этих пертурбаций не появилось, у России нет реальной своей прорусской структуры или прорусских организованных пластов, кроме Партии регионов.

О. Бычкова: *— А у России по отношению к Украине вообще есть что-нибудь, кроме этой злобной, какой-то неудовлетворенной мстительности? Вообще есть еще какие-то сценарии кроме этого?*

А. Проханов: — Нету. Россия понимает, что без Украины геополитическое существование России ставится под угрозу. Более того, ведь украинские СМИ сейчас говорят: «Да, вот сейчас Россия лишит нас газа или закроет границы для наших товаров. А не хотела бы она, Россия, через четыре года получить базу НАТО под Харьковом и ракеты-перехватчики где-нибудь около российской границы?»

О. Бычкова: *— Но не надо забывать, что, если, например, в украинском обществе согласно голосованию, выборам, соцопросам и всему прочему существует консенсус по поводу Европейского Союза, то по поводу НАТО — нет.*

А. Проханов: — Это поэтапные вещи. Европейский Союз, затем ассоциированное членство в НАТО, затем членство в НАТО, и потом американские базы у российских границ.

О. Бычкова: *— Ну, лет через 50.*

А. Проханов: — Время идет быстро. Потом база Черноморского флота перечеркивается, изгоняется Черноморский флот из Севастополя. И много чего происходит за это время.

А главное, что происходит, — огромное отторжение народов. И это сложнее, чем ситуация в элитах. Поэтому повторяю, я смотрю на этот процесс мучительно, с огромной тревогой и болью. Поскольку я-то уповал на то, что украинцы, получив независимость, ощутят себя вот таким…

О. Бычкова: *— Русскими. А они не ощутили себя русскими — они ощутили себя украинцами.*

А. Проханов: — …ощутят себя имперским народом, который начал имперский путь, народом, который построил святую Софию Киевскую, народом, который выложил апсиду храма.

О. Бычкова: *— Ну, слушайте, если 50 лет проходит быстро, то со времен Софии Киевской прошло совсем много времени. Кое-*

что изменилось.

А. Проханов: — Она стоит. Она стоит.

О. Бычкова: *— Вот тут мне все просто настоятельно советуют спросить у вас, продолжая имперскую тему, продолжая национальную тему, про недавние события в Москве и в других городах 4 ноября. Это было всего несколько дней назад. Почему так получилось, что 4 ноября — день, связанный с российской историей, с началом нового этапа, с освобождением от смуты и всем вот таким хорошим, почему так вышло, что это праздник тех, кто с удовольствием кидает зиги, выходя на улицы российских городов?*

А. Проханов: — Этот праздник был придуман в пику 7 ноября, а 7 ноября всегда был и остается днем красным, с красными шествиями по Москве.

О. Бычкова: *— Почему же он стал черным, скажите?*

А. Проханов: — С красными шествиями по Москве 7 ноября. А 4 ноября задумывалось как день, когда по Москве должны идти другие шествия — не красные, не коммунистические. И придумали множество самых разных шествий. Среди этих самых разных шествий возник так называемый Русский марш, малолюдный, не страшный, в общем, любопытный, никто его не опасался.

Несколько лет этот марш среди построенных в ряды омоновцев проходил какой-то трусцой, бегло, оглядываясь, озираясь, и исчезал, растворялся в московских окраинах.

И вдруг произошло нечто. Не сразу, а вот только теперь произошло. То, о чем говорили люди, исследующие русский фактор. Этот русский фактор вдруг грозно, страшно и одномоментно как в синергетике бывает, проявился. И он проявился, и он будет проявляться.

Это следствие того, что русский фактор не является пустяком. Что русский народ после 1991 года оказался разделенным народом. Русский народ после 1991 года был лишен своих коренных представлений о смыслах. Русский народ перестал быть имперским народом. У русского народа отняли огромную работу. Это не просто работа на заводах, в полях — это работа по поддержанию и по созданию государства.

Потом у русского народа отняли его армию, уничтожили армию, уничтожили тяжелую промышленность, уничтожили космос.

О. Бычкова: *— То есть русский народ растерялся, вы хотите сказать?*

А. Проханов: — Да, русский народ растерялся, будучи растоптанным. Он растерялся настолько, что офицеры стрелялись, старики вешались, а молодежь зверела. Молодежь перестала быть культурной молодежью, молодежь потеряла знания, молодежь потеряла представления о жизни, в которой она живет. Молодежь, поколение Next, поколение пепси. Вот это поколение родило молодых людей, которые не знают ничего кроме инстинктов. Эти люди живут в ощущении инстинктов. Они понимают, что с Россией, с ними творится что-то ужасное. И, конечно, эти адреналиновые, исполненные негодования чувства проявляют на этих овощных базах и на ларьках с темнолицыми людьми.

О. Бычкова: *— И на этих Русских маршах.*

А. Проханов: — И на этих Русских маршах. Русские марши — это результат попрания глубинных интересов русского народа. И недаром Патриарх в своем выступлении сразу же после этих погромов бирюлевских сказал, что необходимо уважать, необходимо учитывать коренные интересы русского народа.

Мало сказать в Конституции, что русские являются государствообразующим народом. Абсолютно мало. А много — опять дать русскому народу огромную работу.

О. Бычкова: *— А как можно учитывать интересы русского народа? И как бы это совместить каким-то человеческим цивилизованным способом с тем, чтобы не ущемлять интересы других народов?*

А. Проханов: — Очень просто. Очень просто.

О. Бычкова: *— Исходя из того, что предлагается Русскими маршами, не выходит.*

А. Проханов: — Русские марши — это реакция на попранные интересы, на попранность русского народа. Это реакция. Русский народ хочет опять вернуться к огромным работам, к огромным смыслам, ради которых, быть может, он и создан господом богом на Земле. И это возможно. Это возможно, начав, наконец, долгожданное развитие, опять вернув русскому народу эти огромные труды, огромные заводы, огромные лаборатории, огромные пространства, опять сказать русскому народу: всё, что с ним сделали с 1991 года — это преступление.

О. Бычкова: *— А всё, что с ним сделали с 1917 года…*

А. Проханов: — А что с ним сделали еще с 1612-го, а еще с полян? С 1917 года, знаете, что сделали с русским народом? Его

сделали народом-победителем. А после 1991-го…

О. Бычкова: *— Почему же он так быстро и легко отдал свою победу и корону снял свою победительную? Скажите, пожалуйста.*

А. Проханов: — Он виноват. Он виноват, Оля.

О. Бычкова: *— Нет, а почему?*

А. Проханов: — Он виноват перед великими европейскими народами, которые никогда не снимали свою корону. Повторяю, 1917-й год, который завтра будет праздноваться, сделал русский народ обладателем гигантских пространств, великой цивилизации и великой исторической миссии победы. Эту победу отняли. После 1991 года у русских…

О. Бычкова: *— Почему так легко ее было отнять? Почему ее не отняли у англичан? Почему у французов? У американцев? Почему не отняли?*

А. Проханов: — Почему так легко французы за четыре недели потеряли свою родину, а англичане, когда их сбросили в Дюнкерке в Ла-Манш, почему они ждали, когда русский народ, истекая кровью, сражался под Сталинградом? Почему? Что за исторические вопросы?

Русский народ был уничтожен. Он не сдался — его убили в 1991 году.

О. Бычкова: *— Александр Андреевич, вот, скажите мне…*

А. Проханов: — Я вам сказал.

О. Бычкова: *-…вот что.*

А. Проханов: Повторяю. Отвечаю на ваш вопрос.

Спасение от так называемых Русских маршей не в ОМОНе и не в проповедях вот таких богомилов. Спасение от Русских маршей в том, что…

О. Бычкова: *— Богомилы — это кто?*

А. Проханов: — Ну, богомилы — это те, кто выходит, начинает, там не знаю, умолять, сетовать… Русский народ должен быть возвращен в самый центр исторической работы. Русскому народу должна быть возвращена история. Русский народ должен быть возвращен в историю.

Кстати, учебник, который делается, этот странный, вызывающий такую полемику учебник, — это еще одна попытка вернуть русский народ и все остальные народы, живущие рядом с ним, в историю.

О. Бычкова: *— Конечно, в историю. Причем там русский народ? Там всем говорится «Русский народ — это такое стадо, которое на протяжении веков велось мудрыми государями. Продолжайте, русский народ дорогой, слушаться ваших пастухов, и всё будет хорошо».*

А. Проханов: — Я читал другой учебник. Я читал другой учебник — там не было никаких ни коров, ни стад. Библейские терминологии там отсутствовали.

Это учебник, написанный не об одном отдельно взятом народе — не о русском, не о татарском, не о еврейском. Это учебник о созидании государства российского во всех его конвульсиях, на протяжении всех тысячелетий, на которых оно создавалось. Это история того, как создавались пространства, как в эти пространства включались другие народы, другие верования, языки, потенциалы. Как к древним славянам примыкали угро-финны, как в них вливалась нордическая, варяжская энергия, как приходили люди большой степи, кипчаки и хазары. Как создавалась эта потрясающая уникальная общность.

А внутри этой общности возникала София Киевская, возникал Ярослав Мудрый, возникали русские святыни.

О. Бычкова: *— Вот там, кстати, эти вопросы — хотя, казалось бы, уже много прошло лет и даже веков с тех пор — про варягов, про Софию Киевскую, — там есть некоторые неловкости, и некоторые из них даже отнесены к трудным темам, которые выделены в отдельные методические разработки.*

А. Проханов: — Ну, они, конечно, трудные, потому что сегодня у нас же нет единодушия, единомыслия по поводу…

О. Бычкова: *— Ни по чему.*

А. Проханов: — Ни по чему. В частности, государство не может воспитывать своих граждан в разномыслии. Граждане должны быть воспитаны как сыны отечества, которые способны выдержать огромный натиск истории, и служить государству и отечеству своему в период его кромешный и в период его светоносный.

О. Бычкова: *— То есть если варяги не вписываются, например…*

А. Проханов — Почему они не вписываются? Они вписываются.

О. Бычкова: *— …то давайте как-то мы варягов так, замнем*

для ясности.

А. Проханов: — Да, и вместо них поставим хазар. Ну, естественно.

О. Бычкова: *— Вместо них поставим…*

А. Проханов: — Хазар неразумных.

О. Бычкова: *— Чтобы сплошные везде были… Никаких хазар вам, никаких варягов. Всё наши русские народные медведи с балалайками.*

Я хочу вас вот что спросить. Это вопрос, на который многие ищут ответа. Отвечают на него по-разному, и он непонятен всё равно. Как вы думаете, русский национализм не в зигующем, чудовищном абсолютно варианте, а в цивилизованном — он возможен? Или это иллюзия?

А. Проханов: — Русский национализм на протяжении всей русской истории был имперским сознанием. Имперское сознание — это и есть русский национализм. Потому что русскость не в косоворотке, не в орнаменте на наличниках и даже не в языке. Русскость — в огромной гигантской мессианской задаче по созданию вот этого евразийского царства. И русская миссия всегда была связана с империей.

Сегодня возник новый, неожиданный, абсолютно русский национализм — так называемый уменьшительный, или либерал-национализм, который говорит «Россия для русских. Долой Кавказ. Долой Татарстан. Отдадим Кенигсберг немцам. По существу, отбросим Сибирь, откажемся от Арктики». Вот этот национализм…

О. Бычкова: *— Но Сибирь мы не отбросим. Сибирь не отбросим.*

А. Проханов: — Нет, ну, по логике…

О. Бычкова: *— Нам Сибирь надо — у нас там нефть, знаете ли, и газ.*

А. Проханов: — Там у нас нефть, но там татары. Там очень много татар в Сибири. Тюмень вся…

О. Бычкова: *— И северных народов еще, да.*

А. Проханов: — И северных народов. Поэтому национализм, который встречается с отпором или с национально-освободительными движениями где-нибудь в Чувашии или в Якутии, он отступает перед лицом этих национально-освободительных движений и сжимается до Вологодской

губернии.

Вот этот национализм, который говорит: «Сколько же можно русским быть империалистами? Столько трат, столько лишений. Давайте заживем по-европейски, чтобы была своя вилла, бассейн, чтобы были хорошие мерседесы, прекрасная еда», — на него искушают русских людей. А что же делать с этой огромной исторической задачей? А что делать с этим повторяющимся порывом в космос, который заставляет человека не думать о шелковых галстуках или манжетах, а заниматься космическим порывом или божественным поиском?

О. Бычкова: *— А можно одновременно о галстуках и о космических ракетах?*

А. Проханов: — Можно о галстуках, космических ракетах, быть гомосексуалистом, одновременно венчаться с собаками в церквах и при этом исповедовать огненное христианство, быть Пушкиным, а также заниматься рубкой икон, как занимается Гельман. Всё это можно в стране, которая остановилась и падает в пропасть. Россия сегодняшняя такова. Но это будет не вечно. Россия преодолеет эту смуту и вырвется опять на стратегическое направление. Русский ренессанс неизбежен.

О. Бычкова: *— Русский или российский?*

А. Проханов: — Русский ренессанс так, как его понимали татары в период Великой Отечественной войны.

О. Бычкова: *— А как вам нравится предложение митрополита Волоколамского Иллариона поставить на Лубянке памятник князю Владимиру Красное Солнышко, князю Владимиру Владимировичу, может быть, — Красное Солнышко вместо Железного Феликса, вместо фонтана, вместо, я не знаю, чего еще?*

А. Проханов: — Я представляю, как этот памятник будет поставлен. Наверняка, Владимир будет с крестом в руках как, наверное, Владимирская Горка в Киеве.

О. Бычкова: *— Ну да.*

А. Проханов: — И, конечно, этот крест будет обращен к зданию Лубянки.

О. Бычкова: *— Почему?*

А. Проханов: — Ну, а куда еще? На метро, что ли?

О. Бычкова: *— Нет, ну, подождите. Феликс Эдмундович стоял спиной к Лубянке. Как бы она его сзади поддерживала.*

А. Проханов: — Нет, ну а что? Владимир, а за его спиной вся

лубянская рать, что ли?

О. Бычкова: *— Да. Да.*

А. Проханов: — Нет. Он будет повернут крестом к Лубянке, и памятник будет называться «Чур меня, чур».

О. Бычкова *(смеется): — И спиной к людям, которые будут ходить вокруг.*

А. Проханов: — Нет. Я думаю всё время над этим. Я не устаю, конечно, изумляться нашему иерарху в его бесконечных выдумках и в его какой-то болезненной, мучительной, антисоветской какой-то боли, которую он несет в себе и передает нам, грешным.

Поставить туда Дзержинского было бы нормально.

О. Бычкова: *— Ну, что нормального-то, господи?*

А. Проханов: — Поставить туда…

О. Бычкова: *— Чур вас, чур, Александр Андреевич.*

А. Проханов: — Поставить туда Дзержинского было бы нормально, потому что… Никто, действительно, не скажет, что поставили Дзержинского, потому что сейчас начнет ВЧК шарить по квартирам и брать.

О. Бычкова: *— Скажут. Я скажу.*

А. Проханов: — Ну, это безумцы, либо такие экзальтированные прекрасные женщины, как вы. Никто не скажет. Эта эра кончилась. И Дзержинский был поставлен в период, когда никакого НКВД и никакого ЧК уже не было. Это был сытый, спокойный, бархатный период, когда поставили. Раз.

И если его поставить, будут удовлетворены нынешние спецслужбисты. Потому что до сих пор у них в кабинетах висит Дзержинский как отец-основатель. Но это же не люди Судоплатова, это же не люди…

О. Бычкова: *— Или даже как икона, прости, господи, за богохульство.*

А. Проханов: — Да. Это создатель их мощной корпорации. Причем, эта корпорация — она, может быть, сильнее, чем государство. И они, верные своей корпорации, чтут образ Дзержинского. Это будет справедливо по отношению к ним.

Наконец, это завершит ансамбль. Потому что, конечно же, кругом гигантские здания ФСБ. Слева серое, справа желто-яичное, вот этот огромный фасад. И появление там такого памятника

просто завершит этот ансамбль.

О. Бычкова: *— Подождите. Ансамбль изначально, когда там стояло первоначальное здание, вокруг которого вот это всё серое и какое-то яичное выросло — там было страховое общество «Россия», его московское отделение, как мы помним. И перед ним стоял просто большой красивый фонтан, который существует до сих пор — его можно вернуть.*

А. Проханов: — Да, давайте вернем. Только отрубим половину от этого здания — оно же было другим совершенно. Там Жолтовский поработал. И разрушим слева здание и справа.

О. Бычкова: *— Но фасад-то тот же приблизительно.*

А. Проханов: — Там был другой, вдвое меньший фасад.

О. Бычкова: *— Ну, там наросло, конечно. Наросло.*

А. Проханов: — Давайте, я готов разрушить это здание, к фасаду поставить фонтан, налить в него шампанское и купцов туда собрать.

О. Бычкова: *— Давайте разрушим эту тюрьму, Александр Андреевич, как поется в известной песне…*

А. Проханов: — Ну, давайте разрушим весь Новый Арбат. И куда же мы с вами тогда денемся с нашими эфирами? Поэтому, повторяю, было бы правильно поставить туда Дзержинского. Потому что он архитектурно…

О. Бычкова: *— Во-первых, это красиво.*

А. Проханов: — …архитектурно он выдержан. Он был бы там уместен.

Теперь вернемся к нашему иерарху. Господи, почему он так боится Дзержинского, если церковь поставила в Москве за последнее время чуть ли не тысячу алтарей, Москву застроили церквами? В Москве предполагается еще построить 600 церквей. Неужели алтари, которые построила церковь, слабее одного этого истукана? Неужели этот языческий Перун сильнее и мощнее, чем тысячи духовных алтарей, на которых совершаются литургии, с амвонов которых произносятся христианские проповеди? Это огромное количество духовных, духовно настроенных священников, батюшек… Неужели он не верит в мощь и силу возрождающейся церкви? Откуда такая слабость?

О. Бычкова: *— Может, он не хочет мощи и силы, как очень многие люди, и это абсолютно понятно, в нашей стране и с нашей*

историей? Они не хотят мощи и силы возрождающихся нквдшников.

А. Проханов: — Да какие нквдшники? Некоторая часть наших православных, старообрядцев, и Петра считают антихристом. Давайте и Петра.

О. Бычкова: *— Давайте.*

А. Проханов: — Давайте срежем Петра и поставим Аввакума, например.

Потом, не надо идеализировать Владимира Красное Солнышко. Может быть, в учебниках это и не написано — в учебниках нашей сегодняшней истории, — но в тех учебниках, которые я читал, в частности, в истории Ключевского написано, как прививалось христианство в Руси. Какая была…

О. Бычкова: *— И как человек принимал политическое решение, между прочим.*

А. Проханов: — Какая была страшная кромешная резня. А восстание волхвов? А эти плоты, которые плыли по Шексне, и на них там на кольях изувеченные, изуродованные волхвы?

Я вот сейчас плавал на яхте по Рыбинскому водохранилищу. Мне показывали мыс, на котором были казнены последние волхвы. Они были изловлены, страшно замучены и казнены там.

Поэтому Владимир Красное Солнышко в каком-то смысле имеет и нкдвшные черты и свойства. Он насаждал новую религию, новую веру не любовью, не поцелуями, не христовой проповедью, а огнем и мечом. Поэтому, давайте, поставим крестителя Руси Владимира Красное Солнышко, но только оденем его в длинную шинель и приклеим маленькую острую бородку. А вместо креста дадим ему в руки трехлинейку.

Нет, я считаю, что это бред. Что никакого Владимира там ставить не нужно. Владимир родился в маленьком селении Выбуты на Псковщине. Это крохотный маленький поселок. По этому поселку протекает речка. И в этой речке лежит огромный темный камень, теплый днем и ночью, зимой и летом. По поверью этот камень — остатки Вифлеемской звезды, которая долетела до Псковщицы, разбилась на фрагменты, и один из них (самый большой) упал в этот ручей. И на этом месте родился святитель, князь-святитель будущий. Вот ему памятник. Вот лучший памятник Владимиру.

О. Бычкова: *— То есть на Лубянке просто ничего не надо ставить?*

А. Проханов: — Нет, Дзержинского поставить, и это будет

завершение ансамбля. Это будет историческая правда.

О. Бычкова: *— О, да. Это будет завершение исторической правды и начало новой исторической перспективы. Круто.*

А. Проханов: — Нет-нет. Это будет историческая правда. Но я боюсь, что если дела в России пойдут опять так, как они сейчас идут, его, Дзержинского, опять повесят. Опять подгонят, в конце концов, туда кран…

О. Бычкова: *— Вот поэтому и не надо ничего ставить.*

А. Проханов: — Нет. Поэтому не надо подгонять краны, а надо изменить ситуацию в России.

О. Бычкова: *— Пускай будет красивенький газончик с цветочками и клумбочками.*

А. Проханов: — Ладно. Ну и гуляйте с козочкой по этому газончику.

О. Бычкова: *— С козочкой, с собачкой. Это нормально, да.*

А. Проханов: — Ходите с собачкой и с кошечкой. Нет.

О. Бычкова: *— Хочу успеть вас спросить вот о чем. Вы начали говорить о заводах — это ваша, безусловно, тема. РУСАЛ, алюминиевый холдинг, который принадлежит Олегу Дерипаске или подконтролен ему, объявил, что сокращает производство на 15 % в следующем году по сравнению с годом прошлым.*

А. Проханов: — Скверная история, которая говорит о том, что по-прежнему продолжается деиндустриализация в России.

О. Бычкова: *— Но, может быть, это личная проблема господина Дерипаски и его производства?*

А. Проханов: — Ну, такие же проблемы и у других наших магнатов.

О. Бычкова: *— Может быть, это просто вопрос эффективности конкретных людей?*

А. Проханов: — Нет-нет. Это по-прежнему продолжается деиндустриализация. Но, наряду с этой продолжающейся деиндустриализацией, начата вторая индустриализация России, как и вторая христианизация, кстати, России. И мой опыт человека, который постоянно движется по городам, говорит о том, что эта вторая индустриализация из мечты и фантазий превратилась в реальность.

Ну, например, потрясающий металлургический комбинат и

завод, прокатный стан в Выксе, который построил наш крупный предприниматель Анатолий Седых. Это грандиозное сооружение с потрясающими станками, с мощными двигающимися слявами, с алым куском металла, который гоняется слева направо, справа налево, а потом гигантские трубы уходят с этого завода на восток.

И я побывал у Савченко. Это потрясающая индустрия, которая охватывает всю область. Эти поля, засеянные по линейке, хрустальные теплицы, кристаллические комплексы животноводческие…

Или авиационный завод, например, в Иркутске, на котором я только что был.

О. Бычкова: *— Ну, а я только что была в Комсомольске-на-Амуре, например.*

А. Проханов: — Да, вы были на Амуре — это тоже завод.

О. Бычкова: *— Это огромное впечатление.*

А. Проханов: — Погосяновская корпорация.

О. Бычкова: *— Погосяновская, да. Это фантастика.*

А. Проханов: — Этот завод… Понимаете, это завод победы — он выиграл войну своими самолетами.

О. Бычкова: *— Александр Андреевич, но это же… Это современный высокотехнологичный информационный капитализм, извините, пожалуйста. Это новая реальность. Вот она так работает, и слава богу, и пускай.*

А. Проханов: — И слава богу. Это реальность, этот капитализм должен быть немедленно реализован и возведен по всей стране. По всей стране. Причем особенно военно-промышленный капитализм.

О. Бычкова: *— Да особенно везде, я бы сказала.*

А. Проханов: — Особенно везде. Потому что вызовы, которые сейчас Россия несет, колоссальны, угрозы огромны. И этот капитализм не может возводиться медленно, постепенно, без рывка, без стратегического рывка. А такой рывок потребует мобилизационного проекта.

О. Бычкова: *— Может быть, он потребует освобождения от коррупции, например?*

А. Проханов: — Он потребует мобилизационного проекта, который включает в себя освобождение от коррупции. Но не только.

О. Бычкова: *— Ну, просто чтобы людям, у которых есть голова и желание всё это сделать, хотя бы не мешали.*

А. Проханов: — У этого стратегического рывка много составляющих, но этот рывок должен произойти, и тогда не будет Русских маршей. Тогда будут эти восхитительные заводы, на которых будут работать русские, татары, евреи, дагестанцы. Будет опять новая великая многонациональная держава.

6.11.2013.

Европейский магнит для Украины

О. Бычкова: *— Начинаем с Украины, конечно. Одна из последних новостей — то, что Украина, а также Россия, а также Европейский Союз могут провести трехсторонние переговоры и обсудить все проблемы, которые до того обсуждались в одностороннем или двустороннем режиме. Как вы думаете, это какой-то путь для компромисса? Или это хитроумный Янукович еще что-то разводит?*

А. Проханов: — Я думаю, что это просто хорошая мина при плохой игре.

О. Бычкова: *— При чьей плохой игре?*

А. Проханов: — Янукович сделал свой выбор со скрипом…

О. Бычкова: *— Российский?*

А. Проханов: — Да, сделал свой российский выбор, повторяю, со скрипом, с непонятным и загадочным зигзагом, который он совершил. Но этот выбор сделан под мощнейшим воздействием как Евросоюза, так и России, как одной части Украины (проевропейской), так и другой (прорусской).

И выбор этот, мне кажется, необратим, потому что люди, которые посчитали Януковичу издержки евроинтеграции (математики, экономисты), доказали ему катастрофичность разрыва с Россией и эфемерность и мнимость достижений в результате европейской интеграции.

Путин — человек очень жесткий. Он не компромиссный человек, он человек комбинаций самых разных, сложных комбинаций, которые он привык выигрывать.

И для него евразийская тема, тема Таможенного союза, тема включения в Таможенный союз и в эту интегральную пространственную схему Украины является вопросом его мировоззрений, его престижа.

Он пойдет на эти соглашения, на эти договоры, на эти разглагольствования, прекрасно понимая, что он этот раунд выиграл.

Ведь Украина… Хотя мы говорим о том, что Россия и Украина — это часть единого русского мира, но на протяжении всей истории наших отношений Украину постоянно старались отпилить от России и крючьями оттащить к Европе.

Ну вот, посмотрите, Мазепа и шведы — первый такой типичный случай. Второй, скажем, — Петлюра и Кайзер германский. Третий случай — Бендера и Гитлер. Четвертый

случай — Ющенко и НАТО. И пятый случай — это Янукович, который искусился на европейский магнит. А этот магнит существует — он затягивает. Он и Россию затягивает, он и Китай, если угодно, затягивает. Европейский магнит — это мощная, многоэшелонированная таинственная европейская цивилизация.

О. Бычкова: *— Ну, он такой, магнитный магнит, да.*
А. Проханов: — Магнитный магнит.

О. Бычкова: *— А скажите, пожалуйста, Александр Андреевич, Янукович принял такое решение, потому что ему всё посчитали как экономисты, так и промышленники? Или потому что ему очень удачно подставили нож к горлу с российской стороны и он просто не смог этому противостоять? То есть шантаж оказался слишком серьезным?*

А. Проханов: — Ему считали как его математики, так и русские математики.

О. Бычкова: *— Русские математики сильно не считали.*

А. Проханов: — Нет. Они посчитали. Они показали, что будет, если он пойдет по европейской дорожке. Они показали *ему* степень конфликта, который может разгореться в результате этого. А конфликт этот имеет страшный алгоритм. Первое — торговая война (это самое простое). После торговой войны — визовый режим на границах. После визового режима — пересмотр соглашения о базировании Черноморского флота в Севастополе. После этого…

О. Бычкова: *— То есть все-таки нож к горлу получается?*

А. Проханов: — Нет, почему? После этого — натовские системы ПРО под Харьковом. А после этого, не дай бог, — мобилизация на Украине и в России.

О. Бычкова: *— Я вас хочу вот еще о чем спросить. Понятно, что положение, в котором оказался Янукович, очень сложное. Это правда. Оно объективно тяжелое, и вся ситуация очень драматичная просто по абсолютно объективным, фатальным причинам. Что делать, если одна часть, или половина Украины, смотрит в Россию? А что делать с другой частью Украины, которая смотрит в противоположную сторону? Ведь это факт жизни.*

А. Проханов: — Если все-таки на Украине восторжествует демократическая конструкция, когда все эти мучительные споры решаются через выборы, через конституционные технологии, то

ничего не делать. Такие соотношения бывают везде — они и в Шотландии бывают, и в Испании бывают, и в Европе бывают.

О. Бычкова: *— Ну, мы еще не знаем, чем в Шотландии в следующем году референдум закончится.*

А. Проханов: — Ну, я думаю, что не стрельбой. А, может быть, и стрельбой. Но Украина очень непрочное создание, и она может распасться в результате вот этого кризиса, который сейчас…

О. Бычкова: *— Так она может распасться?*

А. Проханов: — Она практически распалась. Практически распалась. И хотя многие говорят, что «Нет, украинцы — это веселый народ, они никогда не пойдут на обострение, на схватку», мы же знаем, какие страшные бои шли на Украине в 1918-м, в 1919-м, в 1920-х годах, как схлестнулись украинцы с украинцами.

Мы знаем, что на Петлюру нашелся Буденный, что на Бендеру нашелся Ковпак. И это общество — конечно, оно глубинно расколото.

Я просто не знаю, вдруг все-таки Кремль, Путин и кремлевская среда готовы будут запустить так называемые имперские технологии. Потому что всё, что сейчас запускается, — это квазиимперские технологии.

О. Бычкова: *— Имперские технологии — это значит отрезать опять половину Украины и притянуть ее к себе?*

А. Проханов: — Да, да. Вот эти имперские технологии, когда…

О. Бычкова: *— Но это же… Это же абсолютный старый, старорежимный, позапрошловечный сталинизм.*

А. Проханов: — Да. Поэтому позапрошловечный сталинизм, романизм, там не знаю, гитлеризм, там не знаю…

О. Бычкова: *— Вы хотите сказать, что Путин — это президент вчерашнего или позавчерашнего дня?*

А. Проханов: — Нет, я хочу сказать, что мир, в том числе и европейский — он качается, он шатается. Все европейские границы мнимо стабильны и тверды. Эти границы будут пересмотрены, как были пересмотрены границы после Хельсинского соглашения.

О. Бычкова: *— Ну, и в продолжение этой темы и в завершение*

темы Украины приходят сообщения о том, что будто бы Литва подготовила к саммиту в Вильнюсе антироссийскую декларацию. Источники это опровергают. В то же время другие источники сообщают, что готовится некая декларация, сказал источник в Европейском Союзе — сначала ЕС предлагает осудить империалистическое давление со стороны России на соседние страны, затем сказать, что руководство

Украины не должно действовать вопреки интересам собственного народа. И что страны Европы поддерживают стремление украинского народа к тесному сотрудничеству. Ну, как-то это всё опять похоже на то, что происходило в Европе 100 лет назад, 50 лет назад.

А. Проханов: — Нет, Оля, это всё смешная и запоздалая пропаганда — она пройдет как осенний дождь. На самом деле, ситуация будет развиваться, по-видимому, так. Если в последний момент Янукович не дрогнет и как безумный не подпишет эту декларацию (я думаю, что он не подпишет ее), то ситуация будет развиваться так. Будут в ближайшее время проходить интенсивные переговоры между Украиной и Россией о снижении цен на газ. Не сразу, не резкое снижение, но я думаю, что некоторое снижение, ощутимое для украинской экономики произойдет. Это раз.

Я думаю, что уже, по-видимому, начались или очень скоро начнутся переговоры о дальнейшей, более интенсивной и глубокой интеграции крупнейших украинских предприятий с российскими. Это касается Южмаша, ракетного завода, который сотрудничает уже с нашей ракетной отраслью. Это касается Антоновского КБ в Киеве, которое хрупко, но взаимодействует с нашим авиапромом. Это касается энергетических отраслей, металлургических отраслей и атомных отраслей. И наконец, я думаю, что произойдет смена посла в Киеве, потому что, по-моему, Зурабов мышей не ловит — он, по существу, допустил этот кризис. Там будет смена посла, и придут поколения другой философии, другого мировоззрения. Люди, которые будут ездить на Украину из России с деликатными поручениями, они не будут напоминать ни Гельмана, ни Белковского, которые ездили на Украину и запарывали все инициативы Москвы. Пойдет, видимо, другая публика.

О. Бычкова: *— Какая публика пойдет?*

А. Проханов: — Ну, я думаю, что пойдет публика, несущая в себе бремя государственной ответственности, пойдут государственники.

О. Бычкова: *— Как это скучно.*

А. Проханов: — Да, это не модельеры, не галеристы, не странные экстравагантные политологи, желающие в Москве находить монархию.

О. Бычкова: *— Это суровые мужики на танках.*

А. Проханов: — Да, да.

О. Бычкова: *— Как мы любим обычно.*

А. Проханов: — Но мне кажется, что должна появиться доктрина (она в России должна появиться), которая лишена вот этого русского высокомерия по отношению к Украине, лишена чувства реванша, и она должна относиться к Украине как к родоначальнице этого громадного цивилизационного образования, имя которому «русский мир». Подход к Украине должен быть изменен. Это не мы один народ, не мы, русские, втягиваемся в Украину (хватит разделения), а Украина должна почувствовать право первородства в создании гигантского цивилизационного целого, именуемого Российской империей и русским миром в целом. Вот, мне кажется, что на такой посыл очень многие украинские интеллектуалы пойдут. Я встречался с ними, они готовы взаимодействовать с Россией, они вовсе не европеоиды. Они готовы взаимодействовать с Россией, но вот под таким соусом.

О. Бычкова: *— Понятно. Понятно. А вот, скажите, пожалуйста, зачем Путин ездил к Папе Римскому?*

А. Проханов — Вы хотите, чтобы я выдал эту тайну? Эту сокровенную тайну?

О. Бычкова: *— А вы зачем здесь? Нас никто не слышит. Я никому не расскажу.*

А. Проханов: — Вы знаете, мне язык дарован, чтобы скрывать тайны, а не выбалтывать их.

О. Бычкова: *— Ну, намекните, по крайней мере.*

А. Проханов: — Шекспир сказал «Сто языков у совести моей, и каждый о себе напоминает».

О. Бычкова: *— Хорошо, я знаю, что вы знаете Шекспира и цитируете его наизусть, я вам верю, Александр Андреевич.*

А. Проханов: — Да, да. Вы хотите, чтобы я Путина цитировал наизусть? Я думаю, что этот визит был просто обязателен. Это визит, с одной стороны, статусный. С другой стороны, конечно,

Ватикан — это шарнир, вокруг которого вращаются целые континенты.

Сейчас христианство мировое переживает кризис, драматический кризис. Уничтожаются христианские ценности в Сирии, громят и уничтожают христианские ценности в Косово. На христиан, в том числе на православных христиан, устраиваются охоты. В России очень сильна христианофобия.

В Европе, в спокойной христианизированной Европе идет наступление на традиционные христианские ценности — вот эти сексуальные революции, однополые браки.

Таким образом Путин ворвался в Ватикан как носитель традиционных ценностей, традиционной тематики. Он уже однажды заявил об этом… Он заявил об этом и в Валдайской речи. Он говорил, что Европе грозит истребление, Европа морально и духовно вырождается. И он пришел к Папе как спаситель Европы. Он протянул Папе руку.

О. Бычкова: *— Как спаситель Европы или как к спасителю Европы?*

А. Проханов: — Он пришел как спаситель Европы, потому что он был единственным в ту пору…

О. Бычкова: *— А Папа — это что, образец разнузданности, я не понимаю?*

А. Проханов: — А Папа нуждается в помощи. Он живет в окружении вот этих чудовищных содомитских тенденций. Папа окружен, он в плену, в плену у новой содомитской Европы. И Путин пришел спасать его.

Вы помните, было Каносское пленение Пап? Вот он приехал сейчас в Ватикан как Канос, чтобы спасти Папу, вывезти его самолетом вместе с Берлускони. Он приехал туда, действительно, чтобы спасти Италию и ее лучших сынов.

О. Бычкова: *— Ну и как? Спас?*

А. Проханов: — Ну, во всяком случае, Папа выглядел очень бодрым и оживленным после…

О. Бычкова: *— А уж Берлускони-то каким выглядел, я думаю, бодрым и воодушевленным.*

А. Проханов: — Берлускони я вообще никогда не видел печальным. Берлускони — это человек, из которого брызжет энергия.

О. Бычкова: *— Ну да. А потом Берлускони — как раз тот*

самый человек, который должен спасать всех. Надо его сюда привезти с его высокой моралью, вы же понимаете, с его кристальным обликом.

А. Проханов: — Не надо смеяться над малыми слабостями большого человека. Не надо.

О. Бычкова: *— И именно такие люди нам нужны?*

А. Проханов: — А почему нет? Но только пусть захватит кровать, потому что в каком-то смысле эта кровать — наша собственность. Она же ведь не подарена Берлускони, а дана во временное пользование. И если он будет переезжать сюда, то пусть захватит огромную четырехспальную кровать.

О. Бычкова: *— Обратно пускай привезет.*

А. Проханов: — Папа был доволен визитом Путина.

О. Бычкова: *— А зачем? Скажите, почему эта тема постоянно возникает по поводу РПЦ и Ватикана, и про то, что обязательно нужно, чтобы встретились Папа и Патриарх? И уже который Папа собирается… Об этом говорится всё время, но никак не встретятся. А вот это вообще для чего всё?*

А. Проханов: — Потому что эти церковные проблемы чрезвычайно политизированы. Скажем, на протяжении всего XX века Ватикан был люто антисоветским, и Войтыла был, конечно, лютым антисоветчиком. И его встреча с Патриархами, советскими Патриархами была невозможна, потому что это были лютые политизированные враги.

Но поскольку православная церковь соединилась в себе самой, то есть зарубежники соединились с Русской православной Церковью, Патриарх был в Польше и предложил стратегический союз двух народов, а, значит, и двух, по существу, церквей и религий. Необходимость такой конвергенции, пускай не догматической, в этом грозном и страшном гибнущем мире — она очевидна. И, конечно, очень много предубеждений по поводу этих контактов православно-католических. И они понятны, потому что история взаимоотношений была ужасная. Но, тем не менее, такая тенденция существует и, мне кажется, рано или поздно (скорее рано, чем поздно) такая встреча состоится, что не будет означать никаких форм слияния…

О. Бычкова: *— А что после этого изменится, например? Ну, вот она наконец состоится, допустим, уже много лет об этом говорят?*

А. Проханов: — Будет снята еще одна тема вражды и

неприязни. А это очень важно, когда такие огромные массивы, огромные мировоззрения протягивают друг другу руки. В мире слишком много вражды, и эта вражда усиливается. И когда враждуют церкви, выступающие от имени Христа, если Христос становится для каждой из церквей предметом раздора и разногласия, это ужасно.

О. Бычкова: *— Тут много вопросов задают про Иран. И, например, спрашивают, действительно ли можно надеяться, что удалось, опять-таки, как Украине с Россией, с Европейским Союзом договориться, и нашли подход к Ирану, и теперь всё будет хорошо? Или это, как тут пишут, очередное сионистское лобби в верхних эшелонах власти?*

А. Проханов: — Нет. Ведь Обама несколько лет назад неожиданно провозгласил новый подход к исламским проблемам. Правда, после этого крылатые ракеты полетели громить северную мусульманскую Африку. Но в части Ирана он сейчас продемонстрировал этот новый подход. Потому что Израиль хотел бы, чтобы руками Америки был уничтожен его главный враг — Иран, требующий истребления Израиля.

О. Бычкова: *— Ну, как можно уничтожить целый Иран? Ну, это физически невозможно. Как можно вообще этого хотеть? Мне кажется, вы как-то очень интерпретируете представления.*

А. Проханов: — Если Иран хочет уничтожить Израиль, вы думаете, что Израиль не хочет уничтожить Иран? Вас это удивляет просто? Вы не знаете, что все премьер-министры Ирана за последние 20 или 30 лет требовали уничтожения Израиля, они отрицали право Израиля на существование? А Нетаньяху живет…

О. Бычкова: *— Ну, потому что они безумные.*

А. Проханов: — А, ну да. А разумный Израиль, разумный глубокий Израиль — он сейчас больше всего боится Холокоста-2, потому что после Холокоста-1 в Израиле есть такое представление, что от исламского мира, в частности от Ирана, грозит опасность второго Холокоста.

Поэтому война пока что психологическая, аможет быть, и горячая между Израилем и исламским миром колоссальна. И вот вместо этого напряжения вдруг Обама, который всегда был союзником Израиля и Нетаньяху, решил нормализовать отношения с Ираном. Он разморозил их авуары, он разморозил счета, снимается блокада. Иран готов допустить МАГАТЭ в самые сокровенные свои лаборатории.

О. Бычкова: *— Так Иран действительно готов? Или Иран просто сейчас прикидывается, чтобы как-то выждать время или я не знаю что?*

А. Проханов: — Ну, трудно сказать, что будет через 20 лет, но там произошла смена политических лидеров, и новый президент совершенно не похож на моего любимца Ахмадинеджада. Он гораздо мягче, он гораздо либеральнее, и поэтому с ним можно вести разговор… У него изменилась риторика. Ни одного высказывания подобного в адрес Израиля. По существу, все ждали, в том числе и Эрдоган (Турция), что Иран будет разгромлен. Эти удары по Ирану — назначали сроки, выдвигались авианосные соединения. Иран разгромлен, Израиль вздыхает свободно, Турция становится крупнейшей региональной сверхдержавой.

На деле вышло всё иначе. Иран и Америка заключают своеобразное партнерство, Иран допускает контролеров на свои ядерные объекты. Американцы не препятствуют ядерной программе и обогащению урана до низких процентов. Нетаньяху в ужасе прилетает сюда, у него дрожат руки, а Эрдоган начинает проситься в организацию ШОС.

О. Бычкова: *— Вы, видимо, что-то видели большее, чем все остальные. Вы видели Нетаньяху, как у него дрожали руки? Вы его встречали в аэропорту?*

А. Проханов: — Вы же знаете, что я был на встрече Путина и Папы Римского. Почему же вы думаете, что Нетаньяху не пригласил меня на встречу?

О. Бычкова: *— Я даже думаю, что на встрече Путина и Нетаньяху, Путина и Папы Римского вы как раз были Путиным. Что-то мне подсказывает.*

А. Проханов: — Ну, я был то Путиным, то Папой Римским, то Нетаньяху, то опять Нетаньяху.

О. Бычкова: *— Так это у вас дрожали руки, значит?*

А. Проханов — У меня всегда дрожат руки. Это же старые синдромы. У меня была богемная юность.

О. Бычкова: *— Ну, то есть вы считаете, что если Иран пускает сейчас инспекторов, то он в этот раз не передумает, как это было много раз уже раньше?*

А. Проханов: — Он не допускал инспекторов. Он артачился, он говорил: «Не вмешивайтесь в нашу программу ядерную. До такой степени будем обогащать, до какой хотим». Но, повторяю,

это неожиданный поворот, который ломает всю многолетнюю стратегию Ближнего Востока. Стратегию самого Ирана, стратегию Израиля и стратегию Турции.

О. Бычкова: *— И мы продолжаем программу «Особое мнение». А вы знаете, что Евгений Евтушенко опубликовал в «Литературной газете» статью и там потребовал воскресить Союз писателей со всем, что там было раньше при Советском Союзе? Единое, общее руководство, Литфонд, всякие исключения за нарушения этического кодекса и всё такое прочее. Евтушенко хочет, как я понимаю, в литературный Советский Союз. А вы хотите? Вы же тоже хотите?*

А. Проханов: — Евтушенко в изгнании, в добровольной ссылке в Америке скучает и печалится по поводу чуда, которое он сам разрушил. Потому что Евтушенко находился в центре борьбы, разрушавшей Союз писателей в период перестройки, в период последних лет перестройки. Он был из тех победивших после ГКЧП демократов, либералов писательских, которые захватили Союз, которые начали поход ненависти против патриотической части, против советской части литературы. И Союз после 1991 года разрушился, и либералы победили в этом Союзе: они захватили помещения, захватили инициативы, у них было большинство журналов. Но вдруг и у них ушла из-под ног почва, и они оказались в пустоте как рыба на озере.

О. Бычкова: *— А вот он тоже говорит, что два Союза писателей, которые сейчас есть, это плохо.*

А. Проханов: — Их больше, чем два. Все они бессмысленные, все эти Союзы далеки от Кремля и от народа. И эти Союзы являются анахронизмом. Союз писателей, как он замышлялся и создавался, был создан Сталиным во время первого съезда писателей, который открывал Горький.

О. Бычкова: *— Для того чтобы держать писателей под контролем.*

А. Проханов: — Нет, не для этого. В 20-е и в начале 30-х годов неграмотную страну обучили грамоте. Все люди стали грамотными, и они стали читать. Читающая страна. Поэтому книга стала мощнейшим инструментом, мощнейшим идеологическим воздействием. Поэтому

Союз писателей стал идеологическим инструментом власти в построении нового мира, нового социума, нового государства.

Кстати, Советский Союз начинался с книг. Советский проект начинался с великих книг: «Разлом» Фадеева, «Оптимистическая

трагедия» Вишневского, там, «Тихий Дон», Маяковский.

О. Бычкова: *— Ну, некоторое количество великих книг было еще до Советского Союза, насколько я помню.*

А. Проханов: — Нет, понятно. И «Слово о полку Игоре-ве» тоже было. Но Советский Союз начинался с этих книг, которые строили государство. И книгами это государство было закрыто. Горбачёв советский проект закрывал книгами: «Белые одежды», «Печальный детектив», «Пожар» Распутина. Книга в советское время была грандиозной силой. И Союз писателей — это аккумуляция таких вот энергий идеологических, которые власть (тогда Сталин, а потом последующие вожди) ставила на службу идеологии.

Теперь такой задачи нет. Государство не ставит идеологических задач. У нашего государства нет задачи построить новое государство. Если бы, например, вдруг случилось чудо, и моя молитва была услышана, и в России началось бы развитие, рывок, концентрированное развитие, требующее мобилизации, — мобилизации физической, моральной, этической, военной, какой угодно, — тогда бы для писателей возникла реальная работа, они бы включились, чтобы мобилизовать людей, народ.

О. Бычкова: *— А зачем тогда Путин встречался с писателями, и происходила вот эта многократно обсужденная и обсмеянная история?*

А. Проханов: — Замысел был понятен, но он был неудачен, он не был реализован.

О. Бычкова: *— А какой был замысел?*

А. Проханов: — А замысел был пойти навстречу вот этой вот печальной писательской песне, потому что писатель, как птица выпь, всё время рыдает по поводу своего одиночества. Писатели живут без культуры, вне культуры. После 1991 года стараниями Евгения Александровича была культура разрушена как поле.

О. Бычкова: *— Евтушенко в смысле?*

А. Проханов: — Ну, да, демократы, конечно. А произведение художественное только в культурном поле является частью культуры. Любое гениальное произведение — книги, или музыка, или картины, — если оно создано вне культурного поля, оно умирает.

О. Бычкова: *— То есть Путин хотел выступить как*

собиратель культурного поля?

А. Проханов: — Мне кажется, там было что-то другое. Ведь вначале это собрание предполагало выработку коллективного решения: нужен Союз или не нужен Союз? И этого решения не было, даже этот вопрос не был поставлен на голосование. Просто сошлись, посидели. Там писатели сидели с библиотекарями, с книготорговцами.

Художественное творчество литературное — очень тонкий жреческий процесс, и его нельзя обсуждать публично и с людьми не подготовленными. С коммерсантами его нельзя обсуждать. Поэтому это была неудачная попытка.

Но те, кто там был, остались довольны. Хотя бы хоть что-то, хотя бы хоть немножко впервые власть, Путин, Кремль обратили внимание на целую страту, на огромную страту, в которой существует колоссальное количество интересных людей, огромных дарований. Но не удалось ей этой стратой воспользоваться.

О. Бычкова: *— Это правда, что вы жгли чучело Евтушенко?*

А. Проханов: — Мне стыдно в этом признаться. Сейчас я чувствую, что, действительно, я в свое время совершил грех. Я такое количество хорошей материи извел на этот пожар! Евтушенко и близкие мне люди, и я в том числе, находились в состоянии острейшей идеологической борьбы в период после ГКЧП в 90-е годы. И эта идеологическая борьба была очень жестокой, потому что победившая либеральная среда нас, патриотических советских писателей, загоняла в углы страшные. Мы были демонизированы, мы были красно-коричневыми, Бондарев был фашистом, Распутин и Белов были фашистами, я был фашистом. Демонизация была чудовищная. И мы оборонялись как могли.

Это был ритуальный акт, магический акт сожжения чучела. Евтушенко очень легко было изображать — у него характерная внешность, он длинный, тонкий, у него тонкий нос такой птичий.

О. Бычкова: *— Это где происходило?*

А. Проханов: — Это происходило во дворе Союза писателей.

О. Бычкова: *— Это какой был год?*

А. Проханов: — Наверное, это был, может быть… В общем, какой-то 1994-й или 1992-й. Не помню, какой.

Но курьез в другом. Когда это чучело горело, и из окон Союза с ужасом смотрели машинистки, как горит их любимый кумир, чучело упало, и всё. Но мы через много лет, очень много лет…

О. Бычкова: *— Можно я скажу, что это отвратительно, с моей точки зрения?*

А. Проханов: — Ну, я считаю, что, конечно, когда сжигают Кострому… Знаете, Кострому же сжигают? Вы знаете? Пасхальный обряд.

О. Бычкова: *— На масленицу.*

А. Проханов: — На масленицу сжигают. Это тоже отвратительно, это ужасный мерзкий русский языческий обряд. Мне тоже не нравится.

О. Бычкова: *— Но она-то мифическая, а тут-то человек.*

А. Проханов: — Да Евтушенко — это тоже миф. Евтушенко — это огромный длинноносый миф с выпученными глазами. И когда мы, повторяю, мы встретились с ним, спустя много лет на Франкфуртской ярмарке и обнялись, я обнял его тощее длинное худое, зачехленное в какую-то рыжую фантастическую хламиду тело, мы полетели в Москву и пили вино на там задних лавках самолета и вспоминали нашу писательскую молодость как два старых друга.

О. Бычкова: *— Вы покаялись?*

А. Проханов: — Зачем? Мы просто пили вино. Мы печалились о нашем прошлом, и мы были оба как старые воины двух разгромленных армий. Армий нет, победы нет, империя рухнула и мы были как два легионера двух разных ратий. И мы очень хорошо посидели и расстались, чтобы, наверное, больше уже никогда не встречаться. И теперь вот это предложение Евтушенко создать Союз и воскресить его из мертвых — это всё равно, что поднять Атлантиду.

О. Бычкова: *— Ну, это значит, что старые легионеры снова сошлись в одной точке, в одном легионе, например.*

А. Проханов: — Но Атлантиду не поднять.

О. Бычкова: *— Не поднять. Хочу у вас спросить вот еще о чем. Когда 78 % россиян, по данным Левада-центра, уверены в существовании у страны врагов, это нормально?*

А. Проханов: — Люди, которые требуют расчленения страны, отчуждения Арктики от России, — враги. Люди, которые считают, что можно располосовать Россию по Уральскому хребту, — это враги. Люди, кавказцы, которые хотят создать собственный халифат на Кавказе, на русском, на российском Кавказе, — это

враги. Террористы, которые спонсируются саудитами, взрывают здесь людей и устои государственной власти, — это враги. Новые националисты русские, которые говорят: «Россия для русских» и «Долой Кавказ», — это враги. Американцы, которые развертывают систему ПРО, испытывают всё новые и новые системы сверхточного оружия, чтобы уничтожить нас, — это враги. Поэтому врагов у России масса.

Но у России есть друг. Один. Надежный и прекрасный друг. Друг России — это она сама. Это она сама, хранимая Господом.

О. Бычкова: *— Очень, очень художественно. Я только хотела сказать, что, конечно же, по-правильному должно 100 % россиян понимать, что Россия окружена врагами, но я даже не буду этого говорить, чтобы не заканчивать вот на такой точке.*

А. Проханов: — Я думаю, я был услышан.

О. Бычкова: *— Мне кажется, что список врагов даже слишком короткий.*

27.11.13

Вместо заключения

Певец Красной Империи

Пожалуй, в рядах патриотов нет более яркого человека, более яркой личности, чем Александр Проханов. Знаменитый писатель, автор множества книг, лауреат престижных литературных премий, главный редактор самой популярной патриотической газеты, завсегдатай телевизионных подмостков и радиоэфиров, где он яростно и страстно отстаивает взгляды, совсем не популярные в этих аудиториях, и с блеском, с разгромным счетом неизменно одерживает победу. Потому что его поддерживает народ — тот, что за стенами теле— и радиостудий, тот, что так же, как и Проханов, по-прежнему тоскует по великой, огромной стране, в которой он еще совсем недавно жил. По той великой Красной Империи, как ее называет Проханов, что строила города и заводы, запускала в космос корабли и ракеты, где не было бомжей и гастарбайтеров, миллиардеров и олигархов, где человек труда был востребован и нужен. Да, там было немало трудностей и недостатков, но, несмотря на них, несмотря на дефицит югославских сапожек и баночного пива, колбасные электрички и прочее, у народа был смысл жизни. Смысл жизни, сегодня потерянный. Обрести его в новой реальности, возродить Государство, возродить Империю — вот за что сражается Проханов во всех этих бесконечных дебатах…

«Да, я ощущаю себя советским человеком, и чем дальше, тем больше, — сказал он в одном из своих интервью в уже далеком 1999 году. — Повторюсь, чем дальше, тем больше я ощущаю себя советским человеком. Потому что то «советское», которое мы теряем, с которым мы расстаемся, — оно, чем дальше, тем больше очищается от всей пыли, всего праха и чешуи, от обыденного, от будничного и предстает как огромный космический рывок в какую-то другую альтернативу, в другой мир, в котором захотело жить человечество. Создав Советский Союз, человечество ведь пыталось жить не в этом свинстве, в котором мы все сейчас живем, когда американцы безнаказанно бомбят Ирак и Югославию, когда в мире царствует цинизм, хамство, когда Россия превращена в клоаку и происходит деградация целого континента. Советский Союз — это была попытка вынырнуть из-под такого омерзительного хода истории и войти в другое измерение, в другой космос. И вот это советское дело, этот советский порыв, эта Красная Империя — они все драгоценнее для меня, и я чувствую себя ее элементом и ее певцом».

Со времени этого интервью прошло без малого полтора

десятка лет, но то же самое Александр Проханов повторяет и сегодня, в чем вы можете убедиться, прочитав эту книгу, в которой представлена лишь малая часть его еженедельных интервью — схваток с идеологическими противниками на самой известной либеральной радиостанции страны «Эхо Москвы».

Проханов — убежденный государственник, а потому враг всем тем, кто не устает призывать к уменьшению роли государства. Некоторые считают, что свои взгляды Александр Проханов унаследовал от предков-молокан. Молокане названы так потому, что не признавая различия между постной и скоромной пищей, пили молоко в постные дни. Полностью отвергая церковную иерархию, молокане признавали и чтили государственную власть, в их богослужения в обязательном порядке входила молитва за членов царской семьи. При Екатерине молокане были расселены по разным губерниям, часть из них, в том числе и предки Проханова, оказалась на Кавказе. Его родня держала извоз на Военно-грузинской дороге.

Там, на Кавказе, в Тбилиси, в 1938 году и родился Александр Проханов. Однако вскоре семья переехала в Москву. Отец погиб в Великую Отечественную под Сталинградом, так что будущий писатель воспитывался матерью и бабушкой. После школы он поступил в Московский авиационный институт, но уже на последних курсах почувствовал, что его призвание — литература. Видимо, поэтому, недолго проработав в НИИ после окончания вуза, Александр ушел… в лесники — жизнь среди природы и творчество хорошо сочетаются. В эти годы он стал активно печататься, первые рассказы и очерки публиковались в «Литературной России», «Кругозоре», «Смене», «Семье и школе», «Сельской молодежи». С 1970 года Проханов уже работает корреспондентом газет «Правда» и «Литературная газета», причем специализируется на освещении военных конфликтов. В качестве военного корреспондента он посетил практически все «горячие точки» планеты: Афганистан, Никарагуа, Камбоджу, Анголу, Кампучию, Вьетнам и др. В 1971 году выходит первая книга Проханова: «Иду в путь мой», в 1972 году Проханов становится членом Союза писателей СССР (по рекомендации Ю. Трифонова). С 1986 года он активно пишет статьи в журналы «Молодая гвардия», «Наш современник» и «Литературную газету», горячо и ярко заявляя о своей политической позиции.

В 1989–1990 гг. Проханов — главный редактор журнала «Советская литература», выходившего на девяти языках и распространявшегося более чем в 100 странах мира, знакомившего зарубежных читателей с лучшими произведениями тогдашней отечественной литературы, критики и

изобразительного искусства.

В декабре 1990 Проханов создает газету «День». Во время августовского путча он поддерживает ГКЧП, становится автором обращения «Слово к народу» (июль 1991), которое было воспринято обществом как манифест ГКЧП.

В сентябре 1993 года Александр Проханов выступил в своей газете против действий Ельцина, называя их государственным переворотом, и поддержал Верховный Совет. В результате газета «День» была запрещена Министерством юстиции, редакция разгромлена ОМОНом, сотрудники избиты, архивы и имущество уничтожены. Однако уже в ноябре 1993 года Проханов организовал новую газету — «Завтра», ставшую, как уже сказано, самой популярной в России оппозиционной газетой, главным редактором которой является по сей день. Сам он дважды — в 1997 и 1999 годах — подвергался нападениям неизвестных.

В 2002 году роман Александра Проханова «Господин Гексоген» получил премию «Национальный бестселлер».

Деды Проханова были известными проповедниками, один из них, издатель и пламенный публицист, умер в эмиграции в Берлине. «Поразительно умный человек», — отзывался о нем Лев Толстой. Как видим, внук ни в чем не уступает дедам.

Но кроме таланта писателя, издателя и пламенного публициста, Александр Проханов еще унаследовал от предков стойкость в вере, верность духовным ценностям (и христианским, и коммунистическим одновременно, что примечательно), и готовность принять гонения за свою веру, и уважение к государству как идее.

Такие качества не могут быть не замечены и, рано или поздно, не могут быть не вознаграждены. Очевидно, поэтому, как пишет Захар Прилепин, «Бывали времена, когда прохановские проклятия проклятым временам звучали под хохот шутов и бесконечный звон бокалов. На лбу у Проханова была нарисована жирная, отёкшая хвостами свастика.

Но он выстоял, и в новом тысячелетии ему воздалось: оглушительной прижизненной славой, учениками, бесконечным блеском софитов. В то время, как кривлявшиеся шуты так и остались шутами».